А.М.Самсонов

Знать и помнить

Диалог историка с читателем

ИПЛ

МЫ, РЯДОВЫЕ
НАШЕЙ
СТРАНЫ,
ВСЕ ВИДИМ,
ВСЕ
ЧУВСТВУЕМ,
ВСЕ
ПОНИМАЕМ.

Читатель
Г. Устиловский

А. М. Самсонов

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Диалог
историка
с читателем

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 63.3(2)7
С17

Самсонов А. М.
С17 Знать и помнить: Диалог историка с читателем.— М.: Политиздат, 1988.— 368 с.
ISBN 5—250—01001—6

Разговор о некоторых «белых пятнах» в истории Великой Отечественной войны, начатый академиком А. М. Самсоновым в 1987 году на страницах периодической печати, продолжили 2500 его корреспондентов. Прорвав молчание и отчужденность недавних лет, они заговорили о самом наболевшем, о героическом и трагическом в судьбе Родины, необходимости перестройки всех сфер нашей жизни, возрождения высоких идеалов ленинской гвардии Октября, нравственного очищения общества...

Эта книга — первый итог дискуссий на исторические темы; по форме своей она приближена к беседе за «круглым столом».

С $\frac{0503020000-168}{079(02)-89}$ Заказ Союзкниги ББК 63.3(2)7

Александр Михайлович Самсонов

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Диалог историка с читателем

Составитель Э. Ф. Иодковский

На форзацах фотомонтажи Эль Лисицкого

Заведующий редакцией А. И. Котеленец
Редактор Л. С. Макарова
Младший редактор С. В. Вершинская
Художник И. И. Суслов
Художественный редактор О. Н. Зайцева
Технический редактор Т. А. Новикова

ИБ № 8464

Подписано в печать с матриц 28.04.89. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,74. Уч.-изд. л. 20,78. Доп. тираж 200 000 экз. Заказ № 4751. Цена 1 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—01001—6

НА ПОВОРОТЕ ИСТОРИИ

В конце второго тысячелетия нашей эры, перешагнув пятимиллиардную отметку своей численности, человечество оказалось на переломном этапе истории. Сурова и определенна альтернатива, вставшая перед человечеством: «или — или» — умереть или выжить? Еще актуальнее звучит сегодня высказывание В. И. Ленина: будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной [1].

Такое время настало. Люди осознают, что ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей. Общечеловеческие ценности выше классовых.

Мир глубоко изменился, он становится все более единым и взаимозависимым. Знание о фатальных последствиях современной ядерной войны привело к необходимости нового мышления. А оно рождает новую политику, основанную на признании мирного сосуществования единственно реальной формой отношений между государствами. Ликвидация двух классов ядерного оружия, совместные советско-американские исследования на испытательных полигонах в США и СССР, расчищающие путь к прекращению ядерных испытаний, переговоры в Женеве и Вене о сокращении стратегических вооружений и обычных вооруженных сил — все это обнадеживающие признаки. Еще никогда перед человечеством не вставало проблемы более глобальной, неотложной и острой, чем та, которая рассматривалась на вашингтонской и московской встречах Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана. Кстати, во всей всемирной истории не было примера, когда бы руководители великих держав договаривались именно об уничтожении оружия.

Аспекты достигнутых соглашений будут изучать историки. Коль скоро все теперь признают, что война в ядерно-ракетный век равносильна самоубийству, надо переходить к следующему, вытекающему отсюда принципу: чем меньше оружия — тем надежнее безопасность.

Во всем мире меняется мнение о нашей стране. «Перестройка» и «гласность» — эти русские слова стали понятны без перевода. Открыл эпоху революционной перестройки всех сфер общественной жизни апрельский (1985 года) Пленум ЦК КПСС, продолжили и углубили ее XXVII съезд партии и XIX Всесоюзная партконференция. Демократизация и радикальная экономическая реформа стали ключевыми направле-

[1] Цит. по: *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1960, с. 40—41.

ниями развития нашего общества. Вот почему проблема демократизации (а по-русски говоря — перехода к народовластию) требует пристального рассмотрения, в том числе в историческом плане.

Авторитет партии зиждется на том, что под ее руководством Советская страна за исторически короткий срок прошла героический путь от полуфеодальной империи к великой социалистической державе с огромными производительными силами, развитыми культурой и наукой, передовой социальной организацией, тесным содружеством многих наций и национальностей. Ленинские идеи получили первый опыт воплощения в жизнь.

Естественно, что развитие советского общества, как и любой исторический процесс, содержало явления неоднозначные, сложные и противоречивые. Так, возникшие в прошлом некоторые негативные факторы, накапливаясь, порождали деформацию социализма. Открытая критика культа личности Сталина на XX съезде партии, недостатков в экономической, политической и культурной жизни оказала оздоровляющее влияние на многие слои общества. Творческие решения, которые принял затем XXII съезд партии, вытекали из потребностей самой жизни, были попыткой вернуться к курсу демократизации, предложенному В. И. Лениным в своих последних письмах и статьях. Жизнь постепенно освобождалась от старых догм и предрассудков, люди начинали думать творчески.

Еще не успев развернуться, процесс демократизации, к сожалению, был прерван. Застойные явления в экономике и других сферах общественной жизни наиболее заметно стали проявляться во второй половине 70-х годов. Авторитет партии подвергся серьезным испытаниям. Падали производительность труда и дисциплина, соответственно снижалось в народе чувство ответственности за судьбу социализма. А ленинские нормы партийной жизни, нормы гласности вновь были отодвинуты на задний план. Хвалебно-торжественные речи скрывали предкризисное состояние общества.

Авторитаризм воцарился вместо демократии. Возрождался «вождизм» в центре и на местах, развивалась коррупция, непомерно превозносились «заслуги» Л. И. Брежнева, в мирное время четырежды удостоенного звания Героя Советского Союза, награжденного и высшим военным орденом «Победа».

Оборотная сторона культа — это лакейская повадка валить на покойное «начальство» все неудачи.

Анализируя факторы, ввергнувшие страну во мрак сталинского культа личности и брежневского застоя, наши публицисты, ученые, писатели призывают заглянуть за грань кризиса, к которому мы, коммунисты, и никто другой, подвели страну.

Ленин в январе 1921 года написал работу «Кризис партии». Его слова: «Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка» [1] — перекликаются с недавними событиями. Не менее остро и сегодня стоит вопрос об ответственности коммунистов за недавний застойный авторитаризм. Где были коммунисты?.. Они не исполнили уставных требований. Оказались плохими членами партии. Их становилось все больше, а социализма все меньше.

Несомненно, деформации социализма вызывали в народе и партии глубокую неудовлетворенность, обеспокоенность, протест, понимание необходимости революционных перемен. Дело сдвинулось с мертвой точки в апреле 1985 года. Апрельский Пленум ЦК КПСС наметил поворот к новому стратегическому курсу — преодолению застойных про-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 234.

цессов, ускорению социально-экономического развития страны, обновлению социализма, всей нашей жизни. Линия на качественно новое состояние общества получила теоретическое и политическое развитие в решениях XXVII съезда партии и XIX Всесоюзной партконференции. И если преобразования 1956—1964 годов имели частичный характер, то сегодняшняя революционная перестройка носит характер всеобъемлющий, охватывая и экономику, и социальную жизнь, и духовные процессы общества. Та последовательность, которая отличает проведение перестройки, уже сама по себе служит гарантией тому, что она необратима. Она переосмысливает все, что мешает движению общества вперед.

То, что в годы застоя было загнано внутрь, и то, что прежде нельзя было высказать вслух, все это ныне присутствует и в устных выступлениях, и на страницах печати, и в письмах, которые поступают в редакции газет и журналов. Жаждут правды — и не только о недавнем, но и о далеком прошлом — все советские люди.

ПОЧЕМУ Я СТАЛ ПОЛУЧАТЬ ПИСЬМА

Естественный стимул широкому общественному движению в нашей стране за возвращение к правде истории дали партийные документы и материалы (начиная с XXVII съезда КПСС), доклад М. С. Горбачева на торжественном заседании в честь 70-летия Советской власти «Октябрь и перестройка: революция продолжается», его речь на февральском (1988 года) Пленуме ЦК КПСС «Революционной перестройке — идеологию обновления», решения XIX Всесоюзной партконференции.

Советское общественное сознание меняется. 1987 год войдет в историю как год поразительных откровений и изменений глубинной народной психологии. Рискну сказать, что в определенном смысле это было началом великого перелома в сознании людей, в их отношении к прошлому. А без этого невозможно правильное понимание настоящего.

Время перестройки открыло советскому читателю целый массив ранее запретной информации. Газеты «Правда» и «Советская Россия», журналы «Коммунист», «Огонек» и другие дали множество публикаций на исторические темы.

Радуясь возможности говорить открыто, я неоднократно выступал в 1987 году, начиная с марта, в печати и по Центральному телевидению по вопросу ликвидации «белых пятен» в изучении прошлого и переоценке некоторых его явлений. Удивительный резонанс вызвали эти выступления. За 2500 перевалило число писем-откликов, что характерно для всей нашей печати периода перестройки.

Читательские письма, полученные мною в 1987 году, являются одним из свидетельств неуклонно идущего процесса демократизации советского общества. Имеет он и громадное международно-политическое значение. Кстати, примечательными в этом плане представляются мне суждения читателя Г. Устиловского из г. Сосногорска Коми АССР (его слова вынесены в эпиграф к этой книге):

«...Открыть все «белые пятна» истории. Лучше, во сто крат лучше, если мы сами скажем народу и всему миру правду, и только правду, и объясним ее с марксистско-ленинских, коммунистически-партийных позиций, чем это сделают наши идеологические враги, искажая правду, преувеличивая и объясняя все во враждебном нам духе. Мы, рядовые нашей страны, все видим, все чувствуем, все понимаем. И 80 процентов взрослого населения страны аплодируют Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Это не те аплодисменты, которые раздаются только в залах заседаний и совещаний. Это аплодисменты души и сердца.

Народ за перестройку, за ускорение, за претворение в жизнь решений КПСС. Предстоит трудная, очень трудная борьба. И если то, что

наметил XXVII съезд, к чему призывает Михаил Сергеевич Горбачев, будет выполнено, то тогда рабочий класс, все трудящиеся, все честные люди Земли скажут: «Мы за такой социализм, мы не хотим, не можем, не будем больше жить при капитализме». Никто и ничто не удержит людей от притягательной силы нашего социализма».

Сотни писем пришли в мой адрес и от рассерженных читателей. И немалая часть из них тоже публикуется в этой книге. Да, гласность стала нормой. Одним из проявлений революционного процесса. Развернувшаяся в стране страстная борьба мнений находит отражение в письмах. Острое столкновение позиций показывает, что перестройка — сложный процесс.

В докладе о 70-летии Великого Октября М. С. Горбачев сказал: «Мы идем революционным путем, а это дорога не для слабых и робких; это — дорога для сильных и смелых. Таким всегда был советский народ — и в годы величайших социальных преобразований, и в годы военных испытаний, и в годы мирного созидательного труда. Именно народ творит свою историю, свою судьбу — всегда непростую, но неповторимую и бесценную, как сама жизнь человеческая. И это стократ верно, когда речь идет об истории социализма, о продолжении дела Великой революции»[1].

Удивительно точные слова! Ведь даже те, кто не разделяет моих взглядов, высказываются за откровенное, демократическое обсуждение проблем нашей истории, поддерживают обращение к остающимся в тени ее страницам.

Одним из «срезов» умонастроений в советском обществе, характерных именно для года 70-летия Великого Октября, и является эта книга. Лучшей гарантией необратимости начавшихся процессов стала демократизация всей жизни общества, гласность, активизация человеческого фактора. Идут острые споры. Люди ощущают, что в советском обществе возникла новая политическая и нравственная атмосфера. Страна выходит из застойного состояния.

Явственно крепнет чувство ответственности каждого советского человека за судьбы социализма, впереди — огромная и нелегкая работа. И каждый из нас, все советские люди готовы сделать новые шаги по пути перестройки, хотя, конечно, перестройку понимают по-разному.

Завершился лишь первый этап перестройки, и партия предупреждает: перестройка — не кампания, это длительный процесс, сопоставимый с теми революционными изменениями, которые произошли в нашей стране в первое десятилетие Советской власти. А весь смысл перестройки — в возвращении к тем нормам и ценностям, на которых было основано Советское государство.

Простых людей, взявшихся за перо, волнует судьба страны на ее современном, очень непростом этапе истории. Их письма отражают широкий спектр мнений. Лишний раз свидетельствуют о благотворном влиянии на наше общество политики гласности и демократизации.

Поверхностного знания истории, которым обладает большинство населения, сегодня явно недостаточно. И в школьных учебниках, и в научных монографиях многие факты истории выпали или сглажены. Широко излагаются устаревшие концепции, с которыми нельзя согласиться сегодня. Естественно, что и советской исторической науке остро требу-

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987, с. 30.

ется перестройка. Традиционную роль истории в духовной жизни общества надо усилить. Решительно поднять в массах престиж исторической науки. Общество и человек сегодня испытывают потребность не только овладеть суммой конкретных исторических знаний, но и глубоко осознать незримую связь поколений, их непростых судеб.

Мы вправе гордиться прошлым и настоящим своей страны, ее социальными, экономическими, культурными завоеваниями, ее победой в Великой Отечественной войне. А тем читателям, которые считают, что критиковать — значит «мазать грязью», можно напомнить известные ленинские слова, чрезвычайно актуальные сегодня:

«Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть» [1].

...Настоящая книга, которая лежит перед вами,— это диалог историка с читателями. В то же время ее содержание и форма отличны от обычной исторической книги, они приближены к суждениям за «круглым столом» представителей широкой общественности. Пожалуй, в этом также знак новых революционных перемен.

Раздел «Размышления о читательских письмах. Две точки зрения» содержит обобщения и ответы на наиболее часто повторяющиеся вопросы. Он частично включает в себя и те письма, которые не вошли в книгу. Значительное место занимает полемика с моими оппонентами, причем их точки зрения представлены со всей полнотой в этой книге. Ее автором я считаю не только себя, но и всех авторов писем.

Иногда они, полемизируя, не учитывали ограниченных рамок моих публикаций, где нет развернутого анализа всего, что связано с происхождением «белых пятен» в истории или с культом личности Сталина: мои краткие суждения ограничивались рамками конкретных вопросов, на которые я отвечал. В разделе писем все точки зрения, вплоть до самых крайних, представлены в тех же количественных пропорциях, что и получены. Сохранены авторские заголовки писем, в остальных случаях они даны составителем. Тексты писем, а также извлечения из них даются без какой-либо смысловой правки. Исправлены лишь грамматические ошибки. Хотя в некоторых письмах есть фактические неточности, я не исправлял их, а лишь указывал на это в сносках. Авторские письма и статьи расположены в хронологическом порядке их написания или опубликования (исключение сделано лишь для ответного письма И. Карасева, открывшего дискуссию).

Хотелось бы, чтобы подобные ежегодные сборники писем, причем по более широкому кругу вопросов, вошли в практику наших издательств.

В книге М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» содержится настоящий гимн письмам трудящихся:

«Основное в них — размышления и заботы о судьбах страны. Будто прорвалось наболевшее за многие годы молчания и отчужденности. Новая обстановка позволяет людям открываться. И они хотят поделиться своими думами, идеями и болью... В письмах поражают раскованность мысли, высокая политическая культура, стремление жить и работать по совести... Какие это прекрасные человеческие документы!» [2]

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 8—9.

[2] *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 65, 69, 74.

Свидетельствуя о борьбе мнений по вопросам отечественной истории на переломном этапе нашего развития, письма, публикуемые мною, отражают состояние общественного сознания в условиях перестройки.

Говоря о перестройке в духовной сфере, хотелось бы возразить против примитивного ее понимания. Появились статьи, где «перестройщиками», да еще с оскорбительным оттенком, названы такие талантливые мастера литературы, как Илья Эренбург и Валентин Катаев. Некоторые критики отказывают писателям и историкам в праве писать книги на новые темы, пересматривать свои взгляды и ранее высказанные мнения.

Что я понимаю под перестройкой в духовной сфере, «нравственной революцией», как назвали ее на XXVII съезде партии?

Одни — и я в том числе — считают, что перестройку надо начинать с себя, что перестройка — это прежде всего глубочайшее духовное обновление, пробуждающее в человеке новые творческие силы. Однако существует и противоположная точка зрения: перестройку надо начинать с «других», плохих людей, а самим перестраиваться вроде бы и нечего, мы и так готовы к ней...

Искренне убежден в том, что нельзя быть рабом устаревших взглядов, включая свои собственные, если они ошибочны в свете новых знаний. Лучше прийти к истине даже в конце жизни, чем цепляться до конца за обветшалые догмы. Устаревшие взгляды, в том числе и исторические, надо пересматривать. Не может быть без этого роста духовного, личностного, эстетического. Преодоление инертности, тормозящей наше движение вперед, невозможно без правды о прошлом и настоящем.

Мои публикации 1987 года даны в книге в том виде и в той последовательности, как они были подготовлены и напечатаны в газетах и журналах: «Знать и помнить» (беседа с корреспондентом И. Ларнной, см.: Аргументы и факты, № 10, 14—20 марта); «Смотреть правде в глаза» (см.: Московские новости, № 18, 3 мая); «Историю забывать нельзя», «...Но нельзя и переиначивать» (см.: Социалистическая индустрия, 24 мая).

ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Беседа с корреспондентом И. Лариной

Кор. Александр Михайлович, прежде чем встретиться с вами, я обратилась в Институт социологических исследований АН СССР с вопросом: проводились ли его сотрудниками исследования об отношении молодежи к истории нашей страны? Мне ответили: не проводились. Значит, то, что я сейчас скажу, я не могу подкрепить данными исследований и буду опираться только на элементарные житейские наблюдения. Наши молодые люди историю знают плохо, у большинства из них образовались провалы исторической памяти, хотя в основном не по их вине, поскольку тяга к тому, чтобы заполнить эти провалы, у молодых огромная. А что вы думаете об этом?

Самсонов. «Белые пятна» в исторических познаниях нашей молодежи действительно существуют, и большая вина за существование этих пятен лежит на исторической науке.

В истории нет, наверное, такой эпохи, такого периода, который не был бы отмечен «белыми пятнами», хотя, казалось бы, исторической литературы и исследований, посвященных любой из этих эпох, начиная с древнейшей истории Руси и кончая новейшей историей нашего Отечества, достаточно много.

К сожалению, книги по истории, как правило, предназначены только специалистам, профессиональным историкам, хотя и могут вызывать более широкий интерес. К тому же они издаются ничтожно малыми тиражами и зачастую просто не доходят до читателя. Приведу такое соображение: во времена А. С. Пушкина книги, причем не только исторические, но и художественные, издавались тиражом 2—3 тысячи экземпляров; когда в 1818 году первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина вышли тиражом 3 тысячи экземпляров, это была сенсация. Но ведь как ничтожно мала была грамотность в царской России!

Между тем сегодня в нашей огромной стране, с ее огромным населением и всеобщей грамотностью, тиражи исторических книг примерно те же, что и во времена Карамзина и Пушкина. Конкретный пример: издательство «Наука» печатает исторические книги тиражом 2—3 тысячи экземпляров, за небольшим исключением; впрочем, даже ес-

ли их тираж достигает 25 тысяч экземпляров, это тоже капля в море.

Но, повторяю, «белые пятна» существуют во многом и по вине исторической науки, если тут можно говорить о вине; они обусловлены обстоятельствами, которые определяли нашу общественную атмосферу в те периоды времени, когда писались труды по истории.

Надо признать: исторические события раскрываются в трудах наших историков однозначно, не полностью, тенденциозно; мы зачастую обходим молчанием многих исторических деятелей.

Кор. И вот наглядный пример — во время просмотра фильма-притчи Т. Абуладзе «Покаяние» я обратила внимание на то, что многие молодые люди, сидящие в зале, не понимают, о ком идет речь в фильме, да и откуда им знать об этом? Откуда им знать, например, о Берии, Ежове?..

Самсонов. А между тем эти люди были, действовали, существовали вне зависимости от того, как мы относимся к ним и оцениваем их деятельность. Но они как бы выпали из истории.

После апрельского (1985 года) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда КПСС, январского (1987 года) Пленума ЦК КПСС со все большей силой звучат слова о том, что нам нужна правда, какой бы она ни была. Приглаженная, отлакированная история — это уже история тенденциозная, ее нельзя назвать объективной.

Кор. Александр Михайлович, вы занимаетесь историей периода Великой Отечественной войны. Хотя о войне — и это известно каждому — написано множество книг и исследований, все же и этот период имеет свои «белые пятна». Может быть, вы приведете примеры?

Самсонов. О Великой Отечественной войне сказано действительно много, но далеко не все, что было на самом деле, далеко не все события наша историческая литература воспроизводит точно, в соответствии с фактами.

Возьмем, скажем, причины неудачного развития событий в начале войны, затем в 1942 году. В предвоенные годы в нашей военной доктрине существовал тезис: если враг на нас нападет, мы будем вести войну на его территории. В действительности оказалось совсем иначе. Но было ли неизбежным неудачное начало войны?

Объективные причины наших неудач в исторической литературе называются правильно, и я на них останавливаться не буду. Но были не менее серьезные субъективные причи-

ны — это просчеты в определении срока нападения. Мы пишем, что война началась с внезапного нападения Германии на СССР, но, по сути, это нападение не было внезапным. Неизбежность войны с Германией была очевидна задолго до ее начала, сосредоточение войск вермахта у границ нашей страны проходило достаточно длительное время, и разведка об этом неоднократно сообщала.

Но Сталин, понимая, что мы еще не полностью готовы к войне, уверовал сам и заставил других исходить из того, что начало войны можно оттянуть. Когда уже было совершенно очевидно, что немцы вот-вот на нас нападут, Сталин не отдал приказ — хотя ему это сделать рекомендовали — о проведении мобилизации в армию и, что особенно важно, о приведении в состояние полной боевой готовности войск в западных приграничных округах. Поэтому для этих войск нападение немцев действительно было внезапным. Известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 года, в котором версия о готовящемся нападении на нас Германии объявлялась провокационной, тоже способствовало этому.

Если бы не просчеты, я не сомневаюсь, что войска вермахта, даже проникнув на нашу территорию, не дошли бы до Ленинграда и Москвы. Вот цена ошибки, которая была допущена накануне войны.

И возьмем лето 1942 года — тогда наше отступление на Юго-Западном направлении, к Волге и на Кавказ, уже тем более не было неизбежным. Но Сталин — опять Сталин! — посчитал, что гитлеровские войска главный удар нанесут на Западном направлении, как это было в 1941 году; соответственно были расположены и наши резервы. Вермахт между тем начал наступление на Юго-Западном направлении и прорвал оборону.

Кор. Вы так строго оцениваете роль Сталина в войне?

Самсонов. Во всяком случае, великим полководцем я его отнюдь не считаю. Много крупных военачальников выдвинулось во время войны, и среди них, конечно, маршал Жуков. Но не военачальники, не полководцы выиграли войну, а наш народ.

Возвращаясь к событиям 1942 года, хочу сказать и о том, что ошибка, которая была допущена Сталиным при оценке намерений противника, была в определенной мере спровоцирована. Гитлеровцы разработали план дезинформации нашего руководства (план «Кремль»), который во многом удался, хотя в официальных источниках (например, в многотомной «Истории второй мировой войны.

1939—1945») говорится, что план «Кремль» своей цели не достиг.

Это противоречит историческим фактам. Гитлеровскому командованию удалось дезинформировать наше руководство, так же как в свое время ему удалось подбросить дезинформацию о том, что Тухачевский, Якир, Уборевич, другие крупнейшие военачальники были шпионами и предателями.

Кор. Еще одно «белое пятно» — судьба армии генерала Власова. Я не знаю книг историков, где бы прямо и откровенно об этом говорилось.

Самсонов. Специального исследования, отдельной книги о генерале Власове и его армии действительно нет. Власов командовал 2-й ударной армией под Новгородом. Попав в окружение, армия осталась верной присяге, но сам Власов, некоторые другие предатели перебежали на сторону немцев.

Были на оккупированных территориях полицаи, предатели из местного населения, которые служили немцам, были, хотя и немногочисленные, военные формирования из наших военнопленных. Помню, когда в 1944 году я участвовал в операции «Багратион» — мы наступали тогда на территории Белоруссии,— против нас наряду с немецкими частями действовали власовцы, хотя, конечно, в чисто военном отношении ничего серьезного они не представляли.

Вообще судьбы окруженных армий историки тщательно обходят стороной, хотя у нас не одна армия находилась в окружении: скажем, в 1941 году были окружены наши армии под Киевом, в 1942 году — в районе Харькова. Удивительный факт: первые работы, посвященные судьбам окруженных армий, принадлежат перу литераторов, а не историков.

Скажем, Е. Долматовский в книге «Зеленая брама»[1] описывает окружение 6-й и 12-й армий в районе Умани. Долматовский сам был участником этих событий, оказался в окружении, был в плену, бежал, затем прошел через непонимание и недоверие к себе. Ведь вы знаете, во время войны ко всем воюющим, начиная от солдат и кончая высшим офицерским составом, предъявлялось требование: если ты оказался в безвыходном положении, то должен избрать смерть, но не плен. Попасть в плен считалось позор-

[1] Вышла в 1983 году в Политиздате.

ным, и ко всем, кто там побывал, относились с большим подозрением.

Все это — еще не открытые страницы войны, «белые пятна» истории, и не так просто к ним подступиться.

Характерный штрих: когда я запросил военные архивы, чтобы выяснить судьбы наших войск, которые вели бои в окружении, на дальних подступах к Сталинграду,— 33-й гвардейской стрелковой дивизии, 181-й, 192-й дивизий (известно, что им удалось вырваться из окружения, но никаких подробностей о том, как они вели борьбу, нет),— мне ответили, что никаких документов об этих событиях не сохранилось, все они были уничтожены, пока войска находились в окружении.

Значит, у нас может быть только один путь — искать непосредственно самих участников событий, а их остается все меньше и меньше.

Кор. Мы с вами говорили только о Великой Отечественной войне и тем не менее убедились, что даже этот короткий в масштабах истории отрезок времени во многом еще не изучен.

И все же как вы считаете: можно ли избавиться от многочисленных пробелов в истории? Что делают для этого ваши коллеги, лично вы?

Самсонов. Избавляться от «белых пятен» не только можно, но и должно. Главное, чтобы этим занимались, чтобы нашлись авторы, стремящиеся к полной правде исторического факта. И чтобы были сняты разного рода ограничения, преграды перестраховщины, которые существуют и в издательствах, и в научных коллективах.

Недавно я закончил новую работу, которую назвал «Память минувшего: события, люди, история» и в которой рассказываю о своем поколении, о развитии исторической науки со всеми ее достижениями, трудностями и недостатками, о чем я старался писать очень откровенно. В течение года эта рукопись была объектом нападок разного рода перестраховщиков (не думайте, что академикам все дается легко!), но в ближайшее время она все же должна пойти в печать, и, надеюсь, к концу года книжка выйдет.

Сейчас я в буквальном смысле воюю за то, чтобы в новом издании моей книги «Сталинградская битва» полностью опубликовать знаменитый приказ № 227 наркома обороны СССР от 28 июля 1942 года, который в литературе называется «Ни шагу назад!». Это был очень суровый приказ, в нем обнаженно и прямо говорилось, что страна оказалась в отчаянном положении, что дальше отступать нельзя

и все, кто без приказа отойдет со своих позиций, хотя бы и в безвыходных обстоятельствах, будут преданы суду военного трибунала. Я считаю, что приказ этот сыграл большую положительную роль в моральном плане и в смысле требований воинского устава, и надеюсь, что опубликовать его все же удастся.

Хочу сказать вот еще о чем: в издательстве «Наука» я отвечаю за выпуск двух серий — «Памятники исторической мысли» и «Народы в борьбе против фашизма и агрессии» — и надеюсь дать в этих сериях материалы, направленные к ликвидации «белых пятен», тем более что есть авторы, располагающие ценнейшими, уникальными документами, которые раньше не могли быть использованы.

О перестройке в исторической науке только по книжной продукции судить еще рано. Я думаю, нужно еще какое-то время для того, чтобы требование к историкам быть правдивыми нашло реальное воплощение. Перейти от лакировки действительности к правдивому ее изображению нелегко, это требует нравственных усилий, умения противостоять перестраховщикам. Но я не сомневаюсь, что это произойдет.

Аргументы и факты, 1987, № 10,
14—20 марта

СМОТРЕТЬ ПРАВДЕ В ГЛАЗА

Коренной вопрос истории войны — роль народных масс. Летописцы войны, и я в том числе, больше оперируют битвами, в которых фигурируют военачальники, дивизии, полки. Народ же показан лишь через отдельные героические эпизоды. Этого явно недостаточно. Инициатива, активность, самопожертвование народных масс в минувшей войне — самая великая и самая благодарная тема для нынешних и будущих исследований.

Участие Советского Союза во второй мировой войне невозможно понять без изучения героизма масс на фронте и в тылу. Героизм народа решил исход сражений и битв не в меньшей мере, чем огонь артиллерии, танков и авиации. Гражданское население совершало подвиги в тылу. Сотни тысяч ушли в ополчение. Летом и осенью 1941 года в оборонительных работах было занято около 10 миллионов чело-

век[1]. Население участвовало в обороне Одессы, Севастополя, Москвы, Киева, Ленинграда.

За годы войны только москвичи отдали более 500 тысяч литров крови для спасения раненых воинов.

Советские люди вели самоотверженную борьбу с врагом и на оккупированной территории. Миллион партизан — это о чем-то говорит![2] В годы испытаний, выпавших на долю советского народа, подтвердились слова Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»[3].

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

Когда историк исследует события далекого прошлого, отстоящего на сотни, иногда тысячи лет, то многое вырисовывается более отчетливо и понимается глубже, чем события совсем недавние. Но при одном лишь условии: если даже самые сложные явления не были отмечены молчанием общества, не были искажены до неузнаваемости современниками. В период Великой Отечественной войны многие вещи политического и стратегического характера, к сожалению, не фиксировались там, где они происходили. Маршал Александр Михайлович Василевский говорил мне, что Сталин во время совещаний запрещал что-либо записывать, поэтому огромного количества документов просто нет в природе. Тем более бережно и совестливо мы должны беречь то, что сохранилось. И уж ни в коем случае не «редактировать» наследство по своей или чьей бы то ни было прихоти.

Мы часто говорим о борьбе с буржуазными фальсификаторами истории войны. И правильно говорим: на их совести немало грехов. Но вот парадокс: козыри им нередко мы даем сами. Уж очень легко, в угоду сиюминутной конъюнктуре, мы «выстригали» историю. Этим подрывали собствен-

---

[1] См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985, с. 728.

[2] За годы Великой Отечественной войны в тылу врага действовало более 6 тысяч партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражалось свыше 1 миллиона партизан и подпольщиков.— См.: Советские Вооруженные Силы. Страницы истории. Вопросы и ответы. М., 1987, с. 322.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

ные же позиции, подрывали всю нашу историческую науку, занимающуюся Великой Отечественной войной. Выступать в таких случаях против фальсификаторов очень трудно. Например, в свое время Воениздат выпустил хронику Великой Отечественной войны [1]. В целом это была хорошая, добротная работа. Но одна деталь — среди командующих фронтами не упоминался маршал Георгий Константинович Жуков. Именно эта деталь и дала возможность зарубежным историкам всю книгу перечеркнуть крест-накрест.

Обращаясь к истории минувшей войны, включая и наиболее сложные ее явления, каждый раз убеждаешься, что только пристальное исследование широкого круга источников позволяет понять истинную природу явлений. Почему, например, летом 1942 года вермахт вторично захватил стратегическую инициативу на советско-германском фронте, а его войска оказались под Сталинградом и на Кавказе? Ведь временны́е факторы первоначальных успехов противника к тому времени уже перестали существовать. Почему повторилась тогда трагедия отступления наших войск и захвата врагом советской территории? Едва ли можно все объяснить только тем, что наши союзники не открыли тогда второго фронта. Значение самого этого факта несомненно, но известно и то, что позже Красная Армия один на один одержала выдающиеся победы под Сталинградом и Курском, когда второго фронта в Европе все еще не существовало.

Факты требуют от историка объективного анализа. Видимо, тут необходимо сказать об отрицательной роли, которую сыграла неправильная оценка Ставкой Верховного Главнокомандования и Генштабом фашистских планов на летнюю кампанию 1942 года. Такой анализ проведен в исторической литературе, и он сделан на основе изучения прежде всего документов. Помогли в этом и мемуарные труды Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевского, И. Х. Баграмяна, К. С. Москаленко.

НЕ ВСЕ ЕЩЕ ЯСНО

Изучение, исследование событий Великой Отечественной войны продолжается. Существуют принципиальные вопросы, ждущие дальнейшего глубокого проникновения и раскрытия. Остановлюсь еще на

[1] Речь идет о книге «СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (краткая хроника)». М., 1964.

одном примере. В мемуарах Маршала Советского Союза Г. К. Жукова рассказывается, как Ставка ВГК 5 января 1942 года решала вопрос о переходе Красной Армии в общее наступление после разгрома крупнейшей группировки вермахта на подступах к Москве. Г. К. Жуков был единственным, кто на этом заседании высказался против одновременного наступления советских войск на всех трех главных стратегических направлениях. Для такого наступления недоставало резервов. «Это обстоятельство, конечно, было хорошо известно Верховному,— писал Г. К. Жуков.— Однако он верил, что и при имеющихся у фронтов возможностях нам удастся сокрушить оборону немецко-фашистских войск, если строго руководствоваться принципом массирования сил в ударные группировки и умело проводить артиллерийское наступление» [1].

Ставка приняла решение — наступать. На ее решение оказал влияние, несомненно, и морально-политический фактор. 1942 год начинался трудно. Победа над врагом нужна была как воздух. Требовалось укрепить моральный дух народа, ведущего смертельный поединок с грозным противником. Надо было показать личному составу Вооруженных Сил, каждому советскому человеку, что на смену неудачам и поражениям, обусловленным неблагоприятными условиями начала войны, вступили в действие постоянные факторы. То, что прорвавшаяся к Москве крупная группировка немецко-фашистских войск потерпела поражение, было уже ясно: она все дальше отбрасывалась от стен столицы на запад. Но над Ленинградом по-прежнему нависала смертельная опасность. Положение на юге страны было сложным и трудным.

В этой обстановке Ставка стремилась не только закрепить и углубить победу на подступах к столице, но и значительно изменить положение на всех главных участках фронта. Однако достичь цели в задуманных масштабах не удалось. Маршал Г. К. Жуков об этом писал: «...мы не имели реальных сил и средств, чтобы... разгромить в 1942 году такого мощного и опытного врага, как гитлеровский вермахт» [2].

---

[1] *Жуков Г. К.* Воспоминаиия и размышления. В 2-х т. М., 1974, т. 2, с. 49.

[2] Там же, с. 51.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ФАКТ

Смотреть правде в глаза, ни на шаг не отступать от факта — закон истории, а в военной истории — закон дважды. Я видел, как именно этому закону следовали творцы нашей Победы в Отечественной войне. Много лет работал над рукописью своей книги «Воспоминания и размышления» маршал Георгий Жуков. Он регулярно приезжал в подмосковный Подольск, в Центральный архив Министерства обороны СССР. Всего им было изучено за это время свыше полутора тысяч документов. А ведь он обладал прекрасной памятью, многие сообщаемые им сведения носили уникальный характер.

Во время одной из наших встреч с маршалом зашла речь о готовящихся его воспоминаниях. «Не хочу приглаживать события,— сказал Георгий Константинович.— Свои взгляды и выводы я аргументирую и подтверждаю документами. Считаю, что при наличии другой точки зрения она также должна быть аргументирована и обоснована, навязывание чужих мнений мне претит. Я хочу, чтобы за моей подписью высказывались мои соображения. В противном случае печатать вообще не надо».

Приведу еще пример. Вскоре после выхода в свет мемуаров Г. К. Жукова я навестил А. М. Василевского в больнице. «Теперь и не знаю, нужны ли мои воспоминания,— сказал Александр Михайлович.— Георгий Константинович так полно и хорошо обо всем написал». Он достал из стоявшей у кровати тумбочки большую папку с рукописью и протянул мне. Это была его будущая книга «Дело всей жизни» (она вышла в Политиздате в 1973 году).

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ

Военная история содержит немало трудных вопросов. Боязнь их приводит к умолчанию или скороговорке там, где от историка требуется честная констатация фактов минувшего. Нельзя, например, не писать об ущербе, понесенном нашим обществом в предвоенные годы от необоснованных репрессий 1937 года, распространившихся и на высшие военные кадры. А мы по-прежнему смягченно говорим в литературе о просчетах накануне войны, о масштабах последствий этого.

Война СССР против фашистских агрессоров вызвала потерю многих миллионов человеческих жизней, гибель ги-

гантских материальных и духовных ценностей, неисчислимые страдания и беды народных масс. Виновником всего этого являлся германский империализм и фашизм вместе с их пособниками. Такой вывод неопровержим. Но все ли потери были неизбежны? Это неизученный аспект событий минувшей войны. Каким образом решались задачи в каждом бою, сражении, битве, при эвакуации материальных и людских ресурсов? Полностью ли были разработаны в советском военном искусстве вопросы руководства вооруженными действиями в условиях тяжелых оборонительных боев и вынужденного отхода войск в глубь советской территории? Какой ценой приобретался и накапливался боевой опыт? Все это имеет прямое отношение к изучению уроков истории.

Настало время углубленно обратиться к слагаемым цифрам потерь — 20 миллионов. Сколько воинов пало и в каких боях, сражениях, битвах, при окружениях наших войск в 1941—1942 годах? В фашистских концлагерях только на оккупированной врагом советской территории погибло почти 4 миллиона [1]. А жертвы концлагерей Дахау, Бухенвальда, Освенцима, Заксенхаузена, Треблинки? И не пора ли и их считать погибшими на Великой Отечественной войне?

Хочу подчеркнуть: история войн не знает такого крупного противоборства воюющих сторон, в котором обе стороны не допустили бы крупных просчетов. Нам важно показать, как преодолевались трудности и исправлялись ошибки, как накапливаемый опыт повышал мощь Советской страны и ее Вооруженных Сил. Решающим явилось то, что Советский Союз одержал историческую победу в Отечественной войне, опираясь на преимущества социализма и используя их.

Принципиально иной характер носили ошибки и просчеты агрессора. Правители фашистской Германии недооценили мощь Советского Союза, его военный, экономический и моральный потенциал. Грубо просчитались они и в своих расчетах на непрочность союза народов СССР. Реальная действительность опрокинула эти прогнозы и привела гитлеровский рейх к полному поражению.

Московские новости, 1987, № 18,
3 мая

---

[1] См.: Пособники лжи. Историческая версия Н. Дэвиса с подачи Би-би-си.— Советская Россия, 1988, 14 февраля.

Письмо в редакцию

ИСТОРИЮ ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

Я очень внимательно слежу за политической жизнью нашей страны. С карандашом в руках прочитал доклад на апрельском (1985 года) Пленуме, Политический доклад XXVII съезду КПСС, материалы январского Пленума. Я полностью за то, что у нас сейчас идет. Но с одним очень важным моментом не согласен. Гласность будет неполной, если мы не назовем имена тех, по чьей вине все это в стране происходило.

Все мы помним, как Н. С. Хрущев оценил деятельность Иосифа Виссарионовича Сталина. А вот у меня есть книга выпуска 1976 года, там говорится об истории партии. Я ее прочитал несколько раз. О Сталине книга хорошо отзывается, правда есть отдельные замечания. Якобы И. В. Сталин все заслуги партии принимал на свой счет. Я приведу выдержку из этой книги. Там говорится, что троцкисты, борясь против линии партии на построение социализма в СССР, сеяли среди рабочих капитулянтские идеи. С их точки зрения, рабочему классу оставалось только одно — идти с повинной на поклон к капиталистам. «Новая оппозиция» сделала попытку заменить ленинизм троцкизмом. Но эта попытка была разоблачена партией, чему способствовала книга И. В. Сталина «Вопросы ленинизма».

А кто стоял в то время во главе партии? И. В. Сталин. А то, что в то время народ поверил в культ Сталина, так в этом Сталин не виноват. Сталин не заставлял идущих в атаку кричать «За Родину, за Сталина!». Сталин у советского народа пользовался большим уважением, любовью и доверием. Сталин много делал для своего народа, а народ делал для страны и Сталина. Жили, трудились одной большой советской семьей на благо Родины.

Имя Сталина нужно увековечить в граните, бронзе, даже в золоте. Это будет награда и для тех, кто бился за социализм, кто отстаивал социализм в Великой Отечественной, кто из руин восстанавливал города. Сейчас почти 70 лет у нас в стране социализм, а мы все еще никак не можем выйти на истинный путь.

А в то время все было ново. И врагов социализма было много, не знали, от кого и как отмахиваться. И социализм на блюдечке нам никто не преподнес. Без ошибок было не обойтись.

Так что историю забывать нельзя, а вот учиться нужно.

Я работаю шофером, мне 57 лет, проживаю в городе Пензе.

Карасев Иван Евсеевич.

Водителю И. Карасеву отвечает академик А. М. Самсонов

...НО НЕЛЬЗЯ И ПЕРЕИНАЧИВАТЬ

Меня привлекает глубокий интерес Ивана Евсеевича Карасева к истории, его желание во всем основательно разобраться, воздать каждому должное. Он предлагает воздвигнуть памятник И. В. Сталину. Аргументируя свою мысль, в частности, пишет, что в годы тяжелых военных испытаний советские воины шли в атаку с возгласом «За Родину, за Сталина!».

Мой собственный фронтовой опыт позволяет уверенно сказать: на фронте всякое бывало, но советские люди сражались за Родину, а не за одного человека. Слов нет, приведенная читателем формула бытовала в печати, в том числе фронтовой (газеты, листовки), но это было одним из проявлений культа личности. Широкому бытованию легенды о формуле «За Родину, за Сталина!» способствовали и письма командования вдовам погибших. Например, вдова моего друга Николая Круглова получила такое письмо с фронта, я привожу его в новой книге «Память минувшего: события, люди, история»: «В ночь на 1 сентября 1942 г. Николай Алексеевич в ожесточенном бою погиб смертью героя, как истинный патриот Родины, со словами «За Родину, за Сталина!».

А я, хорошо зная взгляды своего ленинградского товарища, помня наши предвоенные разговоры о Сталине, до сих пор не могу поверить, что шел он в атаку именно с этими словами. Николай Круглов погиб как герой, но последние слова ему явно приписаны.

Тому обществу, которое создано Великим Октябрем, чужд самый принцип культа личности. Ибо раскрепощенный революцией народ — за авторитет вождей, но против их обожествления: так учил и подавал тому прекрасный личный пример В. И. Ленин. Всегда творцом истории человечества являлись народные массы, но не отдельные личности.

Значит ли это, что Сталин не имел заслуг перед народом? Нет, конечно, такие заслуги были (о чем справедливо упоминает И. Карасев): в осуществлении планов социалистического строительства, в укреплении обороноспособности страны, руководстве армией в годы войны против фашистской агрессии. Однако все успехи, достигнутые партией и народом, неправильно связывать с именем Сталина, приписывая ему качества «гениального вождя народов», «великого полководца».

По моему убеждению, Сталин не был ни гениальным вождем, ни великим полководцем уже потому, что совершал трагические по своим последствиям ошибки. А также способствовал утверждению чуждого марксизму-ленинизму культа личности (И. Карасев не прав, что «в этом Сталин не виноват»). Так, в 1937 году, когда социализм уже победил в нашей стране, Сталин утверждал, что по мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется. И это теоретически ошибочное положение на практике послужило обоснованием для грубых нарушений законности, необоснованных массовых репрессий, поощрения клеветников, анонимщиков: карьеристы, пробравшиеся в партийные и советские органы, прикрывали свои действия лозунгами о бдительности. Все это приводило к нагнетанию атмосферы подозрительности и неуверенности.

Сложные негативные процессы усугублялись тем, что контроль за органами государственной безопасности со стороны партии и правительства был подменен личным контролем Сталина, а это способствовало преступной деятельности не только Ягоды, Ежова, Берии, но и других подлинных врагов народа.

Один пример: стремясь ослабить Советский Союз, немецкие фашисты сфабриковали фальшивые документы о якобы существовавшем контрреволюционном заговоре среди высшего командования Красной Армии — так называемом «заговоре Тухачевского». Германские документы были хитроумно переправлены через Прагу в Москву, чудовищная провокация удалась. Ее жертвами стали крупнейшие советские военачальники — М. Н. Тухачевский, И Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Егоров [1]. И многие другие офицерские кадры в военных округах. Все это способствовало развязыванию рук немецкого генштаба, разработке плана «Барбаросса».

---

[1] Все они реабилитированы решением Военной коллегии Верховного суда СССР 31 января 1957 года (см.: Правда, 1988, 27 марта).

И хотя накануне войны часть репрессированных была реабилитирована (в том числе К. К. Рокоссовский), серьезный ущерб в результате необоснованных репрессий был уже нанесен.

О Великой Отечественной войне написано много книг, исследований, однако далеко не все, что было в действительности, историческая литература воспроизводит точно, в соответствии с фактами. Наша военная доктрина, предшествовавшая гитлеровской агрессии, гласила: если враг нападет, будем вести войну на его территории. Получилось совсем не так, просчет же в определении срока нападения оказался роковым. А. М. Василевский писал по этому поводу:

«...Жесткая линия Сталина не допускать того, что могла бы использовать Германия как повод для развязывания войны, оправдана историческими интересами социалистической Родины. Но вина его состоит в том, что он не увидел, не уловил того предела, дальше которого такая политика становилась не только ненужной, но и опасной. Такой предел следовало смело перейти, максимально быстро привести Вооруженные Силы в полную готовность, осуществить мобилизацию, превратить страну в военный лагерь. Следовало, видимо, тянуть время где-то максимум до июня (1941 года.— *А. С.*), но работу, какую можно вести скрытно, выполнить еще раньше. Доказательств того, что Германия изготовилась для военного нападения на нашу страну, имелось достаточно — в наш век их скрыть трудно».

Рихард Зорге еще 5 марта 1941 года переснял и отправил в СССР фотокопии совершенно секретных документов — телеграмм Риббентропа немецкому послу в Токио Отту о запланированном нападении Германии на СССР во второй половине июня. 21 мая сообщил точные данные о сосредоточении на западных границах СССР 150 немецких дивизий, а 17 июня, за пять дней до нападения, преодолевая неимоверные трудности, рискуя жизнью, сумел передать в Москву короткое, но в высшей степени важное сообщение: война будет начата 22 июня [1].

Тем не менее наши войска не были своевременно приведены в боевую готовность. А в то же время им запрещалось вести огонь по немецким самолетам-нарушителям. С октября 1940 года до июня 1941 года Государственную границу СССР нарушило 185 самолетов. Хорошо известно,

---

[1] *Колесникова М., Колесников М.* Рихард Зорге. М., 1971, с. 244—247.

что немецкие самолеты фотографировали военные объекты. 461 нарушителя границы в мае и июне 1941 года задержали пограничники[1]. Диверсионные группы с оружием и радиостанциями забрасывались на нашу территорию. Словом, версия о «внезапном нападении Германии на СССР» не может быть принята безоговорочно, на деле все было гораздо сложнее. Дезинформацию советской стороны успешно осуществляло германское верховное командование, фабрикуя материалы, которые попадали на стол к Сталину.

Убежден: если бы не просчеты Сталина, то войска вермахта, даже проникнув на нашу территорию, не дошли бы до Ленинграда и Москвы. Роковые ошибки, допущенные накануне войны, обернулись трагедией окруженных армий; историки лишь глухо упоминают об этом, хотя у нас не одна армия находилась в окружении: в 1941 году — в районе Умани, под Киевом, в районе Вязьмы, в 1942 году — в районе Харькова.

Оценить роль Сталина в войне отнюдь не просто. Но великим полководцем он не был. Допускал крупные просчеты в руководстве вооруженной борьбой с начала войны до осени 1942 года. Но в дальнейшем, опираясь на профессиональные знания военных, успешно освоил опыт современной войны и как Верховный Главнокомандующий и председатель ГКО сыграл важную роль в завоевании победы советского народа.

Если говорить о великом полководце второй мировой войны, то им был четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Международное издание «Иллюстрированная история второй мировой войны» (Лондон, изд-во Пернелл, 1966—1968) озаглавило посвященный ему 16-й выпуск 2-го тома «Генерал, который никогда не проигрывал сражений». И это справедливо.

Обратимся теперь к событиям 1942 года. Гитлеровскому командованию вновь удалось дезинформировать Сталина.

Еще в книге «Сталинградская битва», моей докторской диссертации, я писал по этому поводу: «В ряду мероприятий гитлеровского командования... не последнее место занимал план фиктивной операции «Кремль». Ее цель — дезинформация советского командования в отношении немецких планов на летнюю кампанию 1942 г.

Операция «Кремль» была разработана по указанию ОКХ (генерального штаба сухопутных сил.— *А. С.*) и Гит-

[1] См.: Тот июнь...— Известия, 1986, 21 июня.

лера штабом группы армий «Центр». В приказе о наступлении на Москву, подписанном 29 мая главнокомандующим фельдмаршалом Клюге и начальником штаба генералом Велером, войскам группы армий «Центр» ставилась задача: «...прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город...» Для достижения этой цели в приказе ставились конкретные задачи 2-й, 3-й танковым, 4-й, 9-й армиям и 59-му армейскому корпусу. Начало той и другой операции (фиктивной — «Кремль» и подлинной — «Блау», прорыва на юг для захвата Кавказа.— *А. С.*) по времени совпадало.

Противником было сделано все, включая радиодезинформацию, чтобы план операции «Кремль» стал известен командованию Красной Армии. В какой-то мере эта хитрость удалась врагу...»[1] Хотя еще 23 марта органы госбезопасности сообщили в ГКО: «Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти»[2].

Летнее отступление 1942 года не было неизбежным, но Сталин не поверил точным данным советской разведки.

Знаменитый приказ № 227 наркома обороны СССР от 28 июля 1942 года в литературе называется «Ни шагу назад!», но он до сих пор не опубликован полностью (в готовящемся 4-м издании «Сталинградской битвы» постараюсь привести его без каких-либо изъятий). Ибо он обнаженно и прямо говорил, что страна оказалась в отчаянном положении, что дальше отступать нельзя. Ветераны войны знают: он был очень суровым. Тем не менее он был необходим в сложившейся тогда обстановке. И во многом способствовал перелому на фронте. Ведь, например, 126-я стрелковая дивизия во главе с командиром полковником В. Е. Сорокиным легла костьми на оборонительном рубеже, но не отошла.

Судьбы наших войск, которые вели бои в окружении, на дальних подступах к Сталинграду, не менее трагичны. Я запросил военные архивы, выясняя судьбы 33-й гвардейской, 181-й и 192-й дивизий, но мне ответили, что никаких документов не сохранилось, все они были уничтожены, пока войска находились в окружении.

---

[1] *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М., 1982, с. 53.
[2] История второй мировой войны. 1939—1945. В 12-ти т. М., 1975, т. 5, с. 112.

Кстати, первые работы, посвященные судьбам окруженных армий, принадлежат перу литераторов, а не историков. («Зеленая брама» Е. Долматовского. Я считаю эту книгу ценной.)

Но здесь надо напомнить, что изучать историю нельзя только по романам и кинофильмам. Сглаживают подлинные факты минувшего и те историки, которые не преодолели субъективизма и привержены лакировке событий. С трактовкой событий прошлого в художественных произведениях историк не всегда может согласиться, но многое раскрыто и исторически верно, с большой силой.

Остановлюсь в этой связи на романе И. Стаднюка «Война». Роман подробно анализирует трагическую судьбу первого командующего Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова и его ближайших помощников генерал-майоров Н. А. Клыча, В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова. Они на девятый день войны были отстранены от выполнения своих обязанностей и предстали перед военным трибуналом. Увы, на многих страницах романа звучат мотивы сугубой виновности бывших руководителей Западного фронта в критическом военном положении страны. Так, читателю внушается, что именно командование было повинно в неполной боевой готовности войск Западного фронта, а затем — и в преступной неспособности руководить ими в развернувшихся боях. Удивляет страшное по своей обнаженности высказывание, когда, парируя возражения Тимошенко о невозможности сговора Павлова с фашистами, Мехлис говорит: «Мы ведь должны подумать и о том, как объяснить нашему народу и всему миру, почему Красная Армия отступает...» [1] Коварная версия о сговоре Павлова с гитлеровцами была отвергнута Сталиным, но обвинение в преступной бездеятельности осталось. Романист приписывает в какой-то мере такие мысли и самому Павлову: «И ему пришлось, глядя правде в глаза, признать, что в преддверии войны он как командующий округом не сделал многого из того, что обязан был сделать» [2].

Однако, говоря языком юристов, формула «не сделал многого» не равнозначна формулам «преступление», «предательство». В первый день войны около 1200 самолетов нашей авиации было уничтожено на аэродромах и в неравных боях [3], связь дезорганизована, управление войсками на какое-то время потеряно. Но произошло это не только на За-

[1] *Стаднюк И.* Собр. соч. В 4-х т. М., 1985, т. 4, с. 172.
[2] Там же, т. 3, с. 449.
[3] История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 35.

падном направлении, где противник наносил главный удар. А разве на Северо-Западном и Юго-Западном направлениях не происходило почти то же самое? Пора сказать открыто: Д. Г. Павлов и его боевые соратники не были повинны в преступлениях, в которых их обвинили.

Суровая кара, нравственная справедливость расстрелов обосновывается у И. Стаднюка и в разговоре Сталина с Б. М. Шапошниковым. А ведь Сталин и в мирное время посылал на расстрел под разными предлогами всех, кто выступал против него...

Надеюсь, Иван Евсеевич Карасев уже посмотрел фильм «Покаяние»? Зрителей он потрясает. Его смысл обращен к нашей исторической памяти, к урокам старших поколений.

Да, нельзя все это забыть, успокаивая себя тем, что советское общество одерживало грандиозные победы в каждой сфере материальной и духовной жизни. Вот и Иван Евсеевич пишет, что «историю забывать нельзя». А в чем же тогда различие наших позиций?

Дело в том, что культ личности Сталина осужден не одним Н. С. Хрущевым, а всей партией, постановлением Центрального Комитета КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий»; это постановление напомнило и о том, что в конце 1922 — начале 1923 года В. И. Ленин в известном «Письме к съезду» рекомендовал переместить Сталина с поста генсека ввиду некоторых личных его качеств.

Мы переживаем сейчас процесс революционного обновления общества, который опирается на важнейшие завоевания социализма, включая демократизм, гласность, сознательное участие в труде и общественной деятельности. Преодоление инертности, тормозящей наше движение вперед, невозможно без правды о прошлом.

Всего самого доброго хочу пожелать в заключение вам, Иван Евсеевич, и, конечно, рекомендую глубже задуматься над оценкой роли И. В. Сталина в истории минувшего.

Социалистическая индустрия,
1987, 24 мая

Письма читателей

И. Е. Карасев, водитель, 57 лет, г. Пенза

ПОЧЕМУ МОЛЧАТ ИСТОРИКИ?

Благодарю академика А. М. Самсоиова за ответ иа мое письмо. Я говорю большое спасибо А. М. Самсоиову за его правду о событиях тех дией у берегов Волги[1]. История — это мать народа. У истории, как и у матери, иужио всему учиться. История, как и мать, иа другую ие меняется. Какая бы оиа ни была, ио она иаша, родиая, иас родила и иас вскормила. Мы с ией, с матерью-историей, горло фашистам перегрызли, о чем Вы, Алексаидр Михайлович, так справедливо пишете в своей киите. Но понимаю, что об истории, о прошлом в двух словах ие расскажешь.

Историю иужио излагать во всех ее цветах, а ие в одиом цвете. Вы мие рекомеидуете задуматься иад оценкой роли Сталииа в истории мииувшего. Я убежден, что Сталину миого приписаио лишнего. Сталии был у иас в стране хорошим «тягачом»: когда нужио было вытягивать, все средства были хороши. А когда вытянул страиу, «тягач» стал не нужен, стали разбираться с ошибками.

В иароде был такой разговор. Когда обсуждался иа съезде культ личиости, из зала поступила записка: «Никита Сергеевич, а вы где были в то время?» Хрущев посмотрел иа сидящих в зале и спросил: «Кто иаписал? Подымитесь!» В зале все сидят, ие подымаются. Тогда Хрущев сказал: «О, боитесь! Вот так и я боялся».

Н. С. Хрущев стал быстро осваивать целииу. Ему как будто говорили: «Осваивать иадо ие авралом, а постепенно». А что получилось? Хлеб вырос и весь остался иа поле, потому что некуда было его ссыпать, ие было элеваторов.

[1] Речь идет о Сталииградской битве.

Хлеб убирали, но ссыпали прямо на поле в бурты под открытым небом. Я сам этот хлеб вывозил в речку все лето 1957 года. Подъедем к такому бурту, а он весь сопрел. А в этом бурте тысячи тонн! Грузили транспортером и в овраг вывозили, речки уже были запружены зерном.

Не сложился ли у нас блок круговой поруки в застойный период 70 — начала 80-х годов? По моему убеждению, есть такой блок, которому все можно и все дозволено. И этот «блок» в наше время, время коренных изменений в жизни народа нашего, больше всего сопротивляется тому, что поставил перед страной XXVII съезд партии. Этим людям конечно же перемены ни к чему. А рабочий, пролетариат, стоит за жесткую дисциплину, сравнимую со сталинским временем, чтобы до рабочего доходили плоды его труда, а не затормаживались у разных проходимцев из высших слоев. Раньше такого не было, чтобы жить при социализме и воровать по миллиону. При сталинской дисциплине за такие делишки — только вышка.

Сейчас многих корежит от слова «Сталин», даже в мой адрес идут оскорбительные письма такого содержания: «Иван! Позоришь всех воинов Великой Отечественной войны. Пиши, да знай что». Некоторые в своих письмах называют меня «сталинским подхалимом». Есть письма, которые Сталина называют коварным и хитрым. Люди очень интересуются прошлым. А некоторые говорят: «Иван! А тебя КГБ не заберет?» Я спрашиваю: «А почему должны забрать?» — «Да ты, говорят, о Сталине писал». Это говорят в основном молодые люди. Что у нас можно считать правдой? Когда наше общество начало разлагаться? Почему об этом молчат историки? Сейчас для них самая работа, а они молчат. Ждут, когда за них кто-то скажет «а», а они тогда скажут «б»...

Трудно, очень трудно сейчас приходится нашему правительству. Подгнили опоры, на которые мы должны опираться. Кажется, и опоры еще не старые, а уже валятся. Что же делать с грибковым вирусом, чем лечить? Лекарство есть, но применить не торопятся, а грибок все сильнее прогрессирует. Покуда грибковую заразу не уничтожим, перестройка будет хромать. Здоровые силы в социалистическом обществе есть, и грибкового паразита все равно задавят, только нужно не упустить время. Нужно идти по всему фронту и не бегать за солдатом, когда генерала можно взять.

XXVII съезд КПСС дал полную свободу гласности и справедливой критики. Возможно, теперь не будем душой

кривить, а скажем народу всю правду о прошлом без боязии и стеснеиия. Еще раз благодарю академика А. М. Самсоиова.

25 мая 1987 г.

В. И. Клочко,
член КПСС, г. Кировабад
Азербайджанской ССР

СУММИРУЮ ФАКТЫ

Необходимо воспитывать людей на примере тех, кто положил свои жизни за революцию и социализм, сказал М. С. Горбачев. Очеиь правильио сказал! Считаю иеобходимым суммировать факты о масштабе репрессий при Сталиие:

— уиичтожеиы видиые деятели нашей партии: Косиор С. В.— генсек ЦК КПУ, член Политбюро; Постышев П. П.— каидидат в члеиы Политбюро; первые секретари компартий республик: Узбекистаиа — Икрамов А. И., Казахстаиа — Мирзояи Л. И., Киргизии — Аммосов М. К., Средазбюро ЦК — Бауман К. Я.; первые секретари обкомов: Свердловского — Кабаков И. Д., Хабаровского — Варейкис И. М., Харьковского — Гикало Н. Ф., Диепропетровского — Хатаевич М. М., Курского — Шеболдаев Б. П., Доиецкого — Прамнек Э. К., первый секретарь МК и МГК Угаров А. И., руководители миогих других обкомов, крайкомов, республикаиских ЦК компартий;

— уиичтожеиы руководители Советского правительства: зам. Председателя СНК и СТО, члеи Политбюро Чубарь В. Я., председатель Комиссии советского коитроля Антипов Н. К., председатель Госплаиа Межлаук В. И.; председатели всех республиканских Совнаркомов: Сулимов Д. Е.— РСФСР, Любчеико П. П.— УССР, Голодед Н. М.— БССР, Сегизбаев С.— Узбекская ССР, Атабаев К. С.— Туркменская ССР, Элиава Ш. З.— ЗСФСР, Рахимбаев А.— Таджикская ССР; иародиые комиссары СССР: юстиции — Крылеико Н. В., фииансов — Гринько Г. Ф., земледелия — Эйхе Р. И., обороиной промышлеиности — Рухимович М. Л., здравоохраиеиия — Камииский Г. Н., пищевой промышлеииости — Лобов С. С., легкой промышлениости — Любимов И. Е., совхозов — Калманович М. И., связи — Халепский И. А.;

— доведеи до самоубийства нарком тяжелой промыш-

ленности Орджоникидзе Г. К., член Политбюро; расстрелян его заместитель, начальник «Главзолота» старый большевик Серебровский А. П.;

— уничтожены старые большевики, соратники и ученики Ленина: Бубнов А. С., Ландер К. И., Кедров М. С., Пятницкий И. А., Кобозев П. А., Ганецкий Я. С., Ломов Г. И., Богданов П. А., Антонов-Овсеенко В. А. и многие другие;

— расстреляны пять председателей ВЦИК (из семи): Червяков А. Г., Мусабеков Г. М., Ходжаев Ф., Айтаков Н., Рахимбаев А., а также все, кто были секретарями ВЦИК за годы его существования — Енукидзе А. С., Акулов И. А., Уншлихт И. С.;

— уничтожены деятели комсомола: генсек ЦК ВЛКСМ Косарев А. В. и занимавшие эту должность до него — Шацкин Л. А., Рывкин О. Л., Смородин П. И., Чаплин Н. П.;

— истреблена накануне войны плеяда советских военачальников, полководцев, героев гражданской войны: Маршалы Советского Союза Тухачевский М. Н., Блюхер В. К., Егоров А. И., командармы 1-го ранга Уборевич И. П., Якир И. Э., Белов И. П., Федько И. Ф., армейские комиссары 1-го ранга Гамарник Я. Б. и Смирнов П. А. Среди расстрелянных — почти все заместители наркома обороны, все командующие военными округами и флотами. Были репрессированы все, кто возглавлял наши военно-морские силы в период с 1917 по 1938 год, начиная с П. Е. Дыбенко и кончая флагманами флота 1-го ранга В. М. Орловым и М. В. Викторовым. В Красной Армии не было полка, в котором не был бы репрессирован командир или комиссар.

Этот перечень можно продолжать и продолжать: были репрессированы деятели науки, искусства, литературы, руководители профсоюзов и других общественных организаций, дипломаты, журналисты, члены Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Из большевиков-чекистов, соратников Дзержинского, членов коллегии ВЧК — ОГПУ не был расстрелян, насколько мне известно, Уралов С. Г. (но и он отбывал срок в качестве «врага народа»), а судьба остальных доживших до 1937 года старых чекистов трагична (Петерс Я. Х., Лацис М. И., Фомин В. В., Артузов А. Х., Манцев В. Н., Евсеев Д. Г., Яковлева В. Н., Бокий Г. И., Евдокимов Е. Г., начальник охраны Ленина Беленький А. Я., Благонравов Г. И., Трилиссер М. А., Дерибас Т. Д.).

А послевоенные годы! Самый яркий пример преступлений Сталина и его окружения в эти годы — так называемое

«ленинградское дело», жертвами которого стали видные деятели партии и правительства: Вознесенский Н. А., Кузнецов А. А., Родионов М. И., Попков П. С. и другие, а также большое число ленинградских коммунистов.

Убийство С. М. Кирова Сталин и его окружение «использовали как повод для организации расправы с неугодными им людьми, с видными деятелями нашего государства» (об этом говорилось на XXII съезде КПСС) [1]. Для облегчения этой расправы на должность Генерального прокурора СССР был назначен А. Я. Вышинский (меньшевик с 1903 по 1920 год), был создан целый ряд внесудебных органов. Людей осуждали целыми списками. В 1937 году прямо с пленума ЦК ВЛКСМ большинство его участников отправилось в тюрьму.

...В час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев...

Так написал Твардовский о Сталине и о сосланных им народах. Сюда же надо добавить «верховный гнев», обрушенный на миллионы людей, переживших фашистскую оккупацию и плен.

А лицемерие Сталина! Он говорит, что «Ежов — подлец, сколько невинных людей загубил», и назначает вместо Ежова Берию. Он объявляет на всю страну, что «сын за отца не отвечает», а миллионы людей, близких к «врагам народа», продолжают страдать. Командарм Якир в момент расстрела кричал: «Да здравствует партия, да здравствует Сталин!» Узнав об этом, Сталин только выругался по адресу Якира, а на его письме написал резолюцию: «Подлец и проститутка»...

То, что начиная с 1964 года у нас начали сворачивать, сводить на нет работу по разоблачению культа личности, является одной из причин имевшего место у Л. И. Брежнева отхода от ленинских норм партийной жизни и создания культа личности Кунаева в Казахстане.

В «Истории КПСС» говорится, что цель критики культа личности — «устранить вредные его последствия и тем самым укрепить позиции социализма», открыть «простор для активной деятельности и творческого почина масс, для развития социалистического демократизма». Это полностью

---

[1] См.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет. В 3-х т. М., 1962, т. 2, с. 402.

соответствует целям перестройки, начатой в нашем обществе.

Мои предложения:

— необходимо издать документальную «Историю культа личности И. В. Сталина». Надо написать всю правду, какой бы жестокой она ни была;

— лучшей данью памяти репрессированных стал бы Музей жертв культа личности;

— надо, чтобы День Памяти, который будет, видимо, проводиться в нашей стране, считался и днем памяти жертв культа личности;

— думаю, что правильно было бы дать лучшим из писателей партийные поручения, чтобы они в своих произведениях осветили «белые пятна» истории нашей партии, истории нашей Родины. Это относится и к драматургам, художникам, режиссерам. Это надо сделать немедленно, пока еще живы очевидцы этих событий;

— считаю, что если существует город Буденновск, то тем более должны быть города Косиор, Тухачевск, Блюхер... Считаю неправильным переименование Луганска в Ворошиловград. Слишком много невинных людей уничтожено по указке Ворошилова и с его согласия. Напоминаю, что сказал о нем на XXII съезде Д. С. Полянский: «...вы, товарищ Ворошилов, играли активную роль в этой (антипартийной.— *А. С.*) группе, хотя и говорите, что вас «черт попутал». Мы думаем, что черт тут ни при чем. Вы хотели замести следы своего участия в репрессиях против ни в чем не повинных людей, особенно против кадров военных руководителей, известных всей стране» [1];

— на моей родине, в Лабинском районе Краснодарского края, есть станица Вознесенская. В ней родился расстрелянный в 1937 году командующий Черноморским флотом, герой гражданской войны И. К. Кожанов. Жители станицы не знают об этом человеке. Необходимо обратить на это внимание работников средств массовой информации.

Сталин обокрал уничтоженных им героев гражданской войны, присвоив себе их славу, отменил Ленинские премии и учредил Сталинские... Люди должны знать правду и про аресты, и про допросы, и про расстрелы, и про лагеря ЧСИР («членов семей изменников Родины»), и про детприемники НКВД.

14 марта 1987 г.

---

[1] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 2, с. 43.

Г. Я. Сотонин, инженер,
ветеран труда, 58 лет,
работать стал подростком
в 1942 году,
г. Пермь

КОРНИ НЕУДАЧ

...Наше отставание от Германии было допущено только по вине сталинского руководства. Оно обязано было поддерживать сбалансированной обороноспособность страны по отношению к потенциальному врагу. Об этом предупреждал М. Н. Тухачевский, но к нему не прислушались. Что же получится, если мы и сейчас снова допустим отставание в вооружениях, на этот раз от США? Нет! Этого допускать нельзя, правительство несет ответственность перед народом за сбалансированную обороноспособность страны. Люди отдадут последнее, чтобы не допустить отставания. И тогда, в 30-х годах, так же бы поступили.

Теперь со всей определенностью можно заявить, что корни этих неудач уходят в 1924 год, к XIII съезду партии, делегаты которого оказались не на высоте положения — не выполнили ленинского завещания снять Сталина с должности генсека. Наверное, делегаты подверглись сильному давлению и обработке со стороны сторонников Сталина, иначе трудно понять невыполнение ими ленинского завещания. В истории это объясняется так:

1) Сталин успешно боролся с оппозицией,

2) Сталин дал слово по-товарищески относиться к кадрам.

Но разве это серьезное объяснение?! В. И. Ленин лучше, чем кто-либо, понимал положение дел в партии, в ЦК и однозначно завещал снять Сталина с должности генсека. Сейчас можно предположить, что невыполнение завещания о снятии Сталина, его грубость в отношениях с товарищами по партии и вызванная этим неприязнь к нему других лидеров партии сыграли если не главную, то и не последнюю роль в образовании оппозиций и их объединении в послеленинский период. Другие лидеры партии почувствовали опасность, исходящую от Сталина, для судеб партии и государства и решили ему противостоять.

Так все и случилось! Оставшись генсеком, Сталин развернул массовые незаконные репрессии, особенно в 1937—1938 годах, когда погиб цвет высшего командного и поли-

тического состава РККА, и прежде всего такие крупнейшие полководцы-новаторы, как М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Э. Якир и другие. В то время погибли все командующие военными округами СССР. Погибли или были репрессированы кадры из всех сфер народного хозяйства. Нездоровая обстановка подозрительности угнетала, мешала настоящей творческой работе, затормозилось укрепление обороноспособности страны. Новые кадры, которые сменили погибших, были так же преданы Советской власти, как и те, которые погибли или были репрессированы, но им еще надо было учиться, приобретать опыт, а время и враг не ждали. Вот когда и по какой причине было допущено сталинским руководством отставание нашей страны от Германии и в промышленном развитии вообще, и в области вооружения в частности.

Нельзя не сказать несколько слов о К. Е. Ворошилове. После смерти М. В. Фрунзе в 1925 году, мне кажется, совершенно необоснованным было назначение Ворошилова председателем Реввоенсовета СССР и наркомвоенмором (позднее — наркомом обороны). Здесь скорее подходили кандидатуры Г. К. Орджоникидзе и М. Н. Тухачевского. У них и опыт руководства был больше, поскольку в гражданскую войну они занимали более высокие посты, чем Ворошилов. Начальник штаба РККА М. Н. Тухачевский после похорон Фрунзе на встрече с командующими военных округов высказался за кандидатуру Г. К. Орджоникидзе. Но Сталин решил по-своему...

Итак, Сталин и его окружение — Калинин, Ворошилов, Молотов, Маленков, Жданов, Каганович и другие — являются основными виновниками неудач Красной Армии в начальный период войны. Здесь проиграла политика, а не экономика. Ведь сумели же мы сбалансировать за два-три года войны и вооружение, и качество командного состава. И при этом опирались только на ресурсы своей страны, помощь же союзников была скромной. Но все это можно было сделать в 1938—1940 годах, если бы правильно руководить страной. Еще много встречается фанатичных поклонников Сталина, им хоть кол на голове теши, они все одно и то же твердят...

14 марта 1987 г.

В. О. Лехнович, пос. Пахабино Московской обл.

ЧТО ЗНАТЬ И ЧТО ПОМНИТЬ?

Откуда такая уверенность в невиновности некоторых бывших виновных? Из субъективных, необоснованных заявлений. С 1937 года на основе успешного выполнения второго пятилетнего плана в стране началась перестройка, можно сказать, переход на полувоенное положение. Мобилизовались прежде всего силы и средства, необходимые для разработки и производства современного по тем временам вооружения и военной техники, накапливалось все необходимое для обороны. Была создана система военных училищ, открылась Академия Генерального штаба. Потом немецкие историки скажут, что одна из причин поражения Германии в том, что русские имели более молодых полководцев. Росла армия, оснащалась все более новым оружием и сосредоточивалась на опасных рубежах. Все это сопровождалось ужесточением требований к экономии, дисциплине, порядку, ответственности и бдительности.

При перестройке общество во всех своих звеньях, в том числе и в органах внутренних дел, разделяется на группы — на сторонников перестройки и на ее противников, даже врагов. Для достижения целей перестройки необходимо единомыслие, единство. Поэтому все перестройки в истории всегда сопровождались и сопровождаются чисткой, особенно среди руководящего и командного состава. Происходит как бы своеобразная гражданская война, острота которой зависит от целей и сроков перестройки. Цель была наивысшей: «или — или» — или выживем в надвигающемся периоде бурь и потрясений, или погибнем как социалистическая система. Срок был наижесткий. В этом мы скоро убедились. Такие цели и сроки определили и другое «или — или»: или ты с нами, или против нас, без каких-либо «тормозов». Перестройка и чистка всегда связаны с риском понести потери. В этот период активизируются враги, агентура, карьеристы, клеветники, анонимщики. При чем тут Сталин? Сейчас, когда время позволяет годами вести следствие с сотнями томов судебного дела, и то порой умышленно или неумышленно засуживаются невиновные. Что ж, Горбачев виноват?

Чистка была закономерной исторической необходимо-

стью, она внесла свой вклад в Победу. Во время войны у нас не было организованной силы, готовой совершить переворот и захватить власть, не было «пятой колонны», на которую гитлеровцы могли бы рассчитывать. Тогда как в других странах такие колонны были подготовлены. Все ограничилось разрозненными выступлениями власовцев, различных полицаев, бандеровцев, националистов. Это одно, второе — все наши планы, передвижения и сосредоточения войск, направления наносимых ударов, разработка и выпуск нового вооружения и техники были неожиданными для противника. Что было бы в противном случае, можно себе представить. Агентуры, конечно, не могло не быть. В первую мировую войну планы царской ставки до немцев доходили быстрее, чем до русских войск. И пленных, особенно офицеров, они так просто не держали, они их обрабатывали и засылали для внедрения с запасом на будущее. По отношению к таким фигурам, как побывавший в немецком плену Тухачевский, нельзя было ошибиться. Меры принимались суровые, но кто может сказать, что достигли бы цели перестройки и полумерами? Противники до последнего словом и «делом» доказывают свою правоту, не считая при этом себя виновными. В этом особенность чисток при перестройках. Жертвы были не напрасны.

Десятки лет имя Сталина вытравлялось из Памяти и Истории в стремлении свалить на него все грехи и очиститься от них. Но очищения не получилось.

14 марта 1987 г.

П. М. Чаплин, учитель,
инвалид войны,
офицер в отставке,
член КПСС с января 1944 года,
г. Мытищи Московской обл.

НАРОД НЕ ОШИБЕТСЯ

Надо активней собирать, концентрировать мнения снизу — народа, масс. Народ знает, скажет, не ошибется...

Войну я начал с первого дня. Служил тогда на действительной в Белоруссии, неподалеку от границы. Позже участвовал в обороне Москвы, в операции «Багратион», в штурме Кенигсберга и Пиллау.

Нападение врага застало нас непростительно врасплох. Командиры в отпусках. Оружие в глубокой консервации, на складах. Техника разобрана. Баки с самолетов на промывке...

Войск наших на западном участке было много. Физическая закалка, выносливость и моральный дух воинов были на высоте. Особенно хорошей боевой подготовкой, выучкой отличались наши младшие командиры. Здесь заслуга наших полковых школ. Недаром в нашей курсантской песне пелось:

Школа младших командиров
Комсостав лихой кует.
Смертный бой вести готовы
За трудящийся народ!

Но наша боевая сила, мощь (она была!) не нашла должного применения, не была разумно и вовремя пущена в дело. Пока «Иван искал шапку», враг рушил, громил, резал, кромсал наши участки, если можно так назвать, «обороны», вторгался в глубь страны. Наши воины дрались отчаянно, смело, насмерть. Вступали в рукопашные схватки, разили пулей, штыком, прикладом. Вгрызались в фашистов зубами! И такие случаи были...

Но все это — эпизоды. Общая картина складывалась трагично, не в нашу пользу. Враг был вооружен до зубов. Немцы с автоматами, а мы зачастую с учебными винтовками, и то одна на двоих... В отчаянии негодовали: «Где командование?! Куда смотрит?!» Иные не выдерживали, роптали, робко вопрошали: «Неужто измена?» Стиснув зубы, с болью в сердце мы отходили, отступали, теряли своих друзей, приносили многочисленные жертвы.

Я совершенно согласен с выводами академика А. Самсонова, и в частности с таким выводом: нападение врага можно и нужно было упредить. Приняв вовремя меры, мы могли оказать ему упорное, я бы сказал, колоссальное сопротивление. Мы не пропустили бы фашистов в глубь страны, поломали бы им зубы и ребра на месте, у наших границ, не будь такого ротозейства, благодушия, наивности, никчемного мышления сверху, точнее — не будь «отца родного», впоследствии Верховного... Надо же допустить такое! Поэтому так называемые «белые пятна» скорее здесь выглядят «темными». Пора их ныне прояснить, пролить на них ленинский свет, свет правды, перестройки. Это надо и нам, и павшим, и потомкам.

Немного о культе. Тот, кто защищает, восхваляет и тем более прославляет культ личности, тот обесценивает и унижает себя как человека и как гражданина. Обесценивает и унижает свое общество, Советскую Родину, родину Октября. Культ личности чужд и противен всему тому, что мы связываем с именем Ленина, с нашим днем, с перестройкой.

15 марта 1987 г.

Н. Б. Вайнштейн, доцент
Костромского высшего военного
командного училища
химической защиты,
полковник в отставке

НЕ БЛАГОДАРЯ, А ВОПРЕКИ

На Волховском фронте весной — летом 1942 года я в составе 53-й курсантской стрелковой бригады 2-й ударной армии находился в окружении в районе Мясного Бора с 30 мая по 22 июня. Был я тогда командиром отделения взвода артиллерийской разведки. Голодные, почти без боеприпасов, обессиленные, опухшие, бойцы дрались до конца. Нас выручили пробившиеся к нам танкисты. Во мне (в 18 лет) было 36 килограммов.

С именем Сталина мы шли в бой потому, что нас приучали: «Сталин — это Ленин сегодня». Мы не знали, что собой представляет Сталин. Сегодня же мы понимаем: Сталин — это уничтожение почти всего состава XVII съезда партии. Сталин — это убийство Тухачевского, Якира, Уборевича, Косарева, сотен тысяч талантливых, честных и высокоидейных борцов за Советскую власть, причину смерти которых мы стыдливо замалчиваем.

А наши победы — Вы совершенно правы — были не благодаря, а зачастую вопреки Сталину. Если бы не Сталин со своей пресловутой теорией возрастания классовой борьбы в процессе развития общества, не было бы «охоты на ведьм», то бишь на выдуманных «врагов народа», чтобы подтвердить эту теорию в 1937-м и последующих годах.

17 марта 1987 г.

И. В. Казаков, участник войны, ветеран труда, г. Минск

НЕ НУЖНО ДВОЙНОЙ ИСТОРИИ

Советские Вооруженные Силы во главе с Ворошиловым, Буденным, Тимошенко отступали от западных границ до самой столицы. Но те же войска во главе с Жуковым, Рокоссовским, Баграмяном и другими развеяли миф о непобедимости германской армии. Обстановка потребовала, чтобы пришли более даровитые военачальники, и они пришли.

Надо, чтобы уже наше поколение узнало всю правду, чтоб никто правильному и объективному освещению фактов уже не препятствовал.

Не нужно нам и двойной истории (одна при жизни деятеля, другая после нее).

На память приходят замечательные слова К. Симонова, который в Минске на встрече писателей, исследующих и разрабатывающих тему Великой Отечественной войны, просил находить и копить свидетельства очевидцев этого интереснейшего периода. Обобщение же, если будут факты, сумеют сделать и другие поколения, идущие вслед за нами.

17 марта 1987 г.

А. П. Волочков, ветеран труда, инвалид войны, г. Архангельск

НЕТ ВОЗВРАТА К ПРОШЛОМУ

Для пожилых людей нашей Родины, которым под семьдесят и более, нет «белых пятен» в истории Советского социалистического государства, а есть «пятна черные», которые порочили наш социалистический строй, служили и служат пищей для антисоветской пропаганды и пугалом для обывателей капиталистических стран. Причиной появления этих «черных пятен» в истории нашего государства является Сталин и его ближайшее окружение. Об этом вполне ясно сказано в соответствующих партийных документах XX съезда. Все на съезде было сделано правильно, но только с большим запозданием. Сталин в нашей истории настолько отрицательное явление, что с болью задаешь себе вопрос: как это могло случиться в со-

циалистическом государстве? Мог ли великий Ленин предположить такое?

Сталин узурпировал народную власть, растоптал социалистическую демократию, чуть не загубил дело великого Ленина и революционеров. Сталинские репрессии в массовом размере начались в 1927—1930 годах при искажении ленинского кооперативного плана. Гибель сотен тысяч сельских семейств, в составе которых и малолетние, и престарелые члены семьи. Это семьи не кулацкие, а подведенные под раскулачивание, расправу и высылку. Жители Севера помнят эту трагедию, когда у них на глазах от холода и голода гибли эти высланные, и гробы с их телами возами возили на кладбище. К примеру, на кладбище нашего города Архангельска тех годов. Получилось разорение сельского хозяйства страны. Дорого это обошлось нашему народу, который и по сей день подымает свое сельское хозяйство.

В истории нашего народа не должно быть больше подобных «черных пятен». Нет и не может быть никаких оправданий Сталину и его окружению за ту боль, которую они причинили советскому народу. Ни о каком восстановлении сталинских пьедесталов не может быть и речи. Сталин остается олицетворением деспотизма, самодурства, произвола. А это не социализм! Надо все это донести до молодого поколения, написать правдивую историю всех событий. Очевидцев с каждым годом становится все меньше, а без правды сейчас жить нельзя.

17 марта 1987 г.

Н. Д. Данилова, г. Москва

МЫ БЫЛИ «ЩЕПКАМИ»

От ряда людей старшего поколения я слышала слова: «При Сталине был порядок». А что это был за порядок, они не знали, так как их он, к счастью, не коснулся, а до других им дела не было, отгородились глухой стеной. Что касается меня, то все члены моей семьи стали жертвами культа личности, теми «щепками», которые разлетелись во все лагеря, когда беспощадно «рубили лес»...

Мой отчим, инженер НКПС, был арестован в 1937 году. Больше мы его не увидели, финал известен. Осталась лишь посмертная реабилитация.

Меня арестовали на четвертый день войны, 25 июня. Я работала переводчицей с английского на киностудии «Мосфильм». Впрочем, это не играло роли, просто «чистили» Москву. Моя мать осталась одна, так как 19-летний брат был на фронте, защищал Родину, там и погиб. А до этого его не принимали из-за отца — «врага народа» — ни в один институт.

Особое совещание мне дало срок: 10 лет пребывания в ИТЛ[1] (без статьи, обосновали двумя буквами «ПШ» — «подозрение в шпионаже»). Я попала в Карлаг[2] на общие работы, там познакомилась с моим будущим мужем, ленинградцем. Через семь лет меня освободили «за отсутствием состава преступления», но судимость не сняли, а в паспорте поставили роковой штамп «39», что означало минус 39 городов для проживания. Я поселилась с мужем, также освобожденным в 1948 году, в Угличе. У нас родился сын. Вскоре муж умер, и я осталась одна с маленьким ребенком. Жить в Москве у матери я не имела права, в Угличе меня на работу никуда не принимали из-за «волчьего паспорта». Долго была без работы, пока не приняли секретарем в горкомхоз, где и проработала до 1955 года, до полной реабилитации.

В Вашей статье упоминается имя генерал-майора В. Е. Климовских. Вместе с его женой Юлией Ипполитовной Климовских я была в саратовской тюрьме и затем в Карлаге. Оба их сына также были репрессированы и сосланы в ИТЛ. Хотелось бы узнать о дальнейшей судьбе Юлии Ипполитовны. Быть может, Вы что-либо знаете о ней? Я была свидетельницей ее страданий за судьбу мужа и сыновей. В Москве оставалась только ее старенькая мать, которая героически слала им посылки в лагеря.

С 1955 года я вновь стала работать на «Мосфильме» в прежней должности, а в 1986 году вышла на пенсию. Дома бережно храню три справки о реабилитации — мою, отчима (посмертно) и мужа. Я никогда не озлоблялась, всегда верила в то, что справедливость должна восторжествовать, потому что вокруг видела таких же невинно осужденных людей, как и я. Я была и осталась человеком, преданным своей Родине, и радуюсь тем переменам, которые происходят сейчас в нашей стране. Что касается фильма «Покая-

---

[1] Исправительно-трудовой лагерь.
[2] Карагандинский лагерь.

ние», то я его смотрела трижды и готова смотреть еще, хотя там показана лишь сотая доля того, через что прошли невинно пострадавшие люди. Вам я еще раз низко кланяюсь за правду.

18 марта 1987 г.

Г. И. Левин, ветеран труда, 76 лет, г. Тула

МЫ — ДЕТИ АРБАТА

Я родился в Москве в 1911 году, и первые мои детские памятные впечатления были — Февральская революция 1917 года, восторженные демонстрации на улицах по случаю свержения самодержавня. А следом — октябрьские события 1917 года. Помню звуки пушечной канонады, которые доносились с Арбатской площади, вблизи нее мы жили. Там много дней шли бои с кадетами, которые не сдавались, засев в своем училище. Пришлось мне раза два видеть совсем близко и Владимира Ильича Ленина. Помню, он с Надеждой Константиновной выходил с какого-то собрания, а я случайно проходил мимо. Запомнилось, как скромно Владимир Ильич был одет: старое зимнее пальто с каракулевым воротником-шалью, с множеством проплешин на воротнике.

После школы поступил в архитектурный институт. И тут случилось со мной почти дословно то, что описано в необыкновенном романе А. Рыбакова «Дети Арбата». Я и жил на Арбате, и все описанные в романе дома и переулки знаю с детства. А персонажи романа — это я и мои товарищи. Да, я действительно дитя Арбата! Я в свои 20 с небольшим лет, как и ребята из этого романа, был арестован и стал свидетелем произвола тех лет, чудовищных, нелепых обвинений, жестоких допросов сотен, а затем в лагере (имел 10 лет!) тысяч таких же, как я, ни в чем не виновных людей. Приведу лишь два момента из многолетних моих испытаний.

1. Зима 1937/38 года. Старинная тюрьма в Туле, построенная еще при Екатерине Второй. В камере, рассчитанной на 20—30 человек, находятся 200, а то и более. Вновь поступающего в нее втискивают, как теперь в часы пик в некоторые вагоны метро. В камере — рабочие, колхозники, городская интеллигенция, много партработников, вплоть до секретарей райкомов. Днем еще можно сидеть, поджав под себя ноги. А ночью лежать можно, только тесно прижавшись друг к другу, всем на одном боку, а перевернуться —

лишь всем сразу, по команде старосты камеры. Тюрьма не только не отапливается, хотя на улице мороз 30 градусов, но в открытые за решетками окна из камеры валит такой пар, как из фабричной трубы под давлением. Пища (баланда из гнилой или мороженой капусты) выдается один раз в два — два с половиной дня, то среди ночи, то днем. Даже сварить ее для такого количества заключенных не представлялось возможным.

2. Конец зимы 1938 года. Лагерь в Архангельской области. Ежедневно, а то и по нескольку раз в день на лесные станции железной дороги прибывают эшелоны — этапы с несколькими сотнями заключенных. Многие прямо из Средней Азии. Заключенные с юга — в легкой поношенной одежде, а на улице мороз еще не менее 20 градусов. Наспех в лесу ставятся палатки-бараки с промерзшими деревянными нарами. Большинство прибывающих уже ни к какой работе неспособны (а тем более к лесоповалу). Я тоже нахожусь в одном из бараков, где пораженные цингой и пеллагрой (она и у меня) обречены на близкую смерть. Раз в день по утрам приходит охранник, считает по ногам лежащих почти без движения людей, чтобы принести затем каждому по 150 граммов подобия хлеба (недопеченный суррогат). Чтобы живым получить чуть больше этого хлеба, лежащих тут же мертвых не выдают. Трупы разлагаются, смердят — и лишь тогда их обнаруживают.

Со мной случилось чудо. Моя молодость, видимо, привлекла внимание проверявшего барак санитара, и он направил меня в лагерную больницу (избушка на 20—30 коек при 600—800 заключенных в лагпункте). И я выжил. Далее стал работать почти по специальности (я ведь был взят с 3-го курса архитектурного). Во время войны находился в лагере в Казахстане. Как и многие, подавал заявление начальству, чтобы меня направили на фронт, где смог бы доказать свою невиновность и преданность Родине. Но нас, «политических», не брали. Отправляли лишь уголовников, которые, как рассказывали, разбегались, еще не добравшись до фронта. Потому и их перестали отправлять.

В 1956 году я, как и миллионы других, был реабилитирован. Имею и храню справку о том, что обвинение с меня снято ввиду отсутствия какого-либо преступления.

А преступления Сталина можно перечислять бесконечно. Тут не только ошибки-просчеты перед войной и в начале войны...

18 марта 1987 г.

Е. Самсонова, ученица 10-го класса, 16 лет, г. Гомель

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

Я очень люблю историю и считаю, что каждый советский человек должен досконально знать и уважать историю своего народа. У нас в школе преподает замечательная учительница истории. Наверно, поэтому я и люблю историю. Она рассказывает нам и сверх программы то, что знает сама. Но есть такие страницы, о которых не может рассказать даже она.

У меня много к Вам вопросов. Как был убит Киров? Кто такие Ежов и Каганович? Правда, что Берия был агентом нескольких разведок и готовил государственный переворот? Правда, что он хотел, чтобы в стране пришел к власти НКВД? Если расстреливали выдающихся людей, может ли быть, чтобы Сталин ничего об этом не знал? Почему поснимали памятники Сталина, неужели его вина настолько велика?

У нас столько пишут и рассказывают о злодеяниях фашистов, так откуда же тогда панки берутся? Значит, мало рассказываете!

Вот у меня подруга, когда ей предложили сходить на фильм «Знак беды» по Быкову или прочитать «Карателей» Адамовича, говорит:

— Зачем мне это надо, я вообще страшное не люблю.

А ведь надо, чтобы, когда спрашивают при вступлении в комсомол: «Кто такой Александр Матросов?», не молчали.

18 марта 1987 г.

К. А. Рудовская, 85 лет, г. Пушкин Ленинградской обл.

ПОСТАВЯТ ЛИ ПАМЯТНИКИ НАШИМ МУЖЬЯМ?

Вчера прочитала Вашу статью. Все, о чем там идет речь, потрясло меня. Простите за почерк — у меня нет большого пальца на правой руке.

Наконец-то Правда! Это — гора с плеч моей Родины и с моей души.

Я — живой документ. Я жена Станислава Яновича Рудовского; он окончил польскую гимназию, добровольцем

ушел на гражданскую войну, имел орден Красного Знамени № 80, после войны — работник ЧК. Реабилитирован посмертно...

Я живу в Пушкине, в пансионате ветеранов науки. Неужели не поставят памятник нашим чудесным мужьям, беззаветно преданным героям Родины?

18 марта 1987 г.

С. А. Кислицын, кандидат исторических наук, преподаватель Ростовского государственного университета

ДОЛГ ОБЩЕСТВОВЕДОВ

Известно, что в широких массах трудящихся распространены самые разные, порой диаметрально противоположные точки зрения по вопросу о роли И. В. Сталина в истории СССР. Одни преувеличивают значение и роль Сталина, отождествляют успехи страны в социалистическом строительстве, в Великой Отечественной войне с его именем и даже высказывают мысль о возвращении городу на Волге прежнего имени. Другие настаивают на дальнейшем разоблачении преступлений Сталина как организатора массовых незаконных антисоциалистических репрессий, в ходе которых погибли лучшие партийные, хозяйственные и военные кадры, наиболее активная и честная часть партии (причем называется разное количество репрессированных — от 10 миллионов до 600 тысяч, как минимум). Возникает вопрос: кто прав? Почему, несмотря на известное постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года, указанные вопросы дебатируются в обществе? Почему после XXVII съезда КПСС вновь усилилась антикультовая волна в литературе, искусстве и общественных науках?

Существует ряд объективных и субъективных факторов, определяющих данный процесс. Во-первых, XXVII съезд КПСС, январский (1987 года) Пленум ЦК КПСС поставили вопрос о развитии советской демократии, демократизации нашего общества во всех сферах, о революционном обновлении, которое должно наконец ликвидировать застывшие, закоснелые, замшелые схемы общественного развития, сформулированные в годы культа личности И. В. Сталина, то есть в конце 30 — начале 50-х годов, и с тех пор остававшиеся почти без изменений. Демократиза-

ция общества означает не только отказ от устаревших схем, традиций, пережитков, стиля руководства. Это одновременно гарантия от повторения прошлого, гарантия устойчивости, долговременности перестройки, ее необратимости, даже если у нового руководства иссякнет запас решимости и энтузиазма.

Во-вторых, в нашей научной литературе сомнительным образом освещались проблемы перегибов в коллективизации, завершения нэпа, товарно-денежных отношений при социализме, обострения классовой борьбы по мере развития социализма. Не существует научной биографии И. В. Сталина, в которой были бы систематизированы все его деяния — как позитивные, так и преступные, негативные, ошибочные. До сих пор открытым остается вопрос о том, является ли культ личности закономерностью развития коммунистического движения. Известно письмо Пальмиро Тольятти, в котором он ставит вопрос о культе личности как достаточно объективном и закономерном явлении [1].

В-третьих, проблема культа личности Сталина занимает одно из центральных мест в идеологических диверсиях западных средств массовой информации. Сталин и сталинизм — любимая тема исследований буржуазных историков. Буржуазные фальсификаторы создали на эту тему уже тысячи работ, беспрепятственно распространяемых на Западе. Наши идеологи много говорят о контрпропаганде, но по данному вопросу активности не проявляют. Фактически тема о культе личности Сталина отдана на откуп буржуазным историкам. ИМЛ и АОН при ЦК КПСС, очевидно, считают, что, публикуя работы на эту тему, они будут играть на руку идеологическим противникам. Жаль, что по сей день их не разубедили в этом «детском» утверждении. Только изучение культа личности Сталина на основе марксистско-ленинского теоретического наследия выбьет почву из-под ног любых фальсификаторов. Они не смогут утверждать, что мы молчим потому, что нечего сказать!

Фальсификаторы используют любой предлог, чтобы пустить дискуссию в нужном им направлении, отождествить

[1] В действительности П. Тольятти резко осуждал культ личности, считал его явлением, чуждым социализму, ленинским нормам жизни. В предсмертной «Памятной записке» П. Тольятти писал: «Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам, которые обеспечивали, как внутри партии, так и вне ее, большую свободу высказываний и дискуссий по вопросам культуры, искусства, а также и политики. Нам трудно объяснить себе эту медлительность и это противодействие...» (Правда, 1964, 10 сентября).

советское общество со сталинизмом. В 1988 году будет отмечаться 100-летие со дня рождения Н. И. Бухарина и 50-летие со дня его трагической гибели. Нельзя допускать, чтобы восстановление справедливости — личная реабилитация Н. И. Бухарина — сопровождалось политической реабилитацией его теорий.

Дискуссия о культе личности Сталина будет, несомненно, подогреваться последними произведениями искусства и литературы. Имеются в виду такие фильмы, как «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, такие книги, как «Стук в дверь» И. Герасимова, поэма А. Твардовского «По праву памяти». В журнале «Дон» № 1—2 за 1987 год опубликован роман Б. Можаева «Мужики и бабы», в котором с тенденциозных позиций рассматривается процесс коллективизации. Автор романа при помощи художественных средств доказывает, что сплошная коллективизация была осуществлена по рецептам троцкистов. Таким образом, наряду с талантливыми произведениями («Покаяние», поэма Твардовского) появляются произведения, порочащие нашу историю. В погоне за успехом писатели типа Б. Можаева переступают грань между разоблачением культа личности Сталина и критиканством в адрес советского строя, в адрес истории КПСС и СССР[1]. Недопустимо хаять все, что связано с именем Сталина, потому что это есть не что иное, как проявление набившего оскомину подхода, отождествляющего деятельность Сталина и историю КПСС и СССР 20—50-х годов, только с других позиций...

20 марта 1987 г.

И. Цветницкий,
инженер-энергостроитель,
47 лет, г. Кемерово

20 МИЛЛИОНОВ

Почему мы сейчас чуть ли не гордимся тем, что потеряли 20 миллионов? Причем военных-то погибло меньше... Остальные — и старики, и дети. Поколение, которое насмотрелось современных фильмов о войне, вновь пытается при помощи некоторых стариков сделать Сталина спасителем страны. Но ведь прежде, чем

[1] Позиция, сходная с позицией автора письма, рассмотрена в статье *Ю. Карякина* «Стоит ли наступать на грабли? (Открытое письмо одному Инкогнито)».— Знамя, 1987, № 9, с. 200—224. Ю. Карякин справедливо признает такую позицию безнравственной.

спасти, он помог подвести страну к гибельной черте. И эти 20 миллионов!.. Опасно все это. Вы знаете, иногда не могу уснуть от нахлынувших мыслей. Александр Михайлович, Вы первый, кому показываю свою незаконченную поэму.

С могильных плит и медальонов,
Мемориалов дорогих
Глядим мы, двадцать миллионов,
На вас, оставшихся в живых.
Наш взор печален, лица мглисты.
Такими стали мы в беде.
Ну что ж, фашисты есть фашисты.
А мы-то сами были где?
А ведь Испания уроком
Была для наших знатоков,
Где «хейнкель» словно ненароком
Сбивал курносых «ястребков»...
Уже фашистские колеса
Под Брестской крепостью слышны,
И не было в те дни вопроса
Важней спасения страны.
В стране режимный был порядок,
Как затянувшийся припадок...
Погибло двадцать миллионов!
Детей и взрослых. Не рабов.
Так что здесь — слабость батальонов
Или просчеты генштабов?
И почему погибло двадцать,
А не пятнадцать или пять?
Пора нам в этом разобраться,
Чтоб все до мелочи понять.
— Но победителей не судят! —
Тут возразит читатель мой.
Побед, поверь мне, не убудет,
Да только не такой ценой...

20 марта 1987 г.

Л. Викторова, преподаватель СПТУ, г. Киев

ПАМЯТИ МОЕГО ДЕДА

Уже давно нет в живых моего деда, Франца Михайловича Конопецкого, но свежи в памяти его рассказы... Мой дед родился в Латвии. Рано осиротел и был вынужден уехать на заработки в г. Харбин (Китай). Дед был почти неграмотным, но благодаря золотым рукам стал хорошим рабочим, затем дорожным мастером на КВЖД. По сложившимся историческим обстоятельствам (КВЖД была отдана Китаю) в 1935 году моему дедушке было предложено выехать в СССР. Он поселился на крупной узловой станции Рузаевка, где тоже стал честно

трудиться. Дед не был коммунистом, но был добрым, а главное, добросовестным человеком, мастером на все руки.

В 1937 году ночью пришли люди из НКВД, забрали ружье (дед был хорошим охотником, рассказывал об охоте в уссурийской тайге), пишущую машинку (его дочь окончила курсы машинописи, печатала слепым методом). Дед был оклеветан и сослан в отдаленные районы Крайнего Севера. Репрессиям подвергся и его брат. Трое сыновей брата, совсем мальчишки, были замучены в тюрьме. Один из них при свидании с отцом сказал: «Папа, меня сильно били». Моей матери при вступлении в комсомол указали, что она дочь «врага народа», во всех документах это было подчеркнуто красным. Во время войны моя мать ушла добровольно на фронт. Войну закончила в Плоешти врачом полка, имеет награды.

Но и после войны ее семье не давали покоя. Начал страдать и мой отец, кадровый военный летчик, партизан Белоруссии, которому пришлось терпеть унижения со стороны высшего начальства потому, что был женат на дочери «врага народа». Не являются ли и эти страницы (пребывание советских граждан на КВЖД, затем возвращение в СССР) «белыми пятнами» в истории нашей страны?

20 марта 1987 г.

Г. И. Арзуманов,
заслуженный юрист РСФСР,
полковник юстиции
в отставке, г. Владимир

Я ПЕРЕСМАТРИВАЛ ДЕЛА

Часть советских людей до сего времени находится в плену глубоких заблуждений о роли Сталина в истории нашего общества. Членом общества «Знание» я состою с 1951 года, являюсь лектором по секции государства и права. Видимо, и мне можно высказать свою точку зрения в надежде на ее публикацию. Она основана на известных мне материалах съездов партии, пленумов ЦК, других партийных документах, на более чем 40-летнем личном опыте правовой работы, в том числе и по пересмотру дел о государственных преступлениях, сфальсифицированных в период культа личности Сталина. Делами этой категории мне пришлось много заниматься во второй половине 50-х годов в республиках Средней Азии, где я работал тогда старшим помощником военного

прокурора ТуркВО по специальным вопросам (для сведения: все дела об измене родине, шпионаже, вредительстве, террористических актах как военных, так и партийных, советских и хозяйственных работников проходили через военные прокуратуры и военные трибуналы).

Бессмысленные репрессии, развязанные к тому же накануне войны, ослабили руководство практически во всех сферах жизни нашего общества, а в дальнейшем обстановка сложилась так, что на долгие годы ушла из жизни живая дискуссия, затормозилось творчество масс. Это Сталин, а не кто иной, препятствовал любому возражению снизу вверх, используя при этом механизм государственного подавления, который подчинил своему единоличному руководству. Видные юристы и чекисты, несогласные с подобными методами руководства, также оказались жертвами репрессий (Крыленко, Петерс, Кедров, Артузов и др.). Сталин под предлогом охраны государственных тайн отменил гласность и защиту в судопроизводстве по делам об особо опасных государственных преступлениях, ввел упрощенный метод расследования, чем лишил народ возможности какой-либо оценки обоснованности и степени справедливости применяемых репрессий. Подручные же типа Ежова, Берии, Абакумова — невежественные, жестокие карьеристы — всегда находились и беспрепятственно орудовали за ширмой, прикрытой трескучими лозунгами доверия к Сталину и революционной бдительности. Мы же, введенные в заблуждение речами Сталина, всему этому аплодировали, что не снимает моральной ответственности и с нас — представителей (еще живущих) старшего поколения.

Верно, в ходе войны Сталин перестроился, проявил твердость в достижении победы, но она обошлась нам очень дорого из-за ранее допущенных ошибок. Многие голоса, раздающиеся и поныне за возвеличивание Сталина,— результат неосведомленности о характере и объеме вреда, нанесенного в результате грубых ошибок Сталина, которые в течение последних 20 лет умалчивались. Более того, некоторые писатели, в том числе такие известные, как Стаднюк, произвол и беззаконие пытаются объяснить действием каких-то иных сил, а не ошибками Сталина в первую очередь, о чем было четко сказано на XX съезде КПСС. В отдельных кинофильмах исторические события искажены в пользу Сталина.

Настала пора рассказать народу правду о действительной роли и месте Сталина в истории, огласив соответствующие архивные документы. Тогда станет ясно, что к оценке

Сталина применима формула: «Имел значительные заслуги, но допустил еще более значительные ошибки». Мнение о том, что незачем обнажать ошибки Сталина — это, мол, льет воду на мельницу западной пропаганды,— заблуждение. Наоборот, ограждая былую славу Сталина, мы помогаем буржуазной пропаганде приписывать его пороки нашей социалистической системе, которая такие пороки не порождала. Важно знать прошлое, чтобы не допустить ошибок в будущем.

20 марта 1987 г.

В. С. Девятов,
член КПСС с 1944 года, г. Уфа

ВРАГИ ПЕРЕСТРОЙКИ

В течение многих лет определенная группа лиц пытается «обелить» и выдать за героев Сталина и его сообщников. Но те, кто это пытается сделать, это либо люди, которые сами принимали участие в уничтожении партийных и советских руководителей, добиваясь материальных благ и общественного положения, либо не понимающие всего трагического, что принес культ личности. Занимая высокие должности, они сдерживают перестройку и вредят ей.

Когда я пишу это, я руководствуюсь не злобой, а памятью о погибших от рук сталинских палачей, памятью о погибших в войне, которая при отсутствии культа личности не была бы такой тягостной и не принесла бы столько жертв. Культ личности подготовил почву для длительного застоя в последующем, а самое главное — воспитал неверие, обман, ложь.

20 марта 1987 г.

М. М. Обушко, ветеран войны,
65 лет, с. Сподобовка
Харьковской обл.

«МАЛЬЧИШКИ СТРАНУ ЗАСЛОНИЛИ СОБОЙ»

Я участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 года, прямо со школьной скамьи, принадлежу к тому поколению (1922 года рождения), о ко-

тором поется: «Мальчишки, мальчишки страну заслонили собой». Неужели народы так никогда и не узнают правду о «белых пятнах»? И вот наконец читаю в «Аргументах и фактах» правду об этом. Это взрыв истины.

О храбрости наших солдат, об их думах в дни войны надо рассказывать нынешнему поколению и тем, кто будет жить в третьем тысячелетии, после 2000 года. А от таких правителей, как Сталин, упаси господи! Сколько смертей, страданий и горя он принес поколению, победившему в Великой Отечественной войне! Заслуживает ли он после всего содеянного сохранения праха на Красной площади? И если кто-то заискивает, прося вернуть городу Волгограду его имя, то это было бы кощунством и надругательством над памятью тех, кто сложил головы, защищая Родину. Я пишу на языке простонародья, и таково мнение многих и многих, кто знает войну не по фильмам и книгам, а перенес ее на себе.

20 марта 1987 г.

А. Б. Бровер, ветеран войны,
г. Одесса

СПАСИБО ЗА ПРАВДУ

Мне знакомы некоторые работы академика АН СССР А. Самсонова: приходилось пользоваться его монографией о великой битве на Волге при работе над документально-художественной повестью о боях под Сталинградом (я участвовал в обороне города в составе 64-й армии).

О Сталине снова необходимо говорить хотя бы потому, что появляется много противоречивых суждений. Доходит до того, что некоторые граждане ставят под сомнение подлинность разоблачительных документов, которые были предъявлены делегатам XX съезда КПСС. Нередко слышу от людей моего поколения: «Мы с именем Сталина шли в бой!»

Что это за аргументы?! Я участвовал в сотнях боев, шел не раз в атаку как пехотинец и знаю цену словам. «Идти в бой» — не только добровольное дело, но и повиновение приказу. Если даже «шли в бой с именем», то это вовсе не означает, что именно в этом — источник духовной силы. Ведь в первую Отечественную войну шли в атаку с призывом «За веру, царя и отечество!». Однако никто не станет

утверждать, что бог и царь — главные вдохновители победы над Наполеоном.

Противоречивые мнения допустимы, но не в науке, призванной установить истину. Кто возьмется опровергнуть, что Сталин создал такую обстановку в стране, при которой его личные ошибки отзывались трагедией для миллионов советских людей? Если бы только ошибки!

Эмоции не учитываются исторической наукой. Историки в результате подлинно научного анализа должны создавать общественное мнение. И народ — творец Победы — не должен быть показан как безликая, инертная масса. Очень обидно за молодых людей, которые и сегодня готовы вернуться к «тем» формам управления. При этом такие граждане уверены, что им лично не угрожало бы ничто. Святая простота!

20 марта 1987 г.

А. Е. Хопин, ветеран войны,
г. Семилуки Воронежской обл.

НАПЕЧАТАЙТЕ ПРИКАЗ № 227

...Меня обрадовала статья «Знать и помнить». Когда читал о приказе № 227, то у меня потекли слезы. Ведь это был самый жестокий, самый суровый, самый сердитый и самый важный приказ, когда-либо обращенный к Красной Армии. 1 августа 1987 года будет 45 лет, как нам был зачитан этот приказ перед строем батареи батальонным комиссаром Яковом Рудкиным, и до сих пор все дословно в памяти. Убедительно прошу к знаменательной дате 45-летия разгрома фашистских войск под Сталинградом приказ № 227 напечатать полностью [1]. Пусть советский народ и наше поколение знают истинную правду нашей истории.

21 марта 1987 г.

[1] Эта просьба выполнена. См. мою статью «Сталинград: ни шагу назад!» (Московские новости, 1988, № 6, 7 февраля) и интервью «Сталин дал приказ...» (Известия, 1988, 14 августа). Позднее полный текст приказа № 227 был опубликован в «Военно-историческом журнале» (1988, № 8).

Г. И. Устиловский,
работающий пенсионер,
г. Сосногорск Коми АССР

О ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛИЗМА

Великий Ленин в последние годы жизни мечтал, верил, знал, что через десяток лет произойдет революция — если не мировая, то в Европе обязательно, и в первую очередь в Германии. И она бы произошла. Как только рабочий класс Европы увидел бы, какое счастье, какую свободу получил рабочий класс СССР и все трудящиеся нашей страны, он сломал бы машину капитализма, совершил бы революцию, социализм победил бы. И в Германии, именно в Германии к 1933 году победил бы социализм, а не фашизм. И не только в Германии (не без нашей помощи). А это значит — не было бы кровавой мировой бойни, в которой погибло 50 миллионов человек, в том числе 20 миллионов советских людей.

А что увидел рабочий класс, что увидели трудящиеся мира и коммунисты западных стран? 1930-й: перегибы и произвол во время коллективизации. Горе, слезы и кровь неповинных людей или повинных лишь в том, что в горячую пору работали в своем хозяйстве в поте лица, от зари и до зари. 1932-й: концлагерь за колосок ржи. Опять горе, слезы и кровь. 1933-й: при наличии хорошего урожая — голод и смерть на Украине[1]. 1934-й: XVII съезд ВКП(б), бурные аплодисменты Кирову и жидкие — Сталину. Убийство Сергея Мироновича Кирова — повод для репрессий. Репрессии начались не в 1937 году, они начались сразу после убийства Кирова, то есть с конца 1934 года, а в 1937—1938 годах аресты и расстрелы приняли массовый характер. Миллионы невинных, лучших, самых преданных социализму людей были расстреляны, убиты и замучены.

---

[1] Разразившийся в стране в 1932—1933 годах голод охватил сельские местности Украины, Дона и Кубани, Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала и Казахстана. Трагедии этого голода ярко описаны в лучших произведениях Михаила Алексеева — романах «Хлеб — имя существительное», «Ивушка неплакучая», особенно в «Драчунах». Начали писать о событиях 1932—1933 годов и советские историки. Многие из них придерживаются той точки зрения, что голод 30-х годов был вызван искусственно, его можно было избежать в результате более гибкой политики в сельском хозяйстве. См. публикации: *Данилов В. П.* Октябрь и аграрная политика партии.— Коммунист, 1987, № 16, с. 28—38; Коллективизация: как это было.— Правда, 1988, 26 августа, 16 сентября.

Произвол в лагерях. Коммунистов, приезжавших из стран Запада, также подвергали репрессиям. Не всех уничтожили. Часть вернулась в свои страны. Напрасно Сталин думал, что об этом за кордоном не знают. Сталинский произвол увидел рабочий класс, все трудящиеся, коммунисты капиталистических стран...

Только тот, кто не знает всего, что было, да еще живые сталинисты, творившие произвол, могут говорить о восстановлении имени Сталина. На Западе само это имя наводит страх и ужас. И стоит только официально обелить имя Сталина, как за кордоном скажут: «В СССР опять начинается произвол».

У меня нет никаких документов, кроме художественной литературы и материалов XXII съезда КПСС. Но у меня есть память. Я видел собственными глазами море слез и горя, кровь и горы трупов ни в чем не повинных людей. Вина их была только в том, что они были патриотами своей Родины, были преданы идеалам марксизма-ленинизма и верили Сталину. И чем яростнее и активнее они пытались доказать свою преданность Родине, тем крепче, изощреннее их били, то есть выбивали из них и веру, и патриотизм.

Я рядовой гражданин Советского Союза и пишу то, что я видел, и то, как я мыслю. Надо открыть все «белые пятна» истории. Лучше, во сто крат лучше, если мы сами скажем народу и всему миру правду, и только правду, и объясним ее с марксистско-ленинских, коммунистически-партийных позиций, чем это сделают наши идеологические враги, искажая правду, преувеличивая и объясняя все во враждебном нам духе. Мы, рядовые нашей страны, все видим, все чувствуем, все понимаем. И 80 процентов взрослого населения аплодируют Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Это не те аплодисменты, которые раздаются только в залах заседаний и совещаний. Это аплодисменты души и сердца.

Народ за перестройку, за ускорение, за претворение в жизнь решений КПСС. Предстоит трудная, очень трудная борьба. И если то, что наметил XXVII съезд, к чему призывает Михаил Сергеевич Горбачев, будет выполнено, то тогда рабочий класс, все трудящиеся, все честные люди Земли скажут: «Мы за такой социализм, мы не хотим, не можем, не будем больше жить при капитализме». Никто и ничто не удержит людей от притягательной силы нашего социализма.

21 марта 1987 г.

Т. Самборский,
старшина 2-й статьи,
Черноморский флот

О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Огромнейшее Вам флотское спасибо за беседу «Знать и помнить» не только от меня лично, но и от всех моряков-черноморцев, проходящих службу в нашей части. Уверен, что такого откровенного разговора о прошлом ждали миллионы людей. Наконец-то мы начинаем смотреть правде в глаза. И от этого на душе становится радостно... Так хочется, вернувшись на «гражданку», не видеть больше лицемерия и ханжества, не видеть в высоких креслах перестраховщиков! Ведь мое поколение сформировалось в то время, когда наши слова и лозунги очень часто расходились с делами. И как теперь измерить тот моральный урон, который нанесен нашей молодежи, будущему Советской страны? Если уж Вы взялись за такое дело, то просто не имеете права останавливаться на полпути. Настала пора поставить в открытую вопрос: «Может ли оставаться на священнейшем месте нашей страны, на Красной площади, бюст Сталина?» Даже если бы он санкционировал смерть одного безвинного человека, и то бы мы не имели никакого морального права перед нашими потомками оставлять Сталину ореол славы. Трудно даже представить, каких высот достигла бы сейчас наша страна, если бы не Сталин. Бюст Сталина за Мавзолеем — это просто надругательство над светлой памятью расстрелянных и погибших. Достоевский очень верно заметил, что главное чувство русского человека — это чувство справедливости. И справедливость должна быть восстановлена.

21 марта 1987 г.

Л. И. Мостипан,
участник войны,
пенсионер, г. Чернигов

ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ

Мой сотрудник, родившийся где-то лет через десять после войны и окончивший офицерское училище, твердо убежден, что И. В. Сталин — некомпетентный, случайно пробравшийся к власти человек, что он расстреливал всех неугодных ему людей, что Политбю-

ро — это просто была его компания и они вместе что хотели, то и делали, что Сталин, будучи невоенным человеком, узурпировал должность Верховного Главнокомандующего во время войны, все наши неудачи были только по его вине. А я лично считаю, что И. В. Сталин является великим полководцем.

Противоречивы утверждения академика Самсонова и о требованиях к людям, побывавшим в плену. Совершенно правильная была постановка вопроса — победа или смерть, никакого плена. А что бы получилось, если бы была тенденция, что можно и в плен попасть? Ведь много и безвольных людей было, которые вместо атаки шли к врагу с поднятыми руками. И недоверие к таким людям после их освобождения было вполне естественным, поэтому была необходима проверка, при каких обстоятельствах ты попал в плен. А если целые подразделения при отступлении попадали в окружение и с боями выходили из окружения, тут же присоединяясь к своим частям, то какие тут «белые пятна» в истории — непонятно.

21 марта 1987 г.

П. Щелок, г. Балабаново Калужской обл.

НЕ СОГЛАСЕН С АКАДЕМИКОМ

Политбюро видело развитие и распространение фашизма и принимало меры, какие были под силу нашей стране:

1. Развивалась оборонная промышленность. В 1935—1937 годах в четыре раза возрос выпуск самолетов и танков по сравнению с 1930—1931 годами, в три с лишним раза — артиллерийских орудий.

2. Ассигнования на оборону в 1928—1929 годах составляли лишь 10 процентов бюджета, в 1940 году — 32,6 процента.

3. Создавались укрепрайоны вдоль западной границы СССР. В приграничной зоне строились дороги, склады вооружения и боеприпасов, полевые и стационарные аэродромы. Укреплялись границы и на Дальнем Востоке.

4. На партийно-политическую работу в армию и на флот в 1939—1941 годы было направлено 9200 членов партии и политработников запаса.

5. С конца мая 1941 года начался призыв 793 тысяч советских граждан из запаса. 14 мая 1941 года нарком обороны дал указание о досрочном выпуске курсантов военных училищ.

6. 12—15 июня 1941 года западные приграничные округа получили приказ выдвинуть ближе к границе все дивизии, которые располагались в глубине. 19 июня, за три дня до войны, было дано указание выделить полевые управления фронтов и вывести их на полевые командные пункты.

7. Наркомат ВМФ принял решение перевести часть сил Балтийского флота из Лиепаи и Таллина в более безопасные места базирования.

8. Общая численность Советских Вооруженных Сил к июню 1941 года составила более 5 миллионов человек, причем больше половины из них — в западных приграничных округах, где было также 1800 тяжелых и средних танков, 37 500 орудий и минометов, 1540 самолетов новых типов. Поэтому нельзя сказать, что Советский Союз не готовился к войне и во всем, что случилось в начальный период войны, виновен И. В. Сталин. Было и преимущество у противника, которое заключалось в следующем:

1. Войска Гитлера заблаговременно были развернуты вдоль границы СССР в плотных, компактных группировках. В первых эшелонах враг имел 103 дивизии, из них 12 танковых, то есть почти вдвое превосходил силы первого эшелона советских войск.

2. Германия получала в год 348 миллионов тонн каменного угля, 43,6 миллиона тонн стали, 37,9 миллиона тонн чугуна, СССР — 166 миллионов тонн угля, 18,3 миллиона тонн стали, 14,9 миллиона тонн чугуна [1].

Работу, которая была проделана под руководством И. В. Сталина, трудно переоценить. Это эвакуация заводов в тыл и пуск их в кратчайший срок, это его умение и выдержка и, наконец, вера народа в него в то время. Именно в такую годину трудно даже представить другого человека на его месте.

21 марта 1987 г.

---

[1] См.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 1984, с. 34, 39—41, 48—50.

М. Я. Постол, ст. Атаманская Краснодарского края

МОЛОДЕЖЬ НЕ ЗНАЕТ ИСТОРИИ

14 июня 1986 года в телепередаче «Служу Советскому Союзу» мне довелось прослушать пресс-конференцию для молодежи, посвященную 45-летию со дня начала Великой Отечественной войны. Скажу откровенно, она произвела на меня тягостное впечатление. Особенно поразила беспомощность ответов старших. Впрочем, столь же поразительны были и вопросы молодых. К примеру: «Наша Красная Армия в первые месяцы войны показала свою небоеспособность. Чем это объясняется?»

Вот так! Ни больше ни меньше: «показала свою небоеспособность». Это о героях Бреста! Это о бесстрашных пограничниках, бойцах заставы А. В. Лопатина, павших, но не склонивших головы. Это о мужественных защитниках Лиепаи и Таллина, Минска и Смоленска, Киева и Одессы, сорвавших расчеты фашистов на молниеносный ход войны. О Николае Гастелло и Евгении Никонове. Об участниках первого крупного танкового сражения 23 июня под Ровно, в котором схлестнулось с обеих сторон до двух тысяч танков [1]. А далее? Это битва под Москвой, Ленинград, не сломленный блокадой. Это Одесса, Севастополь! Это, наконец, легендарный Сталинград!.. Как же вышло, что определенная часть нашей молодежи так плохо информирована о таких очевидных истинах? Не потому ли, что мы забыли элементарную обязанность старших: суметь и через горечь неудач донести до молодежи, до всех грядущих поколений непревзойденный героизм первых дней самой суровой, самой жестокой войны из тех, какие пришлось вести нашему народу.

Нашим идеологическим врагам нужно было принизить, оболгать наш подвиг, умалить значение нашей победы. Солдаты 42-го выполнили свой долг перед нами. А мы — мы еще нет!

Странно до сих пор слышать обывательскую трактовку заявления ТАСС от 14 июня 1941 года. Говорится, к примеру, что оно сыграло чуть ли не роковую роль в неудачном начале войны, так как дезориентировало страну (А. М. Ва-

[1] По мнению Г. К. Жукова, «сведения о танках оказались сильно преувеличенными» (в переговорах по «бодо» с командующим 5-й армией).— *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1974, т. 1, с. 276.

силевский)[1]. Помню, простые, малограмотные старики колхозники, ознакомившись с этим заявлением, глубокомысленно и убежденно говорили: «По всему — воевать с немцем будем!»

Мы должны быть предельно объективны в оценке своих исторических деятелей, в трактовке тех или иных событий, периодов нашей истории. Нельзя, чтобы мерилом в этом важном деле стали суждения обывателя, взгляды и воззрения воинствующего мещанства, чтобы, крича о культе личности Сталина, создавали культ безличности. Деятели, игравшие во многих великих событиях довольно-таки второстепенную, просто незначительную роль, стали выпячиваться на передний план истории...

Дорогие товарищи! Я понимаю, что статью Вы не напечатаете: очень уж она сердитая вышла. Но и отмолчаться я не смог.

21 марта 1987 г.

Е. А. Ушаков, ветеран войны,
член КПСС с апреля 1943 года,
г. Волжский Волгоградской обл.

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Я верю, что рано или поздно (и чем скорее, тем лучше) историография Великой Отечественной войны будет очищена от многих ошибок и умышленных искажений, без чего нельзя произвести и полностью завершить начатую апрельским (1985 года) Пленумом и XXVII съездом КПСС перестройку. Тогда только ее можно будет назвать революционной, если будет сказана вся правда о Великой Отечественной войне и дана оценка ее уроков. Делается в этом направлении мало и робко, а жаль: все меньше и меньше остается участников тех событий, без свидетельства которых обойтись нельзя.

До сих пор нет полной и правильной оценки роли И. В. Сталина в жизни нашего государства и в войне. До последнего времени в художественной и мемуарной литературе, в кинофильмах и публицистике чувствовался отход от той оценки деятельности И. В. Сталина, которую дал XX съезд КПСС. Создается впечатление, что кто-то упорно хочет обелить деятельность И. В. Сталина. Как ря-

[1] См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. В 2-х книгах. М., 1988, кн. 1, с. 119.

довой участник событий тех лет, я бы хотел предложить свой ответ на вопрос о неподготовленности нашей страны к Великой Отечественной войне и о вине в этом И. В. Сталина.

Да, к обороне в войне мы были не готовы. Более того, мы к ней на деле (а не на словах) и не готовились[1] (даже винтовками, как выяснилось, мы не были обеспечены в нужном количестве!). В вопросе об обороноспособности наш народ не просто обманывали — это не то слово,— а оболванивали. Все средства массовой информации и пропаганды гиперболически преувеличивали нашу военную мощь. До сих пор не перестаешь удивляться, как мы только могли в это верить! А к войне мы шли сами, к ней тянули нас предпосылки, создаваемые персонально И. В. Сталиным, и только им. Рассмотрим эти предпосылки.

В период 1937—1938 годов было уничтожено (давайте так называть это) 80 процентов высшего и 50 процентов старшего командного состава РККА (такие цифры приводил К. Симонов). В результате к началу войны недавние лихие командиры рот стали командирами дивизий, а вчерашние комбаты стали командовать военными округами. Люди делали головокружительную карьеру (замещать уничтоженных-то надо!). К. Симонов приводил пример, как за 14 месяцев старший политрук (капитан) вырос до корпусного комиссара (генерал-лейтенанта), оставаясь в душе все тем же старшим политруком. Также, видимо, оставался в душе старшим лейтенантом застрелившийся генерал Копец, командующий ВВС Белорусского военного округа, и комбатом — расстрелянный Павлов, командующий Западным фронтом. К началу войны командный состав РККА на всех уровнях в подавляющем большинстве своем был малоквалифицированным, не имел опыта командования, не говоря уже о боевом опыте. Очень многим командующим ноша была не по плечу. В целом командный состав РККА был запуган, морально подавлен, в гнетущей атмосфере всеобщей подозрительности и неуверенности не мог принимать ответственные решения и проявлять инициативу, что сразу же выявилось в первые дни войны. Красная Армия оказалась обезглавленной, что, бесспорно, учитывалось немцами. Если к началу войны в Испании мы шли наравне с Германией в техническом вооружении, то к концу начали значительно отставать. Наши неудачи в финской войне в какой-то степени побудили И. В Сталина за-

[1] См. раздел «Размышления о читательских письмах», с. 319—323.

няться перевооружением (что некоторые литераторы преподносят сейчас как его великое деяние), но начатые в 1940 году работы в этом направлении поправить положение уже не смогли. Это тоже учитывали немцы. В еще большей степени, чем военные, гибли на всех уровнях партийные и хозяйственные работники, специалисты народного хозяйства, деятели науки и техники (в том числе и создатели военной техники). Атмосфера была создана такая, что люди боялись брать на себя решения, проявлять инициативу, подозрительность глушила их мысли и действия. Все это не могло не сказаться на состоянии народного хозяйства. Уменьшение темпов экономического роста перед войной стало очевидным. И этого тоже не могли не заметить немцы.

Таким образом, кадровая политика Сталина (как не вспомнить демагогический лозунг «Кадры решают все» [1]) создала на каком-то отрезке времени снижение нашей экономической и военной мощи, чем и рискнули воспользоваться немцы. Именно рискнули, так как они сами прекрасно понимали авантюрность этой войны, но уж очень велик был соблазн воспользоваться результатами руководства Сталина. Мы сами создали предпосылки, сами «соблазнили» немцев на войну. Отсюда следует вывод, что, если бы во главе партии и государства с самого начала 30-х годов был бы не И. В. Сталин, а кто-либо иной, верный марксизму-ленинизму человек, настоящий коммунист, войны 1941—1945 годов, названной Великой Отечественной, вообще бы могло не быть!

Маршал Г. К. Жуков правильно пишет об общей отсталости нашей страны перед войной по сравнению с Германией. Но даже при той отсталости, том наличии войск в пограничных округах, вооружения и боеприпасов война могла бы развиваться совсем по-другому. Не были бы немцы ни на Волге, ни на Кавказе, и не было бы, конечно, 20 миллионов потерянных жизней. Почему, зная уже за 10 дней о дне и часе начала войны, не привели в боевую готовность войска на границе? Этого, как пишет Г. К. Жуков, не хотел И. В. Сталин, но сам-то начальник Генерального штаба Г. К. Жуков что в это время делал? Палец о палец не ударил, чтобы хоть за три дня сделать в пограничных округах то, что сделал, не ожидая ни команд, ни указаний, командир одной из дивизий (если не ошибаюсь, 41-й стрел-

---

[1] Лозунг «Кадры решают все» сам по себе правилен, но его существо в рассматриваемое время во многом извратилось.

ковой дивизии) под городом Рава-Русская: собрал дивизию в кулак, раздал боекомплект, закопался в землю, и немцы были уже на Днепре, а Рава-Русская еще держалась!

Г. К. Жуков даже не сделал то, что сделал адмирал Кузнецов, который вечером 21 июня объявил флотам готовность № 1 и приказал открывать огонь безо всякого предупреждения, если появится противник[1]. А войска на границе все ждали указаний: стрелять или не стрелять. Генеральный штаб, как известно, в течение первых суток войны дал три совершенно противоположные директивы. И последняя — «перейти в наступление и отбросить врага за границу» — говорила о том, что Генштаб не знал ни о положении противника, ни о положении своих войск на границе, далек был от реальной ситуации и потерял управление войсками (как бы ни пытался генерал Штеменко доказать обратное в своей книге).

Да, три дня могли изменить ход всей войны. Может быть, на ЭВМ будущих поколений, введя в них все возможные в те дни варианты (если сохранились архивы), «проиграют» несовершившиеся события. Если бы были использованы хотя бы эти три дня, немцы дальше линии Нарва — Псков — Витебск — Орша — Днепр не продвинулись бы. И не было бы столько погибших, мук и страданий народа, долгих четырех лет войны. Так что если подходить к рассмотрению и оценке событий тех дней с позиций «нового мышления», то И. В. Сталина нужно было бы судить после войны как преступника. А мы сотворили себе кумира...

21 марта 1987 г.

А. С. Титов, подполковник-инженер в отставке, инвалид войны, ветеран труда, г. Бобруйск

ВОЙНА НЕ БЫЛА ВНЕЗАПНОЙ

Перед войной я служил в Забайкальском военном округе. В конце 1940 года мы отрабатывали вопросы погрузки танков на железнодорожные платформы. В японских газетах появилось сообщение о

[1] Передача директивы о приведении войск приграничных округов в полную боевую готовность закончилась в 0 часов 30 минут 22 июня 1941 года. Однако проводная связь во многих местах была нарушена немецкими диверсионными группами.

том, что части Красной Армии перебрасываются с Дальнего Востока на Запад. Опровержение ТАСС сообщало, что это не соответствует действительности. А в действительности нам доставили фанеры в достаточном количестве, и мы на каждый танк и другую боевую технику делали фанерные ящики без днища и крыши. При погрузке танков на платформы мы закрепляли танки, ставили фанерные ящики, накрывали танковым брезентом, и получался на платформе большой прямоугольник. Так мы тренировались всю зиму и часть весны 1941 года. В конце апреля всех офицеров собрали в Доме Красной Армии. Перед нами выступил командир 17-й танковой дивизии полковник Корчагин, который заявил: «Товарищи командиры, мы с вами едем в длительную правительственную командировку, куда и на сколько — я не знаю. Семьи к вам приехать не смогут, адрес ваш будет — полевая почта. Вы не сможете сообщить семьям, где находитесь, так как военная цензура зачеркнет все лишнее. Поэтому, чтобы семьи не волновались и не остались без денег, оставьте им денежные аттестаты».

1 мая мы погрузили танки, все установили и закрепили как положено, эшелон отправился в путь. Так началось наше передвижение на запад. На станции Иркутск нас задержали минут на 30—40, и за это время туда прибыло 9 таких эшелонов. Это двигалась на запад вся 16-я армия. Где-то между станциями Тайшет и Зима наш эшелон остановили для принятия пищи. И откуда только взялись люди, как из-под земли выросли женщины и дети, которые с плачем разыскивали близких и родных. Они причитали: «Родненькие, вы едете на войну!» Даже простые смертные знали, что скоро будет война.

Если речь идет о последних предвоенных днях, то надо спросить с С. К. Тимошенко и Г. К. Жукова, почему они так долго писали директиву войскам и никаких команд западным округам не дали, чего не произошло с ВМФ: Кузнецов предупредил все флоты и флотилии. И почему для западных округов нападение фашистов явилось неожиданностью? Простите меня, за что же тогда Павлов, Кирпонос и другие получали деньги? За княжение и за то, чтобы постоять на трибунах во время наших праздников? Какие им еще нужно было давать указания?

В мае 1942 года под Харьковом немцы окружили почти пять наших армий [1] и основную массу войск бросили на Ста-

[1] Окружены были 6-я, 57-я армии, часть 9-й армии и оперативная группа генерала Л. В. Бобкина.— См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т. 2, с. 70.

линград и Кавказ. Фактически перед ними не только не было сплошного фронта, но и достаточного количества наших войск на отдельных направлениях. Действовали только 38-я армия генерала Москаленко и отдельные части, которые прибывали из стратегических резервов, чтобы задержать стремительное продвижение фашистских войск на Сталинград и Кавказ. Так что вермахту нечего было «прорывать нашу оборону», как об этом пишет тов. Самсонов. Она была прорвана южнее и севернее Харькова еще в 20-х числах мая.

Видные полководцы гражданской войны — Буденный, Ворошилов, Тимошенко — в Великой Отечественной оказались совершенно беспомощными и бездарными как полководцы и ни одной успешной операции не провели. И совершенная противоположность им — действия Г. К. Жукова и никому не известного до войны Черняховского. Понадобятся еще десятилетия, а возможно, и столетия, чтобы установить достоверность происходивших событий накануне и в период второй мировой войны (как это было с «потемкинскими деревнями», пока Пикуль не докопался до истины).

Немного о себе. Я начал войну 25 июня на Юго-Западном направлении в должности заместителя командира танкового батальона. Были на защите Киева до сентября 1941 года. Когда в полку не осталось ни одного танка, убыл на формирование в Костеревские лагеря (Владимирская обл.). Там заканчивала формирование 8-я танковая бригада. Ее формировал полковник П. А. Ротмистров, который вел нашу группу по тактике в Военной академии механизации и моторизации РККА. С этой бригадой я защищал Москву, участвовал в наступлении под Москвой. Потом мне дали предписание в штаб 30-й армии, чтобы там меня поставили на батальон. Начальник отдела кадров 30-й армии спросил, за что я понижен на две ступени и как я мог выйти из-под Киева. Я пытался ему объяснить, как все было. Он не стал меня слушать, а сказал: «Пойдете командиром эвакуационного взвода с испытательным сроком». До ноября 1942 года я проходил «испытательный» срок. В августе наши войска подошли вплотную ко Ржеву. Был освобожден Ржевский аэродром, на котором находилось очень много фашистских авиабомб, но все они были под ружейно-пулеметным и минометным огнем противника, не говоря об артиллерийском огне. Мне приказали от имени командующего армией генерала Лелюшенко эвакуировать эти авиабомбы. Днем это невозможно было сделать, да и ночью на машинах к ним не подъедешь, ибо по шуму моторов сразу открывали

огонь. Тогда мне дали 14 лошадей, и вот на лошадях ночью мы вывозили эти авиабомбы в скрытое от фашистских наблюдателей место. Чтобы лошади не ржали, им надевали на морды торбы с овсом. За месяц я со взводом эвакуировал 22 500 авиабомб массой от 10 килограммов до тонны. За отличио проведенную работу меня направили под Сталинград на прежнюю должность заместителя командира танкового батальона. Освобождал Украину, Крым, Белоруссию, участвовал в Параде Победы 24 июня 1945 года.

Всего Вам самого доброго и хорошего! Извините за резкость, не выдерживают нервы, все внутри кипит, а мне уже за семьдесят.

22 марта 1987 г.

А. Каретников, водитель,
22 года, г. Елабуга
Татарской АССР

ЧТО Я ЗНАЮ

Дорогой Александр Михайлович, Вы говорите в своем интервью, что молодежь весьма плохо знает нашу историю. Мне 22 года, и я причисляю себя к молодежи. И вот что я знаю: в период с 1936 по 1940 год по ложным и смехотворным обвинениям погибли многие выдающиеся деятели партии, государства и вооруженных сил. Не последнюю роль в этом сыграли пресловутые Н. И. Ежов и Л. П. Берия. К этим двоим я хотел бы добавить еще третьего — А. Я. Вышинского. Как Вы, Александр Михайлович, оцениваете роль этого человека в нашей истории? Это его бредовые «обвинительные акты» звучали в стенах Дома союзов, где судили многих и многих...

9 сентября 1939 года Гитлер взял Варшаву и получил по этому поводу поздравительную телеграмму от... Молотова. Что это?! Где осуждение гитлеровской агрессии? [1]

В декабре 1939 года Сталин отмечал свое 60-летие. Его поспешил поздравить с этим юбилеем германский посол граф Шуленбург, поздравление опубликовано в газете «Из-

---

[1] Автор не совсем точен. 9 сентября 1939 года германский посол в СССР Шуленбург отправил в МИД Германии телеграмму такого содержания: «Я только что получил от Молотова следующую телефонограмму: «Ваше сообщение о вступлении германских войск в Варшаву получил. Передайте германскому правительству мои поздравления и приветствия. Молотов» Шуленбург».— См.: Akten zur deutschen auswäztigen Politik. 1918—1945. Serie D.— Baden Baden, 1968, Band 8, S. 27.

вестия» 25 декабря 1939 года. В 1940 году в Бресте устраивались совместные военные парады частей вермахта и нашей армии. Это уже вообще кощунство и издевательство над памятью будущих жертв. И к тому же гитлеровские генералы в Бресте не теряли времени понапрасну — они внимательно изучали наши укрепления, готовясь к будущей агрессии. Согласитесь, Александр Михайлович, все это мало похоже на «укрепление обороноспособности», а скорее смахивает на сознательный и целенаправленный подрыв ее... Все это закончилось падением Киева, где попали в окружение четыре армии Юго-Западного фронта под командованием Буденного[1], блокадой Ленинграда и катастрофической ситуацией у стен Москвы. И только беспримерное мужество народа позволило разгромить фашизм.

22 марта 1987 г.

В. Тонких, работник «Союзпечати», 26 лет, г. Волгоград

ИСПОВЕДЬ ВОЛГОГРАДЦА

И личность Сталина, и роль его в истории заслуживают, пожалуй, отдельной большой книги. Хуже нет, когда замалчиваются имена и факты. Да и нет у нас в стране непосвященных. Те, кто жил в те прекрасные, трудные, грозные, страшные годы, знают все имена и многие факты, а те, кто родился позже, знают от тех, кто знал, или из книг и фильмов. Я — из книг. Книг, где скупо и осторожно кидали аргументы и факты, имена и фамилии. С ужасом в сердце я читал про 37-й и 38-й, 39-й и 40-й, про «ставших лагерной пылью», как писал Твардовский. Мне не хотелось верить этим великим писателям — и Симонову, и Шолохову, и Эренбургу, и Трифонову, и всем, всем им... Но время шло, и верить приходилось. Я верил своему отцу, двое близких родственников которого сгинули во тьме конца 30-х, а он и не знал тогда, что и могил их не найдут. И в 15—17 лет (мне как раз столько и было) в душе моей произошел надлом. Я, истово веривший во все наши идеалы (а иначе и быть не могло у более или менее думающего школьника в этом возрасте), верить во многое перестал. К несчастью, пора формирования моих жизненных устано-

[1] Юго-Западным фронтом командовал М. П. Кирпонос.

вок пришлась на конец 70-х — «годы давние, глухие», когда на стенах классных комнат вместо портретов Ленина висели портреты «скромного» деятеля из Днепропетровска с пятью звездами на пиджаке. В те же годы в кино и книгах стали проглядывать такие мысли: Сталин, дескать, был велик и останется таковым, а «ошибки» — ну, у кого их не было... А мне было противно и горько видеть за стеклами ЗИЛов и КамАЗов орлиные профили и портреты генералиссимуса. Не мной сказано: «Не может называться коммунистом тот, у кого руки по локоть в крови». И спорил я до хрипоты, цитировал «Письмо к съезду» В. И. Ленина, сыпал фамилиями, но ни имя вождя, ни имена Блюхера, Тухачевского, Егорова, Гамарника, Орджоникидзе, Артузова и прочих впечатления не производили. Мне в ответ хрипели, что при Сталине жизнь была разлюли-малина, все было, и все было дешево, был порядок, не было беспорядка, с его именем бросались под танки и т. д. и т. п. Уверяли, что по сравнению с 70-ми годами 30-е и 40-е — рай. В какой-то степени я понимаю моих оппонентов. Попробуйте 20 лет внушать народу, что Сталин — бог, затем 3 года помалкивать, 8 лет крушить самое упоминание о нем, потом лет 15 потихоньку восстанавливать «доброе имя», а потом...

А потом я впервые прочел «Новое назначение» Бека, «Исчезновение» Трифонова, «По праву памяти» Твардовского и «Фуку» Евтушенко. Три первых произведения были в свое время прикрыты и не издавались. А в «Фуку» я впервые прочел фамилию «Берия» помимо учебника истории КПСС и был потрясен тем, как сумел Евтушенко изобразить этого омерзительного «ястреба» в нескольких строчках, и лишь тогда понял полностью смысл фразы из симоновского «Солдатами не рождаются»: «Жаловаться было некому».

Хвала и слава Тенгизу Абуладзе за его фильм «Покаяние»!..

И последнее. Один из ваших корреспондентов предлагает вернуть имя Сталина городу на Волге. Я — волгоградец и новым именем города горжусь. А уж если возвращать старые имена всем городам, то, боюсь, запарятся картографы, ведь в честь «отца народов» было названо городов никак не менее 10 или 15. И, в конце концов, хватит смешить людей. А то у нас есть города, в течение каких-то 30—50 лет переименованные по три-четыре раза. Может, хватит?

21 марта 1987 г.

М. М. Котина, г. Москва

ИЩУ БРАТА

Наконец-то гласность коснулась «белых», «больных пятен» Великой Отечественной войны. Простите, что пишу Вам о личном горе, но оно переплетается с общенародным и потому оправдано. Все годы я пыталась найти следы 3-й гвардейской дивизии, в которой служил мой брат Половец Исай Маркович, 1923 года рождения. Официальные органы не имеют сведения о передвижении этой дивизии, и мне не удалось найти ни одного участника событий. По неофициальным данным, дивизия была сформирована из комсомольцев-добровольцев (брат пошел тоже добровольцем) и, необученная, брошена на финнов. А финны, как говорят, в плен не брали и ее всю скосили. Так рассказывал один фронтовик в годы войны. В Лодейном Поле мне говорили, что дивизия попала в окружение и вышла к Лодейному Полю в количестве 600 человек. За многочисленные ошибки командования расплачивались наши братья и отцы. По моему мнению, виноваты и мы, живущие, что своим молчанием допустили эту трагедию. Простите, что так пишу, но мне кажется, что я стою под Вашими знаменами.

Мне бы хотелось узнать, занимается ли кто-нибудь из историков Ленинградским фронтом и окруженными там дивизиями, и можно ли мне об этом узнать.

23 марта 1987 г.

Н. В. Огарев, ветеран войны,
член КПСС с 1943 года,
г. Кириши Ленинградской обл.

ИСТОРИЯ — МОСТ В БУДУЩЕЕ

После встречи писателя Л. Фейхтвангера со Сталиным появилась небольшая книга Фейхтвангера, озаглавленная «Москва 1937». В ней Фейхтвангер приводит слова Сталина о том, что для такого некультурного народа, который населяет Советский Союз, прямо-таки необходим кумир. Народу он будто бы нужен для того, чтобы следовать за кумиром, иначе собьется с правильного пути. Передаю я это по памяти, но смысл имен-

но таков. То есть, по мнению Сталина, такое «высшее существо», безусловно, необходимо, иначе никакого порядка не будет. Меня в свое время чтение этой книги привело в недоумение. Но в подлинности сказанного Сталиным у меня сомнений нет, так как издательство-то было советское. Известно, как некоторые товарищи, выступавшие в те годы против подобной установки, поплатились за это, в том числе многие партийные и советские руководители.

Скажу несколько слов о руководстве Сталина обороной страны. Мне как офицеру 313-го артполка 115-й стрелковой дивизии пришлось в начале войны занять оборону на линии Выборг — станция Хиитола. Несмотря на вражеские огневые налеты и бомбежку, дивизия получила указание «ответного огня не открывать». Якобы из тех соображений, что немцы должны быть лишены возможности обвинить советскую сторону в нападении. И мы, затаившись, молчали, а нас в это время поливали огнем. После первых настоящих шквалов войны дивизия, пройдя Ленинград, попала в Невскую Дубровку, где и начала собственно боевые действия. Плацдармом был клочок земли на левом берегу Невы — «пятачок», окруженный со всех сторон противником, который имел в сравнении с нами многократное превосходство и в людях, и в технике. Приказом Ставки нашей дивизии при содействии некоторых других частей было предложено прорвать оборону противника (13 полос укреплений!). На этом «пятачке» мы потеряли, только по официальным данным, 75 тысяч[1] солдат и офицеров! Стояла суровая зима. Одежда — летнее обмундирование! Промерзшую землю не раскопать ни зубами, ни лопатой. Делали укрытия из трупов погибших. Снабжение боеприпасами было поставлено из рук вон плохо. Например, боекомплект на орудие составлял всего пять снарядов. И стрелять позволялось только с особого разрешения! Не хватало даже винтовок и патронов к ним. Продснабжение: на сутки один сухарь и в лучшем случае (если удастся переправить с другого берега) суп — котелок мутной жидкости, про которую бойцы говаривали: «Крупина за крупиной гоняется с дубиной». Настроение в войсках, прямо скажу, было подавленное. Бытовало мнение о бездарности и неспособности нашего командования. А что иначе подумаешь, если почти повсюду мы отступали.

[1] Наступательные операции на Северо-Западном направлении зимой 1941/42 года подготовили условия для прорыва блокады Ленинграда. Точные цифры наших потерь не опубликованы.

Трагическим итогом просчетов Сталина явилось и то, что агрессор потерял вдвое меньше людей, нежели советская сторона, тогда как при должной подготовке обороны это соотношение всегда обратное. Необоснованные репрессии многих выдающихся военачальников также явились причиной неудач первых лет войны.

История — мост в будущее. Без ее познания можно снова попасть в такое же положение, в каком мы оказались 22 июня 1941 года.

23 марта 1987 г.

В. Я. Грачев, член КПСС с 1952 года, г. Ленинград

НЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЯТЬ НАРОД И ПОЛКОВОДЦЕВ

Я не согласен с академиком А. Самсоновым, когда он говорит, что не военачальники, не полководцы выиграли войну, а народ. При жизни И. В. Сталина победу в Великой Отечественной приписывали ему, роль народа крайне принижалась. В интервью А. Самсонова крайне принижена роль полководцев. Крайности нам ни к чему. Войну выиграл народ, руководимый полководцами, и прежде всего такими, как маршал Г. К. Жуков. Наши потомки будут чтить его так же, как мы чтим Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова. И все победы, одержанные русскими войсками, были одержаны под руководством полководцев, и противопоставлять одних другим в корне неверно.

В репрессиях 1937—1939 годов повинен в основном И. В. Сталин. Его формула о том, что с победой социализма классовая борьба обостряется, легла в основу деятельности соответствующих органов.

Все это пережито, главное — не повторить ошибок прошлого. Тех лиц, которые преднамеренно или в угоду кому бы то ни было искажают историю, предлагаю в законодательном порядке привлекать к уголовной ответственности.

23 марта 1987 г.

Г. А. Пушкарев, инженер,
г. Свердловск

УВЕКОВЕЧИТЬ ПАМЯТЬ Н. С. ХРУЩЕВА

Несколько раз приходилось слышать в разговорах, что сейчас к руководству страной пришли, образно говоря, «дети Хрущева» и что они собираются довести до конца те реформы в экономической и социальной жизни, которые ему не дала в свое время провести организованная бюрократия.

Волюнтаризм волюнтаризмом, но, видимо, светлые моменты того периода в памяти современников живы. Как известно, в бытность Н. С. Хрущева получила право на жительство в современных условиях идея мирного сосуществования, реализован целый комплекс социально-экономических мероприятий (переход на 7-часовой рабочий день, новое пенсионное законодательство), дали первые всходы ростки гласности. Можно рассуждать о волюнтаристичности решений Н. С. Хрущева в последние годы его пребывания на посту Первого секретаря ЦК КПСС, но, думается, никто не может оспаривать его мужества в деле развенчания культа личности и признания связанных с ним трагических событий. За одно это он заслуживает глубокого уважения. Отрадно, что наконец-то в прессе появляются публикации, призывающие объективно оценить деятельность Н. С. Хрущева (одна из последних — в «Советской культуре» от 21 марта 1987 года — беседа с профессором Ю. Н. Афанасьевым).

Восстановление имени Н. С. Хрущева в истории — это хорошо. Но, думается, необходим и другой шаг. Сейчас, как известно, идет коренная ломка устоявшихся стереотипов в истории нашего государства, объективное осмысление деятельности того или иного лидера страны. Было бы справедливо, на мой взгляд, в развитие этого увековечить память Н. С. Хрущева, как это делалось в отношении других крупных деятелей нашего государства. Я бы предложил даже более решительный шаг — перенести прах Н. С. Хрущева к Кремлевской стене.

Я понимаю, что Вашему изданию («Аргументы и факты».— *А. С.*) не по плечу решать подобные задачи. Но ведь Вы высказываетесь на подобные острые темы... Каково Ваше мнение на этот счет?

23 марта 1987 г.

В. В. Бендюков, инженер,
35 лет, г. Уфа

РАССКАЖИТЕ О ХРУЩЕВЕ, СУСЛОВЕ, КОСЫГИНЕ, БРЕЖНЕВЕ

В ответах академика А. М. Самсонова содержится анализ деятельности И. В. Сталина. Но...

1. До сих пор нет какой-либо серьезной оценки работы Н. С. Хрущева. В учебниках по истории КПСС, справочниках и энциклопедиях (например: Советская военная энциклопедия. М., 1976—1980) ничего хорошего не говорится об этом человеке, он предстает как субъективист и волюнтарист. Разве только в этом правда? Никита Сергеевич сделал много доброго для партии и народа. Именно при нем получили начало многие стороны нашей жизни, которые возрождаются сейчас: гласность, демократизация. Руководящие партийные кадры систематически обновлялись. Быстрыми темпами решалась жилищная проблема, обострившаяся теперь снова. Было бы несправедливо забывать обо всем хорошем, связанном с именем Н. С. Хрущева.

2. Нет вообще никакой оценки деятельности Суслова, длительное время отвечавшего за идеологическую работу. А ведь в материалах январского (1987 года) Пленума сказано о плачевном состоянии и догматизме идейно-теоретической работы. Нет ясности об отношении Суслова к деятелям культуры (В. Высоцкому, А. Тарковскому, Э. Климову), подвергавшимся гонениям и травле.

3. Нет объективной оценки роли А. Н. Косыгина, который 10—15 лет назад пытался перевести экономику на путь интенсивного развития и коренной перестройки. Но его рекомендации так и не были приняты. Алексей Николаевич умер, так и не увидев ценности и значимости своих выводов и оценок. А вклад Косыгина в реализацию внешнеполитического курса СССР? Он способствовал ликвидации индийско-пакистанского конфликта (1971 год). Но в вышедшем недавно «Дипломатическом словаре» нет статьи об А. Н. Косыгине.

4. Непонятна оценка и роли Л. И. Брежнева. Ведь если прочитать материалы последних партийных документов, то критика его деятельности в области внутренней политики, особенно конца 70 — начала 80-х годов, вытекает сама собой, но почему-то не фигурирует нигде, разве что намек есть в статье в «Правде» от 19 декабря 1986 года.

23 марта 1987 г.

А. Сафонов, г. Кишинев

ОПУБЛИКОВАТЬ СТЕНОГРАММЫ

В последнее время многие авторы касаются вопроса о репрессиях 1937—1938 годов. Этот вопрос не надо обходить. Но скажу прямо: мне, например, все же непонятны причины ареста Тухачевского, Якира, Корка, Уборевича и других. Неужели это было совершенно необоснованно, без всяких причин? Суд над военными в июне 1937 года был закрытым. Но и при реабилитации 1957 года никаких конкретных обстоятельств сообщено не было. Просто вчера виновны, а сегодня нет. Неужели суть в том, что этих военных просто оклеветали? Ведь на процессе находились К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Б. М. Шапошников, другие руководители РККА, они бы не позволили чинить явное беззаконие, да и правительство пристально следило за ходом следствия. В воспоминаниях К. А. Мерецкова говорится, что в июне 1937 года состоялось совещание в Кремле с участием И. В. Сталина. После того как присутствующих ознакомили с материалами следствия, Сталин предложил каждому откровенно высказать свое мнение. Мерецков сказал, что, например, за Уборевичем он ничего не замечал и верил ему. Сталин ответил: «Мы тоже верили им, а вас я понял правильно». Процесс, повторяю, был закрытым, но за 50 лет степень секретности, видимо, снизилась. Почему бы не опубликовать стенограммы судебных заседаний, материалы следствия?..

Предлагаю ввиду большой важности вопроса провести всенародный референдум, посвященный оценке роли И. В. Сталина в истории СССР, создать специальную юридическую комиссию с привлечением представителей общественности для рассмотрения судебных дел 1937—1938 годов и, если возможно, опубликовать судебно-следственные материалы[1]. Это будет наглядным доказательством демократизации нашего общества.

23 марта 1987 г.

---

[1] Политбюро ЦК КПСС создало комиссию по дополнительиому изучеиию материалов, связаиных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. Результаты работы комиссии иачииая с февраля 1988 года публикуются в центральиой печати.

В. А. Смирнов, пенсионер, ветеран войны, г. Кашира Московской обл.

О «БРАТЬЯХ ПО КЛАССУ»

Еще в 30-е годы в начальных классах школы нам учительница вдалбливала, что «братья по классу», переодетые в солдатские шинели, насильно согнанные капиталистами для войны с нами, не будут воевать против страны рабочих и крестьян. А мы, глупенькие, слушали, верили, и в нашем воображении уже мерещилась эдакая легкая война, в которой «братья по классу» полками и дивизиями будут переходить на нашу сторону, с капитализмом во всем мире будет покончено. Мы верили в классовую сознательность немецкого, итальянского, румынского, венгерского, финского рабочего класса.

Эта вера была и в Красной Армии. На учениях перед войной один из «красных» взял в плен красноармейца из группы «синих» и привел к командиру на допрос. Тот сказал: «Ну зачем ты взял его в плен? Если начнется война, солдаты противника будут батальонами переходить на нашу сторону, у нас будет много «языков»...»

Так создавалась теория о войне на чужой территории. Перед войной вышла книга Н. Шпанова «Первый удар» — о будущей войне с Германией. Автор за 30—45 минут одним налетом советской бомбардировочной авиации выводит из строя всю германскую военную промышленность. После чего германский рабочий класс поднимает восстание против Гитлера, Красная же Армия переходит границу Польши и воюет на чужой территории. Сейчас об этом стыдно читать, но это было... Вполне порядочные люди в розовых очках хотели доказать, что наши потенциальные противники — всего-навсего заблудшие овечки, обманутые злыми гитлерами, муссолини, хорти и прочими. Наступил 1941 год, и на западной границе перед самой войной можно было встретить такой плакат, обращенный к «братьям по классу»: «Стой! Здесь страна рабочих и крестьян. Не стреляй в братьев-пролетариев!» Прекрасные слова для порядочных людей, но, я думаю, не надо рассказывать, что было на деле... Мы были тогда во многом наивны как дети.

24 июня на реке Сан был взят в плен молодой немецкий солдат. Он до армии работал слесарем, а жена у него — прачка. На вопрос, что его заставило воевать против страны рабочих и крестьян, он ответил:

— Гитлер обещал каждому солдату за этот поход боль-

шую сумму денег и 50 гектаров советской земли с советскими рабами.

Гитлер возвел низменные инстинкты в ранг государственной морали и политики... Национал-социалистская немецкая партия разбухла до 10,5 миллиона человек, куда входили и «братья по классу»[1].

Шли первые недели войны, а под Львовом красноармейцы нашего 8-го мехкорпуса спрашивали у комиссара Попеля: «Как там чувствует себя немецкий рабочий класс? Не поднял ли он восстание против Гитлера?»

Нынешнему поколению надо знать всю правду, и хорошую и плохую, не только о толстосумах, но и о рабочих и крестьянах Запада, чтобы не быть такими наивными, какими мы были в начале войны. Мы должны учиться у истории, у трагического 1941 года. Я за правду.

24 марта 1987 г.

А. Е. Дорошенко,
офицер запаса, г. Минск

ПЛОДЫ ХАЛАТНОСТИ

27 мая 1941 года Генштаб дал западным приграничным округам указание строить в срочном порядке полевые фронтовые командные пункты, а 19 июня перевести туда фронтовые управления. Управление Одесского округа добилось такого разрешения ранее. 12—15 июня было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округов, ближе к государственной границе. 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, склады и базы, рассредоточить самолеты на аэродромах. Почему же не было сделано это повсеместно? По халатности и низкой исполнительности. В результате в первый же день войны более тысячи самолетов погибло, так и не взлетев.

Просчеты в определении срока нападения, вернее, отсутствие команды сверху — жди, мол, завтра в 4.00 на тебя нападут — не помешали тем частям, где был должный уставный порядок, как положено встретить врага. Черноморский флот отразил первый же налет фашистской авиации на порт

[1] По заявлению Гитлера, к концу 1937 года нацистская партия вместе с примыкавшими к ней организациями насчитывала до 25 миллионов человек.— См.: История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 294.

Севастополь. Моряки в самом начале войны захватили два города на побережье Румынии и две недели удерживали их до получения приказа об отходе. Почему защитники Брестской крепости так долго дрались, почему в Заполярье остался участок границы, который фашисты так и не смогли преодолеть? А Перемышль на Украине? Застава лейтенанта Лопатина сражалась 11 дней! Примеры можно продолжить.

Если бы Сталин был заурядной личностью, заурядным полководцем, то по логике вещей он подобрал бы себе таких же заурядных заместителей, а не Жукова, Василевского и других. Заслуги Сталина и его упущения давно уже не являются «белым пятном» истории, как это может показаться. Просто надо выводы, все «за» и «против» рассматривать в единстве, с глубоким анализом, а не односторонне и тенденциозно. За Сталина в понимании Самсонова я обижен. А во всем остальном — обеими руками «за». В нашей истории много материалов, о которых мы вообще представления не имеем, как, например, о сути обвинений, выдвинутых в отношении Тухачевского, Якира, Уборевича, Блюхера и других. Сохранились ли в архивах дела на них, кем состряпаны? Хотелось бы увидеть стенографические отчеты о съездах партии, пленумах ЦК. А может быть, есть вещи, о которых не следует писать в широкой печати из этических соображений?

24 марта 1987 г.

М. С. Румянцев, участник войны, ветеран труда, г. Житомир

ЗАСЛУГИ НЕ ИСКУПАЮТ ВИНЫ

Мне 73 года, и я хорошо помню многие события, которые происходили в Советском Союзе в суровые годы культа личности Сталина. Первым событием тех черных лет было совершенное 1 декабря 1934 года убийство в Смольном С. М. Кирова. В тот морозный день я был в Ленинграде и видел не только сам город Ленина, одетый в траур, но и великую скорбь на лицах людей. И тогда негласная тень вины за гибель великого трибуна революции пала на Сталина, усмотревшего в Кирове своего соперника.

Вторым событием был учиненный Сталиным сокрушительный разгром руководства Красной Армии. В мае 1937 года политрук полковой школы в Ораниенбауме вошел однаж-

ды вечером в красный уголок и потребовал снять со стены портрет командующего Ленинградским военным округом Дыбенко. И в тот момент каждому, кто находился в помещении, интуиция как бы подсказала, что произошла какая-то ошибка. Ведь он, Дыбенко, на Пулковских высотах руководил войсками, защищавшими красный Питер от интервентов. И ни у одного из курсантов не поднялась рука снять портрет прославленного полководца.

В ту же ночь был арестован командир 2-го железнодорожного полка Дмитриев и командир соседнего 1-го железнодорожного полка (фамилии которого сейчас не помню). А когда я поехал в Ленинград в увольнение, был, что называется, шокирован тем, что в витрине магазина культтоваров, где ранее красовались портреты красавца Тухачевского, бравого Блюхера, Яна Гамарника, Уборевича, Якира, Дыбенко, остались из известных мне тогда только портреты Буденного, Ворошилова да Тимошенко. И я подумал о том, что руководство Красной Армии понесло тяжелые, ничем не восполнимые утраты.

Заслуги Сталина в Великой Отечественной войне не могут искупить перед советским народом вину за гибель ни в чем не повинного и многочисленного руководящего состава Вооруженных Сил страны.

24 марта 1987 г.

Ю. Дротьев, литсотрудник районной газеты, 31 год, г. Дубоссары Молдавской ССР

БОЮСЬ ЗА СУДЬБУ ПЕРЕСТРОЙКИ

Уважаемая редакция «Аргументов и фактов»! В свое время я открыл для себя ваш еженедельник. Очень поразился смелостью вопросов и ответов. Читал и не верил, что десятки вопросов, на которые сам ищу ответы, здесь опубликованы на протяжении последнего времени. Достаточно и тех открытий, что сделал для себя о роли Сталина, о «темных» временах 1937—1939 годов (мне говорили, что в 1947 году эта кампания продолжалась). У нас несколько соседей исчезли бесследно в те годы. Но и сейчас есть проявления старого — случай с журналистом Бехтиным в Ворошиловграде. Так у меня появились сомнения. Молодежь бесит, что есть «божки», которым до поры

до времени все дозволено. Одной гласности здесь уже мало. У нас в Молдавии тоже был Вышку[1] с компанией. Посадили их, но они выживут и всплывут. Я уверен на 100 процентов. Нынешний энтузиазм (какой есть) перестройки может угаснуть со временем, когда результатов будет меньше, чем предполагалось. А работай те же взяточники в лагерях по 15 лет или их «к вышке» — делу будет малый урон. Мне кажется, наши грехи — в безбоязненности, идут от нее. В кино глупо показывали «бывших»: мол, переживают, переосмысливают. А они ведь классовые враги, говорили одно, делали другое! Я могу понять обстановку полувековой давности. Тогда страх парализовал народы. Недавно прочел поэму А. Твардовского «По праву памяти». Убедился в своей правоте. А вообще подобную литературу при всей обстановке гласности достать невозможно: что попало кому в первые руки — тот и хозяин журнала.

И вообще, последние события говорят о том, что мы еще мало знаем о прошлом. То, что раньше писали — ложь, ныне — лишь шаг к истине. Я, например, не знаю, как быть. Может ли кто-нибудь из авторитетных людей страны на страницах «АиФ» рассказать истину о Солженицыне? Почему Запад его ценит, а мы выслали за клевету?

Многое из зарубежной литературы о нас к нам не доходит. Читают избранные, кто был там. Видео смотрят те же. И здесь потому такая неразбериха. Что считать антисоветским? Я бы, к примеру, взял в руки одно из первых сочинений Солженицына и сам бы решил, читать его или нет, вредно ли оно мне, обществу, семье. Сколько писателей, о которых мы почти и не слышали! Надо создать четкую картину о наиболее сильных из врагов, наших бывших согражданах. Об их работе против нас. А то выходит, что сперва мы полны слухами, а затем их опровержениями.

Где же сейчас взять силы, когда каждому важнее свое, реже — общее? Когда у нас такое брожение умов? Что будет через 10 лет, когда те, кто сегодня хочет перестройки, устанут (а идет к тому)? Силы старого еще не сдаются. Власть — штука опасная. Так вот, бойцы перестройки сами постареют и захотят тишины? Не будем ли мы повторяться в ошибках?

Мой день нынешний менее требовательный, чем вчерашний. Семья, дом, узкий круг интересов — чтение, и только чтение. Стараюсь восполнить то, что упустил прежде.

---

[1] Бывший заместитель Председателя Совета Министров Молдавской ССР (см.: *Гамаюнов И., Маларчук Г.* Шеф за шлейфом.— Литературная газета, 1986, 9 апреля).

Мы пишем, спорим, ищем и все же отстаем от времени, потому что считали, что уже обогнали его. А куда делись все те, за чьи ошибки страна платит по самому большому счету? Те, кого не посадили, кто уволен и работает на новом месте, считая себя правым? Не возвернутся ли они в ином качестве? Нужно оказать достойную оппозицию не тем, кто творит перестройку, а тем, кто ею умело прикрывается (последних, увы, больше). Их за руку не схватишь, нужно давить словом — не критики, а анализа. От критики уже есть ряд «обезболивающих средств».

Я знаю, мне не хватает образования, опыта, смелости. Я молод, многого не знаю, и не у кого узнать... Мог бы еще привести примеры, но пора и честь знать.

25 марта 1987 г.

А. А. Каменцев, ветеран 6-й армии, г. Стрый Львовской обл.

ОБОРОНЕ И ОТСТУПЛЕНИЮ НАС НЕ УЧИЛИ

Как участник Великой Отечественной войны, испытавший трагедию 1941—1942 годов, не могу не сказать: так называемая «внезапность» войны — это ложь. 11—12 мая 1941 года на совещании в штабе 18-го мехкорпуса в г. Аккермане (теперь Белгород-Днестровский) было четко и ясно сказано: с 22 по 28 июня Германия начнет военные действия. Против нашего Одесского округа стоят 11-я немецкая армия и 4-я румынская. Замполитам батальонов и полков это объявили сначала комкор-18 генерал П. В. Волох, а потом полковой комиссар И. А. Гаврилов.

В конце мая командир 44-й танковой дивизии полковник В. П. Крылов собрал в Тарутино (это местечко в тогдашней Измаильской области) совещание сержантского состава и отчетливо сказал: «С 22 по 28 июня начнется война. Против нашей дивизии на той стороне реки Прут стоит дивизия полковника Гофмеера». Полковника Гофмеера мы знали, так как с группой офицеров он был у нас в Тарутино на параде 7 ноября 1940 года. О какой внезапности можно говорить, если сержанты и лейтенанты почти точно знали о сроке нападения? Что же из нас «дурачков-винтиков» сделал верховный вождь для оправдания своих просчетов? Речи не может быть даже о тактической внезапности. Я специально

называю фамилии комсостава, чтобы Вы не подумали, что я фантазер.

Считаю одной из причин наших неудач 1941 года недостаточную оперативно-тактическую подготовку старшего и высшего звена комсостава, начиная от полка и кончая армией. И к тому же плохая подготовка и обученность танкистов. В первых боях мы несли огромные потери в танках и людях из-за незнания и неумения провести маневр. Знали одно: «вперед». Ни обороне, ни отступлению нас не учили. Это связано с «вакуумом» в старшем и высшем звене комсостава после свирепых репрессий 1937—1938 годов.

Почему сейчас «Красная звезда» в статьях, посвященных Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Примакову, Корку, Блюхеру, Егорову, Дыбенко, Дубовому, Федько и другим, стыдливо умалчивает о том, как они погибли? Нужно сказать: расстреляны сталинско-ежовским НКВД. Я помню, как пионеры и школьники требовали «расстрелять как бешеных собак» участников «военно-фашистского заговора» в Красной Армии.

А приказ № 270 от 16 августа 1941 года:

1) командиров и комиссаров, сдавшихся в плен, считать изменниками Родины; 2) семьи командиров и комиссаров, сдавшихся в плен, арестовывать и подвергать высылке; 3) семьям красноармейцев, сдавшихся в плен, никакой помощи не оказывать [1].

Приказ № 227 был еще похлестче. Пришлось создавать заградотряды, и только так можно было удержать отступающие (не по своему желанию) части. Среди отступающих были и коммунисты и комсомольцы. А в заградотрядах тоже. Значит, коммунисты стреляли в коммунистов. Я это испытал на себе. Моя фамилия упоминается в «Зеленой браме» Долматовского. Я начал «раскручивать» еще в 1966 году эту тему об окруженных под Уманью в 1941 году и под Харьковом в 1942 году. Удалось протолкнуть очень немногое, и то в «кастрированном» варианте. Мне тогда сказали: «Красная Армия таких окружений не знала. А кто оказался в окружении и в плену — виноваты сами». Под

[1] Приказ автором письма пересказан по памяти. Подлинный текст приказа гласит: «1. Командиров и политработников... сдающихся в плен врагу — считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... 2. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи».— См.: Институт истории СССР АН СССР. Документы и материалы. Раздел Великой Отечественной войны, инв. № 148, л. 53, 54; *Симонов К.* Уроки правды.— Наука и жизнь, 1988, № 4, с. 16—25. Полный текст приказа № 270 опубликован в «Военно-историческом журнале» № 9 за 1988 год.

Харьковом в 1942 году, где я был комбатом (всего семь дней), один полковник сказал: «Мертвые сраму не имут... а горечь, позор поражений и отступлений падет на тех, кто попадет в плен и не подохнет там, а останется жив». Сказав это, полковник застрелился.

Вот Вам информация к размышлению.

25 марта 1987 г.

В. Н. Мирошниченко, г. Подольск Московской обл.

ЛИШЬ ИЗМЕННИКИ НЕ ВЕРИЛИ В СТАЛИНА

В 50-е годы кому-то надо было растоптать авторитет Сталина, втоптать в грязь его имя, сделать так, чтобы наше поколение забыло о нем, забыло, что с именем Сталина связаны грандиозные свершения советского народа. Враги хорошо понимали, что с таким большим авторитетом, настоящим вождем народа Советский Союз достигнет таких вершин, что разговаривать с нами придется стоя на коленях. И они отняли у нас этот авторитет, а с ним и значительную часть нашей героической истории. Получилось так, что не оказалось положительных примеров, на которых должно строиться коммунистическое воспитание. В кино, на телевидении, в литературе творились дикие вещи: исчезли патриотические советские фильмы, по телевизору выступали какие-то хулиганы с длинными волосами и блатными песнями, в книжных магазинах не найти книг «Как закалялась сталь», «Чапаев». Неужели кто-то серьезно думал, что можно воспитывать людей на песнях в исполнении А. Пугачевой?

Но зато Сталина никто из современной молодежи не знает. И это не вина нашей молодежи, а беда. В недавно вышедшем собрании сочинений А. Толстого не оказалось рассказа о героической обороне Царицына. А ведь не случайно Царицын был в свое время переименован в Сталинград и под этим именем вошел золотой страницей в историю нашей Родины. Кто-то без согласия автора вырвал эти страницы. Этот кто-то имеет имя. Те, кто не верил в Сталина, в дни войны изменили Родине, народу, а в наши дни продолжают свою разрушительную работу. О, как они боятся появления нового Сталина и как он нужен всем честным советским людям!

26 марта 1987 г.

В. В. Тарунтаев, инженер,
член КПСС с 1953 года, г. Москва

НУЖНА ПОЛНАЯ ПРАВДА

...Тезис о войне на чужой территории основывался на мнимой подготовленности нас к войне и был выработан угодниками и очковтирателями соответствующих наших служб. В связи с этим мне припоминается речь К. Е. Ворошилова осенью 1939 года (кажется, на сессии Верховного Совета СССР), в которой он сравнивал огневую мощь наших стрелковых соединений с мощью соединений воевавших тогда европейских армий. Сравнение убедительнейше свидетельствовало о нашем превосходстве. В этой же речи он сообщил, что у нас есть самолеты, скорость которых превышает 800 километров в час.

Заключив договор с Гитлером, Сталин решил, что он удачно столкнул англо-французов с немцами. С подачи тех же угодников он выработал мнение, что силы англо-французов, поддерживаемых американцами, превосходят силы немцев (это я слышал на лекциях о международном положении еще до войны). И, как мне кажется, опираясь на это мнение, «подпитывал» немцев продовольствием и топливом, с тем чтобы те подольше продержались и посильнее измотали противника до того, как последний их разгромит.

Открыть глаза Сталину в то время было смертельно опасно. Как восточный властелин, он внимал только благоприятным вестям, только тому, что соответствовало выработанной им точке зрения. Этому умело подыгрывали многие из его окружения.

Во время так называемой «странной войны» в Европе в конце 1939 — начале 1940 года Сталину не терпелось столкнуть лбами на линиях Зигфрида и Мажино англо-французов с немцами. Это нетерпение отражалось на тоне нашей пропаганды: чуть ли не с эстрады высмеивалась нерешительность противников ринуться на укрепления друг друга. Не с целью ли доказать воюющим сторонам, что укрепленные линии — бумажный тигр, он бросил наших солдат чуть ли не в штыковую атаку на линию Маннергейма? Не война ли с Финляндией дала повод Гитлеру назвать наших военных и политических руководителей неполноценными? Не эта ли война стимулировала нападение Гитлера на нас еще до разгрома Англии? Эта война до сих пор если не «белое», то «туманное» пятно в нашей истории.

Нашу неподготовленность к войне и истинную мощь немецко-фашистской армии Сталин осознал только после сокрушительного разгрома англо-французов на континенте и взятия немцами Парижа.

Самодовольство и уверенность в ожидании истощения воюющих сторон сменились у Сталина страхом перед Гитлером. Боязнь «прогневить» Гитлера побудила Сталина не подводить войска к границам и дать категорический приказ военным «не отвечать на провокации». Он сознательно допускал разведывательные полеты немецкой авиации над нашей территорией, с тем чтобы убедить немцев в отсутствии наших войск на границах с Германией. Не желание выиграть время для подготовки к войне, а наивная надежда на то, что немцы все-таки решатся ринуться через Ла-Манш на Англию, руководила действиями Сталина в то время. Именно поэтому эшелоны с хлебом и нефтью шли в Германию до 22 июня 1941 года.

Страх лишил Сталина способности оценивать обстановку, всякие объективные (но неприятные его слуху) сведения его раздражали. Он не только не внимал донесениям разведки, но (я уверен) и расправлялся с особенно настойчивыми работниками разведорганов.

Во всем этом — причина уничтожения значительной части нашей авиации в первый день войны и неудачи первых месяцев.

В Вашей беседе более или менее откровенно, но не до конца говорится о роли Сталина в войне. Ведь самые тяжкие страницы истории Отечественной войны связаны с именем Сталина. Даже во многих военных мемуарах, выдержанных в благоприятном для Сталина ключе, прослеживается мысль: убедили Сталина — успех, не убедили — катастрофа. Надо прямо сказать, что всю войну он путался под ногами военных и мешал. Один мой сослуживец как-то мрачно сострил: «...единственное предложение Сталина, не приведшее к катастрофе,— это назвать операцию 1944 года в Белоруссии именем Багратиона». О каком еще полководчестве Сталина можно говорить?!

Видимо, груз старого определяет Ваши объяснения «ошибок» Сталина происками немецкой разведки. Я имею в виду «ошибку» в определении направления главного удара немцев в 1942 году, а особенно «ошибку» в расправе над выдающимися советскими военачальниками в 1937 году. Во-первых, грош цена государственному руководителю, способному «клюнуть» на такие дешевые приманки. Во-вторых, гибель Тухачевского и других не зависела от желаний немцев,

Ведь Блюхер, Егоров, Дыбенко и тысячи других командиров погибли без вмешательства немцев. Были ли вообще эти фашистские фальшивки? Кто их видел? Не немецкая дезинформация, а несостоятельность Сталина как военного руководителя определила катастрофу киевской группировки в 1941 году.

В прямой связи с войной следует сказать хотя бы о политических издержках «дружбы» с Германией в 1939—1941 годах. Не касаясь самого договора, нелишне вспомнить о непонятной доброжелательности нашей печати и радио к фашистам, о неразумном и бестактном отношении к будущим союзникам (значит, Сталин тогда еще не знал, против кого и в союзе с кем мы будем воевать), о поздравлениях Гитлера с успехами в разбойных акциях в Европе, об оскорбительном отношении к польской нации после разгрома Польши Гитлером, о политическом цинизме с выдачей Сталиным Гитлеру немецких и других антифашистов, нашедших убежище в нашей стране[1].

В порядке ликвидации «белых пятен» следует прекратить наводить тень на плетень с пленением немцами сына Сталина Якова. Есть тенденция выставить Якова чуть ли не героем. В фильме «Освобождение» есть сцена, где Власов предлагает Якову поступить на службу к нему (июль 1943 года). Позже в литературном произведении И. Стаднюка «Война» сказано, что Яков был убит 14 апреля 1943 года в лагере Заксенхаузен. Где правда? Было ли в действительности почти наполеоновское: «Я фельдмаршала на солдата не меняю»?

Я знаю, что многие мои сверстники, чьи родители стали жертвами сталинских зверств в 1937 году и позже, честно воевали, не сдавались в плен, не перебегали к врагу, достойно прожили жизнь, а некоторые добыли себе добрую славу и в стране, и за рубежом.

Говоря о необходимости опубликования приказа Сталина № 227, Вы почему-то забываете о его другом приказе, приказе начала войны, в котором он объявил изменниками генералов, не только попавших в немецкий плен, но и тех, кто героически погиб в боях[2].

Полная правда о Сталине не повредит нам, не сыграет на руку врагам, тем более что враги уже достаточно высказались по этому вопросу. Так называемая «сталинистская»

---

[1] См. об этом: Письмо «исторического оптимиста».— Дружба народов, 1988, № 3, с. 238.

[2] Речь идет, очевидно, о приказе № 270 от 16 августа 1941 года. См. сноску на с. 85.

пропаганда, не только безграмотная и проалкогольная («Выпьем за Родину, выпьем за Сталина!»), но и тенденциозная, не получая долгие годы отпора, во многом сомкнулась с антисоветской. Ее успеху немало способствуют наши кинематография, телевидение, печать. Сталин выглядит мудрецом в тех случаях, когда он не позволяет себе заведомо глупых высказываний и поступков, его банальности подаются как гениальные откровения.

Правда о Сталине даже в формулировке И. Г. Эренбурга: «Мы победили, невзирая на товарища Сталина» — будет только на пользу.

По моему мнению, необходимо создать комиссию по изучению архивов НКВД, НКГБ, МВД, МГБ, опубликовать результаты ее работы и выводы. Может быть, следовало бы опубликовать списки доносчиков и провокаторов, это закроет рты одним и откроет глаза другим.

Коль скоро уничтожены архивы царской охранки, то нужно сказать, кто и когда поторопился это сделать.

Прошу Вас, уважаемый Александр Михайлович, извинить меня за несколько сумбурное изложение.

27 марта 1987 г.

Н. А. Вольфтруб,
подполковник в отставке,
участник войны, г. Ивано-Франковск

БЕЛОСТОКСКИЙ «КОТЕЛ»

Чрезвычайно отрадно, что после стольких лет умолчания и приукрашивания начали появляться в печати честные, откровенные и правдивые слова о трагических событиях 1941—1942 годов.

Более 45 лет мне не дает покоя мысль: как могло случиться, что войска приграничных округов не были своевременно приведены в боевую готовность? Кто должен нести за это ответственность перед народом и историей? Ведь это преступление перед памятью павших.

За две недели до начала войны наш полк был передислоцирован в летние лагеря возле г. Ломжа. Вся техника и боеприпасы были оставлены на зимних квартирах. Рано утром 22 июня полк был поднят по тревоге. Боевой порядок 124-й ГАП РГК[1] занял у г. Замбрув. Затем полк снялся с огневой позиции и совершил марш в район северо-восточнее

[1] Гаубичный артиллерийский полк резерва Главного Командования.

Белостока, где 23—24 июня участвовал в артобеспечении контрудара по вклинившейся группировке противника с направления Гродно. Контрудар осуществлялся в соответствии с приказом наркома обороны Тимошенко. Что из этого получилось, видимо, Вам известно. Мы оказались без прикрытия с воздуха, и немецкие самолеты буквально ходили по головам с рассвета и до темноты, ибо авиация Западного военного округа была уничтожена на аэродромах в первые часы войны. Вскоре мы оказались в окружении, бросили технику и, стыдно сказать, стали бежать. До сих пор с болью и горечью вспоминаю о том, сколько было брошено на дорогах и полях орудий, танков, автомашин и другой техники. И неудивительно, что 26 июня противник вышел в район Минска.

Вот какой непоправимой бедой и катастрофой для войск обернулось упрямство и своеволие одного человека — Сталина. И что ныне знают о белостокском «котле», окружении войск Юго-Западного фронта в сентябре 1941 года, вяземском окружении войск Западного фронта, харьковском окружении 1942 года? Ведь 4 миллиона советских солдат, сержантов, офицеров и генералов оказались в фашистском плену[1]. А это в основном были кадровые, беспредельно преданные Родине воины.

И если знать это, тогда не появятся предложения о реабилитации Сталина и восстановлении старого названия Волгограда.

Ленинградская журналистка И. Шапиро проделала огромную работу, собрав адреса и воспоминания бойцов и командиров, которых война застала в белостокском выступе. Это же бесценный материал о наименее освещенном периоде войны! Она разыскала около тысячи человек. Обращаюсь к Вам с просьбой не дать пропасть этим материалам.

28 марта 1987 г.

Р. И. Рысухина, педагог,
67 лет, г. Симферополь

НАКАЗАТЬ КЛЕВЕТНИКОВ

В 1944 году я работала директором семилетней школы в селе Журавском Новоселицкого района Ставропольского края. Была осуждена по статье

[1] См. сноску на с. 22.

58—10, ч. 2 («антисоветская агитация»), к семи годам лишения свободы. Срок отбыла, но не успокоилась. Несправедливость наказания терзала меня, я жаловалась. В 1956 году мое дело пересмотрено в военном трибунале войск МГБ Северо-Кавказского военного округа, я полностью реабилитирована из-за отсутствия состава преступления, потому что была оклеветана, оговорена лжесвидетелями. Меня сделали «врагом народа». Так было нужно приспособленцам, людям с нечистой совестью. После реабилитации вновь работала в школе, стала отличником народного просвещения РСФСР. Но не в селе Журавском, а в соседнем Ипатовском районе. И вот у меня к Вам такой вопрос. Должны ли быть наказаны клеветники? Жители села, где я работала до суда, должны знать правду? Гласность так гласность! Одна из свидетельниц живет в том же селе, до сих пор порочит мое имя. Кто должен остановить эту лжегероиню? Что должны сделать я или кто другой, чтобы мои односельчане знали истину? Поведение этой лжесвидетельницы лихорадит людей и сейчас, это тормозит социальную активность населения. Ее до сих пор боятся, она уже придумала новые версии. Стариков нет, а молодое поколение верит. Надо, чтобы знали, что она клеветница. А как это сделать?

«Знать и помнить». Прекрасно! Знать должны люди, кто прав, а кто виноват. Ведь есть и другие, кто оказался в таком же положении.

28 марта 1987 г.

А. Н. Грошев, г. Чайковский Пермской обл.

ОТЧЕГО ПЛАКАЛА УЧИТЕЛЬНИЦА

В моей жизни был такой факт. Учился я, если мне не изменяет память, в третьем классе, в г. Кинель Куйбышевской области. И вот, придя однажды в школу, мы услышали не совсем понятную для нас весть. Наши маршалы Егоров, Блюхер, Тухачевский — «враги народа». Начался урок истории, и некоторые из моих соучеников начали перечеркивать в учебниках портреты этих военачальников. Наша учительница Мария Григорьевна Казакова (а было ей, видимо, лет 25—26) тихо сказала: «Ребята, чернить портреты не смейте! Просто аккуратно заклей-

те тонкой бумагой, чуть-чуть нанесите клей по периметру снимка». А сама отвернулась лицом к доске и долго стояла. Но мы поняли — она горько плакала. Все это нам преподнесено под понятием «культ личности». Не слишком ли скупо сказано об одной из трагических страниц нашей истории? Разве по прошествии полувека нельзя рассказать подробнее о той непоправимой трагедии?

29 марта 1987 г.

Г. Котовщиков, г. Иркутск

О ТЕХ, КТО СТОЯЛ У ИСТОКОВ

Фактом нашей истории является то, что у истоков Великого Октября стояли такие впоследствии видные партийные и государственные деятели, как Зиновьев, Каменев, Пятаков, Бухарин и Рыков. Укажу лишь, что последний после В. И. Ленина вплоть до 1930 года возглавлял Советское правительство. Какие же нашлись аргументы для того, чтобы вычеркнуть не только их биографии из современной справочной литературы (ведь в энциклопедиях мы можем найти даже Гитлера), но и их самих — из жизни?![1] Чтобы вопрос не звучал риторически, уточню. Справедливо ли перечисленные деятели были объявлены «врагами народа», «вредителями» и «агентами»?[2] И попутно. Как закончился их жизненный путь, известны ли их могилы?

29 марта 1987 г.

А. П. Цурло, бывший командир артдивизиона, 70 лет

Я БЫЛ ОКРУЖЕНЦЕМ

Я участник боев в окруженных частях на Западном фронте с 4 октября по 3 ноября 1941 года. В истории Великой Отечественной нигде не на-

[1] В третьем, дополненном издании энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», вышедшем в 1987 году, опубликованы биографии партийных и государственных деятелей, перечисленных в письме.

[2] 4 февраля 1988 года пленум Верховного суда СССР отменил приговор военной коллегии в отношении Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других за отсутствием в их действиях состава преступления.

писано, как наши части 30-й армии выходили с боями из окружения, без боеприпасов и продовольствия в осеннюю слякоть находили мужество уничтожать врага и сохранить себя для будущих боев.

Или такой факт. Разгром немцев под Москвой. А что было с нами потом? Да, мы продвинулись. Наш полк, например, прошел западнее г. Сычевки. А в тылу, в Сычевке,— немцы. Конный корпус Белова — южнее железной дороги на Вязьму, а мы — севернее. Пытались соединиться, не хватило сил. А с тыла немцы нас отрезали от основных войск, и мы опять оказались в окружении, без боеприпасов и продовольствия. Обороняли населенные пункты без всякого сплошного фронта. Я, будучи командиром артвзвода, с двумя орудиями и 20 бойцами держал оборону села без всякой помощи откуда-нибудь. Половина состава погибла не от немцев, а от голода — мучительной смертью. Вначале человек пухнет, а потом умирает. Это также нигде никем не отражено.

Очень много и подробно написано о Малой земле под Новороссийском. А сколько за войну было подобных «малых земель»! Мне, например, в апреле 1942 года пришлось быть на «малой земле» в изгибе Волги севернее Ржева. Всего одним батальоном пехоты и одним моим 76-миллиметровым орудием держали плацдарм размером около 1,5 километра в глубину и менее 1 километра по фронту.

Трое наших товарищей занимаются изданием своих трудов более 20 лет и никак не могут издать. А как бы пополнилась наша история новыми фактами! Пусть молодые помогут нам не унести с собой неизвестное нашей молодежи.

29 марта 1987 г.

П. Я. Герценштейн, ведущий инженер,
ветеран труда, 76 лет,
г. Москва

ПОРАЖЕННЫЕ СТАЛИНСКОЙ «РАДИАЦИЕЙ»

В госархивах хранится огромная документация — юридическая, судебная, протокольная и др. А прошло ведь 40—50 лет, исторически очень короткий срок. Это не «белое пятно», а пятно, которое замазано теми, кого не коснулись события тех времен, кто был косвенным участником преступлений и пользовался незаслужен-

ными благами и почестями. Это люди, пораженные сталинской «радиацией». Это те, кто и сегодня делает все, чтобы скрыть истину и затормозить движение общества к новым формам жизни и труда.

Я до сих пор ношу зияющие раны: два брата погибли на фронтах Отечественной войны, мать и сестра — в 1943 году в Одессе, при массовых расстрелах. Но самая тяжелая рана — это совершенно необоснованное осуждение и гибель в 1937 году моего отца, впоследствии реабилитированного. Я живу в семье сына, члена партии с 20-летним стажем, работаю в окружении людей среднего и молодого возраста и всегда при обсуждении этой темы вижу и чувствую их сомнения и неясности.

Историю необходимо очистить от всего наносного, тенденциозного и фальсифицированного. Зло должно быть всенародно осуждено. Справедливость должна восторжествовать!

29 марта 1987 г.

Ю. М. Богатов, 59 лет,
г. Челябинск

РЕВИЗИИ НЕ БУДЕТ

На грань катастрофы в начальный период войны страну поставил Сталин, и только он. Победил же в этой войне социализм, титанические усилия всего народа и его авангарда — партии, военное искусство наших прославленных маршалов, в первую очередь Г. К. Жукова, и массовый героизм солдат и офицеров. Конечно, Сталин был выдающейся исторической фигурой, сыграл выдающуюся роль в организации победы. Но о нем следует говорить, как, впрочем, и обо всем другом, только правду.

XX съезд партии поручил ЦК последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление культа личности и ликвидацию его последствий. Можно ли сказать, что задачи в этой области полностью решены? Нет! После октябрьского (1964 года) Пленума ЦК, когда был снят с поста Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущев, вспоминать о культе личности Сталина перестали. Обыватели и идолопоклонники, а среди них и многие люди, занимавшие высокие посты, приняли это чуть ли не как ревизию решений XX и XXII съездов партии. Все чаще стали раздаваться с трибун голоса с воспоминаниями об Иосифе Вис-

сарионовиче. По дорогам страны несутся автомашины с установленными на лобовых стеклах портретами генералиссимуса, как бы бросая вызов решениям партийных съездов.

Авторитету Сталина послужило и так называемое ежегодное снижение розничных цен. Обывателю старшего и младшего поколений не верится, что это было авантюрой и очковтирательством. Снижение цен чувствовали на себе только жители Москвы, Ленинграда и немногих крупных городов. Парадоксом и издевательством было то, что миллионы людей даже не видели тех товаров и продуктов, на которые снижались цены, кроме водки, которой с 1925 года было в достатке во всех уголках страны. Печально и то, что улучшение материального снабжения указанных выше городов оказалось возможным за счет разорения колхозов (вспомним фильм «Председатель», где было показано типичное положение колхозов). Меня возмущает поведение многих современных экономистов, очевидцев тех времен, которые выкручиваются, но не говорят правду о фактическом тогдашнем экономическом положении страны.

30 марта 1987 г.

А. Маслов, студент 5-го курса истфака Сумского пединститута, 25 лет

БУДУ ВОЕННЫМ ИСТОРИКОМ

Оканчивая в этом году институт, прошу у Вас совета: стоит ли мне заниматься военной историей и каковы, на Ваш взгляд, черты современного военного историка, работающего в условиях перестройки, какими качествами он должен обладать, каковы наиболее актуальные проблемы военной истории? Мне бы хотелось попробовать себя в науке. В институте я занимаюсь вопросом о сумчанах, наших земляках — участниках войны. Я установил, что на фронтах находилось 20 военачальников-сумчан (от командира бригады до командующего армией включительно).

Я исследую их вклад в нашу Победу, в развитие военного искусства. Изучаю формы и методы партийно-политической работы в войсках наших земляков, а также личные качества их и оценки, данные сумчанам различными военачальниками минувшей войны (Жуковым Г. К., Василев-

ским А. М., Коневым И. С., Рокоссовским К. К. и другими). С докладами о своей работе я выступал на различных конференциях, в том числе на республиканской...

Ваша оценка Сталина-военачальника, мне кажется, совершенно правильна... При более эффективном использовании имевшихся к 22 июня сил и средств первого стратегического эшелона можно было избежать тяжелого поражения и потери огромной территории. Именно по вине всего военного руководства, и в первую очередь Сталина, не было сделано то, что можно было сделать без каких-либо особых материальных затрат... И я выражаю мысль, что в результате мероприятий, которые все же можно было провести начиная с сентября 1939 года, враг был бы остановлен примерно на линии Днепра.

...Почему бы действительно ясно и открыто (в виде специального исследования) не сказать: есть в нашей истории Сталинград и Корсунь-Шевченковский, но есть и Белосток, Минск, Умань, Киев, Вязьма, Харьков и многое другое. Точных данных о количестве попавших в окружение войск нет, нет данных об их потерях. И вообще в нашей литературе всегда много говорится об ожесточенности боев в первые недели войны и приводятся данные о потерях противника к середине июля. Но почему бы не привести данные наших потерь, ясно указав, что мы потеряли к этому моменту такое-то количество вооружения, столько-то убитыми, ранеными и пленными. Вот тогда и предстанет перед нами полная картина этой ожесточенности...

Хотелось бы также получить полные данные об общем количестве наших пленных, ведь никакой цифры, кроме 4 миллионов погибших в плену, у нас не приводится. Да и данных, достаточно полных, о военнопленных фашистской Германии и ее сателлитов тоже нет, в особенности по отдельным операциям, скажем по Московской битве.

...Момент пленения Власова описан во многих источниках и исследованиях, да и из книги В. Ардаматского «В час дня, ваше превосходительство» тоже можно кое-что почерпнуть, но хотелось бы узнать все это от историка-профессионала высокого класса, который открыто скажет, кто же такой Власов — затаившийся классовый враг или просто малодушный человек. Как военачальник он, наверное, значил ноль, так как, я думаю, он «всплыл» на волне репрессий 30-х годов. И хотя 37-я армия героически обороняла вершину киевского выступа, а 20-я успешно наступала под Москвой зимой 1941/42 года, вряд ли в этом есть заслуга Власова. О безынициативности Власова-военачальника извест-

но по ряду мемуаров. Хочется также заметить, что в некоторых справочниках по минувшей войне при перечислении командующих 37, 20, 2-й ударными армиями не упоминается имя Власова. Я считаю, что делать так нельзя, это не то что ненаучно, это — несерьезно.

И конечно же очень хотелось бы проработать полный текст приказа № 227. Этот приказ созвучен ленинскому «Социалистическое Отечество в опасности!». Странно, что по прошествии 40 лет после войны приказ все еще не опубликован [1].

А вообще, я думаю, в условиях перестройки многие вопросы истории минувшей войны будут пересмотрены. Хотелось бы узнать, за какие конкретно действия калмыки, чеченцы, ингуши и др. были лишены автономии. Чтобы показать ничтожество жалкой кучки предателей-генералов, необходимо воспеть мужество и героизм советских генералов, попавших в плен. Да, были Власов, Трухин, Благовещенский, но были и Карбышев, Тхор, Никитин, Алавердов, Прохоров, Ткаченко, Пресняков, Новиков, Сотенский, Шевчук и другие, для которых любовь к Родине была сильнее смерти.

30 марта 1987 г.

А. С. Гагинян, директор школы,
член КПСС, 34 года,
г. Степанаван Армянской ССР

НЕНАУЧНЫЙ РАЗГОВОР

Академик Самсонов говорит: «Если бы не просчеты... войска вермахта, даже проникнув на нашу территорию, не дошли бы до Ленинграда и Москвы». Хочу заметить, что ни один человек в мире, в том числе и академик Самсонов, не может знать и тем более утверждать, что в этом случае получилось бы. Это уже ненаучный разговор. Это сейчас легко рассуждать, когда все пройдено. Реальность всегда драматичнее, интереснее, правдивее любых прогнозов.

Вернемся к словам академика Самсонова: «Но не военачальники, не полководцы выиграли войну, а наш народ». Как можно противопоставлять военачальников народу?! Это единое целое, и данное противопоставление — бессмыслица.

Я прочитал в третьем томе воспоминаний Джавахарлала Неру, что во второй половине 30-х годов, несмотря на успе-

[1] См. сноску на с. 57.

хи в экономике и культуре, Страна Советов переживала острый внутренний кризис. И, как далее отмечает Неру, можно считать установленным фактом, что против Сталина и сталинской политики существовал крупный заговор. Ведь это переведено и издано уже после смерти Сталина, в 60-е годы! В качестве участников заговора упоминаются имена оппозиционеров: Рыкова, Бухарина, из военных — Тухачевского. Если учесть, что руководители оппозиции до сих пор не оправданы и считаются врагами партии и народа, то что же получается? Где же правда? [1] Несколько лет назад я прочитал книгу, изданную в 1938 году Народным комиссариатом юстиции,— полный стенографический отчет судебных заседаний по обвинению Бухарина, Рыкова, Ягоды и других. Допрос ведет Генеральный прокурор Вышинский. Часто на страницах книги упоминается имя Тухачевского. В предполагаемом «дворцовом перевороте» (как они его называют) Ягода должен был стать председателем Совнаркома, Тухачевский — наркомом обороны, Рыков и Бухарин — секретарями ЦК по пропаганде. Опять повторяю, если учесть, что до сих пор Бухарин и Рыков не оправданы [2], как все это понимать?

Массовые репрессии, как бы тяжки они ни были, ни в коем случае не принижают роль Сталина в истории страны. Если на чаши весов положить все заслуги, все положительное и все ошибки, все отрицательное, то вывод у объективного историка должен быть один: заслуги перевесят.

30 марта 1987 г.

А. Н. Колодонос, участник войны, ветеран труда, г. Черкассы

ТРИ ВЗГЛЯДА НА ПРОБЛЕМУ

Мое поколение, которое пережило то грозное время, может отрицательно и необъективно влиять на молодое поколение, так как по своим взглядам на данную проблему делится на три группы:

[1] Автор письма неточно толкует суждения Д. Неру о внутреннем положении СССР 30-х годов. Как и многие прогрессивные деятели мира, он заблуждался в оценке истинных причин нарушения законности при Сталине. Вместе с тем Д. Неру принадлежит мысль: «...размеры репрессий, которые могли коснуться также и невинных людей, были признаком нездоровья и нанесли ущерб международным позициям Советов».— *Неру Д.* Взгляд на всемирную историю. М., 1975, т. 3, с. 441.

[2] См. 2-ю сноску на с. 93.

первые — это те, которые хотели б вернуть назад былую благодать и лично Сталина. Они очень противятся как ненужному всему тому, что печатается о Сталине. Существенных опровержений противопоставить не могут и подозревают авторов статей в том, что у них анкеты не в порядке. Рассчитывают на простаков, которых, к сожалению, очень много;

вторые — это те, которые ошарашены фактами (хоть и немногими) прожитой истории. Им нужно разъяснить все до конца: как и почему такое случилось, почему никто ничего не мог изменить до самой смерти Сталина, почему на Украине в 1932—1933 годах был сильнейший голод, при котором вымирали целые села, большие и малые, и сколько этот голод унес человеческих жизней, надо также на доступном народу языке (цифрами) показать, что сталинская форма развития народного хозяйства не была единственно правильной;

третьи — те, которые полностью поддерживают и одобряют начатые Вами публикации. Без правды о прошлом не будет движения вперед.

Для ускорения процесса развития нашего общества в духе решений XXVII съезда КПСС и январского (1987 года) Пленума очень важно сейчас, чтобы наши идеологические работники всех рангов и чинов проводили по выступлениям прессы публичные дискуссии на предприятиях, в клубах, дворцах культуры, вузах, школах, среди рабочих, служащих, ИТР, крестьян, пенсионеров. Тогда бы много неясного было разобрано на этих дискуссиях, как когда-то в первые годы Советской власти, когда на дискуссиях выступали все — от В. И. Ленина до рядовых коммунистов, защищая свои позиции. Мы утверждаем, что у нас идет революционный процесс, но правду говорим только урывками в прессе, немного по телевидению и радио, а публично провести дискуссии боимся. Только правда о прошлом, и притом не урывками, а в полном объеме, которую надо довести до широких масс на собраниях, митингах, дискуссиях, сходках при активном участии всех слоев нашего народа, действительно пробудит дух перестройки, и мы сможем жить по-новому, не боясь прошлого.

Очень правильно было бы опубликовать правдивую биографию Сталина. Дух революционного процесса должен спуститься в массы народные, которые и должны произвести эту революцию.

Я состою на учете в парторганизации и вижу, что как было 10 лет тому назад, так оно и есть сейчас; абсолютно

ничего не меняется. Давайте спускаться с поднебесья на землю! Не уверен, что Вы напечатаете хоть очень малую часть крика моей души, но я бы хотел, чтобы внуки мои жили лучше нас.

30 марта 1987 г.

Д. А. Щетинкин, участник войны, г. Киев

МЫ ПОМНИМ ВСЕ

Да, «белых пятен» в нашей истории очень много, и прежде всего голод 1933 года, когда самые плодородные районы страны — Украина, Ставропольский и Краснодарский края — были оставлены без куска хлеба. Но в исторической литературе этот голод не вспоминается, как будто его и не было, хотя от голода погибли миллионы людей. Люди старшего поколения хорошо этот голод помнят и рассказывают с ужасом о тех страшных временах. Этот голод был вызван искусственно благодаря «мудрой» сталинской политике в сельском хозяйстве[1].

Ни слова не говорится, сколько погибло людей у нас от рук сталинских сатрапов, когда не только взрослых, но и детей подвергали репрессиям. В «Истории второй мировой войны» перечисляются фамилии 25 человек, которым в 1935 году были присвоены персональные воинские звания от маршала до командарма[2]. Но кто остался жив из этих двадцати пяти — Ворошилов на лошадке да Буденный на коне! Уцелел Шапошников, С. С. Каменеву повезло — умер в 1936 году. Остальные все погибли от сталинского «милосердия». В результате фронтами командовали люди, которым больше дивизии в подчинение нельзя было доверить. Все они учились в ходе войны.

Некоторые говорят, что под руководством Сталина мы выиграли войну. Я считаю, что под руководством Сталина мы чуть не проиграли ее. Гитлер, утверждая план «Барбаросса», говорил, что старые опытные кадры, которые в случае войны могли бы возглавить фронты и армии, у русских уничтожены, новые еще не выросли: сейчас, мол, самый благоприятный момент для нападения на Советский

---

[1] См. сноску на с. 58.

[2] История второй мировой войны. 1939—1945, т. 2, с. 204.

Союз. 75 процентов высшего командного состава — от комбрига до маршала — до войны не дожили [1].

Сталин нанес нашей стране и международному коммунистическому движению такой вред, что потребуется не одна сотня лет, чтобы отмыть эту грязь.

30 марта 1987 г.

И. С. Федько,
член КПСС с 1944 года, ветеран Вооруженных Сил СССР, ветеран труда, г. Орск Оренбургской обл.

ДВУХ МНЕНИЙ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

До начала войны я служил в приграничном гарнизоне г. Дубно. В конце 1940 года гарнизон состоял из одного гаубичного полка да роты ВНОС [2]. За каких-нибудь три месяца до начала войны гарнизон был увеличен в четыре-пять раз. В полной боевой готовности была одна стрелковая дивизия, три полка и вспомогательные части: батальон связи, зенитно-артиллерийский дивизион. Кроме того, были развернуты части ПВО (истребительный авиационный полк). Рота ВНОС первой обнаружила нарушение границы германскими самолетами и танками, и ее наблюдательные посты, расположенные на границе, оповестили по схеме все части гарнизона. Зенитная артиллерия открыла огонь по первым самолетам противника. Истребительная авиация в воздух была поднята вовремя. Дивизия и гаубичный полк в течение 3—5 часов заняли оборонительные рубежи. День 22 июня для гарнизонов Дубно, Бродов, Луцка, Ровно не был паническим. Но сражение в последующие дни было не в нашу пользу.

---

[1] Более точные данные опубликованы в книге «Советские Вооруженные Силы. Страницы истории. Вопросы и ответы», с. 175: «В эти годы подверглись репрессиям все командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, все командиры корпусов, почти все командиры дивизий и бригад, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около половины командиров полков, около трети военкомов полков, многие преподаватели высших и средних военных и военно-политических учебных заведений».

[2] Сокращенное название войск и службы воздушного наблюдения, оповещения и связи.

В. И. Ленин учил: побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще. Для успеха наступающие войска должны иметь двойное, а то и тройное превосходство. Немцы же имели превосходство тройное — пятикратное. Но успех — это еще не выигрыш войны. Это — временное явление. Главным же является создание резервов в тылу, умение их использовать и т. д. Нам не хватило для подготовки к войне года-полутора. Новое оружие, необходимость которого подсказала война в Испании, в больших количествах стало поступать на фронт лишь в середине 1942 года.

О том, что у нас мало исторических книг, которые бы играли воспитательную роль, я с академиком Самсоновым согласен. Но и мимо другого пройти нельзя. У нас почти все командующие фронтами, за исключением Говорова, Тимошенко и Малиновского, в конце 60 — начале 70-х годов написали мемуары. Выпущены они были одноразовым тиражом, что явно недостаточно. Эти мемуары в наших библиотеках давно истрепались. И в настоящее время их днем с огнем не найдешь. А они ох как нужны! И для молодежи, и для воинов.

Мое поколение родилось при Ленине, выросло при Сталине. Стояли и будем стоять за правое дело Сталина. Сталина надо не оплевывать, а изучать. Золотое зерно брать на вооружение, ошибки отсеять. Таково мое мнение о Сталине, и другого быть не может.

31 марта 1987 г.

И. Г. Афанасьев, д. Кукшлиды
Марийской АССР

Я ПОМНЮ КЛАУСА БАРБЬЕ

В беседе с академиком А. М. Самсоновым сказано: «Попасть в плен считалось позорным, и ко всем, кто там побывал, относились с большим подозрением». Все это правдиво, все это так. И мне пришлось испытать порядочно: и плен, и последствия после плена, когда вернулся на Родину.

28 августа 1942 года под Сталинградом наша часть попала в окружение. Мы оказались в плену. Нас, пленных, немцы погнали на Дон, погрузили на баржи и через несколько дней выгрузили в Ростове-на-Дону. Потом Польша, Германия и, наконец, Франция, город Ним, концлагерь для военнопленных.

Однажды, несколько лет тому назад, по телевизору показывали рожу лионского палача Клауса Барбье. Я в эту рожу всмотрелся повнимательнее, и во мне всколыхнулись воспоминания более чем 40-летней давности. И было от чего! Я и мой товарищ и друг по плену Московкин (уроженец пос. Юрино Марийской АССР) пытались бежать из концлагеря. В Лионе на железнодорожном вокзале нас задержали гестаповцы. Но Московкин под предлогом «сходить в туалет» опять сбежал. За ним бросились в погоню. Московкина потом я не видел и даже не знаю до сих пор, жив ли он или погиб тогда же в Лионе. Ко мне подошел офицер-француз в форме гестаповца. Он тыкал дулом пистолета мне в лицо и допрашивал через переводчика, кто организовал побег. Орал на меня, угрожал пристрелить на месте. Прикончить не прикончили, но в карцер посадили. Морили голодом и не давали воды. Через неделю нас, пленных, отправили в Италию. Это, пожалуй, спасло меня от расстрела. Вот каким образом мне пришлось познакомиться с лионским палачом Клаусом Барбье... Глубоко волнует меня и судьба моей воинской части. Сумела она вырваться из окружения или ее разгромили?

31 марта 1987 г.

Павел Кочегин, писатель,
почетный гражданин г. Куртамыша
Курганской обл.

МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ

Всю войну за обложкой партбилета у меня хранился маленький красный флажок с фотографией Ленина и Сталина (подаренный мне каким-то ребенком, когда я выходил с Красной площади после первомайского парада 1941 года) и вырезка из газеты с речью И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей 11 декабря 1937 года; по бортам моего истребителя были начертаны слова: «За Родину! За Сталина!» Уже по одному этому в своих суждениях о роли Сталина в войне я опасаюсь впасть в субъективизм.

Да, начало войны и лето 1942 года из-за просчетов товарища Сталина (да только ли его одного!) были для нас неудачными, трудными. Но ведь Кутузов сдал Москву Наполеону, а Сталин не сдал столицу Гитлеру...

Волею судьбы в период битвы за Москву я находился в столице. Утром 14 октября Совинформбюро передало, что

положение наших войск на подступах к Москве ухудшилось, немцам удалось прорвать фронт. Москва превратилась в буквальном смысле в муравейник. Станции метро были закрыты, трамваи, автобусы и троллейбусы встали, и москвичи засновали по улицам, как муравьи. Начался демонтаж заводов и фабрик, появились случаи мародерства и паники. И вот в такой обстановке 17 октября по радио выступили секретарь МК ВКП(б) тов. Щербаков и председатель Моссовета тов. Пронин. Обрисовав сложную обстановку, они рассказали о мерах, принимаемых Моссоветом для снабжения населения продовольствием, и о том, что в случае эвакуации правительства на Восток Сталин остается в Москве. И одно то, что Сталин остался в Москве, отрезвляюще подействовало на население. Столица преобразилась, стала походить на бывалого солдата перед смертельной опасностью. Потом будет парад на Красной площади, разгром немцев под Москвой, впереди Сталинградское сражение и Курская дуга...

Академик Самсонов рассказывает, что во время войны позором считалось попасть в плен, воздерживаясь от вывода, хорошо это или плохо. Напрашивается вопрос: хорошо или плохо, что защитники разъезда Дубосеково погибли, но в плен не сдались? А того из них, кто, проявив слабость, решил сдаться на милость противника, застрелили. Попасть в плен считалось позором испокон веков. Во времена Кира и Македонского пленникам надевали на шею рогатины и проводили по тропе позора. И потому испокон веков смерть предпочиталась плену, ибо «мертвые сраму не имут». Смерть предпочиталась позорному плену даже тогда, когда противоборствовали государства с однородным общественно-политическим строем. Так что же вы хотите, товарищ академик, чтобы в войне со свирепым фашизмом советский воин поднимал руки перед врагом и сдавался в плен, чтобы там, в плену, в Бухенвальде, в печах Майданека или Освенцима, бесславно погибнуть? Тысячи и тысячи советских военнопленных сожалели о том, что оказались в плену, а не погибли на поле боя.

То, что к абсолютному большинству бывших пленников у нас относились с подозрением, зависело в первую очередь от того, что многие и многие работники госбезопасности служили по принципу русской пословицы: заставь дурака богу молиться, он весь лоб разобьет. Примеров я мог бы привести сколько угодно, ограничусь одним. 20 октября 1944 года в тяжелом воздушном бою мой самолет был подбит, и я был вынужден покинуть его с парашютом над Се-

верной Норвегией, занятой противником. 25 октября вернулся в часть. Боевые друзья и командование встретили меня восторженно, я был награжден орденом Красного Знамени. Граждане Норвегии, которые оказали мне помощь, тоже были отмечены правительственными наградами: Сигварт Ларсен — орденом Красной Звезды, Харальд Кнудсен и Бьерне Педари — медалями «За боевые заслуги».

Но вот нашлись люди, которым я показался подозрительным, и начали создавать дело. Только вмешательство начальника политотдела 16-й ГИАД[1] гвардии полковника Макеева прекратило возню особистов вокруг меня. Я получил новый самолет и снова дрался. Там, где руководили частями и соединениями умные, душевные люди, а не усердные службисты, там и отношение к бывшим военнопленным было человеческим, нормальным. К сожалению, таких явлений было мало.

Желаю академику Самсонову, чтобы приказ Сталина от 28 июля 1942 года полностью, без сокращений, вошел в новое издание его книги «Сталинградская битва». Я знаю, как это будет тяжело сделать, но это надо сделать, и я уверен в том, что товарищ Самсонов добьется своего. Первоисточники о Великой Отечественной упрятаны за семью замками, и поэтому у нашей молодежи появились «белые пятна» в знании ее истории. Надо распечатать первоисточники. Пришла пора издать для массового читателя разговоры по ВЧ Сталина с командующими фронтами и армиями, с представителями Ставки, приказы и директивы фронтов армий. Тогда у молодежи отпадет надобность искать книги Сталина в личных библиотеках, а у шоферов — кустарным способом размножать его фотографии и наклеивать на смотровые стекла автомобилей.

31 марта 1987 г.

И. В. Бойко, ветеран войны и труда, член КПСС с 1940 года, г. Киев

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ — ЯВЛЕНИЕ ДРЕВНЕЕ

В феодальных и буржуазных обществах превозносили и сейчас превозносят монархов, президентов, премьеров, полководцев и других деятелей,

[1] Гвардейская истребительная авиационная дивизия.

имея при этом явно классовую направленность. Беда в том, что болезнь по аналогии проникла и в верхние эшелоны некоторых марксистских партий, в том числе и нашей. Ни XX съезд КПСС, ни последующие не дали полного ответа на вопрос о культе личности Сталина, о причинах его возникновения. Далеко не все сделано по преодолению его последствий. Известно, что Сталин проигнорировал либо видоизменил ряд рекомендаций В. И. Ленина, высказанных в последние годы жизни, в частности о совершенствовании партийного и советского аппарата, партийном и государственном контроле, развитии демократии, производственной кооперации, национальном вопросе и др. Часть ошибок Сталина не исправлена до сих пор. Кроме произвола в политических вопросах Сталин допускал вольности в народном хозяйстве, в использовании экономических законов, что привело к отрицательным явлениям, которые мы ощущаем и теперь. Тогда мы называли эти явления бестолковщиной, они продолжали разрастаться, а теперь мы их называем бесхозяйственностью, о вреде и масштабах которой говорить не приходится.

Хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование — основа всякого хозяйствования. Но об этом мы всерьез заговорили только на 70-м году Советской власти. Или, к примеру, малый и семейный подряд в сельском хозяйстве. Нечто подобное предлагалось еще в первые годы коллективизации. Но никому не позволено было даже проэкспериментировать...

Сталин спешил при своей жизни построить социализм, а Хрущев — коммунизм. Отсюда забегание вперед, левизна, волюнтаризм, поспешные решения и другие просчеты. Здравомыслящие руководящие кадры критиковали Сталина или возражали ему, на что Сталин ответил местью — массовыми необоснованными репрессиями.

За массовые репрессии 1937—1938 годов полная ответственность лежит на Сталине, правой рукой которого был тогда Жданов, а исполнителем — Ежов. Жданов ушел из жизни еще до XX съезда КПСС и остался в тени, а с Ежовым Сталин расправился, сделав его козлом отпущения.

Что же касается предложения о возврате имени городу на Волге, то я за возврат его географического имени Ца́рицын. Обратите внимание на ударение. Город получил свое название не от слов «царь», «царица», а от речки Ца́рицы, впадающей в Волгу.

Названия городов, поселков, железнодорожных станций, портов, водных бассейнов и т. п. есть прерогатива та-

ких наук, как география, топография, история, названия имеют международное значение. Поэтому надо издать закон, запрещающий переименование географических объектов; насколько возможно, вернуть городам и поселкам их географические названия. В настоящее время переименовано в стране более тысячи городов и поселков. Если так пойдет и дальше, то через 50—100 лет у нас мало останется непереименованных городов. Представьте, как это затруднит потомкам изучение географии и истории. В честь М. И. Калинина переименована Тверь, есть целых два Калининграда. По три и более названий в честь Кирова, Дзержинского, Куйбышева, Фрунзе, Котовского, Хмельницкого, Ивана Франко и других. Уже сейчас среднему ученику затруднительно отыскать на карте тверскую землю, найти вятичей, нижегородцев, луганских рабочих и др. Мы потеряли исторические, красивые, даже поэтические названия городов — Самары («Эх, Самара-городок...»), Мариуполя, Жовквы, Рыбинска, Гжатска и др. Во имя справедливости, науки и международных обязанностей этот процесс надо остановить, пока не поздно.

31 марта 1987 г.

Ю. А. Мальцев, юрист, 57 лет,
г. Пологи Запорожской обл.

ВОПРОС О ПОТЕРЯХ

Всем известно, что в районе Сталинграда нашими войсками было взято в плен 92 тысячи вражеских солдат и офицеров. В Белоруссии летом 1944 года в плен сдалось 60 тысяч фашистов[1]. А каковы были наши потери? Ни в «Истории Великой Отечественной войны», ни в учебниках, ни в мемуарах выдающихся наших военачальников об этом ничего конкретного не сказано. Известно лишь, что война унесла с собой 20 миллионов советских граждан. Почему же отсутствуют в нашей литературе данные о потерях наших войск в отдельных операциях Великой Отечественной? Да потому, что они настоль-

[1] Гитлеровцы в этой операции потеряли убитыми, ранеными и пленными около 0,5 миллиона человек.— См.: Великая Отечественная война, 1941—1945. Энциклопедия, с. 85.

ко велики, что не идут ни в какое сравнение с потерями врага.

Возьмем книгу английского военного писателя и журналиста Лиддела Гарта «Стратегия», изданную в нашей стране в 1957 году. Откроем ее на с. 339—340: «Танки Гудериана и Гота... на шестой день сомкнулись в районе Минска, в 320 км от границы... Было захвачено в плен 300 тысяч русских». Размеры «котла» вызвали волну оптимизма даже среди генералов, которых вначале беспокоило решение Гитлера о вторжении в Россию. Но, к нашему сожалению, потери под Минском не явились единственными и самыми большими. «В районе Смоленска немцами было захвачено в плен 180 тысяч русских»,— узнаем мы из той же книги. А дальше еще страшнее и драматичнее: «Операция немцев по уничтожению окруженной группировки русских войск под Киевом оказалась весьма успешной... Немцы захватили в плен более 600 тысяч русских... В районе Вязьмы немцы окружили и захватили 600 тысяч русских...» Вот, оказывается, какие потери понесли наши войска в первые месяцы войны. Правда, в книге имеется поправка издателя, робко убеждающая читателя в том, что цифры эти завышены. Но сказать «завышены» и не сказать на сколько — значит вообще ничего не сказать. Итак, почти 1700 тысяч человек за пять месяцев войны!

Помню, как перед войной в учебнике для второго класса печаталось стихотворение Л. Квитко «Письмо Ворошилову»:

> Климу Ворошилову письмо я написал:
> «Товарищ Ворошилов, народный комиссар!
> Слышал я — фашисты задумали войну,
> Хотят они ограбить Советскую страну...»

Так о какой же внезапности нападения может идти речь, если каждый школьник уже был предупрежден о предстоящей войне? Или, может быть, это стихотворение не читал будущий генералиссимус? Не могу равнодушно слышать, когда говорят: «Сталин выиграл войну». В этом убеждены лишь те, кто не способен самостоятельно мыслить, анализировать события и сопоставлять факты. Лично я убежден в том, что войны выигрывает народ, правительства их только проигрывают.

31 марта 1987 г.

Дж. Гамахария,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории КПСС
Грузинского института
субтропического хозяйства,
г. Сухуми

КТО ОШИБСЯ — СТАЛИН ИЛИ ГИТЛЕР?

Если б не Ваша горячая поддержка процесса перестройки, гласности и демократизации, не написал бы этого письма, не питал бы надежд на его опубликование. Правда, еще не знаю, зашла ли демократизация так далеко, чтобы кандидаты наук могли в случае необходимости критиковать и академиков.

История начального периода войны действительно требует переосмысления. Надо прямо поставить вопрос: кто все же ошибся — И. В. Сталин или Гитлер — в оценке военно-политической обстановки в мире накануне Великой Отечественной войны? Разве эта проблема как с научной, так и с политической точек зрения не стоит того, чтобы ее серьезно исследовать? Ведь доводы И. В. Сталина (они известны) были глубоко аргументированными, вполне логичными. Но Гитлер оказался авантюристом, пошел против логики. Ошибся в оценке политической, экономической и военной мощи СССР и, оставив Англию и США за спиной, напал на нас, то есть выбрал очень неудачное, прежде всего для себя, время и направление для нападения, что вместе с другими решающими факторами погубило его в конечном итоге.

Бесспорно только одно: приведение в полную боевую готовность имеющихся вблизи западных границ войск за день или хотя бы за несколько часов (не за 2—3 часа, как было на самом деле) значительно сократило бы наши потери в первые дни войны.

В исторической литературе часто ссылаются на донесение легендарного разведчика Р. Зорге. Можно ли было тогда считать это донесение абсолютно точным, бесспорным? Ведь раньше не оправдались сведения о готовящемся нападении немцев к 14 мая, к 20 мая, а затем между 15 мая и 15 июня. Наше разведуправление считало, что «слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки». Имелось множество разведданных

совсем другого содержания, чем донесение Р. Зорге. Ничего не опровергая и не доказывая, просто хочу сказать, что в изучении начального периода войны действительно много «белых пятен». Они требуют освещения, но не в зависимости от нашей симпатии или антипатии к И. В. Сталину, а на основе беспристрастного, добросовестного и глубокого научного анализа.

31 марта 1987 г.

М. Ф. Иващенко, инвалид войны, бывший чекист, г. Невинномысск Ставропольского края

МОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Мое мировоззрение формировалось в годы беспризорничества. С трехлетнего возраста я остался один на один со своей судьбой. Отец имел другую семью. В 1937 году он был оклеветан и расстрелян. Я попал в черный список как сын «врага народа». Это я почувствовал в школе снайперов в августе 1941 года, уже на Урале. Особист дал мне понять, чей я сын. По совету комиссара Галушкина я написал письмо Сталину и до сих пор благодарен обоим, что уберегли от ретивых службистов.

После войны стал чекистом. Отец был посмертно реабилитирован.

1930—1937 годы — это кулацкие выстрелы из-за угла, убийства коммунистов и комсомольцев, поджоги хлеба, отравления колхозного стада, взрывы и диверсии на шахтах, вылазки троцкистов. Многие из них «раскаялись», присмирели и, устроившись на теплые места, продолжали вредить Советской власти. Тридцать седьмой год возник не из желания просто развлечься. Не секрет, что «бывшие» не сидели сложа руки. Действия Сталина нельзя рассматривать отдельно от той обстановки. Троцкисты, оставаясь у власти на местах, уничтожили много безвинных и сами понесли суровую кару. А притаившиеся успели послужить и «великому рейху»...

После смерти Сталина хрущевские ошибки породили жажду купеческой наживы, казнокрадства, такие масштабы взяточничества и хищений социалистической собственности, каких мы при Сталине не знали. Ленинский нэпман со своим домиком выглядит жалким ягненком перед двухэтажным коттеджем с гаражом у современного ларечника или заведующего торгом.

Заразная бацилла взяточничества и наживы проникла в спорт, в науку и даже в органы МВД — такое ведомство, которому Дзержинский завещал иметь чистые руки и совесть. Я тоже был чекистом, и не дай бог, чтоб с кем-нибудь из нас тогда такое случилось. Теперь не тридцать третий и не сорок седьмой год, когда воровство можно было в какой-то мере оправдать. «Везуны» везут не из-за голода. А. М. Самсонов утверждает, что предателей были единицы. Да, если исчислять их от 180 миллионов человек. Конкретно же в каждом городе были свои полицаи. До самого Кенигсберга нам попадались батальоны РОА[1]. Они пополнили банды Западной Украины, отвергли призывы прекратить борьбу, продолжали зверски убивать, резать и вешать советских активистов, солдат и офицеров. Одной из таких жертв стал и мой сослуживец старшина Хрипунов, которого весной 1948-го повесили бандеровцы под Львовом, привязав его за ноги вниз головой к двум рядом росшим деревьям. Кое-кто старается все это забыть и сделать вид, что построение социализма происходило в обстановке полной идиллии. И Сталину от нечего делать, чтобы разогнать скуку, пришлось развлекаться репрессиями. Нужно все-таки по-большевистски смотреть правде в глаза, а то мы докатимся до того, что начнем Дзержинского и Ленина обвинять в красном терроре, ликвидации антоновщины и басмачества.

Конечно, теперь можно по-разному судить, допустил ли Сталин ошибку или сделал правильно, что не дал приказа на мобилизацию и не подтянул резервы к границе. Условно можно предположить, что Сталин отмобилизовал к началу войны 6 миллионов человек[2], подтянул их к границе и вооружил примерно каждого пятого винтовкой, каждому восьмому дал карабин и каждому двенадцатому вручил автомат, тогдашний ППД[3]. Чем же он вооружил остальных? Белыми носовыми платками или — для устрашения противника — деревянными макетами винтовок, при помощи которых мы учили приемы: «Длинным, коли!»

В первый период войны мы отступали не потому, что нас было мало у границы, что недоставало храбрости у личного состава РККА, а потому, что Германия имела над

---

[1] РОА — «Российская освободительная армия» Власова.

[2] Общая численность Советских Вооруженных Сил к началу войны составляла более 5 миллионов человек.— См.: Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история, с. 50.

[3] ППД — пулемет-пистолет Дегтярева.

нами колоссальное превосходство в моторах, в новейших типах танков и самолетов, в автоматическом вооружении и артиллерии. Чтобы остановить и уничтожить массу танков, поддерживаемых с воздуха сотнями самолетов, одной храбрости, согласитесь, мало. У нас почти не было автоматов и даже половины необходимого количества пулеметов в каждом отделении. Наши самолеты — ТБ-2, ТБ-3 и родные, но фанерно-брезентовые «Чайки» — не могли и своей малочисленностью, и по прочности, и по мощности противостоять «юнкерсам», «фоккевульфам» и «мессершмиттам». В первые месяцы войны они почти безнаказанно издевались над нами, бросая на наши головы бомбы, пустые бочки из-под бензина и даже куски железнодорожных рельсов. Они и это могли себе позволить от наглости. Мы плакали от злости и досады, наблюдая, как в неравном бою погибали наши соколы, а ведь геройства им было не занимать. Если бы Вы, Александр Михайлович, видели, сколько попало в плен к немцам наших красноармейцев, которых прижали к Днепру танки и мотопехота, поддерживаемые с воздуха сотнями «юнкерсов» и «мессеров»! Они кружились над кипящим кровью Днепром в чертовой карусели. Мне и немногим другим переплыть Днепр у Черкасс помогли тогда кони, и я избежал участи многих попавших фашистам в плен.

Может, теперь кто-то вздумает утверждать, что 23 августа 1942 года гитлеровцы вышли к Волге севернее Сталинграда лишь потому, что нас было мало, что сибирские и уральские дивизии не умели воевать, проявили трусость? Они все выполнили приказ Родины: ни шагу назад! Но что мы могли тогда противопоставить 4-му воздушному флоту Рихтгофена и бронированному кулаку из 250 танков, который прошел через нас на 16-километровом участке фронта и вышел к Волге? Котлубань и Ерзовка видели и помнят, как, истекая кровью, в огне и дыму обугливалась, рвалась на куски от бомб и снарядов сталинградская земля, на ней умирали, сдерживая оголтелых гитлеровцев, а оставшиеся в живых воины 1-й гвардейской и других армий переходили в контратаки. Потом мы, получив новую технику, начали учить захватчиков, как искать дорогу до фатерлянда.

Давая оценку событиям, историк не имеет права забывать, что нашему народу и его Красной Армии пришлось скрестить оружие с противником не в эпоху Чингисхана, когда численность рати, физическая сила воинов, меч да копье решали исход битвы в ближнем бою. Эпоха моторов

изменила характер боя. Численного превосходства и храбрости для одержания победы стало слишком мало. Сбивать самолеты из винтовок, даже залповым огнем, равносильно ожиданию выигрыша в лотерее... Но и в тяжелое время войны, когда бронированные клинья вермахта еще таранили наши фронты, молодому тогда Курчатову поручили начать работы по расщеплению атомного ядра. Предвидели, что империалисты никогда не оставят нас в покое. И мы уже 42 года удерживаем преступную руку империалистов, которые тянутся к пусковым установкам ядерных ракет, чтобы развязать новую мировую войну. Этого забывать не следует.

2 апреля 1987 г.

А. П. Новоселов, ветеран партии и труда, г. Томск

ИСТОРИЯ — ЛУЧШИЙ УЧИТЕЛЬ

Очень долго мне пришлось ждать, когда откроется истина о причинах крупных наших поражений в начале Великой Отечественной войны. Вы правы, что Сталин не был великим полководцем. Я считаю, что из 20 миллионов погибших в этой войне 10 миллионов — по вине Сталина. Да, вероятно, столько же погибло перед войной, в том числе крупные военные специалисты, партийные и хозяйственные руководители, начиная с истинного большевика-ленинца Сергея Мироновича Кирова, затем первых Маршалов Советского Союза В. К. Блюхера, М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова и других военачальников. А сколько погибло преданных партии коммунистов и честных, добросовестных тружеников. Вначале списывали на Ежова, затем на Берию, но разве Сталин об этом не знал и не видел?

1 мая 1935 года в Хабаровске был парад войск, где В. К. Блюхер у нас, молодых красноармейцев, принимал присягу. Затем я Василия Константиновича видел еще два раза. И вот после службы в армии работал на строительстве Уральского алюминиевого завода. Здесь настали темные дни нашей жизни. Приходишь на работу — сегодня одного арестовали, завтра — другого. У нас на УАЗе арестовали начальника строительства, главного инженера, директора и многих других работников. Но когда я услышал, что

арестован В. К. Блюхер как «враг народа», я вновь долго переживал и считал, что это грубейшее нарушение партийных и советских законов.

Все эти стоны массовых арестов Сталин видел и знал, а наши враги радовались этому. Органы НКВД вышли из-под контроля нашей партии.

История — лучший учитель, поэтому об ошибках, допущенных при становлении и развитии нашего общества, надо говорить открыто и прямо. К сожалению, например, производительность труда у нас в промышленности по сравнению с США такова: 1913 год — 11 процентов, 1950-й — 30, 1960-й — 44, 1970-й — 53, 1980-й — 55, 1985 год — 55 процентов[1]. Эти цифры говорят о том, что мы по производительности труда до 1970 года сокращали интервал ежегодно более чем на один процент, а дальше остановились. Представим себе, что мы достигли производительности труда, равной США,— это была бы самая мощная «бомба», разорвавшаяся над Вашингтоном и Пентагоном...

2 апреля 1987 г.

С. Ф. Елизов,
бывший снайпер-десантник,
ветеран войны и труда,
г. Елабуга Татарской АССР

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ ПАТРИОТИЗМА

Отношение к Сталину сейчас стало своего рода пробным камнем патриотизма. С одной стороны, читающие, умные, много пережившие люди правильно об этом судят. А с другой стороны — плохо информированные, ограниченные или легко пережившие войну, а также их дети — в общем, те, кому наплевать на жертвы и муки своего народа.

В истории нашей страны не было другого правителя и главнокомандующего, по вине которого погибло бы столько миллионов солдат и мирных соотечественников. Конечно, враг был крайне жесток, но на то он и враг, чтобы не пу-

---

[1] См.: Народное хозяйство в СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1977, с. 96; Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, с. 60; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 581.

скать его зверствовать до Свири, Волги и Кавказа, а бить на рубежах Родины. Потенциально для надежной обороны у нас был примерно двойной запас сил, а боевого духа нашим солдатам и командирам не занимать. Ссылки на то, что у нас не было времени подготовиться к обороне, хотя вторая мировая война уже шла почти два года, мягко говоря, нелепы. Ссылки на недостаток средств для обороны беспочвенны. Приведу такой пример: наша рота в 1944 году преодолевала «скромную» оборону противника на западе от Лодейного Поля. Противник настроил много дзотов из подручных материалов (камня, бревен, земли, дерна) на всех выгодных участках, пристрелял из минометов открытые места, заминировал проходы и подходы, имел много снайперов — и все это глубокоэшелонированно, вроде нашей Курской дуги. Когда преодолели такую оборону, от роты остался один-единственный солдат, остальные убиты и ранены. И это при полном нашем превосходстве в танках и самолетах! Почему, по чьей вине враг не встретил подобной обороны у наших границ? Кто подсчитал, сколько наших полков и дивизий без полного боекомплекта прямо с марша попало в окружение и в плен? А потом было «мудро» заявлено: «У нас нет пленных, а есть предатели», то есть на солдат же и вину свалили. Кто учел, сколько приготовленных для обороны боеприпасов захватил враг в начале войны?

В офицерском училище нас учили приемам «отбивания конницы слева и справа», бессмысленной шагистике. А созданных революционными полководцами учебников мы и в глаза не видели!

Уравниловки в истории быть не должно. Людям надо воздать должное — и по храбрости, и по уму, и по отношению к жизням солдат. В первый период крутого поворота после Сталина к демократии появилось несколько правдивых книг, но потом снова стала преобладать полуправда и однобокость. А вопросов война оставила массу, и люди ищут на них ответы. Где их находить? Кое-что проясняется в таких книгах, как «Блокада» А. Чаковского, «Полководец» В. Карпова и некоторых других, в том числе в довольно объективной книге Александра Верта о нашей войне. Но таких книг мало, и далеко не всем желающим их удается прочесть. Как же оценивать тех, кто до сих пор пытается «обелять» Сталина, игнорируя правду и факты, мешает вернуть народу веру в самого себя и в справедливость? Обо всем этом думать во время войны было некогда, но сейчас пора все проанализировать, сделать верные выводы. Будь

у нас весной 1941-го полторы сотни окопавшихся дивизий у западных границ — и злобный враг не осмелился бы на нас напасть.

Нам нужно знать, сколько наших солдат и офицеров по вине взявшегося не за свое дело главнокомандующего попало в плен, сколько их — молодых, полных сил — там замучено, умерщвлено, сколько смогло вернуться. Сколько погибло мирных жителей, в том числе детей? Сколько воинов погибло при освобождении своей земли и сколько при освобождении других стран, даже каждой страны? Сколько осталось вдов, сирот, родителей, потерявших детей? Сколько было ранено, сколько стало инвалидами, сколько потеряно без вести? Каковы потери сторон в танках, самолетах, кораблях? И еще многие вопросы интересуют отнюдь не только ограниченный круг специалистов. Как же народ до сих пор еще мало знает о войне, даже мы, ее ветераны! А что будут знать потомки?

Я с солдатской прямотой изложил свое мнение о войне; может, кому пригодится.

2 апреля 1987 г.

А. А. Веденеев, участник войны,
63 года, бывший начальник
отделения милиции,
г. Донской Тульской обл.

ПУТЬ НАШ НЕ БЫЛ УСТЛАН РОЗАМИ

Мы и сейчас должны вести пропаганду, что сдача в плен — позор! Иначе нельзя. Сдача в плен — преступление. Статья 264 УК РСФСР гласит: «Добровольная сдача в плен по трусости или малодушию наказывается смертной казнью или лишением свободы сроком на пятнадцать лет». В разъяснении к статье сказано: «1. Ничто, в том числе и угроза смерти, не должно заставить... сдаться в плен. 2. Насильственный захват в плен военнослужащего, лишенного возможности оказать сопротивление противнику (например, вследствие тяжелого ранения, контузии и т. п.), не образует состава преступления». Да, закон и сейчас утверждает: прими смерть, но в плен не сдавайся. Жаль, что тов. Самсонов проповедует иное.

Мы росли с болью и муками, путь наш не был устлан розами. Когда я пошел в школу, шла к концу коллективизация. Было сопротивление кулачья. Сиял для нас Павлик Морозов. А на последней обложке тетрадей, где был рисунок «У лукоморья дуб зеленый», в ветвях дуба мы находили слова: «Долой СССР». Такие же слова, помнится, были и в численниках. Поэтому нам понятен был клич Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают»...

Нужно учитывать, что офицерский корпус НКВД (МГБ) начал комплектоваться людьми с высшим юридическим образованием лишь где-то в середине 50-х годов. До этого в основном были практики с семилетним образованием. Обвинив Сталина в разработке неверной теории о нарастании сопротивления классовых врагов по мере продвижения к социализму, мы поставили телегу впереди лошади. Эту теорию он обосновал на статистических данных органов прокуратуры и НКВД. Такая была жизнь. Да, наш путь был порой горек. Я помню газетные, плакатные «ежовые рукавицы», а затем разъяснение, что были перегибы. Когда говорят о гибели в 1937—1938 годах ни в чем не повинных военачальников, партийных работников, интеллигенции, то почему-то умалчивают о простых рабочих и крестьянах. Их, наверное, погибло не меньше. Эти репрессии носили не избирательный характер. Между прочим, просматривается трагизм с такой стороны: за хозяйственное преступление директора предприятия могли привлечь к уголовной ответственности лишь с согласия министра, члена КПСС — с согласия партийного органа. А вот если на директора донесли, то за «антисоветскую пропаганду и агитацию» сажали в тюрьму без всякого согласования.

И еще один самокритичный момент. В бытность начальником милиции однажды по просьбе следователя я подписал отношение в соседний ГК КПСС с просьбой дать согласие на привлечение члена КПСС к уголовной ответственности по подозрению в хищении. Следователь поехал и тут же получил согласие. Затем направился к прокурору просить санкцию на арест. Получил обоснованный отказ. Выходит, секретарь ГК КПСС не вникал в суть «доказательств»?.. Не здесь ли кроется корень ошибок и злоупотреблений? Решения принимались скоропалительные, ни сил, ни времени на обстоятельный и тщательный разбор не было...

4 апреля 1987 г.

А. Э. Земс, инженер-проектировщик, лауреат премии Совета Министров СССР за 1985 год, 49 лет, г. Алма-Ата

БЕЗОБИДНА ЛИ НОСТАЛЬГИЯ ПО КУЛЬТУ?

Дикая вспышка национализма в нашем городе (в декабре 1986 года), когда тысячные толпы казахской молодежи размахивали плакатами «Каждый народ имеет право на своего вождя!», заставляет по-иному взглянуть на тлеющий уже несколько десятилетий культ Сталина, особенно среди части кавказского и среднеазиатского населения нашей страны. Десятки раз в день — за стеклами частных автомашин, в сапожных мастерских, в закусочных, в кабинах водителей государственного транспорта и других местах — вы встретите портреты Сталина. О том, что Сталина «оклеветали», на Кавказе вам обязательно сообщат и при неофициальном общении, и даже на служебных приемах. Несогласие с такой точкой зрения воспринимается как кровная обида. За всем этим идолопоклонством — далеко не безобидная ностальгия по прежним временам. Культ Сталина используется в качестве иконы и для разжигания националистических настроений, и для фрондирования «оппозиционностью» официальному мнению. Способствовали такому положению недостаточная последовательность и половинчатость решений по развенчанию культа Сталина в 1956 и 1961 годах, а также фактическая запретность этой темы в 1967—1984 годах.

В числе стоящих ныне перед нашим обществом задач — установление исторической правды о нашем недавнем прошлом во всей ее полноте. Еще в 1964 году в газете «Правда», в статье, посвященной 30-летию XVII съезда ВКП(б), говорилось о том, что у многих делегатов этого съезда было мнение о необходимости выполнения завещания Ленина — смещения Сталина с поста генерального секретаря. Сообщалось, что Сталин использовал злодейское убийство Кирова для расправы с неугодными ему людьми. В вышедшей в 70-х годах многотомной «Истории второй мировой войны» сообщается, что в 1937—1939 годах были репрессированы все командующие округами и 75 процентов командиров полков, дивизий, корпусов и соединений[1]. Эти факты

---

[1] См. 1-ю сноску на с. 102.

не могут быть классифицированы иначе как тягчайшие преступления против советского народа и партии во имя удержания личной власти. Именовать их «ошибками» и призывать к реабилитации Сталина — кощунство. Кощунственно также захоронение Сталина рядом с Мавзолеем Ленина, место ему указано фильмом «Покаяние». Факт народного доверия Сталину никак не обеляет самого Сталина, грубо поправшего это доверие, так же как факты героизма русских солдат в дореволюционных войнах, защищавших отчизну с именем царя на устах, не обеляют ни царей, ни царизм.

Советский народ творил свою героическую историю под руководством партии, несмотря на преступления, просчеты и некомпетентность Сталина. Чем быстрее и полнее будут раскрыты все страницы нашей истории, тем быстрее оздоровится наше общество от тяжких наслоений прошлого и недугов настоящего.

4 апреля 1987 г.

Ю. Н. Курманов, работник Госснаба Казахской ССР, 37 лет, г. Алма-Ата

ВИНОВАТЫ НЕ ТОЛЬКО ВОЖДИ

Декабрьские события в Алма-Ате высветили пробелы не только в интернациональной пропаганде, но и в социальной справедливости. У нас в Казахстане обнаружились свои Варламы из «Покаяния» — это такие, как Бекежанов, Статенин, Аскаров, Лысый и др. Не надо думать, что это только у нас в Казахстане. Это было везде. Поэтому перестройка идет по всей стране.

Сейчас некоторые товарищи хотят все беды свалить на современный вождизм. Дескать, виноваты только вожди, а мы, руководители чуть пониже, не виноваты, нас так заставляли делать. Это в корне неправильно. Это слова людей элитарного типа, им проще свалить все на вождей, для того чтобы сохранить элитарность и ее окружение, ее непотопляемость. То есть они — противники перестройки.

4 апреля 1987 г.

А. Ф. Кулаков,
подполковник в отставке,
70 лет, г. Алма-Ата

КОММЕНТАРИИ К ОТВЕТАМ АКАДЕМИКА САМСОНОВА

К чему привело руководство Брежнева партией? Читаю: «...вскрыта преступная система в республиканском автомобильном транспорте. По делу арестованы и обвиняются бывший министр А. Караваев, его заместитель М. Маханов, начальник Алма-атинского пассажирского автоуправления Ш. Сарсенбеков, Чимкентского — Г. Дмитриев, Карагандинского — М. Бондарев и другие должностные лица, похитившие и получившие взятками 12 миллионов рублей. У них изъяты немалые денежные и другие ценности на сумму свыше одного миллиона рублей.

...За государственный счет в общественном стаде содержалось 183 тысячи голов личного рогатого скота, 85 тысяч лошадей и верблюдов, 1,2 миллиона овец и коз... С виновных взысканы 4,1 миллиона рублей, 29 человек привлечены к уголовной и 142 — к партийной ответственности» [1].

Это не все. Очевидно, тов. Кунаев — первый кандидат проститься с партбилетом и ждать ареста.

Вот почему вставший у руля партии Ленина тов. М. С. Горбачев и ЦК КПСС приняли решение о перестройке. Дальше так жить нельзя.

Вы, товарищ Самсонов, пишете: попасть в окружение или плен считалось позором. А ко всем, кто там побывал, относились с большим подозрением.

Правильное было требование. Иначе нельзя было, так требовала обстановка. Но ведь не всех преследовали. Мне известны факты: из 28 героев-панфиловцев были в плену Иван Демидович Шадрин и Дмитрий Тимофеевич Тимофеев. Тимофеев скончался в 1949 году, а Шадрин осенью 1986 года. Им были вручены Звезды Героев [2].

4 апреля 1987 г.

---

[1] См.: Казахстанская правда, 1987, 24 мая.

[2] Автором письма допущена неточность. Иван Демидович Шадрин умер 22 октября 1985 года, Дмитрий Фомич (а не Тимофеевич) Тимофеев умер 6 июня 1950 года. Остались живы также панфиловцы Даниил Кожубергенов и Иван Добробабин. Их судьба сложилась трудно не только в войну, но и в многие годы после ее окончания.

П. А. Носырев, участник войны, политработник, 67 лет, г. Киев

РАЗРЕШИТЕ ПОСПОРИТЬ С АКАДЕМИКОМ

Некоторые современные историки стараются писать историю индустриализации, коллективизации, Великой Отечественной войны по Троцкому. Их «историческая правда» — это рисунок В. Шкарбана на первой странице журнала «Крокодил» (1987, № 9[1]).

Провалы исторической памяти о героическом периоде 1924—1953 годов образовались только потому, что модно не показывать достижений минувшего периода, а почти все охаивать. Если верить некоторым «историкам», то оказывается, что я только пять лет прожил при правильном, ленинского типа руководстве: до трехлетнего возраста и последние два года. А 62 года — при сплошных просчетах, ошибках, культах, волюнтаризме и негативщине. Обидно. Но не за эпоху, в которой посчастливилось мне жить, а за историческую «науку» последних 30 лет. Отделять успехи от имени руководителя, представлять так, что успехи и победы — это у народа, а неудачи и ошибки — это у руководителя,— гиблое дело. Истинная история увяжет это воедино.

А пока что во всем этом, особенно у молодежи, не только «белые пятна», но и «черные дыры». Может быть, их удалось бы уменьшить, если бы, например, вместо «Королевы Марго» на макулатуру продавали мемуары военачальников. Попробуйте достать «Дальняя бомбардировочная...» Голованова! Мне это не удалось. А «королевы», «графини», «мушкетеры» — вот они, интерьеруют книжный шкаф.

Ужасна ирония судьбы Сталина! При жизни его ругали, проклинали, ненавидели враги нашей Родины. После его смерти этим занялись «благодарные» соотечественники.

Кто у нас знает о многолетней подготовке к освоению целинных земель в Казахстане? А знают так: сначала все якобы делалось по волшебной палочке Хрущева, а затем все приписано Брежневу. Между тем газета «Известия» за 19.X 1941 г. в числе других материалов сообщала: «В Москве введено осадное положение», «Комиссия Академии наук СССР выехала в Казахстан для изучения вопросов по освоению целинных и залежных земель».

[1] На рисунке у стендов «Наши просчеты», «Наши недостатки» и др. один персонаж говорит другому: «И мы идем в ногу со временем — развиваем гласность!»

Да. Непосредственных свидетелей событий остается все меньше и меньше. Кажется, нет в живых ни одного командующего фронтом в годы войны. Нет никого из инициативной группы 1969 года (Поспелов, Трапезников, Епишев) [1]. Очернителям становится все легче и легче выискивать «белые пятнышки» неудач и ошибок, оставляя в стороне великие свершения. В угоду личной, мелкой сенсационности они будут и дальше наносить вред патриотическому воспитанию молодежи. Наш народ 1985—1987 годов такой же, каким был в 60-е и 70-е годы,— советский. Почему этот народ был втянут в так называемые негативные явления, нанесшие вред на всех направлениях? Ну а если бы на апрельском (1985 года) Пленуме ЦК КПСС случилось бы примерно то, что случилось на февральском 1984 года? Не ясно ли, почему именно с апрельского (1985 года) Пленума наш народ пришел в движение за перестройку? Будут ли новые ошибки? Вероятно, будут. Но я надеюсь, что будущие соотечественники не позволят относить ошибки на персональный счет М. С. Горбачева, а достижения — на счет всего народа.

4 апреля 1987 г.

И. Г. Пудовкин, г. Армавир Краснодарского края

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ИСТИНЕ

Высокопоставленные и руководящие партийные, государственные, военные деятели и даже члены семей некоторых из них уничтожались по личному указанию Сталина — либо персонально, либо по спискам. Об этом упоминал в своем выступлении на XXII съезде партии Шверник, председатель КПК при ЦК партии в те годы. Что касается уничтожения прочих советских граждан, то здесь не требовалось санкций Сталина по очень простой причине — их был легион. Здесь действовали внесудебные, незаконные, антиконституционные органы, такие, как Особое совещание ОГПУ — НКВД, и разросшиеся по

[1] П. Н. Поспелов — секретарь ЦК КПСС, С. П. Трапезников — заведующий Отделом науки ЦК КПСС, А. А. Епишев — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1965—1969 годах в числе других возглавили кампанию, направленную на свертывание дальнейшего разоблачения культа личности И. В. Сталина. Благодаря и им были преданы забвению решения XX съезда КПСС, создана обстановка застоя в общественных науках.

всей стране, как ядовитые грибы, «тройки». Но и они действовали, руководствуясь не законами страны, а инструкциями и постановлениями вышестоящих карательных органов, хозяйничавших в те годы на огромной территории страны и подмявших под себя и партию и государство.

...Я не сторонник широкого обсуждения событий тех лет. Это не в интересах партии и советского народа. Это наша беда. Мы ее пережили. Но и забывать об этой беде мы не имеем морального права. К слову сказать, не пора ли в память тех, кто погиб в те черные годы, воздвигнуть памятник? В знак того, что мы не забыли их, помним и будем помнить.

6 апреля 1987 г.

Н. А. Пахомов, ветеран труда, г. Душанбе

ВИНОВАТ СТАЛИН, А НЕ НЕМЕЦКАЯ РАЗВЕДКА

Наша пресса все ходит вокруг да около, а люди до сих пор так правду и не знают. Доходит до нелепости: например, гибель военачальников (Тухачевского, Уборевича и других) приписывают как вину не Сталину, а виновата, выходит, немецкая разведка, которой удалось Сталина обмануть. Слушайте! На что же это похоже? Ведь так можно оправдать любое преступление! Свалить вину на кого угодно и оправдать того, кто по своему долгу должен был нести ответственность в первую очередь.

А начало войны? Тоже как-то умудряются оправдать Сталина, а десятки миллионов остались лежать в земле. Как же можно простить то, что не кто иной, как Сталин, превратил ленинскую идею социалистического общества в диктатуру личности, а от социализма осталось лишь название, что надолго отбросило назад наше развитие как в технической области, так и в политической, моральной, культурной. Не будь Сталина, не было бы и Мао Цзэдуна, который по той же системе отбросил свою страну назад на полвека. Не будь Сталина, не было бы у нас такого количества догматиков, политиканов, закоренелых консерваторов, с которыми сейчас наша партия ведет непримиримую войну. Хорошо, что это все позади, хорошо, что наступило сегодняшнее время, когда особенно хочется жить, работать и радоваться всем изменениям, которые происходят в нашей стране.

Но у нас еще много тормозов, которые пытаются тянуть нас назад, и одним из этих тормозов является незнание нашим народом исторической правды. На мой взгляд, тот, кто и сейчас за Сталина, не может идти в ногу с нашим временем. А таких немало. Они даже жалеют, что это ушло в прошлое, жалеют потому, что то время для них было удобней. Они чувствовали себя всесильными и неподвластными воле народа. Перемены, происшедшие после смерти Сталина, в 1953—1964 годах, оздоровили нашу страну. Страна всколыхнулась и сделала немалые успехи во всех областях жизни. Однако почему-то в народе бытует понятие, что в то время был упадок, тогда как все было наоборот. Не должно же быть так, чтобы преступник оставался в почете, а тот, кто его разоблачил, в опале!

А недавно в «Аргументах и фактах» я прочитал, как один корреспондент на вопрос о роли Сталина в войне ответил словами Г. К. Жукова. Я очень уважаю имя нашего, я бы сказал, великого полководца, но ведь он же не историк! И нельзя трактовать историю чьими-то словами. История есть история. Тем более что мемуары Жукова издавались уже в 70-е годы. Когда говорят, что с именем Сталина шли в бой,— это не что иное, как фанатизм, порожденный тем же Сталиным. А фанатизм, как известно, признак мракобесия и никакого отношения к чистому патриотизму не имеет.

6 апреля 1987 г.

А. Ф. Шлепнев, участник обороны Ленинграда, г. Москва

ПРОСЧЕТЫ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА

Я хорошо помню ночь с 7 на 8 сентября 1941 года в Ленинграде, когда немецкие бомбардировщики зажигательными бомбами сожгли Бадаевские продовольственные склады. Сердца холодели от ужаса, когда мы увидели в ту ночь, как, словно фейерверк в парке, сотни ракет взметнулись в небо — немецкие шпионы указывали цели самолетам. Правда, на следующую ночь этих ракет было немного, но ракетчики свое дело уже сделали — были сожжены склады, которые, кстати, были под открытым небом (тоже просчет). Гитлер выполнил свой зловещий план: как только его войска замкнули блокаду,

в первую же ночь бомбардировщики почти лишили огромный город запасов продовольствия [1].

Хочется сказать еще об одном просчете. Я с самого начала войны был в зенитной артиллерии, поэтому мне очень памятны дела противовоздушной обороны Ленинграда. В то время на вооружении стояли звукоулавливатели, прожекторы и зенитная артиллерия. Но уже первые ночные налеты немцев показали несостоятельность этой схемы. Ведь звукоулавливатели давали координаты цели, которая уже ушла из этой «точки», а прожекторы соответственно не могли поймать цель. Кроме того, «слухачи» на звукоулавливателях глохли от первых же выстрелов и вообще ничего не слышали. Правда, тогда у нас уже были радиолокаторы наблюдения, но этого было недостаточно. Нужны были станции орудийной наводки (радиолокационные), а их-то и не было. А пишу об этом потому, что было очень больно видеть, как немцы почти безнаказанно бомбили Ленинград по ночам, а зенитчики при всем старании ничего не могли сделать, так как стрельба была малоэффективной, хотя и насыщенной.

Ну вот, Александр Михайлович, надеюсь, что и я смогу быть Вам полезен в Вашей нужной работе по устранению «белых пятен».

7 апреля 1987 г.

В. Ф. Тихоступ, г. Белая Церковь Киевской обл.

О «ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРИИ»

Мой коллега, который моложе меня на 20 лет, считает, что со Сталиным обошлись круто. Рассказываю ему содержание писем ЦК партии, в которых сообщалось, как были замучены в 1937—1938 годах лучшие сыны партии, он отвечает: «Это выдумки Хрущева». И моего коллегу можно до некоторой степени понять. Где он может прочитать об этом трагическом периоде в жизни нашей Родины? Сразу после XX съезда партии появились книги, освещающие события тех лет. Но потом все вернулось на круги своя. Изданные книги осели в частных библиотеках, а новых не издавали. Я помню покаянное письмо

[1] Подробно и достоверно об этом написано в книге Д. В, Павлова «Стойкость» (М., 1983).

Г. Серебряковой в «Литературной газете», в котором она отрицала свою причастность к передаче за границу рукописи, которую отказались опубликовать в нашем издательстве. И если такой авторитетный писатель, как Г. Серебрякова, не могла издать книгу, то откуда широкий круг читателей может получить правдивую информацию? Остаются в основном устные свидетельства очевидцев, которых с каждым годом становится все меньше.

О деятельности Сталина в период Великой Отечественной войны разные авторы пишут по-разному. А ведь это не «дела давно минувших дней». И у читателей создается впечатление, что описывается все не так, как было, а «как надо» это преподнести в данный момент. Эта «двойная бухгалтерия» в освещении исторических событий не может способствовать очищению нашей жизни. Многие остаются равнодушными к происходящим в стране переменам. Сомневаются: надолго ли это?

7 апреля 1987 г.

С. Д. Полуполтинных, 70 лет,
пос. Большой Невер Амурской обл.

«НАД АМУРОМ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО»

Я родился 22 декабря 1917 года в семье крестьянина, амурского казака, награжденного Георгиевскими крестами за японскую войну. В семье нас росло семеро детей, не считая умерших в детстве. В 1937 году из семьи нас взяли троих — сперва отца, потом меня и позже — старшего брата, который был на курсах комбайнеров.

В то время, в декабре 1937 года, я работал бухгалтером Албазинского сельпо. Тогда была создана Зейская область с центром в г. Сковородино. В один из декабрьских дней вызывает меня оперуполномоченный тов. Тимаков в поссовет и предлагает мне написать заявление на наших работников тов. Портнягина и Шимилина — об их «контрреволюционных действиях». Не пишу подробностей нашего разговора, но я ему ответил, что ни Советская власть, ни комсомол, ни отец с матерью не учили меня врать, а потому не буду писать ложные заявления. И когда я уходил, он мне вслед кинул: «Ты не написал — на тебя напишут!» Так оно и получилось. В ночь на 27 декабря меня арестовали. Итак,

я очутился в Сковородинской тюрьме, попал в камеру 5×5 метров, где нас сидело 70 человек. Что творилось на следствии! Я выстоял, теперь это позади.

И вот как-то раз мой следователь, придя на следствие в хорошем настроении, посадил меня на стул и предложил не упираться. «Подпиши, что я напишу,— дадут 10 лет и не расстреляют, ибо «тройка» судит по нашему заключению, а тебя все равно отсюда не выпустят». Подумав обо всем, перенесши муки, я решил подписать, даже не читая. Ибо каждую ночь в 12 часов подходил к тюрьме «черный ворон», и из камер вызывали людей с вещами. Мы знали, что их везут на расстрел.

Правда, следователь меня не обманул. В марте 1938 года пришло решение читинской «тройки» облНКВД. Осудили на 10 лет по статье КРД (контрреволюционная деятельность). Из репрессированных в 1937—1938 годах из 12 сел по Амуру, где были взяты лучшие трактористы, комбайнеры, председатели колхозов, лучшие колхозники — а их были тысячи,— я после возвращения не встретил ни одного. По фамилиям всех не перечесть, но видных деятелей, которые завоевывали Советскую власть, нужно вспомнить. И в первую очередь Блюхера, освободителя Дальнего Востока от интервентов. Да разве он один! Со мной отбывали срок на Колыме, в Дальстрое, такие, как Рокоссовский[1] и Ольховский, бывший главный инженер ЦАГИ, ранее работавший вместе с Туполевым. Когда началась Отечественная война, Рокоссовского отправили в Москву якобы по настоянию Жукова. Ольховского отозвали в 1943 году. Последний, находясь в лагере, не переставал трудиться над реконструкцией самолетов и отправлял свои работы в Москву.

За все совершенное в 1937—1938 годах нельзя обвинять только Сталина, Ежова, Берию. Не могли они одни делать гнусные дела. Встает вопрос: а где же были ЦК ВКП(б) и Верховный Совет? Ведь там были тоже люди, разве они не знали всего? Если обвинять, то всех.

13 апреля 1987 г.

---

[1] По моим сведениям, К. К. Рокоссовский на Колыме не был. Длительное время он находился под следствием и сидел в тюрьме «Кресты» (г. Ленинград).

Г. В. Родченко, краевед,
инвалид войны, г. Слуцк
Белорусской ССР

ПЛОХАЯ ЕМУ ДОСТАЛАСЬ ДОЛЯ...

В истории Отечественной войны 1941—1945 годов еще много «белых пятен». Одним из них являются события на брестско-московском направлении в первую неделю войны. Это было направление главного удара гитлеровских войск. Положение на этом направлении было сложным, потому что Сталин считал, что главный удар немцы нанесут по Украине. В связи с этим количество наших дивизий в Киевском военном округе было большим, а в Белорусском — меньшим. Сказать, что под Брестом немцы создали пятикратное превосходство[1],— значит еще ничего не сказать. Фашисты создали подавляющее превосходство, так как в авангарде их наступающих частей шли механизированные и танковые дивизии Гудериана, и наступали они не фронтом, а узким клином вдоль шоссе Варшава — Москва.

Командующий Западным особым военным округом генерал армии Д. Г. Павлов, вопреки общепринятому теперь мнению, был храбрым генералом. Он в первые дни войны выехал на фронт в район г. Барановичи и лично руководил войсками, оборонявшимися на брестско-московском направлении. Просчет Павлова был в том, что он считал, что основной удар гитлеровцы нанесут через Барановичи на Минск. Павлов не учел, что половина основных сил противника нанесет удар по направлению старой варшавско-московской дороги через Слуцк в направлении на Бобруйск и дальше на Москву. Случилось так, что барановичское направление Павлов укрепил за счет даже тех наших войск, которые до войны дислоцировались на слуцко-бобруйском направлении. Он перебросил часть 55-й стрелковой дивизии из Слуцка в район Барановичей и 121-ю стрелковую дивизию из Бобруйска под Барановичи и тем самым оголил левый фланг фронта. Этим воспользовался один из мехкор-

[1] По свидетельству генерал-полковника Л. М. Сандалова, «на стопятидесятикилометровом фронте против 4-й армии Западного особого военного округа развертывались основные силы 4-й немецкой армии под командованием фельдмаршала Клюге. Подготавливая удар в направлении Брест — Пружаны — Барановичи, она имела в своем составе двенадцать пехотных дивизий и одну кавалерийскую, то есть превосходила нашу 4-ю армию более чем в три раза» (*Сандалов Л. М.* Пережитое. М., 1961, с. 72).

пусов Гудериана, который стремительно начал продвигаться в глубь нашей страны в направлении на Слуцк — Бобруйск. Здесь темп наступления гитлеровцев в отдельные дни достигал 100 километров за световой день. За шесть световых дней (ночью немцы не наступали) этот корпус Гудериана прошел от Бреста до Бобруйска, то есть более чем на 400 километров в направлении на Москву, около половины пути к намеченной цели.

Командующий Западным фронтом генерал Павлов лично участвовал в боях на слуцко-бобруйском направлении. Он делал все возможное, чтобы закрыть эту брешь, но сил не было. 27 июня в 22 километрах восточнее Слуцка генерал Павлов бросил в бой последний свой резерв — взвод личной охраны. (Я разговаривал с бойцом этого взвода года два назад в госпитале инвалидов войны под Минском.)

Старое военное правило гласит: генерал не побежден, пока у него есть резервы. Павлов бросил в бой последний резерв — и здесь он был побежден. По военным правилам он должен был вытащить пистолет и застрелиться. Тем самым он избавил бы себя и свою семью от позора... Но он этого, к сожалению, не сделал, а сел в свой броневик и уехал в штаб фронта. (С Павловым под Слуцком был и его связной самолет.)

К сожалению, в нашей литературе и в кинофильмах до сих пор Павлова показывают только таким, каким он был после 27 июня, когда он был уже морально убитым, ходячим трупом. Об этом свидетельствует в мемуарах и Г. К. Жуков, который увидел Павлова на седьмой или восьмой день войны и не узнал его (так Павлов изменился). Солдатская молва гласит, что, когда Гудериану стало известно о трагической судьбе Павлова, он будто бы сказал: «Жаль. Я хотел встретиться с этим человеком...»

В этом году исполнится 46 лет с начала войны. В Минске и сегодня живет дочь генерала Павлова — Ада. Окольным путем мне стало известно, что она недовольна неполной реабилитацией ее отца. Я ее полностью поддерживаю и хочу ей сказать: да, ваш отец был храбрым генералом, но плохая ему досталась доля...

Оборона Москвы началась под Брестом. И первым командующим фронтом, который оборонял московское направление, был генерал Павлов. И оборонял он это направление до последнего взвода и солдата. Приведу один только факт. В центре нашего города Слуцка (а центральная улица Слуцка — это часть шоссе Варшава — Москва) установлена мемориальная доска, на которой отмечено, что на

этом месте 26 июня 1941 года два неизвестных красноармейца огнем из орудия уничтожили три вражеских бронетранспортера и до 50 гитлеровцев. По рассказам старожилов Слуцка, эти двое (а они тогда погибли) были одеты в синие комбинезоны. Значит, это были танкисты Павлова. Когда у них кончились снаряды и враги начали их обходить по боковым улицам, они в ствол орудия насыпали песок и выстрелили последним снарядом. Ствол разорвало. Это они сделали для того, чтобы орудие не попало к врагу. Потеряв танки, танкисты Павлова сражались до последнего с винтовками и орудиями. Это фактически были смертники, камикадзе. И их ставил Павлов. Когда гитлеровцы вошли в Слуцк, какой-то немецкий полковник или генерал снял фуражку перед трупами неизвестных танкистов Павлова.

Не грех бы одну из новых улиц в Москве назвать именем Павлова. У меня о нем собрано много материала, но здесь я его весь использовать не смог. Простите за инвалидный почерк.

13 апреля 1987 г.

А. А. Могильный, ветеран войны и труда, член КПСС с 1942 года, г. Светловодск Кировоградской обл.

ЕЩЕ РАЗ ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ

Знать и помнить! Какие это емкие слова. Бережно, словно мягкой щеткой археолога, очищать исторические факты от всего наносного, конъюнктурного, прилипшего как в те далекие времена, когда они происходили, так, к сожалению, и в последующие годы — вплоть до наших дней. Но позволю себе высказать опасение: не превратилось бы это в некую кампанию сомнений и переоценок! В репортаже из пресс-центра МИД СССР приводится мнение Ф. Бурлацкого: «Партия, очевидно, вернется к переоценке всех периодов нашей истории...» Так сказать, не сомневались, соглашались, все принимали на веру. Хватит, теперь гласность, даешь переоценку всего и вся! Вот и опасение — как бы не вышло, как в той украинской поговорке: «Як не ходыв наш батько до церквы, то не ходыв, а як пишов, то й двери на голови понис».

Насколько вообще правомерна постановка вопроса о полководческом величии Сталина? Он что, как в той слав-

ной песне, «когда луганский слесарь Ворошилов водил войска по скошенным полям», тоже водил войска? В конституциях многих стран (в том числе и в США) глава государства одновременно является главнокомандующим вооруженных сил страны. Полководческая гениальность для него необязательна. Подобная постановка вопроса просто неуместна.

Конечно, все люди в той или иной мере не свободны от субъективного восприятия исторических событий и от стереотипов, порожденных обстоятельствами общественной атмосферы. Дело не в том, чтобы подводить все под некий общий знаменатель. Наоборот, здесь должна быть полная демократия, свобода и гласность. Но прошу всех историков, писателей, журналистов, всех работников культуры — учителей, артистов, работников театра, кино, телевидения и радиовещания — при изложении и показе всего того, что связано с историческим прошлым нашего народа, проявлять особую осторожность и чувство величайшей ответственности. Здесь не должны иметь место верхоглядство, субъективизм, поспешность и совсем уж неуместны эмоции.

Мой трудовой путь: работа в сельском хозяйстве — 12 лет, в кадрах Советской Армии — 23 года, на предприятиях цветной металлургии — 17 лет. Разделяю резонность вопроса: с чего это меня потянуло в «калашный ряд»? Действительно, только в «АиФ» № 10, о котором речь, под статьями и публикациями подписи академика, двух профессоров и трех кандидатов наук. Правильно, хорошо! Но призыв к гласности предполагает и учет мнений простых людей, пусть не «обремененных» званиями, степенями, приставками. Просто простых. Я на это надеюсь.

13 апреля 1987 г.

Г. М. Коржавина, учительница,
г. Тында Амурской обл.

КТО ВЫИГРАЛ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ?

Когда, где, в какой серии выйдут жизнеописания выдающихся советских политических деятелей, военачальников, которые стали жертвами репрессий 1934—1939 годов? У нас что, гражданскую войну Чапаев с Буденным и «первым красным офицером» Ворошиловым выиграли?..

Я работаю в школе, приходится часто выступать перед ребятами по темам: «Рыцари революции», «Полководцы гражданской войны», а материала нет. Книг нет, брошюр нет, статей нет! Нашла об Уборевиче статью в газете «Красная звезда», так я ее размножила, чтобы дети увидели этого человека. Писатель А. Алдан-Семенов попытался в романе «Красные и белые» описать этих людей. Скупо и скудно получилось у него, но он хотя бы постарался восстановить одну из главных страниц гражданской войны. Думаю, что материала архивного у него почти не было, так как все, что связано с именами Егорова, Тухачевского, Уборевича, Гая, Азина, было уничтожено и каленым железом выжжено из памяти людской.

Мне же повезло. Дед мой был учителем. И, может, потому, что жили в глуши, сохранил он фотографии, вырезки. Став взрослым человеком, я стараюсь найти о том времени, о людях правду и рассказать ее. Но стена глухая: никакой литературы нет.

15 апреля 1987 г.

И. Г. Хижняк,
бывший курсант-наводчик пулемета «максим» Житомирского курсантского полка,
г. Кировоград

ОНИ ОТВЕЧАЛИ ЗА ОБОРОНУ

Мне кажется, нельзя всю вину и ответственность за неудачи в начальный период войны возлагать на одного Сталина. Необходимо определить круг лиц, ответственных за оборону. После смерти М. В. Фрунзе наркомом обороны до 1940 года был Ворошилов. Даже после назначения на этот пост С. К. Тимошенко Ворошилов, как член Политбюро, нес ответственность за подготовку Красной Армии к войне. Если глубоко проанализировать период его «руководства», мы найдем главного виновника неудач, и это не кто иной, как Ворошилов. Кстати, ни в одном из прошлых исследований, ни в одном историческом труде Ворошилову не предъявлено ни одного обвинения. Все обвинения пали на С. К. Тимошенко, который наркомом обороны был немногим более года, и на

Г. К. Жукова, начальника Генштаба, работавшего на этом посту менее года.

Возьмем такой вопрос, как принятие на вооружение новых образцов техники. Перед войной мы даже не имели высокооктанового бензина для таких самолетов, как Пе-2, Ил-2, Як, ЛаГ и др. А главный конструктор танков М. И. Кошкин только во второй половине 1940 года ценою своей жизни смог запустить в производство Т-34 на танковом заводе в Харькове. Кто тормозил? Опять нашли «козла отпущения»: дескать, главным тормозом являлся разжалованный маршал Кулик, а Ворошилов опять остался в стороне.

Маршал Тухачевский, Корк, Уборевич, Эйдеман стояли за приоритетное развитие механизированных и танковых войск, ибо будущая война мыслилась ими войной моторов. Ворошилов, Буденный и другие стояли за приоритетное развитие конницы. Даже в песнях прославляли их стратегический уклон:

Если в край наш спокойный
Хлынут новые войны
Проливным пулеметным дождем,—
По дорогам знакомым
За любимым наркомом
Мы коней боевых поведем.
(А. Сурков. Конармейская песня)

Я солдатом воевал в составе 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, я знаю «цену» этой кавалерии, беззащитной перед авиацией, танками, артиллерией и системой автоматического огня.

Маршал М. Н. Тухачевский являлся автором фундаментального труда о фронтовой стратегической наступательной операции с массированным применением механизированных и танковых войск, с высадкой большого воздушного десанта в тылу противника. Ворошилов забраковал этот труд, несмотря на то что эта разработка имела приоритет в мире, и ратовал за массированную кавалерию. Что из этого получилось, показала Великая Отечественная война.

А кто повинен в уничтожении самых опытных кадров высшего и старшего командного состава перед войной? После развенчания культа личности Сталина начали реабилитацию безвинно казненных командиров. Командарм 1-го ранга И. Якир, командующий Киевским особым военным округом, был оклеветан, арестован, а после перенесенных пыток, перед расстрелом обратился с письмом к Сталину. Содержание письма примерно таково: боевые друзья,

ведь вы меня знаете, я при царизме приговаривался к смерти и каторге, воевал за нашу власть честно и с достоинством, изранен и изрублен. Прошу вас, разберитесь, здесь какая-то ошибка, где-то пролез враг, ведь уничтожаются лучшие военные кадры. Если нельзя уже помочь мне, то защитите мою семью, вы ее хорошо знаете.

Это письмо легло на стол Сталина. Он вызвал Ворошилова и Буденного, передал им письмо и сказал: «Ваши кадры, разберитесь и решите». Ворошилов прочел письмо и написал на нем: «Проститутка». Буденный прочел и тоже написал: «Собаке — собачья смерть». Так была решена участь великого бойца революции[1].

Та же участь ожидала в 1941 году генерал-полковника Конева. Он командовал Западным фронтом, и Ворошилов, чтобы снять с себя ответственность за развал фронтов и переложить вину на других, решил отдать Конева под суд военного трибунала. И только вмешательство Г. К. Жукова спасло Ивана Степановича от казни.

При написании истории гражданской войны в 30-е и последующие годы прославлялась прежде всего 1-я Конная армия, ее командарм и член Военного совета, а других армий и фронтов как бы не существовало — не было С. С. Каменева, Вацетиса, Егорова, Тухачевского, Фабрициуса, Муравьева, Сорокина, Федько, Корка, Уборевича и сотен других прославленных героев гражданской войны. О Сорокине и Муравьеве пора писать объективно, не скрывая заслуг, не оправдывая предательства.

Точно так же, как прославлялась 1-я Конная, с приходом Л. И. Брежнева к руководству партией и государством прославлялась исключительно 18-я армия. А бывшего начальника политотдела наградили орденом «Победа», вопреки Положению об этом ордене, и пять раз присвоили звание Героя. Помню, как в начале 80-х годов в Москве состоялось совещание бывших пропагандистов Советской Армии. По окончании участники стоя запели песню «Малая земля». В первом ряду стоял маршал, дважды Герой, командарм легендарной 62-й армии Василий Иванович Чуйков. Пел он песню, а слезы катились из глаз. Он пел про Малую землю, а сам, наверно, думал о том клочке земли у Волги, где размещался его КП, в семи метрах от берега и в ста от передовой. Герой Сталинграда плакал о том, что забыто величайшее сражение второй мировой вой-

[1] Автор письма не совсем точен в изложении фактов. См. об этом: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет, т. 2, с. 403.

ны, сражение, которое предрешило судьбу нашей Родины. Но не было песни ни о нем, герое, ни о герое-Сталинграде.

Чтобы закончить повествование о Ворошилове и Буденном, хочется вспомнить первые дни войны. ГКО определил три главных направления военных действий и назначил главнокомандующих: Западное направление — маршал Тимошенко, Северо-Западное — маршал Ворошилов, Юго-Западное — маршал Буденный. Какой-то художник нарисовал картину «Три богатыря»: в центре на белом коне — Тимошенко, справа на гнедом — Ворошилов, слева на черном — Буденный. Позднее один военный из Национальной народной армии ГДР рассказал мне: когда Гитлеру доложили об этой картине, он внимательно рассмотрел снимок, потер по привычке левую руку и изрек с ехидной улыбкой: «Что и требовалось доказать...»

О военных талантах этих людей можно судить по тому, что после первых месяцев отражения агрессии и развала фронтов (Буденный сдал Киев и Донбасс, Ворошилов готов был сдать Ленинград, но приезд Г. К. Жукова спас город на Неве, а Тимошенко сдал Минск, Смоленск и допустил противника к Москве) Сталин всю войну держал Ворошилова и Буденного на задворках, не доверяя серьезных дел. Один командовал партизанами (ни разу к ним не слетав), а другой готовил резервы.

Хотелось бы также высказать некоторые соображения по истории Сталинградской битвы и попросить Александра Михайловича Самсонова при переработке и переиздании книги «Сталинградская битва» ликвидировать некоторые существенные «белые пятна». Когда немцы, прорвав Юго-Западный фронт, успешно продвинулись к большой излучине Дона и до Сталинграда рукой было подать, когда 4-я танковая армия немцев, предназначенная для удара на Кавказ, была перенацелена на Сталинград, серьезных достаточных сил для защиты города не было. 64-я армия перебазировалась из-под Тулы под Сталинград, части и соединения прибывали на железнодорожные станции, разгружались и с ходу вступали в бой. Для защиты Сталинграда бросили и военные училища. Их было переброшено 17 или 19, в том числе и наше Житомирское пехотное училище. Только в 64-ю армию, в ее боевой состав, были введены: Житомирское, Винницкое, Грозненское, 1-е и 2-е Орджоникидзевские пехотные училища, Краснодарское пулеметно-минометное. В каждом училище — от 3,5 тысячи до 5 тысяч лучших красноармейцев и сержантов в возрасте 18—22 лет, отобранных с передовых позиций, имеющих

опыт участия в боях. Как дрались курсанты и наши командиры? Остановлюсь на одном примере. Слева от нас занимала оборону 126-я стрелковая дивизия, а справа — 204-я. В ночь с 28 на 29 августа 1942 года эти дивизии были сняты с передовой и отведены назад, на оборону по реке Червленой, а наш полк об этом не был даже оповещен. Ночью через наши огневые позиции пришли полковые разведчики и рассказали, что немцы сосредоточили для нанесения удара очень много танков и другой техники. Наши командиры приказали подготовить гранаты и бутылки с зажигательной жидкостью. А утром части 4-й ТА немцев и стрелковые дивизии 6-го румынского корпуса нанесли страшной силы удар. У нас, курсантов, не было тяжелого оружия. Курсанты дрались сутки с превосходящими силами противника, никто не отступил ни на шаг. Немцы смогли пройти лишь тогда, когда в окопах никого не осталось. Своей гибелью курсанты задержали врага на сутки и дали возможность тем двум дивизиям занять оборону и нанести поражение наступающему противнику. Наше училище прекратило свое существование.

В октябре 1986 года при вспашке целины у с. Тебектенерово были обнаружены останки воина, истлевшие документы и в футляре — латунная печать «Житомирское пехотное училище». А. М. Самсонов в книге «Сталинградская битва» очень кратко пишет о курсантах — только названия училищ и вхождение в состав армии. А боевых действий, героических дел курсантов показано очень мало. От имени ветеранов Житомирского курсантского стрелкового полка прошу опубликовать это письмо.

18 апреля 1987 г.

А. Л. Цитович, г. Херсон

ЖЕСТОКОСТЬ ПОРОЙ НЕОБХОДИМА

О деятельности любого руководителя страны, какой бы он ни был и кто бы он ни был, даже царь или король, история судит не по тому, кого он притеснял и кого казнил, а по тем действиям, которые сделали государство могущественным. Царь Петр I казнил стрельцов, многих отправил на каторгу, в монастырь. Но по сравнению с тем, что было сделано им для образования Российской империи, это капля в море, и в этом была необ-

ходимость. При В. И. Ленине было расстреляно потомство царя. Так что, мы должны рассматривать это как детоубийство? Нет. Все это необходимо рассматривать с государственной точки зрения, учитывая те обстоятельства, при которых совершались те или другие деяния. Всякий, кто пытается осквернить, опорочить И. В. Сталина, есть человек близорукий, не понимающий значения обстановки.

Те пороки, которые были присущи времени Брежнева, я, например, считаю в сто раз более преступными, нежели убийство. Это время создало людей двуликих, стремящихся только к обогащению и видевших смысл жизни только в деньгах и наживе. Такое исправить не так просто, для этого требуется не один год. Возможно, потребуется даже несколько поколений.

20 апреля 1987 г.

В. А. Куров,
г. Ильичевск Одесской обл.

ГЛАСНОСТЬ НЕОБХОДИМА

Сейчас много и хорошо пишут и говорят о гласности в нашей жизни. Да, гласность необходима во всех сферах и на всех уровнях. Пора ее распространить и на самые сложные периоды нашей истории. Ведь сегодняшние трудности наши вытекают и из того обстоятельства, что существует полуправда, а то и сама неправда о 60-х, 50-х годах и о более ранних временах. Давайте возьмем для начала 1937—1938 годы. Кто скажет народу действительную правду о них? И возможно ли вообще найти ее сейчас? Помнится, еще Хрущев обещал сделать это, опубликовать материалы, проливающие свет на скрытое от народа в событиях тех лет. И где же она, эта правда?! Как яркий пример того, какая каша в головах простых людей существует по этим вопросам, можно привести требование одного читателя в письме Андрею Вознесенскому (Советская культура, 1986, 9 октября) поставить памятник Блюхеру и Тухачевскому. Я сомневаюсь, написал ли бы эти слова читатель, если бы знал, что Тухачевского и других военачальников судил и осудил на смерть трибунал во главе с... Блюхером [1], если бы знал, за что судили Тухачевского и за что — Блюхера.

Так давайте, уважаемые товарищи, переходить от слов к делу! Хватит говорить о гласности, надо проводить ее в

[1] Председателем трибунала был В. В. Ульрих.

жизнь! С документами в руках (если они не уничтожены) обвините виновных, оправдайте невинных, поставьте все точки над i. А то любопытное явление возникает. С одной стороны, группа военных во главе с Тухачевским полностью реабилитирована (хотя материалы, документы, на основании которых эта реабилитация произошла, за семью печатями), с другой стороны, нет официальной реабилитации деятелей различных оппозиционных группировок, осужденных в свое время, таких, как Бухарин, Рыков, Крестинский и другие [1].

Во многих произведениях литературы эта реабилитация давно уже произведена. Взять, к примеру, Юлиана Семенова. Какими теплыми, живыми красками любовно описывает автор своих милых, добрых и сердечных героев — Карахана, Иоффе, Крестинского! Прямо невинные жертвы темных происков злых сил! Остается «доказать» подстроенность обвинения, доказать наличие давления со стороны следствия (а это один из расхожих аргументов тех, кто объясняет факт дачи обвиняемыми показаний, порочащих их). Нет, не трусость здесь причина и не пытки в подвалах НКВД. Стоило хотя бы одному из этих многочисленных революционеров, прошедших, надо сказать, «огонь и воду» революционного подполья и гражданской войны, заявить, что их оклеветали, как все обвинение тотчас бы рухнуло и произошел бы международный скандал. А какой был бы неотразимый аргумент в пользу реабилитации «невинно осужденных», какой козырь! Но нет, наоборот, когда читаешь слова Радека: «Мы... не можем требовать никакого снисхождения», то веришь этим людям, перешагивающим через порог, отделяющий жизнь от смерти, и не веришь недоказанным домыслам о подстроенности процессов.

Кстати, как вы, уважаемые товарищи, думаете: простому человеку можно взять в библиотеке подшивки газет даже не тех лет, а гораздо более поздних? По собственному опыту скажу: почти невозможно! Да что там газеты. Попробуйте найти партийные документы хотя бы недавних съездов — XX, XXII и др., не говоря уже о более ранних...

Итак, давайте перейдем от призывов к гласности к ее осуществлению. Выполните, уважаемые товарищи, обещание Н. С. Хрущева. 50-летний срок снял, видимо, уже вопрос о сохранении военной тайны, которым мотивировался закрытый процесс над военными. Опубликование всех свя-

---

[1] О реабилитации этих и других деятелей партии см.: Правда, 1988, 6 февраля.

занных с этим делом материалов помогло бы наконец установить истину, помогло бы получить ответ на вопрос, кто виноват в репрессиях, были ли они справедливы и т. д. и т. п. Хочется верить, что истина в конце концов восторжествует, опубликование стенограмм съездов, судебных заседаний поможет этой истине пробиться на свет. Но, к сожалению, я понимаю, что мои надежды не оправдываются и гласность останется только призывом на бумаге.

Много интересных вопросов возникает в связи с трактовкой перестройки как революции во всех сферах. Коренной вопрос всякой настоящей революции есть вопрос о власти. К какому классу и от какого класса или слоя власть перейдет? От кого — это ясно, сам собой напрашивается ответ: от бюрократии (это она, проклятая, виновата в том, что требуется настоящая революция, чтобы ее искоренить). Но к кому? Эх, не дай бог, если к новой бюрократии...

23 апреля 1987 г.

В. А. Тигаенко, г. Пермь

НУЖЕН ФИЛЬМ О СТАЛИНЕ

Этические, эстетические, политические извращения, порожденные чуждым советскому образу жизни культом личности Сталина, сказываются до сих пор. Теперь, после фильма «Покаяние», необходимо создать строго документальный фильм о культе личности: как он (культ) начался, как расцвел пышным цветом, какой моральный ущерб причинил, какие морально-этические последствия оставил. Этот фильм надо создать не ради критики прошлого, а в назидание нынешним и будущим руководителям.

25 апреля 1987 г.

Н. Шабак,
ветеран Сталинградской битвы,
г. Таллин

ДВЕ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ

Никто не предполагал, что война будет вестись на нашей территории, так как фанфары в печати, кинофильмы («Если завтра война», «Граница на замке» и др.) говорили об обратном. В книге «Война» пи-

сатель И. Стаднюк больше делает упор на заседаниях в Кремле (Сталин, Политбюро, военные), а настоящих причин наших неудач не приводится. По-моему, есть две главные причины, а именно:

— первая — перед самой войной была оголена наша Красная Армия, расстрелян высший командный состав, произведена «чистка» рядов не только старшего и среднего комсостава, но вплоть до командиров взводов;

— вторая — Сталин за период действия пакта о ненападении снабдил фашистскую Германию стратегическими материалами для ведения войны, что позволило Гитлеру завоевать почти всю Западную Европу, а затем, заправляя танки и самолеты советским горючим, Гитлер напал на нашу страну. И в течение четырех лет мог вести войну, не испытывая недостатка в горючем. Не будь такой «помощи» Гитлеру стратегическими материалами, он бы быстро выдохся.

Да, еще насчет приказа № 227 от 28 июля 1942 года. Его нам зачитывали перед строем, а немец его перепечатал в своих листовках и сбрасывал их с самолетов, причем, как обычно и в других листовках, имелась приписка — мол, эта листовка является «пропуском» для перехода наших солдат на их сторону. Случаев, чтобы кто-то из наших солдат воспользовался этим «пропуском», не было. В марте 1943 года, когда снег сошел с полей под Сталинградом, земля была усеяна осколками мин, снарядов, бомб, а также этими листовками.

4 мая 1987 г.

В. Ф. Гончаров,
подполковник в отставке,
г. Уральск

СНЫ О ВОЙНЕ

Беседа с академиком А. Самсоновым напомнила о предвоенных и военных годах. Многое пережито. Та проклятая война не забывается. Не только ранения и осколки в теле напоминают о ней Частые сны: о тяжелых отступательных боях, о выходе из окружения, о яростных штыковых атаках... «Ты, дедушка, со своей войной,— говорит восьмилетняя внучка,— ночью кричишь как сумасшедший, будишь, не даешь спать!»

10 июня 1941 года я окончил Воронежское военное училище связи. Считалось, что нас учат всему, что необходимо

командиру взвода. Но в первых же боях мы убедились в том, что многого необходимого и нужного на войне мы не знали и не умели. О современной войне мы имели весьма посредственные знания и представления. Обучение и воспитание велось с позиций самопреувеличения и недооценки противника. Нам рисовались молниеносные, могучие удары по врагу и разгром на его же территории малой кровью, как в кинокартине «Если завтра война» и в подобных ей. Это подтверждалось примерами побед на озере Хасан, на реке Халхин-Гол, походом в западные области Украины и Белоруссии, в Буковину. В лекциях победа нам доставалась не так уж тяжело. Более того, полковой комиссар поведал такой анекдот. Гитлер на старом «опеле» подкатил к гадалке. Взглянув на его правую ладонь, та воскликнула: «О, служивый! Тебя ждут три несчастья: ось сломается, горючего не хватит, права отберут». Затем полковой комиссар прокомментировал этот анекдот. Если Гитлер нападет на СССР, в Германии вспыхнет революция. Пролетариат Германии не станет стрелять в рабочих и крестьян нашей страны. Основным источником горючего для Германии являются румынские Плоешти, и в случае войны они немедленно будут разгромлены советской авиацией, лучшей в мире. В солидарности с немецким пролетариатом против Гитлера выступят все рабочие порабощенных Гитлером стран. Сломается ось Берлин — Рим — Токио, не хватит горючего, Гитлера свергнут («права отберут»).

Но бдительность была притуплена, приграничные войска не были приведены в боевую готовность, момент внезапности не был предотвращен. Этот просчет допустил Сталин. А где же были остальные члены Политбюро? И еще. Тимошенко и Жуков непродолжительное время занимали руководящие посты в Наркомате обороны, однако им ставится в вину наша неподготовленность к войне. А вот Ворошилов, занимавший пост наркома обороны 15 лет, никакой ответственности и вины не понес. Не пора ли все-таки точно и твердо назвать наши просчеты, неудачи и конкретных виновников того, что произошло в первый период войны? Ведь это и урок на будущее.

На одном из совещаний командного состава маршал И. С. Конев сказал, что 1941 год не должен повториться. Другого наш народ и не желает. Пусть будет всегда мир на Земле.

4 мая 1987 г.

В. А. Хохлов,
член КПСС с 1963 года, 53 года,
г. Свирск Иркутской обл.

ЦИЦЕРОН СКАЗАЛ...

Цицерон сказал: «Первый закон истории — не отваживаться ни на какую ложь, затем — не страшиться никакой правды; писать так, чтобы не дать себя заподозрить ни в сочувствии, ни во враждебности». Что касается попыток лгать, утаивать правду, давать повод заподозрить некоторых «летописцев» в причастности или предвзятой враждебности, то они были, вне всякого сомнения. При одном руководителе выпячивались одни страницы истории войны и затенялись другие, при другом — наоборот, и о правде войны не могло быть и речи.

После прочтения Вашей беседы в «Аргументах и фактах» я увидел Вас на экране телевизора: Вы выступали перед фильмом «Фронт». Опять Вы мне не понравились своим выступлением. Опять Сталин виноват, хотя приказ «Ни шагу назад!» и был жизненно необходим.

Я бы полагал, что тот период жизни нашего государства надо оставить в покое, убрав из истории все волюнтаристское, субъективистское. Что касается оценки роли И. В. Сталина, то и она должна быть объективной, с учетом обстановки смертельной опасности, нависшей над страной и народом,— и не надо булавочных уколов. Я более согласен с утверждением В. М. Молотова, который в дни Победы 1945 года говорил:

«Это наше счастье, что в столь суровые годы испытаний во главе партии и государства стоял И. В. Сталин».

8 мая 1987 г.

В. А. Ларионов,
научный работник,
капитан 2-го ранга запаса, 50 лет,
г. Пушкин Ленинградской обл.

ПРАВДА — ЛУЧШИЙ АГИТАТОР

С чувством удовлетворения и признательности прочел Ваши ответы на вопросы корреспондента И. Лариной.

Я работаю над воссозданием боевого пути 117-й стрелковой дивизии 21-й армии...

Последний бой дивизия вела на рубеже реки Сула 21 сентября 1941 года. Документов дивизии в архивах не сохранилось, кроме разведсводок за 1—10 августа.

Встречаясь с ветеранами дивизии, я много слышал рассказов об их участии в боях в первые месяцы войны. В их рассказах было много крови и смертей, тяжелого изнурительного солдатского труда и человеческих страданий. Но не было в них отчаяния и пессимизма, характерного для ряда произведений о событиях 1941 года. Не строя иллюзий относительно возможности уцелеть в боях, они не сомневались в победе над фашистами, видели ее приближение в каждом удачном бою. К немецкому превосходству в вооружении в тот период относились как к явлению, с которым нужно как-то сладить. Словом, это были люди, несогласные с тем, как молодому поколению рисуют первые месяцы войны. Они просили меня рассказать о дивизии, об их товарищах, о смертельной схватке с фашизмом в первые месяцы войны. Просили не приукрашивать, рассказать, как было, не обходя поражений и неудач. Познакомившись ближе с материалами о 1941 годе и архивными документами, я убедился, что они были правы не только по сути, но и в том, что правда о 1941 годе — лучший агитатор превосходства нашего строя и нашей идеологии.

11 мая 1987 г.

Г. В. Пестовский,
ветеран войны, г. Днепропетровск

НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

Думаю, что наши школьники и студенты историю знают слабо... Один мой знакомый как-то сказал: «Наше поколение уйдет из жизни, и молодежь вообще ничего не будет знать». Врагов и предателей надо называть их именами. Называем же Наполеона. В кинофильме «Освобождение» говорим: Адольф Гитлер, а не бесноватый фюрер. Об А. Власове умалчиваем. Особенно в трудах, где дается список командующих (обычно в приложении). Скажем, говорят о 37-й армии в обороне Киева или о 20-й армии в Московской битве — называют лишь начальников штабов. Власов сдался с личной охраной. Где он был в мрачные 1937—1938 годы? В «Правде» от 13 декабря 1941 года были помещены портреты девяти советских военачальников, внесших большой вклад в разгром врага

под Москвой. И среди них — А. А. Власов. Там были фото Г. К. Жукова, В. И. Кузнецова, Д. Д. Лелюшенко, П. А. Белова, И. В. Болдина, Л. А. Говорова и других.

Накануне войны мы были слабее врага по количеству и качеству вооружения, численности войск, опыту. Например, отрывали ячейки для одиночного бойца, а не траншеи. По настоянию Л. З. Мехлиса склады были расположены близко к границам. Мало аэродромов, и тоже близко к границе. Сталин не разрешал сбивать немецкие самолеты, которые занимались аэрофотосъемкой...

Думаю, что после присоединения Западной Белоруссии и Западной Украины, Прибалтики надо было продолжать укреплять старые укрепрайоны. А на каком-то удалении от новой границы — на направлениях возможных главных ударов врага — строить полевые позиции по типу, как в Курской битве. Траншеи, ходы сообщения. Много полос минировать, установить бронеколпаки. До войны не уделяли должного внимания резкому увеличению производства противотанковых пушек.

Надо было еще до войны эвакуировать танковые заводы, особенно Ленинградский, единственный завод тяжелых танков. Ленинград близко от границы. Мы говорим о героях Бреста. Правильно. Они доказали преданность, но оказались в ловушке. Ведь крепость на виду у врага. Он громил ее позиции с территории Польши. И вообще, хотя Польша была для нас враждебным государством, надо было в договоре с Германией указать, что Германия не имеет права нападать на Польшу. Что если нападет — договор теряет силу. Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года не должно было быть опубликовано. Другое дело — что-то направить по дипломатическим каналам. Это грубейшая ошибка Сталина. Это сообщение разоружало наши кадры и народ. Соблюдение договора усыпляло Сталина.

У нас были разведчики типа Р. Зорге. И вот такая же разведка должна была быть в Польше, когда ее оккупировали немцы. Нужно было знать каждый шаг врага.

За отход наших войск в 1941—1942 годах, за то, что враг оказался у стен Москвы, у перевалов Кавказа, вину несет полностью Сталин. Что могли Тимошенко или Жуков? В 1941 году они знали, что такое культ личности, знали о многих погибших в годы культа. У них не было инициативы и смелости спорить со Сталиным. Культ Сталина был силен тем, что:

а) войска НКВД были через наркома подчинены Сталину;

б) окружение Сталина — Молотов, Ворошилов, Каганович и другие — слепо шло за ним, поддерживало его.

Сталин боялся спровоцировать войну. Да агрессор всегда найдет причину, найдет, в чем обвинить,— на это они мастера! «У сильного всегда бессильный виноват».

Вечером 21 июня во многих городах смотрели кино. Да и сам командующий Белорусским военным округом Д. Г. Павлов смотрел кинофильм.

О командовании военными округами. Командующий Киевским особым округом М. П. Кирпонос был командиром дивизии в финскую войну. А здесь — округ! В подчинении четыре армии. Когда он мог вырасти? Да еще и боялся Сталина. Сравним его с И. Э. Якиром (расстрелян в 1937 году). Якир, конечно, во всех отношениях сильнее Кирпоноса. Сравним Д. Г. Павлова и И. П. Уборевича. Уборевич (тоже уничтожен в 1937 году) сильнее, опытнее Павлова. А командующий Прибалтийским военным округом Ф. Кузнецов даже к концу войны не имел ни одного полководческого ордена. Не оправдал надежд и командующий Одесским военным округом генерал-полковник Черевиченко.

Участников войны становится все меньше. Очень жаль, что многие не написали воспоминаний...

14 мая 1987 г.

С. В. Чернеев,
кандидат исторических наук,
доцент, г. Москва

О РЕПРЕССИЯХ 30-х ГОДОВ

Репрессии 30-х годов были страшным явлением. Оправдать их — значит встать на ложную, антигуманную и в конечном итоге антикоммунистическую позицию. Но объяснить их, раскрыть их исток крайне важно и нужно.

Критики культа личности Сталина объясняют это исключительно ошибками в его теоретической деятельности и дурными сторонами его характера. Верно ли это? Едва ли. Если бы это было именно так, то пострадали бы десятки или в крайнем случае сотни человек, но не тысячи и тем более не миллионы. В чем же дело? На мой взгляд, в то время сформировался своеобразный общественно-политический психоз, в свете которого все события приобретали свое-

образную окраску. Например: если сегодня мы видим, как начали долбить свежеуложенный асфальт для прокладки кабеля, который забыли проложить заблаговременно, мы это называем бесхозяйственностью, головотяпством, разгильдяйством. В 30-е годы любой вид головотяпства и бесхозяйственности называли вредительством. Так эти явления воспринимались и трудящимися, и служащими государственного аппарата. Этот общественно-политический психоз и стал главной причиной репрессий. Вина Сталина состоит не в том, что он стал инициатором репрессий, а в том, что поддался воздействию общественно-политического психоза и тем самым способствовал его развитию.

Почему же возник такой психоз? Причиной тому наша слабость. Перед лицом враждебного капиталистического окружения мы были еще слабы. Эту слабость осознавал каждый мыслящий, грамотный человек. В свою очередь, сознание слабости рождает боязнь за тыл. Возьмите любого человека, оказавшегося в незнакомом темном месте. Испытывая боязнь, он ждет нападения прежде всего с тыла и посему бесконечно озирается. Так устроена психика человека. Сознание нашей слабости, наличие реальной опасности нападения более сильного противника и заставляли людей оглядываться на тыл. А тут дело Промпартии, шахтинское дело, когда враги действительно наносили удар в спину[1]. Особенно сильное воздействие оказало появление пятой колонны в Испании. Это было свидетельство того, что удар с тыла может привести к гибели. Стремление очистить, обезвредить тыл и было основным источником возникновения данного общественно-политического психоза. Были и другие причины. Среди них такие, как отсутствие гласности, наличие пробелов в законодательстве, высокая степень централизации и т. п.

Наша слабость обусловила и ошибки Сталина в предвоенный период, приведшие к тяжелому поражению в начале войны. Кое-кто рассуждает так, что раз опасность нападения была реальной, то, невзирая ни на что, нужно было налаживать производство вооружения. Н. С. Хрущев в одном из выступлений говорил: «Танковые заводы у нас в 1940 году работали всего в одну смену. Стоило запустить их на трехсменное производство, и они напекли бы танки как блины». Но в 1940 году мы выплавили всего 18,3 миллиона тонн стали[2]. Если бы мы запустили танковые заводы на трех-

[1] Эти и другие дела требуют повторного расследования.

[2] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история, с. 41.

сменное производство, они отобрали бы металл у всех остальных отраслей народного хозяйства, их развитие застопорилось бы. В целях выигрыша времени Сталин рассчитывал за счет дипломатических средств не допустить развязывания войны в 1941 году. Положившись на дипломатические средства, Сталин исключил принятие контрмер. И в этом тяжело ошибся. Именно поэтому армия оказалась неготовой к отражению удара. Фашистская армия была сжата в три ударные группы, а наша — растянута цепочкой от Балтики до Карпат. Фашистская армия и наносила удар тремя мощными кулаками по этой растянутой цепочке. Если бы военные не были связаны требованием Сталина, они непременно создали бы три контргруппировки, и немцам пришлось бы иметь дело с ними. Трудно сказать, как в этом случае сложилась бы обстановка. Не исключено, что нам пришлось бы воевать на чужой территории. Но это гипотеза.

Сказанное говорит о том, что Сталин мог допускать ошибки, и это ставит его в разряд обычных людей. Но наряду с ошибками Сталин создал мощный централизованный аппарат управления, обеспечивший в дальнейшем максимальную мобилизацию людских и материальных ресурсов. В этом случае воля Сталина, его целеустремленность, выдающиеся организаторские способности сыграли выдающуюся роль. Оспаривать это — значит выступать против истины.

В начале войны мы потерпели такое поражение, после которого ни одна армия, ни одно государство оправиться бы не могли. Заслуга Сталина как раз и состоит в том, что в чрезвычайно сложной, катастрофической обстановке он сумел сплотить вокруг себя одаренных людей и, опираясь на них, решил задачи, которые казались невозможными.

Один и тот же народ при различных руководителях может иметь различные результаты. Простой пример: главный корпус МГУ на Ленинских горах при одном руководителе строился четыре года. Второй корпус гуманитарных факультетов, который в десять раз меньше главного и по сравнению с ним выглядит пигмеем, при другом руководителе строили десять лет и еще три года устраняли недоделки.

Так и в военном деле. При одном полководце армия терпит поражение, при другом одерживает победу. Русские войска под Измаилом едва ли не потерпели поражение. Армия была практически дезорганизована и о штурме не помышляла. Суворов провел подготовку, повел на штурм — и крепость была взята.

16 мая 1987 г.

В. И. Воронов, г. Калининград

ГОЛОС ПАМЯТИ ПРАВДИВОЙ

Правильна Ваша оценка роли «вождя всех времен и народов». Никогда он не был великим полководцем, и незачем воздвигать ему памятники. В свое время их столько было по стране, чуть ли не в каждой деревне. Даже иногда жутко становилось.

Что касается «внезапности нападения» 22 июня 1941 года, то мне кажется, что внезапность эту он создал сам. Сосредоточение немецких дивизий на наших западных границах началось задолго до 22 июня. Но об этом было запрещено говорить. Даже 14 июня ТАСС сообщил нам, что не надо распространять слухи, что никакой подготовки к войне со стороны Германии нет. Слухи эти не соответствуют действительности. И в воинских частях стали разрешать отпуска. Отпуска за неделю (!) до начала войны!

Так что все просчеты валить на внезапность глупо. Желательно в одной из очередных Ваших работ это сообщение ТАСС привести! Оно почти нигде не публиковалось. Ну хорошо, 22 июня 1941 года — внезапность. А весной сорок второго года, когда немцы начали успешное наступление на юге, тоже была внезапность? Правильно Вы отразили этот момент в своей статье. Только надо было это сделать более резко.

Сталин не хотел верить в близость войны. У людей с сильной волей бывает такое: они считают, что раз я не хочу чего-то, то этого и не будет, не должно быть.

До выхода книги Г. К. Жукова в одном из журналов публиковались отрывки из этих воспоминаний. Там тогда описывался такой инцидент: Сталину доложили, что немцы бомбят наши города. Он сказал: «Это провокация, а ради провокации немцы могут бомбить не только наши, но даже свои города».

Прошлое забывать нельзя. Да и забыть его невозможно. Как невозможно забыть отца и мать. Прошлое в нас самих. И от него никуда не уйдешь. Не случайно Пушкин заметил: вслед за потерей исторической памяти наступает смерть. А. Твардовский сказал так:

Не голос памяти правдивой,
Таит беспамятность беду...
Кто прячет прошлое ревниво,
С грядущим явно не в ладу [1].

25 мая 1987 г.

[1] *Твардовский А.* Из творческого наследия.— Новый мир, 1987, № 3, с. 205.

Нургалиев,
г. Прокопьевск Кемеровской обл.

КОРНИ АПАТИИ

Люди, которым за пятьдесят, помнят репрессии 30-х годов; и не в этом ли корни их социальной апатии, боязни активной критики недостатков? Ведь они были свидетелями крайних форм нарушения демократии и теперь еще боятся быть социально активными личностями, страшась начальственного окрика, недовольного взгляда вышестоящего лица. Не в этом ли корни застоя, поразившего нашу страну в прошлые годы?

Для преодоления неправильного взгляда на роль Сталина в истории, возрождающейся среди некоторых тоски по «дубине», с помощью которой можно якобы навести железную дисциплину и решить все проблемы в стране, нужен популярный журнал по истории[1], богато иллюстрированный, доступный каждому грамотному человеку. А нашим историкам хочется пожелать больше смелости в борьбе за истину.

25 мая 1987 г.

Р. С. Федченко,
г. Тольятти
Куйбышевской обл.

О КОМПЕТЕНТНОСТИ КОМАНДУЮЩИХ

С 1921 года, как только на Украине закончилась гражданская война, командующим войсками Украины и Крыма был назначен М. В. Фрунзе. Ну все знают, что Фрунзе — это Фрунзе. Лучшего командующего и не пожелаешь. Но вскоре Фрунзе стал работать в центральном аппарате, в Москве. Преемником Фрунзе стал Якир. Конечно, Якир — это не Фрунзе, но все же достойный преемник. Якира не стало, командующим стал Федько, а затем Тимошенко, потом немного командовал Жуков и, наконец, Кирпонос. Что же получается? Угроза нападения с Запада все усиливалась (поначалу грозили пилсудская Польша и боярская Румыния, а с 30-х годов — фашистская

[1] По решению ЦК КПСС с 1989 года в нашей стране будет издаваться научно-популярный исторический журнал «Родина».

Германия), а командующих назначали все слабее и слабее. Если это изобразить схематично, то линия, изображающая угрозу, уйдет с годами вверх, а линия, изображающая компетентность командующих,— вниз. И что тут еще важно: вражеская сторона свои армии насыщала боевой техникой (особенно авиацией), а мы, как бы не замечая всего этого, на должность командующего ставим Павлова-танкиста...

Такая же картина была и в Западном военном округе. До 1937 года округом командовал достойный военачальник — Уборевич. А затем пошло-поехало: Белов, Ковалев и, наконец, Павлов. К чему это привело, мы уже знаем. Ослабили округ, как и Киевский, а потом ищем козла отпущения. Конечно, Сталин, как руководитель партии и страны, здесь многое недосмотрел, но и нарком Ворошилов тоже плохо работал... Особенно нам это стало ясно, когда развернулись бои на Карельском перешейке. Зима, снега, мороз под 40 градусов, а наши бойцы в шинелишках, в ботинках с обмотками, и трехлинейка на плече. Такая экипировка была еще в гражданскую войну. Белофиннов мы отбросили, но какой ценой!..

25 мая 1987 г.

И. Кодряну, г. Кишинев

КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН ОТВЕЧАТЬ ЗА СВОЕ

Не думайте, что нашу семью обошла участь 1937 года. Нет, моего отца репрессировали в 1937 году, в 1939 году он был реабилитирован, восстановлен в партии. Он был комиссаром части, носил две шпалы. В Котовской тюрьме в 1938 году, чтобы он подписал признание в преступной деятельности, его пытали... Но отец не подписал никаких бумаг. Бумаги о его невиновности были переданы секретарю Сталина. И все разрешилось очень быстро, когда в Одесский округ приехал тов. Ворошилов.

Говоря об оправдании Павлова, А. Самсонов не прав, и вот почему. Командующий таким округом должен был вести себя по-другому в эти дни, более принципиально. Ведь есть пример Одесского военного округа, когда накануне войны с аэродромов округа были передислоцированы самолеты на запасные аэродромы и практически не пострадали в первый день войны. У нас в Кишиневе с марта 1941 года велись

тренировки по светомаскировке, были отрыты около домов щели. Накануне войны в определенных местах города (их можно и сейчас указать) были установлены зенитные орудия, так что при налете немецкой авиации в первый день в небе Кишинева были отбиты три самолета. Тут же хочется отметить, что благодаря готовности номер один флот в первый же день не потерял ни одного боевого корабля от внезапности нападения. Значит, можно и нужно было это делать, и не надо вину военных приписывать Сталину. Каждый должен отвечать за свое.

25 мая 1987 г.

П. П. Лихачевский,
электросварщик,
г. Днепропетровск

О ВДОВАХ

О вдовах практически забыли... Об инвалидах и участниках войны помнят и говорят, и даже льготы им, хотя и маленькие, есть. А вот хотя бы раз вспомнили о тех женщинах, что вытянули всю войну на своих плечах! Хотя бы раз, в День Победы, через военкоматы вспомнили о них — прислали хотя бы по ситцевой косынке! Ведь дарят же участникам войны подарки ко Дню Победы.

25 мая 1987 г.

А. В. Виноградов,
бывший военный летчик,
майор в отставке, г. Новочеркасск

ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНИКИ МАРШАЛАМ

Надвигались черные тучи войны, а Сталин в это время верил ложным доносам и почти весь высший комсостав и политсостав репрессировал. Старые большевики и даже члены Политбюро разделили эту участь. Впоследствии он обвинил в этом Ежова. В книге «Цель жизни» авиаконструктора А. Яковлева (М., 1966, с. 179) говорится: «...летом 1940 года в разговоре со мной Сталин сказал буквально следующее:

— Ежов — мерзавец, в 1938 году погубил много невинных людей. Мы его за это расстреляли».

Вот как Сталин хотел выйти сухим из воды! Списки репрессированных Ежов посылал Сталину и после его резолюции-утверждения расправлялся с жертвами. Разве мог Ежов без ведома Сталина расстрелять членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б)? Ведь были уничтожены Постышев, Чубарь, Рудзутак, Косиор, Эйхе и другие. Член Политбюро Н. А. Вознесенский был уничтожен после войны, когда уже не было Ежова. Почему Ежова не судили?[1] Да потому, что он был опасный свидетель, исполнитель злодеяний самого Сталина.

Вот кому надо поставить памятники в столице нашей Родины — Москве, так это первым Маршалам Советского Союза — М. Н. Тухачевскому, А. И. Егорову, В. К. Блюхеру. Полководцы — герои гражданской войны заслуживают этого.

25 мая 1987 г.

В. В. Варгас,
г. Москва

ПОДСЧИТАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УЩЕРБ

Сталинизм породил слепых исполнителей высшей воли и соответственно дикую безграмотность в вопросах общественного развития. К сожалению, развенчание авторитарности, ее существование вследствие устаревшего экономического механизма производства и распределения не находят в публикациях достаточного освещения, тем более теоретического... Имя Сталина используется для обширных спекуляций, особенно среди молодежи, порождая настроения настоящих лавочников, которые при виде книги умной, но спорной приходили в ужас и разжигали костры. Имя Сталина служит доводом в разговорах малопросвещенной массы о том, как хорошо было раньше — цены низкие, обилие продуктов питания и т. п. Однако ни разу не опубликовали данных о том, какой реальный жизненный уровень был среди сельского населения перед войной и особенно после войны, как была разработана и

[1] Н. И. Ежов был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и расстрелян 1 апреля 1940 года.

осуществлена с потерей трудоресурсов коллективизация и какой план предлагал В. И. Ленин в этом вопросе (см. письма в 54—55-м томах Полного собрания сочинений), каков экономический ущерб от неподготовленности к войне. Фотографии Сталина можно встретить повсюду: на машинах, в магазинах, а в Грузии, где были вырезаны настоящие коммунисты, эти портреты написаны масляной краской... Нигде, никогда не было сказано об экономическом ущербе от политики Сталина. Сталин приучил всех к тому, что мы теперь не умеем воспринимать иное мнение и тем более иметь к нему элементарное уважение.

Мой отец дважды ранен, его грудь украшают 18 боевых орденов и медалей, но и он, и его фронтовые друзья... и сражались, и умирали не за Сталина, а за нашу землю, за Родину.

25 мая 1987 г.

В. А. Андреев, рабочий, участник войны, г. Саратов

НАЗВАТЬ ИМЕНА

Еще много таких, как тов. Карасев, к сожалению, продолжают внушать молодежи мысль о выдающейся личной роли Сталина в победах народов нашей страны, не упоминая, при всех его определенных заслугах, о грубых, даже преступных его действиях, о порожденном им бюрократизме государственной системы. Согласен только в одном с Карасевым: гласность будет неполной, если мы не назовем имена тех, по чьей вине все это в стране происходило. В частных товарищеских беседах некоторые пытаются отделить Сталина от действительных врагов народа — Берии, Ежова, Ягоды, будто он не знал, что они творят. Тогда какой же ты руководитель, вождь, когда не знаешь, что твои ставленники расправляются с патриотами социалистической Родины?

Помню, у нас в цехе при сотрясении стены от работы станков в красном уголке упал со стены и разбился портрет Сталина. Что было! Двоих посадили. А они просто играли в шахматы в красном уголке. Культ личности насаждался угодниками, карьеристами, повсюду навязывался народу. Даже в общественных банях, в предбанниках, висели портреты Сталина и Молотова. В парках — гипсовые и цементные статуи Сталина, на перекрестках улиц тоже, в ка-

бинетах — обязательно. Всем внушалось, вбивалось в голову, что все хорошее идет от Сталина, а плохого будто и не было. А трудности были, часто искусственные, да еще какие! И «колоски», и карточки, и бараки. Вспоминается кощунство с причиной смерти выдающегося деятеля промышленности Серго Орджоникидзе. А неясное до сих пор дело с гибелью С. М. Кирова?

Сталин в 1939 году заменил идею самоуправления общества, участия народа в управлении развитием административно-государственных институтов власти в угоду себе. От этого пошли корни стяжательства, карьеризма, воровства на посту. Прав профессор МГУ А. Бутенко, который в «Московской правде» за 7 мая 1987 года сказал: «XX съезд КПСС смертельно напугал бюрократию, но позже активные силы сплотились и сумели остановить процесс очищения общества от бюрократизма и других негативных наслоений. Не получится ли подобное с перестройкой?»

Хотелось бы тов. Карасеву рекомендовать прочесть книжку В. Бережкова «С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941». Хотелось бы попросить прояснить на страницах газеты темную личность Берии — так, как это сделала «Советская Россия» 24 мая сего года, поместив материал об истории махновщины. Ведь кинофильм «Покаяние» не исчерпал этот вопрос, он говорит абстрактно, а не конкретно о грязной личности Берии.

25 мая 1987 г.

Е. Парханов, бывший разведчик,
г. Киев

ЗАЯВЛЕНИЕ

Вот теперь я полностью и безоговорочно поверил в XXVII съезд партии, поверил товарищу Горбачеву, что социальная справедливость, перестройка и ускорение — не скоротечная кампания, а партия возвращается к ленинским заветам и будет идти по марксистско-ленинскому пути. Я готов отдать оставшиеся годы жизни за эту программу, прочитав в «Социалистической индустрии» от 24 мая 1987 года статью под названием «...Но нельзя и переиначивать».

25 мая 1987 г

И. М. Кошель,
ветеран войны
и труда, г. Белгород

ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВИКА

Душа радуется тому, что наша пресса стала так ярко показывать все стороны плохих и хороших моментов нашей быстротекущей жизни. Видно, что любая газета, центральная или периферийная, по-настоящему перестраивается на гласность. Так легче дышится всем.

Окончив техникум в 1937 году, я был направлен на Кашперовский сахарный завод, приступил к работе в лаборатории. Место работы у меня было, а жилья нет. В общежитии восемь человек в комнате, в выходные процветало пьянство.

Директор вызвал меня к себе, сказал: «Пойдем со мной». Пришли в дом, где он жил со своей семьей. Жене сказал так: «Вот товарищ, который не пьет, не курит, нужный для завода работник. Ему надо отдать одну из наших комнат, дверь которой выходит в сад». Я спросил, сколько мне платить за это. «Вот когда будешь инженером, тогда и поговорим».

Люди о нем рассказывали как о настоящем товарище, заботливом ко всем рабочим. Он был офицером запаса, и вскоре после моего призыва в РККА его тоже призвали на сборы. Там его и некоторых других сослуживцев взяли и отправили неизвестно куда без суда и следствия. Я стал гласно возмущаться. Но это было не только в Кашперовке. Людей, преданных работе и Родине, начали преследовать в 1937—1938 годах. О том, что тогда творилось, сейчас помалкивают, а хотелось бы знать достоверно.

В первые годы войны у нас плохо была налажена разведка. Не было грамотных кадров по инструментальной, звукометрической и другим видам разведки. Плохая была радиосвязь. Чрезмерная наивность Сталина и показное придерживание буквы договора с Германией до последних минут, его неверие в нашу разведку и недоверие к немецким перебежчикам — нам это в начале войны очень дорого обошлось. Натура и характер Сталина, поддержанные такими, как Берия, не давали возможности нашим командующим округов принимать самостоятельные решения. Да, они были виноваты, но не настолько, чтобы их подозревать в измене.

Уже после войны я оказался в Саратове, там увидел многих жен офицеров нашего полка, который вел уничтожающий огонь по немцам в районе Жлобина, а потом участвовал в освобождении Бобруйска. Все эти женщины получили уведомление: «Ваш муж пропал без вести». А дальше я узнал, что полк попал в бобруйский «котел». Но об этом нигде не написано. Да разве мало было таких случаев! По разным слухам и отрывочным документальным данным наши романисты все же хотят восстановить истину. Но это романисты. А где наши настоящие историки, которым доступен любой архив? Но и архивы, думаю, не имеют полных документов. Многие сведения об окруженцах неправдоподобны. Люди, вышедшие из окружения, попадали зачастую под подозрение.

Мы сейчас живем в очень интересный и напряженный период, когда весь народ встал за перестройку, за изменение каждого человека в отдельности. Я, как ветеран войны и труда, перейдя на заслуженный отдых, вступил в активную пропагандистскую работу и, конечно, от этого имею возвышенное моральное настроение. Извините — пишу я плохо, а на машинке учусь, хотя она у меня старенькая фронтовичка, но еще работает.

25 мая 1987 г.

И. Кесслер,
учитель, участник войны,
г. Воронеж

УЗНАТЬ ПРАВДУ

Легенда о «великом и мудром», даже тоска по руководителю сталинского типа остается в сознании значительной части народа. К сожалению, и в среде рабочих. Эти люди не виноваты в том, что плохо знают историю. Это вбивалось в головы людей органами пропаганды (и историками) прочно, искусно, на долгие годы. Факты и документы, смело обнародованные на XX съезде, и его решения потрясли наиболее совестливых, но не ведавших, поколебали представления безоговорочно веривших в гений Сталина, сделали счастливыми и окрыленными реабилитированных и уцелевших честных людей. К сожалению, непоследовательная и противоречивая линия развенчания Сталина, сглаживание фактов в последующие го-

ды (в том числе в литературе, кино) способствовали реконструированию развенчанного образа.

25 мая 1987 г.

П. Г. Арьков, участник войны,
г. Ростов-на-Дону

ТОВАРИЩЕСКОЕ ПИСЬМО

В конце июля 1942 года я был курсантом школы лейтенантов. Нас, курсантов, вывели в бой с учебными винтовками в районе г. Сальска Ростовской области. Конечно, мы не смогли сдержать до зубов вооруженных солдат противника. В результате вместе с другими курсантами я оказался в Ростовском концлагере военнопленных. Я на своей шкуре, как говорится, испытал жестокость фашистов. До сих пор я ненавижу немцев. Может, я не прав. Но у меня сложилось такое мнение, что они все ненавидели, презирали славян.

Из лагеря мне удалось через 20 суток бежать. Но, как писали в «Вечернем Ростове», в этом концлагере было замучено, погибло 117 500 наших бойцов. Это целая армия.

Верно, что к тем, «кто там побывал, относились с большим подозрением».

Вскоре после побега я включился в войска 51-й армии, освобождал Ростов, Донбасс, Крым, Прибалтику, войну закончил штурмом Кенигсберга. За боевые заслуги награжден орденом «Красная Звезда», медалями.

Конечно, были предатели, нужны были проверки. Но нужна была и тактичность. Нельзя было наводить открыто подозрение на всех.

Я наблюдал за пленными немцами. В кинокадрах мы видели пленение фашистского командования в рейхстаге. Разве у них не было патронов для себя? Были. А они сдавались, надеясь на что-то.

Для читателей, для нашего народа было бы интересно знать судьбу окруженных, разбитых подразделений. И мне кажется, имеются еще в живых такие бывшие воины. На Вашу статью они могут откликнуться. Пожелаем Вам собрать такой материал и осветить эту сторону Отечественной войны.

25 мая 1987 г.

А. Д. Винникова, ветеран труда, участница войны, 58 лет, г. Ленинград

МНЕ ТРУДНО ПОВЕРИТЬ...

...в преданность нашему строю крупнейших советских военачальников В. К. Блюхера и А. И. Егорова. Да, я своей детской ручонкой под диктовку педагога в четвертом классе зачеркивала их лица-фотографии в учебнике как врагов народа. И через всю жизнь пронесла их в своей душе врагами народа! И сейчас не верю, что они были преданы революции. Когда я вижу их имена в названиях улиц — меня корежит. Вот как воспитывали наше поколение... Растут ли сейчас дети с любовью к нашему правительству, кто в них воспитывает эти важные человеческие качества? Заграничные ярлыки на тряпках заняли ум подростков, лающая музыка. Не стало героических песен о делах нашей Родины. На наших одеждах не было иностранных букв. Все мы ходили в ситцевых платьях, но были счастливы! Не было такой преступности и наркомании, как развели сейчас в нашей стране.

Читать тошно некоторые статьи. Волосы поднимаются дыбом. На заводах и фабриках пьянь, на улицах у пивных ларьков — красномордые «красавцы», все на одно лицо. Работать некому! Одни женщины. Выпуск продукции — один брак! В магазинах на прилавках нечего взять для души.

Да, нам нужны суровые законы, суровые кары! Сейчас и в 20 лет молодые не хотят служить в армии. По глупости стараются совершить хулиганский поступок, отсидеть год и быть чистенькими на всю остальную жизнь. Не хочется говорить о нашей молодежи. Им легко живется!

О Сталине рассказывает музей в Гори, на его родине. Как приятно посетить этот мемориал, где висит посмертный слепок с его головы. На площади у горсовета памятник Сталину — в шинели, во весь рост. В гостиницах, магазинах, домах — большие портреты Сталина. Дрожь пробегает по телу, когда смотришь ему в глаза. Рядом с музеем два пассажирских вагона, в которых выезжал он на фронт. Какими смешными выглядят эти вагоны сейчас! А ведь лучших у нас в то время и не было. Это тоже история страны! Под стеклом — стихотворение Н. Кириллова и А. Ленского «Сталин у черноморцев»:

Навстречу сияющим далям
Открылся лазоревый порт.

И вот поднимается Сталин
По узкому трапу на борт.

Помню, во время войны под нашими окнами были колхозные поля. Люди голодали, дети! Но ни один не лез в колхозный огород! Расстрел, наверное, сразу бы дали таким. А сейчас распоясались... И некоторые министры, а на них глядя, и... народ. Эх, проснулся бы Сталин или воскрес как бог!

Такое не напечатаете.

25 мая 1987 г.

В. Г. Ефименков,
ветеран войны и труда,
г. Южноуральск Челябинской обл.

МНЕ СКАЗАЛИ «ИДИ» — Я ПОШЕЛ...

В 17 лет мне сказали: надо идти защищать Родину — я пошел. В 19 лет сказали, что первыми в бой пойдут коммунисты (это не формула из фронтовой печати — это правда), и я написал заявление. Мне говорили: лезь в ледяную воду — я лез, стреляй — я стрелял, пей фронтовые 100 грамм — я пил. Дисциплина в любом деле — главное, а на фронте она ох как нужна была. Стоит дрогнуть одному-двум — и может случиться непоправимое. Особенно если это случится у командира.

Не слишком ли часто за последнее время промахи руководителей стали прикрывать языком юристов — «не сделал многого»? А он, этот промах, равнозначен преступлению. Выпустил браку на миллион — выговор, растранжирил два миллиона — строгий выговор. Так кто ж тут виноват в преступной неспособности руководить?

Теперь о репрессиях. В то время без них было не обойтись, и не только И. В. Сталину. Вот пример: телеграмма симбирскому губпродкомиссару «...Хлеб от крестьян Вы обязаны принимать днем и ночью. Если подтвердится, что Вы после 4 часов не принимали хлеба, заставляли крестьян ждать до утра, то Вы будете расстреляны. Председатель Совнаркома *Ленин*» (Полн. собр. соч., т. 50, с. 238) [1].

25 мая 1987 г.

[1] В. И. Ленин был дезинформирован телеграммой коммуниста Грудина из Симбирского губпродкома. Подробнее об этом см. статью доктора исторических наук А. Литвина «Жалоба на товарища Ленина» (Московские новости, 1987, № 52, 26 декабря).

Г. Р. Клейнер, 56 лет, г. Одесса

СЧАСТЛИВ, ЧТО ДОЖИЛ ДО ЭТОГО ДНЯ

Хочу выразить Вам свою благодарность за публикацию статьи о Сталине. Мне 56 лет, и я счастлив, что дожил до этого дня. С первых дней работы М. С. Горбачева в качестве Генерального секретаря я для себя определил несколько основных показателей, по которым был намерен судить о перестройке — не очередная ли это кампания? Для меня и многих других отношение к Сталину — один из самых важных показателей, так как все остальное — лишь производное от этого фактора. Я полностью разделяю точку зрения тов. Самсонова, но считаю, что в этой статье он сказал не все. Пора обнародовать материалы XX съезда КПСС. Нет сомнений в том, что тов. Киров был убит по прямому указанию Сталина. Он же вынудил тов. Орджоникидзе к самоубийству — этот факт был опубликован в одной из книг[1]. В условиях террора не было людей, которые могли бы как-то критиковать Сталина, поэтому его ошибки имели самые трагические последствия. Большая часть трудностей в развитии нашего социалистического общества вызвана именно ошибками уверовавшего в собственную гениальность Сталина. Те ошибки, которые потом допускали тов. Хрущев и Брежнев, в значительной мере порождены культом Сталина, который полностью, или почти полностью, ликвидировал даже ничтожное количество возможностей для критики не только Генерального секретаря, но и рядового инструктора райкома партии. Ну а продовольственная проблема — разве это не следствие коллективизации «по Сталину»? А 1941 год? А насажденная Сталиным политика подбора кадров, при которой прием в институты, прием на работу и назначение руководителей всех рангов производились по принципам, не имеющим ничего общего с ленинскими нормами, с интересами государства? Эти принципы подбора кадров настолько прижились, что сегодня, когда нам дали возможность самим выбирать руководителей, мы не знаем, как это делать.

Я не рассчитываю на публикацию моего письма. Но прошу хотя бы в порядке дискуссии опубликовать из него пять-шесть предложений.

25 мая 1987 г.

[1] Обстоятельства убийства С. М. Кирова и смерти Г. К. Орджоникидзе продолжают изучаться.

В. И. Алексеев, 49 лет, г. Москва

ИСТОРИКИ БУДУЩЕГО РАЗБЕРУТСЯ

На протяжении жизни мое отношение к личности И. В. Сталина неоднократно менялось. В детстве и подростковом возрасте у меня в сознании он занимал, видимо, примерно такое же место, какое у мальчика, воспитываемого в религиозной среде, занимает Иисус Христос, Саваоф, Магомет или Будда. Его портреты глядели со стен в школе и на улице, имя ежечасно звучало в ушах. Я вместе с миллионами других мальчиков и девочек на уроках пения и пионерских утренниках с истинным воодушевлением пел звонкие песни типа

Ведь недаром к светлым далям
в золотой счастливый век
нас ведет товарищ Сталин —
самый мудрый человек.

На выпускных экзаменах в седьмом классе с пафосом прочел стихотворение М. Исаковского «Слово к товарищу Сталину», за что получил похвальную грамоту. Киноленты «Клятва», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919 год» производили на меня сильнейшее впечатление.

В ранней юности образ великого вождя в моей голове слегка потускнел. Уже через несколько месяцев после его смерти появились первые статьи, в которых сдержанно говорилось о некоторой переоценке роли И. В. Сталина. Я, 16-летний юнец, принял эти известия без излишнего сопротивления. Все вроде бы правильно: Сталин не божество, а человек, но гениальный. Учась в институте и изучая предмет под названием «Основы марксизма-ленинизма», не без интереса читал сталинские труды «Анархизм или социализм?» и «О диалектическом и историческом материализме», находя их понятными и глубокими.

И вдруг, когда заканчивал второй курс, как гром среди ясного неба грянул XX съезд КПСС, чтение на закрытом комсомольском собрании специального доклада Н. С. Хрущева. Потребовалось срочно забыть, изгнать из сознания то, что вдалбливалось и зазубривалось не один год. Без этого нельзя было сдать последний экзамен по истории КПСС. Пришлось насиловать память и сознание, они ожесточенно сопротивлялись. Не знаю, удалось бы сломить это отчаянное сопротивление, не приди на помощь чувства: вдруг вскрылась тщательно сберегаемая от меня жгучая

семейная тайна... Оказывается, мой дед по матери, крестьянин, участник двух войн и трех революций, председатель сельсовета в последние годы жизни на воле, в 1937 году — в год моего рождения — был необоснованно репрессирован. Пришло известие о реабилитации, выяснились кошмарные подробности гибели больного, израненного старика на лесоповале в Сибири. Зарыдала и забилась в истерике мать...

И занял И. В. Сталин в моем сознании ту полку, на которой у религиозного молодого человека располагается то, что зовется чертом, Сатаной.

Но шло время, снова качнулось с чьей-то помощью общественное мнение. Появились кинофильмы вроде «Освобождения», «Солдат свободы» и «Битвы за Москву», романы и повести, в которых предстал образ Сталина-патриота, не меняющего плененного маршала на пленного сына-солдата, волевого и дальновидного полководца, дипломата и прозорливого политика. Мое уже далеко не юношеское восприятие на эти качания отреагировало слабо, как не откликается и на последние всплески, связанные с появлением романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Что ж: «годы минули, страсти улеглись»! Сталин теперь представляется мне человеком со способностями чуть выше среднего, волею слепого случая вознесенным к вершинам власти, как щепка на гребне революционной волны, а вовсе не гением Добра или Зла. Надо помнить суждение замечательного русского историка Ключевского о том, что объективная оценка того или иного государственного деятеля может быть дана только через сто лет после его ухода из жизни.

25 мая 1987 г.

И. Оболенская, г. Москва

НЕ БЫТЬ «ВИНТИКОМ»

Низкий поклон за напечатание статьи академика А. Самсонова о культе личности. Тот, кто знает историю, не пассивен в восприятии политических событий, знал об этом давно. И понимал все последствия этого страшного явления. Это годами вырабатывавшаяся потрясающая пассивность («...нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди» — В. Маяковский). Это приниженность, трусость даже (а трусость шла еще с 1937 го-

да, когда действительно были произвол, беззаконие). Это постоянное рабское желание иметь кумира над собой.

Человек должен мыслить, работать и жить сознательно, не быть «винтиком». Каждый человек — ценность в мире, а не жалкая песчинка. Культ личности — это унижение человека, это доносы, жестокость, духовное рабство. Поколение, которое сейчас живет, во многом уже искалечено. Поэтому медленнее, чем хотелось бы, идет перестройка. Но во имя нормальной жизни наших детей важно дать всему честную оценку.

25 мая 1987 г.

В. А. Акимов,
ветеран войны и труда, г. Орел

ВСЕ ПРОИСХОДИЛО НА ГЛАЗАХ

Я родился и жил в то время в деревне, и на моих глазах все происходило. Я хорошо помню, как раскулачивали людей лишь за то, что у этого «кулака» была хата под железом да 10—12 детей, один одного меньше. А на самом деле это был труженик, который своим горбом все наживал, не имел никакой наемной силы. А потом появилась статья Сталина «Головокружение от успехов» в газете «Правда», но она появилась тогда, когда уже, как говорится, дров было наломано немало.

Но, несмотря на все это, роль И. Сталина в Великой Отечественной войне нельзя умалять. Давайте вспомним только один момент. Если бы в самые критические, самые трудные дни не только для Москвы, но и для всей нашей страны И. Сталин проявил бы малодушие и недальновидность и покинул бы Москву и не было бы того торжественного заседания в Москве и того парада на Красной площади, как знать, как бы могло все обернуться для страны в целом!..

25 мая 1987 г.

П. С. Петров, кандидат
исторических наук, г. Москва

И Я ВСЕГО НЕ ЗНАЮ...

Александр Михайлович! Позвольте сказать Вам, что высказанное Вами не является бесспорным. Поэтому я, как историк, кандидат наук, хотел

бы высказать Вам гласно ряд возражений. Я — автор глав в «Истории второй мировой войны» (т. 6) и «Истории КПСС» (т. 3).

Вы подрываете боевой дух армии. Да, воины создавали культ своего руководителя (а не руководитель его создавал). В этом нет ничего плохого. И не надо унижать воинский возглас «За Родину, за Сталина!» словечками «бытование легенды о формуле». Вы просто злобно подходите к Сталину, выискивая возможность унизить его. Нельзя искажать историю страны из-за попытки дискредитировать Сталина и все то, что с ним связано.

Об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Я бы не сказал, что это положение было ошибочным, особенно если взять его международный аспект, ибо по мере продвижения к социализму капитализм все больше злобствовал и в конце концов напал на страну социализма. Не так ли? А если сводить это положение к тому, что некоторые использовали его для массовых репрессий, то с этих людей и надо спросить, во-первых, а во-вторых, массовые репрессии со стороны тех, кто их осуществлял, не являлись ли проявлением борьбы классовых врагов с целью уничтожения советских людей?

О массовых репрессиях, особенно среди военных. Я считаю, что вопрос до конца не выяснен. У меня родственники тоже пострадали в то время. Я был мал и поэтому всего не знаю. Но думаю, что без причин не было оснований для репрессий. В стране и партии в те тревожные годы шли споры, были столкновения мнений. Была, видимо, необходимость отстранить кое-кого от власти или занимаемых постов. Но не было необходимости расправляться с ними, уничтожать. А кто это делал? С них и надо спросить, с этих ревностных истязателей. И не надо все возлагать на Сталина. Он создал антигитлеровскую коалицию — и не гениальный ли замысел это? Сталин, как и другие военачальники, успешно освоил опыт ведения современной войны. Немцы его имели, а наши не имели. Это все участники войны ощущали. И все надо видеть и освещать так, как было, а не так, как хотелось бы.

Ряд замечаний имеется и по статье в «Московских новостях». Спорным в историческом плане является вопрос о роли народных масс. Только им приписывать победу нет оснований, так как массы и отступали. К тому же из-за недостаточной интеллектуальной подготовки народа и умело

воевать нельзя было. Из-за неумения воевать в новых условиях многие и попадали в окружение, и вообще гибли.

26 мая 1987 г.

Р. Г. Мухамедьяров, г. Москва

ПОКА ЛИШЬ ПОЛУПРАВДА

Я в общем с А. М. Самсоновым солидарен. Но тем не менее считаю его ответ с высоты того, что нам сейчас известно о Сталине, недостаточным, неполным. Самсонов пишет о «трагических ошибках» Сталина... Но ведь кроме XX съезда КПСС и известного постановления ЦК летом 1956 года были еще и XXII съезд, и Пленум ЦК в феврале 1964 года. И уже на вполне официальном уровне говорилось не об ошибках Сталина, а о преступлениях. Вне всякого сомнения, академик знаком с этими материалами.

Но хватит эмоций. Будем говорить сухим языком фактов и цифр.

«Трагические ошибки» Сталина в 1937—1938 годах по отношению к комсоставу Красной Армии выражаются в том, что было перебито свыше 80 процентов высшего и среднего звена комсостава...[1] Общая численность ВКП(б) в 1933 году — 3 807 786 членов, а в 1938 году — 1 920 002 члена партии[2]. К 1941 году из 131 члена ЦК, избранного на XVII съезде партии в 1934 году, перебито 110. Из всего ЦК Компартии Украины к началу 1938 года уцелело лишь трое. Из 644 делегатов X съезда Компартии Грузии (май 1937 года) убито 425 человек[3].

Самсонов приводит гипотезу о том, якобы Гитлер подбросил через Прагу фальшивку о заговоре Тухачевского. Самсонов прекрасно знает, что, во-первых, серьезные историки сомневаются в этом, во-вторых, неужели Сталин был настолько наивен, чтоб в это поверить? В-третьих, если это даже и так, то речь на суде шла только о семи военачальниках. А их погибли тысячи... Далее у Самсонова: «Ее (то есть гитлеровской фальшивки) жертвами стали... Тухачевский, Якир, Блюхер». В расчете на кого это написано? Вот состав расширенного суда, который рассматривал дело

[1] См. сноску на с. 102.
[2] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. М., 1971, т. 4, кн. 2, с. 262, 504.
[3] Автор письма приводит здесь, видимо, личные подсчеты.

Тухачевского и шести других: Ульрих (председатель), маршал Буденный, маршал Блюхер, Шапошников, Белов, Каширин. Неужели академику это неизвестно?

На банкете по случаю приезда Риббентропа в Москву Сталин произнес тост: «Мы знаем, как немецкий народ любит своего вождя...» [1]

Кто забывает уроки прошлого, рискует столкнуться с ними заново.

26 мая 1987 г.

О. Хашагульгова,
врач «Скорой помощи»,
мать троих детей, г. Краснодар

МЕНЯ СПАС ГОРЬКИЙ

Изучал ли какой-нибудь социолог глубокие последствия разоблачения культа личности на формирование взглядов и поступков молодого поколения? Меня спасло то, что в то время я уже увлекалась Горьким, была великой оптимисткой и непоколебимо верила (и верю) в то, что хороших людей все-таки больше и на них мир держится. Ведомо ли взрослым, как тяжело сказываются на формировании личности молодого человека не только их ошибки, сколько трусость и подлость? Ошибку можно понять и простить, но трусость и предательство, подлость — никогда!

Что же такое культ личности? Тирания одного грубого, сильного, имеющего власть человека, перед которым в страхе трепещут все, ниже его стоящие. Если Сталин — жестокий тиран, то как партия, выдвинувшая его из своих рядов на руководящий пост, допустила такое его перерождение, утратила контроль над ним? Где же руководящая и организующая роль партии? Где ее честные представители, которые имели бы мужество восстать против тирана, открыть правду народу при его жизни? Что, были, да подверглись репрессии? Позвольте узнать, по чьей вине, по чьему доносу? А если Сталин, окруженный льстецами и подхалимами, трусами или притаившимися врагами, окуренный опиумом славы, растерявший друзей, которым верил как себе, один

---

[1] На банкете в ночь с 23 на 24 августа 1939 года Сталин сказал: «Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, и я хотел бы выпить за его здоровье».— См.: Akten zur deutschen auswäztigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VII.— Baden-Baden, 1956, S. 191.

на пьедестале, отягощенный безмерной ответственностью, с сердцем, раздираемым сомнениями, вынужден принимать решения, от которых зависит жизнь не одного человека, но всей страны, то как же не почувствовать весь трагизм его положения?

Возможно, это самая трагичная фигура во всей истории человечества. Если признать иную точку зрения, то нужно говорить не об ошибках, а о злом умысле.

26 мая 1987 г.

Н. Самарин, участник войны,
г. Куйбышев

ЦЕЛОСТНОЙ КАРТИНЫ НЕТ

Я очень серьезно изучал историю Великой Отечественной войны и пришел к неожиданному выводу, что почти все мы, не только молодые, но и ее участники, ее не знаем! И это при обилии литературы и фильмов. Все, что написано и показано о войне, отражает лишь отдельные фрагменты и носит эмоциональную направленность. Имеется громадное количество осколков мозаичной картины, а целой картины нет.

На вопрос, почему мы потеряли 20 миллионов человек убитыми, а побежденный враг только 7 миллионов, советская историография отвечает указанием на нехватку времени для подготовки к отражению агрессии, на ее вероломство и внезапность. Факты свидетельствуют против подобных объяснений. В 1935 году СССР имел самую современную армию, в Германии армии, как таковой, практически не было. Экономическая мощь СССР, как утверждает статистика, была выше всех в Европе, а значит, и выше германской. К началу войны количество танков и самолетов в Красной Армии было больше, чем у Германии, и мы незначительно уступали ей по орудиям и минометам. Об этом прямо говорят и маршал А. И. Еременко в своих мемуарах, и военные историки. Что касается внезапности нападения, то достаточно привести выдержки из довоенного дневника московского школьника Льва Федотова с поразительным предвидением времени начала войны и дальнейшего ее хода (Комсомольская правда, 1987, 17 января). В чем причина прозорливости школьника и слепоты взрослых дядей? У Федотова на первом месте Родина, а у взрослых дядей на первом месте — власть, а потом все осталь-

ное. Для Сталина власть — это бог, и все, кто ею обладал, вызывали уважение. В числе таких был Гитлер.

Времени и возможностей для подготовки к отражению агрессии у советского руководства было вполне достаточно, и если оно их не использовало должным образом, то это его вина, за которую народ заплатил немалой кровью.

Еще два из числа главных моментов Великой Отечественной войны.

Первый. Это отсталость советской военной доктрины перед германской в использовании военной техники. Обратимся сперва к истории поражения Франции во второй мировой войне. Армии обеих сторон были равны по людям и военной технике, но использование последней было различным. У французов танки были распылены по воинским частям — россыпью, побатальонно, по три десятка в каждом. А у немцев сведены в танковые армии численностью 1 тысяча — 2 тысячи танков, подчиненные единому руководству и действующие как единое целое. Образно говоря, французы дрались растопыренными пальцами, а немцы — сжатым кулаком. Это и предопределило успех гитлеровцев, разгромивших Францию за 45 дней.

Точно такая же картина в использовании военной техники наблюдалась и в первые два года войны на советско-германском фронте, пока в конце 1942 года в Красной Армии не были созданы крупные артиллерийские, танковые и другие соединения, воздушные армии. После их создания германская армия лишилась монополии крупных механизированных соединений и уже до конца войны не имела успеха! Необходимость заставила вернуться к доктрине Тухачевского, но это произошло два года спустя после начала войны и стоило громадных потерь стране.

Второй. В 1941 году наши потери в людях составили примерно 6 миллионов человек [1], а потери немцев — 750 тысяч, или в 8 раз меньше. В 1942 году наши потери в людях в 2 раза превышали потери немцев. В 1943-м и 1944-м — соответственно в 1,5 и 1,3 раза. Безответственность к подготовке страны в военном отношении, отсталость военной доктрины, расточительство в использовании предоставленных страной средств полностью обнажают рвавшихся в гении бездарных советских руководителей того времени. Если бы они воевали хотя бы на уровне германских, то потеряли бы тоже не более 7 миллионов человек, и, следо-

[1] Вопрос о наших потерях в войне требует дальнейшего серьезного изучения. Я затрагиваю его в заключительном разделе книги.

вательно, их серость обошлась советскому народу по крайней мере в 13 миллионов жизней.

Такова правда истории. Умолчание о ней — это попытка избежать суда народа...

26 мая 1987 г.

В. Н. Лебедев, научный сотрудник Белгородского краеведческого музея, подполковник запаса

ПРАВДА О КУРСКОЙ БИТВЕ

Да, без правды о прошлом движение вперед невозможно. Слишком много событий трактовалось с позиций субъективизма и лакировки. Работая в течение десяти лет научным сотрудником в Белгородском краеведческом музее, вначале я сам оказался под влиянием взглядов и публикаций командующего в ту пору 5-й гвардейской танковой армией генерала Ротмистрова. Ведь 12 июля 1943 года под Прохоровкой 5-я танковая армия уничтожила за три дня 150 танков противника, а не 400, как это провозглашал командарм 5-й ТА. Да и эти бои назывались в то время контрударом, а затем начали называться встречным танковым сражением.

А ведь до 12 июля каждый день сражений был свирепее Прохоровки. Как можно отодвигать на «задворки» события, происходившие на обояньском направлении севернее Белгорода, где был сорван план прорыва фашистов к Курску и где были перемолоты главные силы фашистов на южном фланге дуги? Ведь бойцы и командиры 6-й гвардейской армии генерала Чистякова и 1-й гвардейской танковой армии генерала Катукова совместно с другими родами войск в жесточайших боях, неся огромные потери и проявляя невиданный героизм, заслонили фашистам дорогу к Курску!

Печать, радио, телевидение и кино фактически свели успехи советских войск на Курской дуге к успехам 5-й гвардейской ТА у Прохоровки. Более того, теперь поле под Прохоровкой уже начали называть «третьим полем русской славы» после Куликова поля и Бородинского. До чего же мы допишемся дальше? В дни 40-летия Курской битвы все передачи по радио, выступления в печати сводились к «стальному плацдарму под Прохоровкой». Все говорит о

забвении одних событий в угоду другим в силу волюнтаристского подхода бывшего командующего 5-й гвардейской ТА. Эти мысли проникли в солидные издания (6-томное и 12-томное) о войне. Работа с архивными документами, встречи с ветеранами и переписка за последние годы убедили меня, что значение Прохоровки чрезмерно завышено в ущерб фактам. Даже в Институте военной истории сотрудники сформировали свои взгляды на эти вопросы под влиянием высказываний и публикаций генерала Ротмистрова. Они и руководству Белгорода навязали свою тему при строительстве диорамы, назвав ее «Прохоровское танковое сражение». Затем под давлением общественности и краеведов изменили название. Зашли в тупик, но не сдаются.

Прошу, чтобы академик А. М. Самсонов высказал свою точку зрения как военный историк, каково же действительное место событий под Прохоровкой в Курской битве.

26 мая 1987 г.

В. Алексеев,
г. Якутск

О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ

Гласность, правда — мы говорим. Раз так, то надо писать и о положительном в деятельности Сталина так же подробно, как пишем о недостатках. Видимо, следует сравнить, чего больше было в деятельности Сталина — положительного или отрицательного?.. Да, Сталин утверждал, что по мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется. Это сказано было в 1937 году. Социализм у нас тогда победил. Но окончательно ли? Полностью ли? Могли бы мы тогда сказать, что реставрация капитализма невозможна?

В постановлении ЦК КПСС о последствиях культа личности (1956 год) говорится, что в условиях острой классовой борьбы закономерно некоторое ограничение демократии. И так получилось на самом деле. А последствия приписываем одному человеку. Правильно ли?

26 мая 1987 г.

В. М. Есафьев, участник войны, г. Коростень Житомирской обл.

НАЧАТЬ БЫ ПЕРЕСТРОЙКУ РАНЬШЕ...

Нам нужна объективная история, особенно с начала 30-х по 1941 год. Как могли появиться такие люди, как Ежов, Берия и другие? Как мог Сталин превратиться в абсолютного диктатора? Ведь Сталина окружали многие ленинцы. Наконец, существовали ЦК, Политбюро, Генеральный штаб. Возникает уйма вопросов...

Историю почти в 30 лет, связанную с личностью Сталина, никуда не денешь. Историкам необходимо правдиво освещать нашу историю, без всякой предвзятости. Это поможет и в других областях перестройки нашей жизни.

Да! Такую перестройку лет 25 назад бы нужно начать, с тем поколением — она бы легче пошла!

26 мая 1987 г.

В. М. Нутряков, участник войны, ветеран труда, член КПСС с 1943 года, г. Гуково Ростовской обл.

ШЛА БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ

Советская власть была вынуждена применять репрессивные меры, забирать продовольствие у кулаков и отдавать рабочим и Красной Армии. Очень много погибло коммунистов и беспартийных активистов от рук белобандитов и кулаков. Много было поджогов колхозных и совхозных хозяйств, диверсий на производстве. Борьба за социализм, разъяснение строительства новой жизни длились с 1930 по 1937 год. Но от агитации мало пользы было. Тогда было решено репрессировать всех тех, кто стоит на пути и вредит нашему молодому социалистическому обществу.

После репрессий мы как снова родились на божий свет. Тихо было, спокойно, в магазинах продовольственных товаров было множество, дешевые — до самого начала войны. Партийная дисциплина автоматически переносилась на то производство, где коммунисты и первичные партийные организации работают. Вот почему везде и всюду был порядок.

Возьмем железнодорожный транспорт: по движению товарных поездов можно было сверять часы, не говоря о пассажирских. Работники служб считались полувоенными, а дисциплина была военная.

Сталина обвиняют в строгости. Позвольте, а каким прикажете быть государственному деятелю?..

26 мая 1987 г.

П. Анатольев, историк, г. Москва

ПОБЕДИТЕЛЕЙ НЕ СУДЯТ

Качества полководца, да и вообще политического деятеля оцениваются не выигрышем отдельных сражений (ошибки были и во времена Ленина — вспомним провал польской кампании в 1920 году, например), а победой в войне. Наполеон проиграл несколько решающих сражений, довел Францию до гибели, а его — и, видимо, заслуженно — считают все-таки великим полководцем. Следует более научно, объективно писать обо всех событиях в жизни нашей Родины.

27 мая 1987 г.

А. Л. Тинин, г. Москва

НУЖНА СОВОКУПНОСТЬ ФАКТОВ

Нужны не отдельные, пусть хоть и убийственные, факты, а вся их совокупность. Раскладывая И. В. Сталина за его «ошибки, просчеты, нарушения» и прочие прегрешения, комментатор не отвечает, по сути, на главное: были ли эти прегрешения необходимым этапом, или это было только присущее ему, не повторенное впоследствии другими? А если это повторено, то нет ли закономерности? Кстати, если внимательно вчитаться в известное и уже забытое постановление от 30 июня 1956 года, о чем молодые, да уже и 40-летние вряд ли знают, то там речь шла о «явлении», на что и делался упор. Потом стало удобным все свести к личности, о чем бурно заговорили на рубеже 50—60-х годов. А чего достигли? Нигилизма и неверия! Спохватились, да поздно!..

О жертвах и репрессиях 1937—1939 годов. Если быть

объектнвным, то они в нзвестной мере последствия более ранних событий — внутрипартнйной борьбы 20 — начала 30-х годов. Уже в то время некоторые военные не ввязывались в борьбу — держали молчаливый нейтралитет. А молчаливая середина всегда могла качнуться в любую сторону... Все ли они справились бы в новых условиях войны, даже если были выдающимися теоретиками? Была ли эта репрессированная вершина едина, сплочена? Нет! Между ними была оживленная полемика, да вдобавок сказывался свободолюбивый дух времени гражданской войны, были и ослушания, несмотря на пламенные речи н статьи. То есть все было далеко не однозначно... Могла ли в условиях надвигавшейся угрозы войны проводиться не жесткая, а кисельная линия? Как бывший военный, тов. Самсонов знает, что, если принятому решению противодействует хоть малейшее сопротивление, его ломают всеми доступными, а в особых случаях и диктаторскими методами. Разумеется, в каждом большом деле бывают нздержки, были они и тогда...

27 мая 1987 г.

С. И. Бубнов, военный пенсионер, 62 года, г. Чехов Московской обл.

УСКОРЬТЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ

Мне кажется, Ваша точка зрения на прнчины наших поражений в первоначальный период Великой Отечественной войны наиболее объективна. Хотелось бы узнать Ваше мнение по некоторым вопросам, касающимся этих прнчин.

Стоило лн тов. Ворошилову возглавлять переговоры с англичанами н французами о создании коалиции против фашистской Германни в 1938—1939 годах? Дело в том, что личный авторитет полнтического н государственного деятеля зачастую имеет огромное значение в ходе переговоров. Я понимаю, что в данном случае тов. Ворошилов выполнял указания ЦК нашей партин, но все же он как политическая фигура у англичан, например, авторитетом не пользовался. У. Черчилль в своих мемуарах дает оценку всем политическим и государственным деятелям СССР периода войны и называет тов. Ворошилова «партийным мальчиком». Разумеется, мнение этого господина полностью принимать на веру нам нельзя, но в английских кругах того времени оно было решающим.

Возможно, был прав бывший нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов, который был противником заключения пакта о ненападении с фашистской Германией в 1939 году. Мне кажется, мы ничего не выиграли, никакой отсрочки войны не получили. Они просто были еще не готовы к войне с нами. Я считаю пакт нашим дипломатическим проигрышем, так как он притупил нашу бдительность, породил какое-то спокойствие. Мы утратили мобилизационную готовность к войне. Ведь следовало форсировать срочно военную промышленность, как мы потом и сделали. Германии же мы дали хлеб, сырье и время для подготовки к войне, время почти открыто подтянуть к нашим границам огромную армию.

Я не историк по профессии, я рядовой советский человек, участие мое в войне скромное. Но, как и во всех семьях, у нас на фронте погибли в 1942 году мой отец, в мае 1945 года — мой брат, плюс тяжелейшие условия жизни нашей многодетной семьи в войну. В общем, как и у всех. В память о тех людях, кто в первые дни войны умирал на поле боя, хотелось бы, чтобы «вывихнутые суставы истории» встали на свое место. Просьба к Вам: ускорить восстановление истины.

27 мая 1987 г.

К. Г. Безуглый, ветеран войны, инвалид 2-й группы, 76 лет, г. Кокчетав

Я ЗНАЮ ГОРЕЧЬ ОТСТУПЛЕНИЯ...

Я стою на позиции полной правды, а полуправда — это хуже лжи. Я полностью согласен с ответом академика А. Самсонова. Я сам начал войну 2 июля 1941 года и знаю горечь отступления с дедовской трехлинейкой, нередко без единого патрона. Рвали нательное белье и перевязывали раны... Я не могу оправдать мое поколение, и себя в том числе, за то, что мы так легко приписали победу в Великой Отечественной войне одному человеку. Как сказал наш фронтовой поэт —

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,

Что я их мог, но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но все же, все же, все же...
(А. Твардовский)

Насчет памятников Сталину, да еще золотых,— так это же кощунство перед миллионами и миллионами безвинно загубленных.

Простите за плохой почерк, пишу ручкой, чуть ли не привязанной к руке, да и в постели, на коленях...

27 мая 1987 г.

Е. Н. Мельников, кандидат юридических наук, г. Москва

МОЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

Уважаемый Александр Михайлович, воевали мы с Вами где-то рядом, на одном фронте, только в разное время. Вы упоминаете об операции «Багратион» (1944 год). А я в расчете 45-миллиметровой противотанковой пушки как раз дошел до той точки в конце 1943 года, с которой началась операция,— до Жлобина. 26 декабря был тяжело ранен, и на этом война для меня закончилась. Вы же пошли дальше. В целом согласен с Вашей оценкой войны и роли Сталина в ней, но хотел бы кое-что уточнить.

Во-первых, о так называемой внезапности нападения Гитлера. Вы совершенно правы, что на самом деле нападение не было внезапным. Надо полностью похоронить эту пресловутую «внезапность», так как если она и существовала, то только для И. В. Сталина, который действительно верил Гитлеру, нашел тоже кому верить, что он будет выполнять пакт о ненападении и не начнет войну против нас в 1941 году. Конечно, было бы желательно показать поглубже, почему так ошибочно думал И. В. Сталин. А что касается наших войск в западных приграничных районах, то как раз для них-то и не было внезапным нападение. Наши пограничники даже домой писали — и эти письма мне известны лично,— что Гитлер вот-вот нападет, ибо уже совершенно отчетливо было видно и слышно по гулу моторов огромное сосредоточение гитлеровских войск на нашей границе. Другое дело, что наши войска были дезориентированы заявлением ТАСС от 14 июня. Более того, они были обезоружены, поскольку под предлогом перевооружения армии старое оружие у них отобрали, а новое не выдали.

Во-вторых, кто же выиграл войну: полководцы или народ? Видимо, все же полководцы, руководившие вооруженным народом. Другое дело — как они нами руководили. Были и промахи, о них надо правдиво рассказать, а не петь аллилуйю только нашим успехам, как это было до последнего времени, такой односторонний анализ является плохим помощником на будущее. Однако, в конце концов, несмотря на многие промахи и неудачи, войну выиграли все же наши военачальники и полководцы, а гитлеровские проиграли. Мы же с Вами — народ, воспитанный нашей партией,— били врага непосредственно, шли в атаку, хотя не всегда смело (и об этом тоже надо откровенно сказать), вступали в бой, истекали кровью, гибли, но в конце концов победили. А немецкий народ, воспитанный на фашистской человеконенавистнической идеологии, оказался разбитым, побежденным. Как Вы, наверно, чувствуете, мы вплотную подошли к роли партии и вообще партий в деле подъема широких народных масс на участие в войне, на победу. Если говорить о нашей Коммунистической партии, то, безусловно, роль ее в Победе была велика. Но опять-таки надо глубоко, с холодной головой, без всяких шараханий в общие хвалебные мотивы всесторонне разобраться, как она конкретно проявлялась в различные периоды. В самые критические дни под Москвой или в летние дни прорыва гитлеровцев на Сталинград в 1942 году наша партия оказалась уже не в силах справиться с обстановкой своими обычными методами, и в Москве пришлось вводить военное положение, с тем чтобы покончить с грабежами и разбоем и восстановить порядок, а в 1942 году отдать приказ «Ни шагу назад!». Это ведь уже не партийные методы работы, а чисто военные, если не сказать большего. Конечно, тут можно и спорить, сказать, что и это все сделала партия, но мне кажется, что было бы лучше не спорить, а поставить все на свои места.

В-третьих, в отношении Власова и власовцев. Мне как раз пришлось воевать против них и натерпеться от этих подлецов немало неприятностей, ибо нередко, переодевшись в нашу офицерскую форму, они переходили линию фронта и вырезали наши ночные наряды у орудий, минометов, пулеметов и т. д. А один раз ночью, сняв постового и вырезав весь спящий орудийный расчет в одной из соседних частей, укатили даже с собой пушку. Они же русские, говорили по-русски, и в нашей форме их ничем нельзя было отличить от настоящих советских офицеров. Воевали же они отчаянно, так как отлично понимали, что в плен их в бою брать ни-

кто не будет. Однако в конце 1943 года, ближе к холодам, под влиянием нашего беспрерывного наступления и разъяснений в их адрес по громкоговорителям и в листовках о том, что в случае добровольной сдачи им будет гарантирована жизнь, они нет-нет да по утрам и переходили линию фронта для сдачи в плен. Причем целыми группами. Я несколько раз наблюдал, как где-нибудь по овражку, в утреннем тумане они с белыми флажками гуськом — один за одним — идут к нам сдаваться. Но это было нечасто. Таковы некоторые зарисовки, касающиеся власовцев.

А вот что касается самого Власова, то, согласно листовкам, о которых я говорил уже выше и которые сбрасывали с наших самолетов специально для власовцев, но часть которых ветром заносило и к нам, Власов якобы «сдал дважды свои армии», сначала под Старой Руссой, однако затем вернулся, доложил И. В. Сталину о том, что готов вновь возглавить армию, И. В. Сталин почему-то поверил ему, и тогда Власов под Харьковом «вторично сдал свою армию» и уже больше не возвращался[1]. У меня долго хранилась эта листовка дома, но сколько потом, после возвращения из-за границы, я ее ни искал, к сожалению, найти не мог. Конечно, я много думал, почему так был изображен Власов. Или он смалодушничал, поскольку, как мы знаем, в указанных выше местах наши армии были окружены, или он на самом деле является предателем, заранее завербованным гитлеровской разведкой? На это могут ответить только наши соответствующие органы. Надо бы покопаться в их архивах. Чего из этого делать сейчас секреты, пора и рассекречивать их.

Меня не раз подмывало честно написать о том, что я видел и чувствовал накануне войны и в ходе ее, что испытал и пережил на фронте и многое другое в этом плане. Однако моя длительная, более чем 35-летняя напряженная работа на дипломатическом поприще, в том числе в течение более 10 лет в качестве посла, не давала мне возможности это сделать. Да и вряд ли это мое писание было бы опубликовано тогда. Сейчас же, после выхода в отставку, у меня появилось определенное время для этого. Кое-что уже написано под условным названием «Моя правда о войне»,

---

[1] Автор письма не совсем точен. Защищая Ленинград на Волховском фронте, 2-я ударная армия попала в окружение. Ее командующий генерал А. А. Власов отделился от своих войск и перешел на сторону врага, то есть совершил предательство. 2-я ударная армия продолжала героически сражаться и в июле 1942 года вышла из окружения.

то есть о том, как я ее прошел, прочувствовал, пережил, что там на фронте в действительности было.

28 мая 1987 г.

Н. М. Морозова, г. Брянск

Я ПОМНЮ ДЕТСТВО

Я помню свое предвоенное детство. Полуголодное, полураздетое. Очень мало было у нас ценностей материальных, но почему же тогда такой светлой была наша жизнь, почему так верилось в идеалы? И искусство наше довоенное — несколько наивное, но какое чистое, глубокое. Возьмите музыку Дунаевского — и то, что звучит сейчас на эстраде. Уже одно это говорит о многом.

Академик затронул роман Стаднюка «Война». У меня нет этой книги, чтобы процитировать, но я хорошо помню, что Стаднюк характеризует Сталина как мыслителя и философа. Очевидно, были у него на это основания, а по Самсонову выходит, что Сталин вообще заурядный человек, не обладавший талантами. Да, репрессий было много. Но ведь и диверсий, и вредительств действительно было достаточно для того, чтобы действовать сурово. Это была вынужденная мера.

28 мая 1987 г.

Н. Г. Глазков, пенсионер,
участник войны, г. Воронеж

ПЕРЕСТРОЙКА И СТАЛИНИЗМ НЕСОВМЕСТИМЫ

Странно: Карасев вроде бы за перестройку, а предлагает поставить новые, золотые памятники Сталину.

Перестройка — это демократия, гласность, социальная справедливость, новое политическое мышление. Сталинизм — это единоличная диктатура, искажение принципов социализма, беззаконие. По-моему, современная перестройка несовместима со сталинскими методами управления. С именем Сталина начинать перестройку все равно, что с богом идти к коммунизму. Человечество поставит золотые

памятники тем, кто спасет его от ядерной катастрофы, кто посеет семена демократии и свободы, кто утвердит доверие между народами.

Позвольте мне внести несколько предложений:

1. Образовать партийно-государственную комиссию по тщательному расследованию «дела Сталина». Документы комиссии обнародовать и на очередных партийных форумах окончательно решить этот столь важный и принципиальный вопрос. Это будет отвечать высшим интересам страны.

2. Восстановить добрые имена всех советских людей, погибших и невинно пострадавших в годы культа личности.

3. В Москве установить памятник жертвам сталинского террора.

4. ГАИ СССР обратить серьезное внимание на тот факт, что отдельные водители автотранспортных средств на ветровых стеклах устанавливают всякого рода вызывающие помехи в обзоре, безделушки, в том числе портреты Сталина. Такие действия водителей считать противоправными.

28 мая 1987 г.

И. А. Вишневецкий,
инженер-экономист, ветеран труда,
62 года, г. Москва

ФАКТЫ ПРОТИВ ЭМОЦИЙ

Вот уже треть века не смолкают споры вокруг имени Сталина. Споры, беспримерные по накалу, страстности, непримиримости. Когда-то, наверно, немыслимо было даже представить себе, чтобы так яростно спорили о человеке, давно умершем и, так сказать, дважды похороненном. Можно сказать, что линия размежевания на этой почве прошла через все наше общество, расколов его на две неравные части.

Я знаю людей, которые до сей поры считают удаление этого человека из Мавзолея актом кощунства. Знаю и других, которые возражают первым: «Кощунство? Да! Но совершилось оно не в 1961-м, а на восемь с половиной лет раньше, в 1953-м, когда его положили туда. Кощунство по отношению к Владимиру Ильичу!»

Одни из спорящих напоминают о «большом скачке», превратившем лапотную Россию во вторую индустриальную державу мира. О Днепрострое и Метрострое, о Магнитке и Турксибе. И, конечно, о той роли, которую сыграл Вер-

ховный Главнокомандующий в Отечественную войну. Проводят исторические аналогии. Дескать, говоря о Петре I, мы в первую очередь вспоминаем Полтавскую битву, гордые колоннады и шпили Санкт-Петербурга. Хотя на счету у Петра — тысячи обезглавленных и повешенных стрельцов, десятки тысяч крепостных мужиков, согнанных на строительство новой столицы, но не доживших до его окончания.

Эти доводы встречают гневные возражения оппонентов. Дескать, Петр, как бы ни был крут, все-таки уничтожал действительных, а не мнимых врагов. Да и масштабы репрессий несравнимы. Репрессии Петра укрепили государство. Репрессии Сталина ослабили его, что во многом предопределило трагический оборот дела в сорок первом году. Уж если проводить параллели, говорят оппоненты, так не с Петром, а с Иваном Грозным. Кажется, и сам Сталин был не против такой параллели. Вспомним хотя бы его беседу с артистом Черкасовым или похвальный отзыв о пьесе, где Малюта Скуратов изображен в розовом свете.

Одни вспоминают ходкую когда-то поговорку «Лес рубят — щепки летят». Другие говорят, что эта поговорка антигуманна, кощунственна по отношению к людям, да к тому же в категорию «щепок» попали такие люди, как Рокоссовский, Туполев, Королев, Вавилов, а также Бабель, Мандельштам, Михаил Кольцов, Мейерхольд... и так далее, этот перечень можно продолжать до бесконечности. Говорят, разумеется, и о засилье воинствующих невежд и дилетантов в науке, и о так называемых «искривлениях» в национальной политике.

Особенно бурными бывали споры в сравнительно недавние времена, которые сейчас принято называть «застойными». Кое-кто, недовольный обстановкой тогдашнего «стоячего болота», противопоставлял ей водовороты сталинской эпохи, о которых, впрочем, имел весьма туманное представление: «Нам сейчас необходим Сталин!» Тотчас следовала гневная отповедь: «К нашим сегодняшним прелестям только Сталина не хватает! Уж тогда был бы полный букет!»

Помню демонстрацию «сталинистов». Она состоялась в День Победы, 9 мая 1986 года, в сквере у Большого театра. Лозунгов, правда, не было. Был большой портрет вождя, который вознесла над головой дама лет сорока. Она запела, а окружавшие ее два-три десятка людей разных возрастов подхватили:

Кони сытые
Бьют копытами!
Встретим мы по-сталински врага!

Не знаю, сказал ли им кто-либо из ветеранов, что в сорок первом эта песня уже не звучала: не могли эти «сытые кони» своим ржанием заглушить рык немецких моторов...

Во всех этих спорах я уловил одну важную закономерность. Она не зависела ни от культурного уровня спорщиков, ни от их принадлежности к той или иной социальной группе. «Антисталинисты» во всех случаях оперировали жестокими, часто убийственными фактами. У «сталинистов», напротив, все держится на эмоциях. Они могут сколько угодно клясться в любви к «великому вождю» — все равно создается впечатление, что любят они не его, а скорее свою веру в него. Вернее, веру в некий мифический образ, слитый с именем Сталина. Им годами внушали эту веру. Она давала им ощущение полноты жизни. Лишиться этой веры для них — оказаться в своего рода вакууме. Заполнить душевную пустоту нечем. Это смертельно пугает их. И они судорожно цепляются за обветшалый миф.

Нынешней разноголосице способствует и дефицит правдивой информации, образовавшийся в застойные годы. Фигура умолчания привела к печальным последствиям. Есть люди, которые оправдывают сталинские репрессии ходячей формулой: «Не ошибается тот, кто ничего не делает». Иные идут еще дальше. Они утверждают, что и ошибок-то никаких не было. Репрессированные, дескать, все, за редким исключением, были «врагами народа». А хрущевских разоблачений не следует, мол, принимать всерьез, поскольку они, деликатно выражаясь, продиктованы личными мотивами...

Сейчас положение изменилось. С фигурой умолчания покончено. Мы узнали о трагической судьбе многих выдающихся деятелей нашей партии и государства. Но это еще не вся правда. Многое предстоит узнать. Как сложилась судьба Надежды Константиновны Крупской после 1924 года? Как могло случиться, что Алексей Иванович Рыков, человек, которого партия сочла достойным занять место Ленина на посту Председателя Совнаркома, превратился в «организатора террористических банд»? Что заставило Блюхера, Алксниса и Дыбенко подписать смертный приговор Тухачевскому и Якиру? Или подписи фальсифицированы?

Существует точка зрения, будто события 1937—1938 годов были своего рода «контрреволюцией сверху», осуществленной Сталиным. Не берусь утверждать, что это так. Хотя прецеденты в истории были... Ясно одно: бытовавшая когда-то формула «Сталин — это Ленин сегодня» лжива. Потому что между представлениями того и другого о социа-

лизме — пропасть. Пути развития страны они понимали по-разному. Представление о нормах партийной жизни у них было разным: достаточно сравнить стенографические отчеты партийных съездов в разные периоды истории. Сталин решил навязать партии свое представление о социализме, резко отличающееся от ленинского. Ради этого он не остановился перед физическим уничтожением старой гвардии большевиков-ленинцев, тех, что составили ядро партии в дореволюционные годы, штурмовали Зимний, выиграли гражданскую войну, осуществили индустриализацию. Без них ничего бы не было. И Сталин без них не стал бы Сталиным. Они помогли его возвышению во имя единства и сплоченности партии. Но когда он достиг абсолютной власти, они стали для него помехой — хотя бы потому, что знали ему истинную цену. Знали, какие его заслуги подлинные, а какие идут по разряду приписок.

Для устранения ленинской гвардии необходимы были исполнители. Но старые чекисты, воспитанники Дзержинского, для этой цели не годились. Объявлять шпионами и вредителями своих товарищей по партии, с которыми вместе сидели в царских тюрьмах, сражались против белогвардейцев? Нет, в таком деле Сталин не мог на них положиться. И эти старые чекисты пришлись «не ко двору». От них стали избавляться. И сошли со сцены такие, как Лацис, Петерс, Артузов, Ксенофонтов, Трилиссер, Кедров. Настало время ягод, ежовых, абакумовых, берий. Сбылись худшие опасения Я. М. Свердлова (см. пьесу М. Шатрова «Большевики»): красный террор, осуществляемый без контроля за соблюдением законности, стал объективно выполнять функции белого террора. Причем в таких масштабах, какие и не снились Колчаку и Деникину.

Полный, всесторонний анализ того периода нашей истории еще впереди. Но уже сегодня можно сказать: еще далеко не измерен чудовищный урон, нанесенный стране культом личности,— урон и политический, и экономический, и нравственный. Определенный психологический климат, сложившийся в те годы, оставил отпечаток и на последующих поколениях (существует мнение, будто он даже вызвал какие-то изменения генетического характера). И только коренной перелом в психологии миллионов людей позволит сказать, что со сталинизмом покончено навсегда. Только это обеспечит успех перестройке.

28 мая 1987 г.

Добролюбов, г. Белгород

ИСТОРИЯ — НЕ ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Полностью согласен с Вами, что необходимо восстановить «белые пятна» в истории, связанные с личностями, творившими революцию. Мы будто боимся, что всплывет что-то «нехорошее», о чем и говорить-то нельзя. «Не так поймут», «народ у нас темный», «смута» и пр. Лучший вариант — вычеркнуть, и все тут. Но если мы вступили в кампанию правды, гласности, надо успеть сказать не только о жертвах, но и об их палачах. И вообще — целая плеяда замечательных людей, а мы знаем только Ленина, Свердлова и Дзержинского... Так мало мы знаем о революции или перевираем историю так, как будто она относится к виду тайной дипломатии. Хорошо, что успели в 1957 году издать очень интересную книгу Джона Рида, неплохо бы повторить. Новое поколение не знает о ней, черпает историю из учебников, где много чепухи.

В «10 днях, которые потрясли мир» есть список декретов Совнаркома. В одном из них Ленин в пункте 3 («О печати») обещал отменить запрет на независимую печать «особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни» [1]. Как Вы думаете, может, время пришло? Все-таки 70 лет — большой срок для «наступления нормальных условий». Ведь Конституция с ее гарантиями будет работать лишь с появлением независимой прессы. Должны же мы наконец жить по правде, а не крутиться вокруг да около!..

28 мая 1987 г.

А. С. Артамонов, гвардии капитан запаса, г. Казань

СУДЬБА 33-й ГВАРДЕЙСКОЙ

В статье А. Самсонова упоминается трагедия в годы войны 33-й гвардейской стрелковой дивизии, бойцом которой довелось мне быть. Дивизия была сформирована в пределах штатной численности на базе 3-го воздушно-десантного корпуса в г. Калач-на-Дону. Личный состав дивизии был как на подбор, особого склада, молод. И вот в июне 1942 года дивизия на дальних под-

[1] *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959, с. 296.

ступах к Сталинграду у станицы Чернышевской вступила в бой, и через некоторое время мы оказались в окружении. Я командовал в то время стрелковым взводом, затем ротой. Было видно, как немецкие танки и механизированная пехота обходили нас стороной и затем замкнули кольцо. Все трудности, которые пришлось пережить, тяжело описать. Не было продуктов, а еще хуже — отсутствие воды. А было это ведь в сталинградских степях при 30-градусной жаре. Питались зернами пшеницы и ржи, но фашисты разгадали нашу «проблему» и подожгли весь хлеб на корню. Как я остался жив — это какое-то чудо. Из кадровой дивизии, не считая тыла, из окружения вышло только 400 человек. И когда остатки дивизии были переброшены за линию фронта на левый берег Волги, к нам прибыли представители из Ставки и потребовали отчитаться за личный состав. Но как мы могли отчитаться, когда у нас не было клочка бумаги? Мне в то время пришлось работать в штабе дивизии. Не было ни одного командира полка, батальона... Спросить было не с кого. В такой обстановке мы просуществовали до осени 1942 года, а затем погрузили нас в эшелон и направили на формирование в район Тамбова, откуда 5 декабря 1942 года вновь сформированная 33-я гвардейская выехала на Сталинградский фронт.

О многом я не пишу. Если это кого-то заинтересует, то события той трагедии постепенно могу восполнить.

28 мая 1987 г.

А. Чернявский, 18 лет, г. Минск

СТЕПЕНЬ НРАВСТВЕННОСТИ

Как могут некоторые товарищи предлагать вернуть имя городу на Волге, возродить репутацию Сталина? Неужели они не знают, что погибли сотни тысяч людей в мрачные 1937—1938 годы? Как погиб и мой прадед, реабилитированный посмертно через 20 лет, в 1957 году.

Мне кажется, что отношение к этому вопросу определяет степень нравственности человека. Пока не будет дан ясный анализ этих событий, пока не появятся конкретные факты сталинских репрессий, мы не можем назвать себя полностью честными людьми, живущими в условиях гласности. В этом проверится, действительно ли у нас демократия и перестройка, или это опять слова.

28 мая 1987 г.

С. О. Парсамов, бывший разведчик, инвалид войны, г. Саратов

«БЫЛ БЫ ЧЕЛОВЕК, А СТАТЬЯ НАЙДЕТСЯ»

Катя, жена Рихарда Зорге (я прочитал об этом в «Известиях»), московская работница, умерла 7 ноября 1943 года — ровно за год до казни японцами Рихарда [1], где-то в глухой деревушке на севере Красноярского края. Казалось бы, что делать московской пролетарке в красноярском Заполярье? Да просто она была туда банально сослана. Сослана «благодарным» Иосифом Виссарионовичем (во всяком случае, с его ведома), который, видите ли, не мог «добраться» до самого Рихарда. Как говорили в наших «органах правопорядка», был бы человек, а статья найдется.

Ленин (дословно не помню, но по смыслу так) сказал, что раб, борющийся против своего рабства, есть революционер. Раб, принимающий свое рабство как оно есть,— просто раб. Раб, слюняво воспевающий свое рабство, умиляющийся им, есть холуй, хам и достоин всяческого презрения. Знает ли об этом высказывании Ленина и об обстоятельствах смерти Кати Зорге водитель Иван Евсеевич?

Мой фронтовой опыт подтверждает Ваши слова. Я служил в войсковой разведке, и мы, естественно, не орали во время поиска: «За Сталина!» Мне часто приходилось бывать и в боевом порядке атакующей пехоты, и я ни разу не слышал, чтобы солдаты поминали Сталина, наступая или помирая. Коли кто и орал, так это командиры-авантюристы, вместо того чтобы вовремя накормить солдата и дать ему выспаться перед боем. А русский солдат в допингах такого рода не нуждался. Если командиры позаботились о нем, то он сам пойдет и сделает все, что нужно, без истерических воплей, невзирая на огонь германского оружия.

Меня и по сей день не перестает изумлять феномен Сталина, заключающийся в том, что культ этого человека породил — кроме поощрения клеветников, анонимщиков, массовых репрессий — еще и массовое распространение социального мазохизма. Сталина, позаботившегося об учреждении и чудовищном развитии «сил подавления», эти самые

[1] Рихард Зорге был казнен 7 октября 1944 года.— Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия, с. 290.

мазохисты по сей день обожают и воспевают. Эта «любовь» глубоко проникла во все слои нашей самой передовой в мире социальной формации, кроме разве прогрессивно мыслившей интеллигенции, к коей, по-видимому, принадлежали Вы и Ваш погибший друг Н. Круглов.

Иван Евсеевич своим письмом доказывает, что число этих мазохистов со временем и неизбежной сменой поколений не только не уменьшается, но растет. Они и по сей день возят на ветровых стеклах «известный усатый портрет» («Фуку» Е. Евтушенко). Если это грузовик или легковая машина, то лицом наружу, а коли рейсовый автобус, то лицом вовнутрь, чтобы пассажиры любовались. А пассажиры и в самом деле любуются! Я, едучи в один из районных центров на рейсовом автобусе, спросил у шофера: «Зачем ты его вывесил? Разве это твой личный автобус? Ты разве видел, чтобы в учреждениях висел сей портрет? А ведь автобус — это тоже учреждение, где ты в данное время работаешь». Он посмотрел на меня и говорит: «Вот ты, я вижу, инвалид. Но я сейчас высажу тебя возле вон того большого дерева, как мы только до него доедем. И ты пойдешь до ближайшей автостанции пешком. И все пассажиры, я уверен, поддержат не тебя — меня. Зачем порочишь моего Сталина?» Я оглянулся на пассажиров — их лица не выражали ничего хорошего для меня. И я — я сел на место, разведчик, четырежды орденоносец. Я струсил — ведь выкинет, сволочь, мазохист уже в третьем поколении! Выкинет и уедет, а я — при полном одобрении сидящих и молча слушавших наш диалог — пойду пешком. И никто не возмутился этой угрозой инвалиду войны.

...Если молодежь великой нации не знает в деталях истории своей страны, такая нация теряет право называться великой. Хрущев, конечно, молодец, что разоблачил Сталина, дал советским людям возможность с четверенек, на коих они, сами того не замечая, стояли при сталинском режиме, подняться на ноги. Но явившийся после Хрущева на пост Генсека Брежнев не позаботился о преемственности в деле этого разоблачения. Из-за секретности и недомолвок в деле разоблачения культа личности, отсутствия воспитания молодежи в этом духе и расцвел у нас этот проклятый «сталинский» мазохизм. У меня есть сын, ему 41 год, он историк, кандидат наук. Но он (не живя со мной) все мои изъяснения по поводу Сталина воспринимал как откровение.

28 мая 1987 г.

Е. М. Иодзевич, г. Москва

О ПРОЦЕССАХ 1937—1938 ГОДОВ

На процессе «правотроцкистского блока» (март 1938 года) многократно упоминался А. С. Енукидзе как один из главных организаторов террористических актов. Но впоследствии он был на XX съезде КПСС реабилитирован; к столетию рождения (в 1977 году) газеты посвятили ему сообщения, он был признан истинным ленинцем,— процесс, таким образом, рухнул как карточный домик. Точно так же рухнули и обвинения в адрес других подсудимых, например Карахана, обвинявшегося в распродаже территории СССР; о нем недавно вышла книга, полная лучших слов.

Большинство процессов было творчеством Андрея Януарьевича Вышинского — ветерана партии меньшевиков (в этой партии он был с 1903 года). Стенографические отчеты многих процессов публиковались без сокращений в центральных газетах. Процессы эти — преступные, и они не могли проводиться без сталинских указаний и режиссуры. Надо осветить обстоятельства «выдвижения» А. Я. Вышинского, его роль в трагической судьбе ленинской гвардии и честных беспартийных людей, работавших в различных областях науки, экономики, культуры, оценить предупреждение В. И. Ленина о бывших меньшевиках. В. И. Ленин писал: «По-моему, из меньшевиков, вступивших в партию позже начала 1918 года, надо бы оставить в партии, примерно, не более одной сотой доли, да и то проверив каждого оставляемого трижды и четырежды». И далее: «Очистить партию надо от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших «фасад», но оставшихся в душе меньшевиками» (Полн. собр. соч., т. 44, с. 123—124).

Так часто слышимые еще хвалы Сталину («при нем-то порядок был» или «суров был отец родной, но с нами без этого ничего не достигнешь» и т. п.) охотно воспринимаются людьми, плохо осведомленными о нашем прошлом, в чем есть некоторая вина и историков.

28 мая 1987 г.

М. Т. Синигин, учитель,
участник войны, награжден тремя
орденами и одиннадцатью медалями,
г. Воскресенск Московской обл.

РАССКАЗАТЬ НАРОДУ ВСЮ ПРАВДУ

К сожалению, у многих людей до сих пор все еще не выветрилась из сознания ностальгия по тем временам, когда возвеличивали Сталина. Критику культа личности они считают вредной, так как она якобы является негативной оценкой 30-х годов, «поливанием грязью» всех наших достижений того периода. Они убеждены, что Сталин ни в чем не виноват, что не он творил беззаконие и произвол, что Хрущев «оклеветал Сталина». И разубедить их в этом очень трудно. Почему?

Во-первых, потому, что культ Сталина создавался и старательно внедрялся в сознание народа десятками лет. В печати, художественных произведениях, песнях, в кино, на всевозможных собраниях и митингах — всюду громогласно утверждалось, что Сталин — личность исключительная, гениальная, корифей всех наук, наш отец родной, самый добрый и чуткий человек на всем свете, что он — наша слава боевая, что Сталин — это Ленин сегодня. Вон куда хватили!

Во-вторых, разоблачение культа личности в свое время не было доведено до конца. Народ до сих пор не знает всех ужасных подробностей, всех негативных сторон этого антиленинского, антигуманного явления. Осуждение культа личности на известном этапе было приглушено. Более того, стали появляться в печати произведения, подчеркивающие заслуги Сталина и умалчивающие о его отрицательных чертах характера и практических действиях, несовместимых с ленинскими нормами поведения. Особенно постарались в своих мемуарах некоторые военачальники. Не избежал субъективизма и полуправды и маршал Г. К. Жуков в книге «Воспоминания и размышления».

Надо, по-моему, подробно рассказать народу всю правду о том, каким Сталин был не в воображении некоторых людей, а в действительности. Гуманный лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» должен касаться и этой скорбной стороны нашей истории.

28 мая 1987 г.

П. Т. Сорокин, 73 года, г. Рязань

СОЗДАТЬ КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ

Когда в 1936—1939 годах я учился в военном училище в Ленинграде, очень часто у нас отбирали учебники по истории ВКП(б) и замазывали тушью многих (почти всех) выдающихся деятелей — Косиора, Чубаря, Крыленко, Блюхера и десятки других; выходило, что оставались только В. И. Ленин и Сталин (так как Ленина не вычеркнешь). И сейчас на работе можно услышать, да и мы, сверстники-пенсионеры, «страшно» спорим о роли Сталина, Хрущева, Брежнева в нашем обществе. И нет у нас единства, все мыслят по-разному, даже можно услышать от 20-летнего паренька: «Сейчас бы Сталина для наведения порядка!» А сам ведь он ничего не знает. А когда ему расскажешь о репрессиях и расправах над честными, преданными ленинцами и страшных годах культа личности Сталина, то ему многое становится ясно. Я считаю, что Сталин по причине своей жестокости и коварства не заслужил памятника не только золотого, но и железного.

Настало время собраться, создать коллектив научных сил: историков, экономистов, философов, журналистов, военных писателей и создать краткий, правдивый, объективный труд по истории СССР и истории партии. Недорогой, чтобы он был настольной книгой в каждой семье. И показать в этом труде и положительные, и отрицательные явления.

29 мая 1987 г.

В. Н. Мамонов, инвалид войны, ветеран труда, г. Армавир Краснодарского края

Я БЫЛ ПОД ВЯЗЬМОЙ...

Я на Западном фронте под Вязьмой попал в окружение в составе 19-й армии, а их там было пять. И видел лично: армию бросили не только генералы, но и командиры рот, батальонов и полков. И нас били, как слепых котят, мы не знали, где линия фронта, ибо это было настоящее предательство[1]. Я при выходе из окру-

[1] Тяжелейшие бои под Вязьмой — трагическая страница Великой Отечественной войны. Но предательства генералов и офицеров, о котором пишет автор письма, не было.

жения, как и многие другие, был тяжело ранен. Остался на оккупированной территории и участвовал в создании партизанских отрядов. И только через шесть месяцев был вывезен на Большую землю.

Не прав Самсонов, говоря, что притесняли тех, кто оставался на оккупированной территории. Нас, партизан, при возвращении на Большую землю встречали с почестями. Воевал я в Смоленской области, в Дорогобужском районе, можете запросить партархив Смоленского обкома. Я до сих пор ношу металл в своем теле — память о тех днях.

29 мая 1987 г.

Г. В. Матвеец, кандидат философских наук, историк по университетскому образованию, г. Москва

НЕ НАДО РАЗЖИГАТЬ СТРАСТИ

Считаю, что не надо разжигать страсти («трагические последствия культа личности»): жизнь идет, прошло уже полвека, русские люди незлопамятны, сейчас перед нами стоят новые задачи. Не нужно выжимать слезы. Не в духе это советских людей, которые не такие горести перенесли, не в духе это партии большевиков, которая должна вдохновлять людей, а не причитать по прошлым бедам. Ложность позиции всех критиков Сталина в том, что они заблуждения, ошибки, просчеты Политбюро, ЦК, партии и народа перекладывают на одну личность. А названные мною руководящие органы не видели, не понимали, не соглашались, возражали, выступали против? Предположение о том, что в случае войны опасным стратегическим направлением будет юго-западное, высказал Сталин. Никто против этой точки зрения не возразил. Чего же на одного Сталина пенять? Решение о привлечении к суду Павлова и других подписали Тимошенко, Мехлис, Ворошилов (член Политбюро), Буденный. Почему же только Сталина надо винить? Абсурд, отсутствие правильного элементарного мышления (или нарочитая спекуляция).

Это если говорить о личных действиях Сталина. А если неправильные действия были на местах, есть ли основания по каждому случаю винить Сталина? Не мог и не обязан был Сталин работать и отвечать за всех.

Цель ответа академика А. М. Самсонова — связать инертность сегодняшней нашей жизни с деятельностью и временем И. В. Сталина. Но при нем инертности и застойности не было.

29 мая 1987 г.

Ю. Карабчиевский, литератор, г. Москва

ВОПРОС О СТАЛИНЕ

Вопрос о Сталине... Актуален ли он сегодня? Или даже так: существует ли он вообще? Как внутренний, как вопрос к себе или к людям близкого круга — безусловно, нет. Можно ли вообразить российского интеллигента, который обращается к другому такому же — неважно, знакомому или только что встреченному,— с вопросом, как он относится к Сталину? Смешно, немыслимо. Здесь все давно определено и оценено, и никакие дополнения — ни документальные, ни конъюнктурно-пропагандистские — ничего, по сути, изменить не могут.

Сталин — один из самых страшных злодеев в российской, да и в мировой истории. Поиск оттенков в его поступках — безусловное право любого биографа или историка. Но когда это действие оборачивается поиском смягчающих и извиняющих обстоятельств, оно становится безнравственным и оскорбительным по отношению к миллионам жертв, погибших и выживших. Оправдания зверствам придумать нетрудно, находились охотники во все времена. Для этого надо всего лишь забыть о конкретных людях с их заурядными, частными нуждами, с их ограниченным сроком пребывания в мире. И помнить только о вечном государстве, о его, государства, интересах и амбициях. Для людей же оставить специальное слово «счастье», благо оно не означает ничего определенного. Счастье всех народов страны, всех народов Земли, счастливое детство, счастливое будущее. Тогда и Иван Четвертый, и Сталин предстанут мудрыми и прогрессивными, а все страдания, пытки и казни будут в разные периоды или оправданы, или перекрыты великими целями: единством нации, единством партии (единством как торжеством единого мнения) и счастливым будущим, которое уже тем замечательно, что не может быть ни проверено, ни опровергнуто.

Ошибки Сталина? Да, и ошибки тоже. Но место этого мирного слова в применении к такому человеку, к тем об-

стоятельствам должно быть предельно уточнено. Разумеется, Сталин ошибался, и очень много, подчас в решающих ситуациях — как руководитель, как специалист, как политик, теоретик и военный стратег. Но зато во всех своих кровавых интригах, в беспощадной и хитрой борьбе за власть, в подавлении всякого свободомыслия, в проведении террора, в разложении общества он, к несчастью, действовал почти безошибочно. Именно этой его безошибочности, его искусству растления душ мы обязаны тем, что еще и сегодня, через треть столетия после XX съезда, вопрос о Сталине существует, и актуален. Отношение к Сталину, степень его отрицания и сегодня во многом определяют атмосферу в обществе и показывают если не уровень демократии, то уж точно уровень перспектив на нее.

И все же вопрос этот шире и гораздо важнее оценки одной лишь названной личности. «Решительно искоренив последствия культа личности Сталина, выработав надежные гарантии от повторения ошибок подобного характера...»[1] Забавно сейчас читать эти строки, напечатанные в 1979 году к 100-летию Сталина в центральной газете, в самый разгар другого культа... Ведь даже Н. С. Хрущев, разоблачивший Сталина и вернувший в обиход само понятие культа, был окружен почти таким же славословием и такой же лестью. Но Н. С. Хрущев при всех своих недостатках и даже пороках был все же действительно выдающимся деятелем, живым, неожиданным и просто отважным.

Но как объяснить и чем оправдать возвышение Л. И. Брежнева?

То ли с тяжелой руки Иосифа Сталина, то ли по другим каким-то причинам, но из 70 послереволюционных лет по крайней мере 40 пришлось на разного рода культы. Можно ли игнорировать этот факт, можно ли не счесть его закономерностью? Культ человека, занимавшего определенное место, стал, в сущности, культом самого места, независимо от того, кто его занимает. Сейчас много говорят и пишут о том, что в 20—30-е годы, то есть в годы триумфального возвышения Сталина, возобладали командно-административные методы. Но ведь ясно, что методы — только следствие, что дело в самой структуре власти, также созданной в те годы и оставшейся с тех пор в основном неизменной. Эта структура была сформирована специально для командно-административных методов, они ей свойственны от природы — как же можно ждать от нее чего-то другого?

[1] Правда, 1979, 21 декабря.

И, конечно, публичный разговор о Сталине, расширяющий круг осведомленных, актуален и важен, но хотелось бы, чтоб он был только началом разговора о власти и демократии. Руководители могут быть людьми разными, могут так или иначе влиять на обстановку в стране. Но все основные человеческие ценности — все великие ценности — не должны зависеть от их личных качеств, от их настроя и их желания. И гарантии такой независимости нужны правовые, а не только клятвы и заверения. Настоящая свобода — такая свобода, которая не боится, что ее отменят. А подлинная демократия — такая демократия, которая строго-настрого, законодательным образом, исключает чье-либо право отменять свободу.

Я думаю, что именно в этом, а не в свойствах личности Сталина состоит для нас главный и страшный урок сталинизма.

29 мая 1987 г.

Н. И. Васильев, участник войны, член КПСС, г. Заволжье Горьковской обл.

О ВОЕННОПЛЕННЫХ

«Слава богу!» Я — атеист, коммунист, участник Великой Отечественной войны — произнес эти слова, прочитав Вашу статью, и это было как крик из подземелья! Бравада, героика войны, «катюши» и танки, подводные лодки и самолеты — все отступает перед человеческими страданиями войны. Да, маршалы выиграли войну, победили за счет 20 миллионов погибших. Но что это за «гениальность» полководцев, если на одного убитого немца приходится семеро убитых русских, поляков, чехов и других? А плен? Вы и до сих пор детским шепотом говорите о многих миллионах лучших сынов, брошенных на съедение чудовищу-фашизму. Почему эти люди были брошены Сталиным? Все страны через «Красный Крест» имели связь со своими пленными, и только сталинская рука отвергла эту связь. Если фашисты допускали «Красный Крест» в лагеря, то почему коммунист Сталин отверг даже эту малость связи с военнопленными? Жестокость в квадрате — вот его линия. Страна больше потеряла от его правления, чем приобрела.

А знаете ли Вы, сколько безвинных честных людей — пленных — по наивности оказались потом власовцами?

У немцев была четко отработанная система вербовки к власовцам, основанная на том, что советские военнопленные были брошены властью СССР. Они содержались на пределе физического и нравственного уничтожения. Утром умерших снимали с двух-трех ярусов сплошных нар, у многих уже были обгрызаны крысами уши, носы, пальцы. Военнопленные, как муравьи, несли умерших, везли на тачках, закапывали — и все видели, что это, может быть, их завтрашний день... Кто помог этим людям? Не помогли ни крошкой хлеба, ни картофелиной, ни рукавичкой, ни весточкой с Родины.

В лагеря военнопленных французов, англичан, бельгийцев присылались машины с красным крестом. Когда шли русские военнопленные, они кидали им хлеб, папиросы и т. д. Немцы стреляли в русских и не стреляли в западных граждан, так как русские были брошены и прокляты. Не имея связи с домом, опухшие от голода, раненые, больные, раздавленные всей машиной войны и разлукой с Родиной, они не всегда разгадывали цели спецработ, спецкоманд и их агентов, которые вербовали якобы вовсе не в РОА («Российскую освободительную армию» Власова), а просто на работы, где будут лучше кормить и вместо деревянных колодок дадут башмаки, а может быть, и нары — не сплошные, а для двух человек.

Записавшись в команду на спецработы, шли к хозяину. Военнопленный поправлялся, наедался, переставал пухнуть от голода и работал, и уже надеялся жить. Через некоторое время их стали освобождать от конвоя, если сменят форму военнопленных на форму РОА. И тут же агенты говорили: «Бери форму. Может, перебежишь к своим». Тем, кто не брал форму, грозили и отправляли обратно в лагерь, где была вонь, вши, грязь и смерть. Под нажимом и в надежде перебежать к своим многие надевали форму РОА. Они еще не стреляли, они еще не знали, куда поведет эта дорога! Такие команды кормили, одевали, водили на спецработы, заставляли мыться и бриться, и маршировать. Через два-три месяца их выстраивали и предлагали вступить в РОА. Кто отказывался — расстреливали перед строем. И опять была мысль: будучи в РОА, перебежать к своим.

Но немцы не дураки и ставили власовцев туда, где они сначала «обстреливались» под прикрытием немцев. А когда уже власовцы были в боях, у них оставалась одна веревочка. Это уже были полные предатели, жестокие враги, загнанные звери.

Вот судьба миллионов, о которых нет вестей. Мужество

и стойкость одних, поверженность и крах иных — все было смешано Сталиным в единое понятие: «пленный — враг». И если бы он был мудр, он бы знал и понимал, что миллионы людей в плену — это защитники Родины и честнейшие люди. А изменников всегда хватало, и всегда они будут — и в войну, и в мирное время.

Я думаю, что еще будет эта тема по достоинству раскрыта. И никакой тут «туманной деликатности» нет. Были предатели, были слабые, были обманутые и завлеченные, были затравленные, были преступники. Но большая часть военнопленных — это тоже наше мужество и богатство. Они были надеждой и опорой остальных. Они страдали из-за неразумной политики вождя, из-за тех «полководцев», чьи имена — бравада побед.

Спасибо Вам за каплю света. Вы, наверное, не решаетесь на большее. Ну что ж, время придет — другие об этом напишут.

29 мая 1987 г.

Виктор Харченко, литератор,
40 лет, пос. Редкино
Калининской обл.

ОНИ УЖЕ ВСЕ СКАЗАЛИ

Мне было пять лет, когда умер Сталин. Помню черный тарелочный репродуктор на столбе, траурную музыку, голос Левитана над улочкой сахалинского городка Макарова. Светило скупое приморское солнце, и — странно — этот репродуктор казался мне отражением солнца, черным отражением, прибитым к столбу. Мне казалось, сам мертвый Сталин воплотился в этот репродуктор. Я тогда не знал, что Сталина при жизни сравнивали с солнцем. Это было в духе тогдашней поэзии. Я же увидел черное отражение. И до сих пор при имени Сталина вижу этот столб и черный блин репродуктора.

Уже лет в тринадцать я «познакомился» с лагерной жизнью. Я рыбачил на нашей речке Побединке, ловил усачей и мальму, а рядом с речкой стоял лагерь, жилая зона. Лагерь был заброшенный. Друзья-мальчишки решили, что это подарок, оставленный взрослыми, и позвали меня обследовать владения... Высоченный забор мы преодолели, карабкаясь друг на друга, обрывая одежонку о колючую проволоку. Черно и неприютно глянул на нас лагерь. В нем еще стоял запах тысяч мужских тел. Этот запах не мог вы-

полоскать ветер, не могли высушить солнечные лучи. Какое-то непонятное волнение чувствовали мы, прыгая по нарам, обследуя закоулки бараков. Огороженный высоким забором и проволокой, лагерь был черной дырой посредине зеленого мира с речкой, с усачами и радужной мальмой.

Обитателей лагеря мы знали. Они строили железнодорожную ветку Победино — Онор. Приезжали в Победино с праздничными концертами. Выглядели обычно — нормальные мужики, только под охраной с овчарками. Помню моложавенького усатого дядечку-зэка, что разоблачал Черчилля на поселковой клубной сцене: «У него костюм в полоску, и вообще он парень в доску! Где они такого подчепили!»

Неуважения к зэкам, страха перед ними мы не испытывали. Была жалость, внушенная нашими родителями, которые понимали, что сидели многие зазря. Да и мало отличались зэки от наших отцов и старших братьев, шедших по указу о «колосках» в гиблые сталинские лагеря.

Моя жизнь была в общем-то благополучна. Я жил среди народа, который знал правду. Но и «сталинистов» продолжал встречать. Женился — и со стороны жены у меня появилась родственница. Убеждения у нее были четкие: Сталин выиграл войну, любил народ, снижал цены, жили при нем хорошо. А между тем отец этой родственницы, генерал, был репрессирован при Сталине... Учась в школе, она носила отцу передачи. Но что интересно — не могла вспомнить поселка, в котором стояла тюрьма.

— Где-то на Востоке... Не помню...

И меня поражала ее забывчивость, инфантилизм, непростительный в зрелые годы.

— Есенина мы не читали, он был запрещен. Мы и не читали...

— Но как можно жить без Есенина? — удивлялся я.

— А Сталина мы уважали и боялись. Даже папенька его уважал.

— Сталин же людей уничтожал!

— А людей надо уничтожать — отрезала моя родственница. Это она уже обдумала.

Так стоит ли спорить с этими людьми? Да и всерьез их нельзя воспринимать. Потому что программа и «сталинистов», и «неосталинистов» одна: людей надо уничтожать!

Их никогда не интересовала жизнь нашего многострадального народа, его история, культура, будущее. «Сталинисты» существуют по каким-то своим, нечеловеческим за-

конам. Даже в демократическом обществе я бы не давал им слова. Они уже все сказали.

29 мая 1987 г.

К. М. Соломкин, капитан запаса, г. Волгоград

ПОЧЕМУ МЫ ОТСТУПАЛИ

Ваше убеждение — «летнее отступление 1942 года не было неизбежным» — нас не убеждает. Будучи участником того самого отступления из-под Харькова к Сталинграду, сообщу Вам уже не по секрету — у нас на роту была одна винтовка и несколько гранат. Аналогично было и в других частях стрелковых дивизий. Имеющиеся танки оказались без горючего и боеприпасов. Артиллерия — то же самое. В то время наши военные заводы перебазировались на Урал и в Сибирь и не могли в полной мере обеспечить армию всеми видами вооружения. Промышленность стала обеспечивать армию вооружением только к концу 1942 года, то есть к началу контрнаступления под Сталинградом.

29 мая 1987 г.

С. Попов, г. Ереван

О ПОЗИЦИИ ВОРОШИЛОВА И БУДЕННОГО

Все репрессированные военачальники работали под непосредственным руководством маршала К. Е. Ворошилова. Почему же тогда ни Ворошилов, ни Буденный, будучи в очень близких отношениях с И. В. Сталиным и пользуясь его благосклонностью, не вышли с ходатайством и не доказали ему, что репрессированных оклеветали и что они не враги? Ведь Г. К. Жуков заступился за К. К. Рокоссовского, главный конструктор А. С. Яковлев заступился за своего друга-корреспондента. И многие, убежденные в несправедливом, чудовищном обвинении близких им людей, заступались за них и порой не давали совершиться несправедливости.

Наконец, Генеральный прокурор СССР Вышинский лично вел все процессы над высшими военачальниками и выно-

сил приговоры (часто смертные). Он умер и был похоронен с почестями уже тогда, когда наш монолитный народ был разделен на «сталинистов» и «антисталинистов». Почему тогда о Вышинском не было сказано ни одного слова?

29 мая 1987 г.

А. Немировский, поэт, 25 лет,
г. Москва

ПИСЬМА ДЕДА

...Этой чашкой я не пользуюсь никогда. Сценки из светской жизни написаны на ней мастером. Вот юноша целует девушке руку, почтительно склонившись, держа в своей руке снятую шляпу. А вот девушка собирает букет цветов, не нагибаясь, а приседая за каждым цветком кокетливо и изящно, так, что слышен шелест ее платья.

На дне чашки с обратной стороны под двуглавым орлом — печать. В овале всадник на коне, с отставленной в сторону рукой. По овалу надпись: «Фабрика Гарднеръ». Но не это удерживает меня от жадного глотания кофейной пенки через край. Не это, а трещина, прошедшая через всю стенку и умершая на дне. Желтый след на чисто-белом фоне обнаженной внутренности. Рок, не обошедший в то время никого и ничего.

Смерть шла вслед этой посылке. Эхо сорок пятого года звенело вдогон адресу «Кенигсберг — Москва». Только такой необыкновенный человек, как мой двоюродный дед, мог послать из только что взятого, еще дымного города такую посылку. Непонятно, как она вообще дошла. Кофейный сервиз знаменитой русской фабрики возвращался на Родину. Чудо, что дошла хотя бы одна чашка. Чудо!

Здесь мои воспоминания переходят уже непосредственно к нему самому — к моему двоюродному деду, военному врачу, удивительному человеку, прошедшему через всю войну и пронесшему сквозь нее свою человечность. Чашка — это финал его военных дневников. Вещественный аккорд его бытия. Его победы. Его пути в дом. Начало — это маленькая первая страничка записной книжки, такой тонкой, что непонятно, как в ней вместилось все бывшее, все, что просто озаглавлено по картону обложки синими чернилами: «Война 1941—1945». Непонятно потому, что письма его с фронта, бережно сохраненные случайные листки бумаги,

так переполнены событиями и фактами, что кажутся тяжелыми и неподъемными гирями, давящими руку мою. Тяжесть эта и есть тот вес, который противостоит тоннам всех роскошно изданных учебников истории.

Запись в дневнике: «Клязьма, 4 ноября. Отправил заказное письмо Ф.». «Ф» — это моя бабушка Фира. Она получила это письмо, которое по недосмотру миновало цензуру. Впрочем, в ноябре сорок первого цензоры были заняты другими делами. Письмо сохранилось. Вот некоторые картинки, которые я оставил намеренно так, как они написаны, торопливо и компактно:

«В 12 ч. ночи приехали в Вязьму. Здесь был в это время налет и шла оглушительная стрельба. Немецкий аэроплан, словно серебряный голубь в лучах прожектора, а вокруг звездочки разрывов — очень было феерично... К вечеру сзади большой пожар — горит Вязьма. Ночью 6 октября мы опять уехали. По дороге большое движение. Часто пробки. Все едут к Москве. Луна из-за туч все освещает фосфорическим светом. По обочинам бредут одиночные фигуры в касках и плащах, понурые и сумрачные. Вдруг появляется немецкий аэроплан. Он летит совсем низко над дорогой и поливает всех из пулемета, а иногда бросает бомбы. Все кидаются врассыпную. Это повторяется 4 раза за ночь. Справа догорает деревня, зажженная немецким аэропланом. Сзади и слева — большое зарево... Отдельные люди еще долго выбирались из окружения и пробирались в Москву. Я думаю, что немцы окружили не менее 400—500 тысяч человек. Против немцев стояли дивизии народного ополчения из стариков и калек, к тому же неважно вооруженных, поэтому все и рассыпалось при первом натиске.

Сейчас положение несколько окрепло. Наступление остановлено. Но общее положение неважное. Окажет ли Москва достаточное сопротивление? Думаю, что да. Но 16-го там была невероятная паника. Распустили слух, что через 2 дня немец будет в Москве. «Ответственные» захватили свое имущество, казенные деньги и машины и смылись из Москвы. Многие фабрики остались без руководства и без денег. Часть этих сволочей перехватали и расстреляли, но, несомненно, многие улизнут. По дороге мы видели несколько машин. Легковых, до отказа набитых всякими домашними вещами. Мне очень хочется знать, какой вывод из всего этого сделает наше правительство».

Мне больно, когда я читаю эти письма моего деда — Казакова Александра Марковича. Больно потому, что запах времени ударяет в меня, кружит голову, и я уже плохо

различаю современные небоскребы и смех друзей. Я вижу слякоть и снег. Грязь сорок первого. Человеческую низость и подлость, и отчаянный героизм тех, чьи имена ничего не говорят историкам, тех, кому в сорок первом было нечего терять, кроме своих великих человеческих принципов.

30 мая 1987 г.

П. С. Брызгалов,
член КПСС с 1927 года,
ветеран войны и труда, г. Москва

ДВА ПИСЬМА

1

Александр Михайлович, здравствуйте! Я с Вами полностью согласен в оценке роли И. Сталина в Великой Отечественной войне. Перед войной я командовал ротой ПВО. За четыре дня до начала войны все дивизии, дислоцируемые в Литве, были выведены на учения к границам Восточной Пруссии. Перед этим было приказано сдать на склад все боеприпасы, оставив только по 10 патронов на винтовку, по 12 снарядов на пушку. Я был на стрельбах с ротой, патроны к пулеметам ДШК не успел сдать и за это от командира полка получил за два дня до войны строгий выговор. Началась война. Наша 84-я стрелковая дивизия, как и другие дивизии, находившиеся в Прибалтике, оказалась в окружении без боеприпасов. Это было ужасно! Пушки, винтовки, пулеметы с нами, а стрелять нечем. Только у меня было 2500 патронов, за которые получил тот самый выговор. Связь дивизии с соседями, со штабом округа была потеряна. Реку Вилию форсировали, кто как мог, бросая оружие (боеприпасов не было), машины (горючего не было).

Роковую роль во всех этих делах сыграло сообщение ТАСС, опубликованное за восемь дней до войны. Мне запомнились слова из этого сообщения: «Ходят слухи, что Германия якобы хочет напасть на Советский Союз. Это провокационные, ни на чем не основанные слухи. Германия пунктуально выполняет договор о ненападении, как и Советский Союз». Вот почему нас и вывели на учения с оружием, но без боеприпасов.

С первого дня войны началась трагедия Северо-Западного направления. Я вышел из окружения только в июле, в районе Торопца, приведя с собой 38 солдат, но не своей

роты. Из нашей дивизии вышло из окружения не более 500 человек. 1 сентября нас, окруженцев, после проверки Кро-Смерш направили в район Старой Руссы, где зимой дивизия начала боевые действия — без танков, артиллерии, авиации.

Вспоминается наступление одной сибирской стрелковой дивизии на участке обороны нашего полка в феврале 1942 года. Это было не наступление, а истребление измученных длительным маршем солдат и командиров. К 12 часам дня от дивизии осталось около 500 человек. Помню хорошо, как командир дивизии, после того как ему сверху позвонили и сказали, что если он не возьмет Старую Руссу, то будет расстрелян, попрощался со мной (я тогда временно командовал полком) и пошел в бой. Комиссара вскоре провезли мимо КП тяжело раненным, а о судьбе командира я ничего не мог узнать. Артиллерия подошла к месту боя, когда дивизия перестала существовать. Вводили ее в бой полками, поочередно, в одном направлении. Глупее и хуже этого вряд ли можно было придумать. Горы трупов — результат этого наступления. И гнали солдат в бой без артиллерии, авиации и танков, без тщательной подготовки — по приказу Сталина, который вину за все поражения свалил на других. И я, как и многие другие, рад, что пришло время, когда об этом открыто можно сказать.

2

Дорогой Иван Евсеевич, здравствуйте!.. Вы возносите Сталина только потому, что не знаете его жизни, его работы, его чересчур больших ошибок, упущений и даже зла, которые он допускал, будучи Генсеком и Председателем Совета Министров. Вы утверждаете, что Сталин не виноват, что был создан культ личности. Виноват, и даже очень, дорогой тов. Карасев! К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин терпеть не могли, когда их начинали славить, возносить, и пресекали это немедленно. А Сталин? Почитайте газеты 1936—1940 годов, 1945—1950 годов и посмотрите, как его величают. Даже в гимн включили его имя, и он не пресек эту хвальбу, преклонение перед собой. Он перестал считаться с партией, с народом, стал себя считать непогрешимым. Если кто осмеливался покритиковать его высказывания — немедленно арест и расправа. Советский народ сейчас памятники ставит им (Тухачевскому, Блюхеру и др.). Поинтересуйтесь, почему мы войну начали без танков Т-34 и «катюш», которые были

опробованы в августе 1939 года, то есть задолго до войны. В общем, когда Вы, Иван Евсеевич, разберетесь хорошенько во всем, Вы, по-моему, не будете ставить золотой памятник Сталину. Рекомендую Вам почитать военные мемуары адмирала Кузнецова «На службе военной»[1] и стенографический отчет XXII съезда КПСС (т. 1—3).

30 мая 1987 г.

А. А. Зинковщук, пенсионер,
г. Копейск Челябинской обл.

ЗА ТО, ЧТО ВОСХВАЛЯЛ ТУХАЧЕВСКОГО

Я отбывал срок по вымышленному обвинению. Оставалось шесть месяцев до конца срока, и мне снова предъявили обвинение. Обратите внимание на приговор: «Находясь в местах заключения, продолжал контрреволюционную деятельность. Восхвалял врагов народа Якира, Тухачевского, Блюхера, тем самым обвинял советское правосудие». Еще 10 лет со строгой изоляцией! Хотя я был впоследствии реабилитирован за отсутствием состава преступления, а эти 17 лет, которые я провел в тайге, засчитали мне в трудовой стаж. Но 20 лет молодости не вернешь ни за какие миллионы. А сколько таких было? Статистика этого не обнародует. Слишком много мусора нужно вымести из нашего необъятного дома.

Мои три брата воевали в гражданскую, а третий провоевал и Отечественную. Все они воевали за Родину, а не за одного человека.

Работники печати не пропускали в печать наших писем, в которых было написано об этом. Приведу один случай. Редакция газеты «Челябинский рабочий» вот что мне ответила (привожу дословно): «Поздравляем Вас с возвращением в семью трудящихся. А к прошлому не надо возвращаться. Партия и правительство не допустят повторения прошлого». Ну и всякие пожелания. А «Правда» и «Комсомольская правда» вообще ничего не ответили на мои письма. А ведь это противоречит нашей Конституции, провозгласившей право на печать. Ну ладно, я простой труженик, и мне еще повезло — я жив!

31 мая 1987 г.

[1] Автором допущена неточность: мемуары адмирала Н. Г. Кузнецова называются «Накануне».

В. А. Яковлев,
ветеран войны
и труда, г. Душанбе

КТО НАСТАИВАЛ НА ЯВКЕ ЛЕНИНА В СУД?

Когда я в свое время изучал историю партии, то в учебнике было записано, что благодаря твердой позиции И. Сталина ЦК партии принял решение — не являться В. И. Ленину на суд Временного правительства. Но в книге Григория Бакланова «Военные повести» (Советский писатель, 1967) [1] сказано об этом совсем по-другому: именно И. Сталин настаивал на явке В. И. Ленина в суд, а этому воспрепятствовал старый большевик по фамилии, кажется, Климов (я читал книгу давно и уже точно не помню). Так вот, И. Сталин уничтожил этого большевика-ленинца, а его исторические заслуги присвоил себе.

А то, что мы, фронтовики, идя в бой, возглашали: «За Родину, за Сталина!» — так мы тогда все его боготворили и совершенно не ведали о его черных делах. Если бы мы знали обо всем, разве бы повернулся язык, идя на гибель, кричать: «За Сталина!»

31 мая 1987 г.

Олег Алексеев, поэт,
член Союза писателей СССР,
52 года,
г. Москва

СУДЬБА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Мне хочется поговорить о судьбе моей Псковской области. Война в наших местах бушевала долго, как нигде. Бои начались в первых числах июля 1941 года, а закончились лишь в конце июля 1944-го, когда были освобождены западные районы. Борясь с партизанами, фашисты не останавливались ни перед чем. Война была глубоко народной: люди всячески помогали партизанам — спасали раненых, давали продовольствие и фураж,

[1] Автор письма допустил неточность и, видимо, имел в виду повесть Э. Казакевича «Синяя тетрадь».

снабжали одеждой; действовали настоящие подпольные мастерские по изготовлению валенок и полушубков для народных мстителей.

С самого начала акции карателей носили самый ожесточенный характер. Районы партизанского движения были выжжены дотла; жители множества деревень расстреляны от мала до велика. Рядом с нашей деревней в огне погибли жители в Севе и Наволоке. Враги так же жестоко расправились и с деревней Гусино, где погибла семья наших родственников; дядю моего Алексея Алексеева, раненого партизана, каратели повесили перед домом, в котором заживо сгорели его отец, мать и сестра.

В области проделана огромнейшая работа по установлению имен погибших. Погибло 449 тысяч человек, 182 тысячи человек были угнаны в неметчину.

Говоря о Сталине, мои земляки помнят, что их подвиг был оценен: Псков получил помощь для восстановления, Псковский округ получил статус области. Однако встать на ноги оказалось не так-то просто. Уничтожены были тысячи предприятий и хозяйств, не удалось восстановить железную дорогу, что, пересекая наши места, шла из Ленинграда в Полоцк. И грозное, страшное эхо войны. Область, в сущности, была огромным минным полем, гибли люди. Особенно часто погибали мальчишки. Я сам подорвался на гранате от немецкого винтовочного гранатомета, но выжил. Погибли пятеро самых близких моих друзей-сверстников. У хирурга Федосина, что спасал меня в Островской больнице, подорвался на противопехотной мине сын-шестиклассник; вместе с ним погибло еще несколько человек. Видимо, уже после войны оказалось убитыми не меньше 20 тысяч людей.

Не обошли наш край и иные беды: исчезло множество деревень, иные совсем обезлюдели. Но вновь псковичам пришли на помощь, на этот раз — народ братской Белоруссии.

Я часто бываю на родине, месяцами живу там и работаю. На центральной усадьбе совхоза «Дружба» живут мои мать и брат с двумя дочерьми. Жили в соседней области, в райцентре, но, узнав о добрых переменах, вернулись в родные места.

Поблизости, на красивом взгорье, рядом с лесом, строится современный животноводческий комплекс на 10 тысяч голов. Шефы — комсомольцы Белоруссии — стараются изо всех сил. Один за другим рядом с Малой Губой, где живут мои близкие, поднимаются дома будущего поселка жи-

вотноводов. В нем будет жить более полутора тысяч человек.

В Островском районе на полную мощь работает племптицесовхоз «Остров» — одно из лучших хозяйств отрасли на северо-западе. Через два года должен вступить в строй и комплекс в «Дружбе», и тогда район наберет еще большее ускорение. Не хуже идут дела и в соседних районах, особенно в Пыталовском, что ныне стал известен всей стране.

Но очень волнует меня судьба малых, неполных, ослабленных войной и невзгодами псковских семей. Многим из них не под силу семейный подряд. Мне кажется, что надо как-то помочь этим семьям!

Да, нам трудно. Но перемены, принесенные перестройкой, обещают расцвет древней псковской земле, где в войну погиб каждый третий, а в местах интенсивного партизанского движения — каждый второй.

Мой отец был партизанским связным. В 1943 году его арестовали, подвергли пыткам в тюрьме гестапо, в Острове. За недоказанностью подозрений был выселен в Пушкинские Горы, где примкнул к подполью. В книге А. Малиновского «Подпольщики Пушкинских Гор» об отце говорится как о смелом подпольщике-разведчике.

Отец первым сумел узнать о предстоящем строительстве оборонительной линии «Пантера», и подпольщики сообщили об этом партизанам. После войны отец не решился хлопотать о нужных документах, хотя и ждал награды долгие годы.

За год до своей гибели отец подробно рассказал мне о своих боевых делах; его рассказ совпадает с тем, что написал А. Малиновский.

Часто заходит речь о партизанских архивах. Архивы эти неполны. Известно, например, что после прямого попадания снаряда в штаб Первого отдельного полка ЛШПД[1] погибли многие важные документы. На моих глазах был добит прикладами раненый партизанский политработник из отряда «Грозный», и каратели сняли с него сумку с документами. Часто документы уничтожались — лишь бы не попали в руки врагу. Кроме того, уцелевшие документы часто неточны, нередко завышались цифры вражеских потерь, что позволяет усомниться и в других данных.

После известного «ленинградского дела» долгое время о ленинградских партизанах (псковская земля до 1944 года

[1] Ленинградский штаб партизанского движения.

территориально входила в состав Ленинградской области) даже и речи не было. Я был одним из первых, кто осмелился написать о подвиге земляков в начале 60-х годов. Войну я видел глазами мальчика, а пик человеческой памяти как раз падает на детские годы; запомнилось очень многое. Тем не менее часто написанное мной подвергается сомнению: что я, мол, понимал?..

В наши дни участников войны, особенно партизанского движения, осталось очень мало. Я уже предлагал создать небольшие музеи-читальни при деревенских школах, поручить школьникам провести запись рассказов ветеранов и свидетелей грозных событий военного времени, собрать хотя бы те документы, что уцелели,— дневники, письма, фотографии. Областная молодежная газета готовила уже материал по моим предложениям, но он не был опубликован.

Крайне мало до сих пор сказано о подвиге самых юных помощников партизан. В ТАСС хранятся снимки юных героев, сделанные на территории нашего партизанского края в 1943—1944 годах военными фотокорреспондентами; записаны фамилии и имена юных участников войны, кратко сказано об их боевых делах. А ведь эти мальчишки войны, ныне взрослые люди, достойны и внимания и наград!

В наши дни к знамени Псковской области был прикреплен орден Ленина, заслуженный как трудовыми, так и боевыми делами. Но ведь это — общая награда. По чьей-то подозрительности, по чьей-то злой воле тысячи и тысячи моих земляков не получили заслуженных ими почестей, мало того, не раз и не два писали в анкетах: «...проживал(а) на временно захваченной врагом территории». А ведь можно было написать и правду: «Боролся с врагом на территории партизанского края!»

Сталинская эпоха, при всех наших бесчисленных успехах и достижениях, породила наивную веру в «добрую» ложь, в ложь во имя правды. Привычка ко лжи, к безудержному хвастовству, к лицемерию и ханжеству — страшное наследие ушедшего времени. Мы должны научиться говорить и писать правду, мы должны искать ее, восстанавливать, нести людям. Люди хотят знать правду об ушедшей войне.

31 мая 1987 г.

И. Г. Старинов,
бывший заместитель начальника
Украинского штаба
партизанского движения,
член КПСС с 1924 года, полковник
в отставке, профессор, г. Москва

О «РЕЛЬСОВОЙ ВОЙНЕ»

9 мая, как всегда, состоялась встреча партизан. Был большой разговор и о книге П. К. Пономаренко[1]. Все сошлись на том, что, несмотря на ряд восторженных возгласов автора о Сталине, в книге явно видны сталинские просчеты и, главное, он не прислушался к предложениям Пантелеймона Кондратьевича, которые им были высказаны в его записке «К вопросу о постановке диверсионной работы» (с. 72). Надо было только обеспечить партизан нужными средствами. Получилось, что Сталин одобрил операцию «Рельсовая война», а материально она не была обеспечена. Пришлось партизанам подрывать рельсы за счет снижения количества крушений поездов. Так, белорусские партизаны в августе 1943 года подорвали только 467 поездов. В дальнейшем стали опять больше подрывать поездов, но уже в шесть раз сократили подрыв рельсов.

Сталин нанес значительно бо́льшие удары по советским партизанам, чем в 1937—1938 годах, да и в ходе войны по Красной Армии. Из-за его некомпетентных установок советские партизаны в первый год войны понесли огромные, неоправданные потери. Была снижена эффективность действий партизанских сил.

Обратимся к фактам.

Уже к началу 30-х годов в нашей стране была проделана огромная работа по подготовке к партизанской войне на случай вражеской агрессии. В этой работе мне довелось участвовать в 1929—1933 годах. К началу 1930 года в Ленинградском, Белорусском и Украинском военных округах было все подготовлено к тому, чтобы в случае нападения на нашу Родину начать по тщательно разработанному плану крупные операции партизанских сил с целью отрезать вражеские армии от источников их снабжения. Были хорошо подготовлены партизанские формирования. К западу от укрепленных районов созданы скрытые партизанские базы с большими запасами средств борьбы в тайниках. Все это было почти полностью ликвидировано в 1937—1939 го-

[1] *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941—1944. М., 1986.

дах. Из тысяч хорошо подготовленных партизанских командиров и специалистов уцелели по счастливой случайности единицы.

Вопросами подготовки к партизанской войне в тылу агрессора непосредственно и весьма плодотворно занимались Берзин, Уборевич, Якир, Примаков, Блюхер.

В речи 3 июля 1941 года Сталин призвал советских людей к партизанской войне в тылу и дал такие установки, которые привели к тому, что партизаны — эти замечательные, мужественные советские патриоты — гибли в тылу врага, как мотыльки над кострами. Это было следствием массовой бесплановой переброски на оккупированную территорию почти вовсе не подготовленных, слабо вооруженных партизанских отрядов и диверсионных групп даже без средств радиосвязи. Были предложения перейти к организованной партизанской войне в тылу врага. Эти предложения доходили до Сталина, но он им не внял. И вот результаты. В первый год войны на оккупированную территорию Украины было переброшено около 3500 партизанских отрядов и диверсионных групп. К июню 1942 года Украинский штаб партизанского движения знал о наличии 22 действующих отрядов. В Белоруссии к 1 января 1942 года из переброшенных 437 партизанских отрядов осталось не более 25.

Сталин хотел создать в августе 1941 года управление по руководству партизанским движением, но не создал. Создал управление по формированию партизанских отрядов, но в декабре 1941 года его расформировал. Хотел зимой 1941 года создать центральный штаб партизанского движения и опять раздумал. Центральный штаб был создан только 30 мая 1942 года, а 7 марта 1943 года расформирован. Но в мае 1943 года он был восстановлен и окончательно ликвидирован 13 января 1944 года, когда партизанская борьба еще активно велась в западных областях Украины, в Белоруссии и Прибалтике.

Не лучше дело обстояло с директивами. 3 июля он призвал партизан к поджогу лесов. К счастью, партизаны это указание не выполняли, так как без лесов не могли бы существовать. В ходе войны партизаны испытывали толовый голод, а тысячи тонн бомб с большими потерями для нашей авиации сбрасывались на железные дороги в тылу врага, которые, как показал опыт, партизаны могли выводить из строя в сотни раз меньшим количеством взрывчатки.

31 мая 1987 г.

Л. И. Казьмин,
г. Шахты
Ростовской обл.

А ЧЕМ ПЛОХ КУЛЬТ?

Говорят про культ личности Сталина. А чем же плохо, если нация имеет надежного вождя, ведущего народ за собою к новым реальным свершениям?! Это нужно только приветствовать, а не осуждать.

Если уже в 1937 году у нас был социализм, то как назвать ныне существующий у нас общественный строй? Ответить на этот вопрос непросто: ведь нарушен главный принцип социализма — «каждому по труду». Именно поэтому у нас сосуществуют, к примеру, инженер и врач, которые еле сводят концы с концами, и тут же, рядом, продавец или парикмахерша, которые шикуют по курортам и заграницам.

31 мая 1987 г.

И. Н. Ласточкин,
участник обороны Кавказа,
ветеран труда, партии
и комсомола, 68 лет,
пос. Советский Марийской АССР

ОТВЕТ АКАДЕМИКУ А. М. САМСОНОВУ

Уважаемый Александр Михайлович! Что же у нас происходит на 70-м году революции в стране социализма? То, что коммунисты и комсомольцы, все бойцы в великой войне шли в атаку с криком «За Родину, за Сталина!», по Вашему рассуждению, неправда, приписка, фикция, раздутая газетами, листовками на фронтах; поэт Е. Евтушенко заявляет, что в 30-е годы в церквах устраивали коровники, что сейчас поэт Д. Бедный теряет свое прежнее значение; возмущается, почему не издают Библию — «высшее достижение мировой культуры», говорит, что священники нравственнее коммунистов; академик Д. С. Лихачев, считающий себя «патриархом» социалистической культуры, ратует за то, чтобы издать произведения Мережковского и Гиппиус — ярых противников революции и Советской власти; молодежь играет не только в ВИА,

но идет дальше — теперь ей нужен хэви рок-металл; а буржуазные националисты, взращенные своим шефом Кунаевым и его подручными, устраивают в Алма-Ате дебош.

Ваша беседа с корреспондентом «Социалистической индустрии» Эдмундом Иодковским сильно обеспокоила нас, ветеранов: после нее у нас ровно руки и ноги отнялись. Вы и некоторые другие известные деятели литературы и науки в лице Д. Лихачева, Г. Бакланова, Е. Евтушенко имеете вполне определенную цель: при помощи давно известных фактов доказать, что при Сталине жизни не было, а теперь, дескать, при полной демократии и широкой гласности наступил рай для всех граждан. Как при нэпе, вылезли из своих уютных и тихих кабинетов деятели литературы и искусства, философы и историки со своими произведениями, чтобы любыми средствами, формами и методами осквернить, охаять не Гитлера, не троцкистов и других ярых врагов, а именно Сталина!..

Сказать правду, ни одна экономическая формация, ни один строй, ни одно государство не обходилось без культа личности: Македонский, Бисмарк, Наполеон, Гитлер, Рузвельт, Черчилль, Рейган, Тэтчер, Асад, Каддафи и многие другие — их не счесть! Это тоже правда. Более того — явь.

После Сталина последующие деятели (кроме Ю. В. Андропова) расплодили по стране диссидентов, каких-то инакомыслящих и «защитников» человеческих прав, довели страну до коррупции с ее злокачественными опухолями — бюрократизмом, карьеризмом, казнокрадством, взяточничеством... Всякая нивелировка, деидеологизация в стране НЕДОПУСТИМА, когда империалистическими кругами ведется яростная антисоветская пропаганда, психологическая война за умы и сердца людей.

Уважаемый Александр Михайлович, пишите правду. Вы же нам на этот раз Америку не открыли, а лишь известные многим ветеранам факты привели в систему, да и еще, видимо, собираетесь произвести какую-то сенсацию полным опубликованием текста приказа НКО № 227. Я также по крупицам собираю материалы об Иосифе Виссарионовиче Сталине, завещаю в «Книге моей жизни» внукам и правнукам.

31 мая 1987 г.

В. П. Дублинский, г. Армавир Краснодарского края

НЕ ВСЕ — ЧЕРНОЙ КРАСКОЙ!

Я сам — сын дважды репрессированного комбрига. Знали ли тогда, что не все — враги и шпионы? Знали! Надо ли молодым рассказать о властолюбии, подозрительности, жестокости Сталина, приведшей к гибели огромного числа людей, в том числе и в армии? Надо. Повторяю, Сталин совершал преступления, и оправдания ему за это не будет. Но то, что он внес огромный вклад в индустриализацию, оборону, руководство армией в Отечественную войну, в разгром фашизма, наконец признали и Вы.

Численность армии с 1937 года по январь 1941 года возросла с 1513 до 4207 тысяч человек, количество военных академий — с 14 до 19, военных училищ — с 75 до 203. Готовили кадры для армии 300 школ и клубов Осоавиахима. Из запаса было призвано 174 тысячи командиров. Численность коммунистов в армии возросла втрое. На новой госгранице строили укрепрайоны 140 тысяч человек. Но начальник Главного разведуправления генерал Голиков, докладывая Сталину предупреждающие о нападении сведения, тут же их опровергал: «Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки». Посол СССР в Германии Деканозов утверждал, что угрозы нет, и даже разрешил семьям дипломатов приехать в Берлин.

Вы обвиняете Сталина в непроведении мобилизации. Вот этого от такого ученого, как Вы, я не ожидал. Всеобщую мобилизацию за неделю не проведешь, это автоматически означало бы войну. Было сделано умнее. Провели скрытую мобилизацию под видом «лагерных сборов». В мае — июне 1941 года было призвано 800 тысяч человек. Численность армии достигла 5 миллионов. А вот от немцев это удалось скрыть. Начальник главного разведывательного управления немецкого генерального штаба сухопутных сил Типпельскирх писал: «Определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза было почти невозможно».

Была ли вина Сталина, что войска не были подняты по тревоге? Возможно. Но вот что пишет тот же Типпель-

скирх: «Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали».

Вы говорите, что специального исследования, отдельной книги о генерале Власове и его армии нет. Ну, о Власове монографию писать, наверное, не стоит. Подонком он был и в личной жизни. Был женат на Ворониной, Осадчей, Подмазенко. При сдаче в плен попросил расстрелять женщину, которая его «обслуживала». Прислуживая фашистам, женился на вдове эсэсовского генерала Адель Белинберг. Меня удивляет словосочетание «Власов и его армия». На Волховский фронт 2-я ударная прибыла в январе 1942 года, наспех сформированная, по численному составу равнялась корпусу — без частей усиления, даже без тылов. Командовал ею генерал Соколов, потом — генерал Клыков. Армия действовала на любанском направлении для снятия блокады Ленинграда. У Мясного Бора прорвала немецкую оборону, затем у Красной Горки, прошла 70 километров. Снабжение шло с перебоями. 25 апреля заболевшего Клыкова сменил Власов. Армия попала в окружение. Специально посланные подразделения и партизаны искали Власова и штаб. Штаб вывели, а Власов ушел в сторону и 13 июля сдался немцам. 2-я ударная, пополненная и заново вооруженная, в январе 1943 года прорвала блокаду Ленинграда.

Но как мы можем спать спокойно, когда кости наших солдат лежат, непохороненные, в Карелии? Необходимо создать денежный фонд «Наш долг». Так как мы с Вами физически помочь не сможем, то, я думаю, мы обязаны внести деньги. Несомненно, Ваши коллеги Вас поддержат. Поддержит и комсомол. Можно провести для этого и субботники. На святое дело люди пойдут. Очень буду рад, если Вы, крупный ученый, возглавите это движение.

31 мая 1987 г.

С. С. Вдовенко,
учитель, 62 года,
г. Львов

Я ВИДЕЛ УМЕРШИХ ОТ ГОЛОДА

Меня поражает кошмарное невежество и уродливость мышления некоторых людей, которых пропаганда убеждает, а окружающая их действительность ни о чем им не говорит.

Сталина необходимо судить посмертно. Представим себе Героя Советского Союза или Героя Социалистического Труда, который вдруг убивает человека, да еще при отягчающих обстоятельствах. Закон не освобождает такого человека от суровой кары. Ну а если на совести человека миллионы погибших людей? Его нужно судить еще более строго, чем обыкновенного убийцу.

Наступление на Сталинград в 1942 году, оказывается, можно было предотвратить. А голод 1933 года разве нельзя было предотвратить? Не миллионы ли людей умерли тогда страшной смертью? Некоторые матери сходили с ума... Я сам опухал от голода в том году и видел умерших, которые разлагались в своих хатах, потому что некому было вытащить их хотя бы за порог и закопать возле хаты. Неужели в страшной гибели этих людей так никто и не виновен? Неужели никто не будет осужден за это преступление хотя бы посмертно? А сколько безвинных людей стали жертвами сталинских репрессий? Уж если ставить памятник, то не Сталину, а его жертвам... В районные отделы НКВД приходили разнарядки: разоблачить в районе 1000 врагов народа! И такие «планы» выполнялись и даже перевыполнялись, и мы не осмеливаемся назвать число расстрелянных или осужденных в то время,— очевидно, потому, что это число является ужасающим.

Когда иачинаешь говорить об этом, обычно отвечают: «Ну, знаете, у Сталина были и очень большие заслуги!» Можно подумать, что заслуги освобождают от ответственности за любые преступления. Но вот в чем главный мой вопрос: какие такие заслуги? Сталин осуществил коллективизацию сельского хозяйства. Что же эта коллективизация дала крестьянам? Такую оплату их труда, какую мы не сыщем в мировой истории. Эта оплата опускалась до 200 граммов ржи на трудодень, а налог с личного хозяйства (25—30 соток огорода, корова, поросенок) в несколько раз превышал то, что колхозник мог заработать в колхозе. Сталин заложил такие основы колхозного строя, что колхозы даже сейчас, при их технической оснащенности, не могут обеспечить страну необходимым количеством продовольствия.

Если я не прав, то помогите мне избавиться от своих неправильных убеждений, уважаемые историки.

1 июня 1987 г.

В. А. Заворина, участница войны, 70 лет, г. Торжок Калининской обл.

БРАТ ПОСТРАДАЛ ЗА БРАТА

«Поставить памятник Сталину...» А вот я — против! В то время, когда Карасев родился, мне было 13 лет. В то время искали справедливости... и не находили ее.

Случилось так. Отца забрали, потом всю семью (мать, меня 13-летнюю и сестру 10 лет). Выслали на Урал в г. Сатку. За что? Нам это было непонятно. Было это в 1931 году. Об отце мы больше ничего не знаем. По всей вероятности, ошибка произошла из-за его брата, который жил в Торжке, на ул. Володарского, налога не уплатил, приходили описывать имущество. Это говорил отцу дядя Алексей, я сама слышала. Он умер еще до ареста отца.

Ошибки не хотели тогда признавать. Когда привезли нас на место сбора в Торжке, то назвали семьей Алексея Ковалева, а наш отец — Александр! Мать протестовала, но никто не обращал внимания. Другой брат матери хотел нас защитить, пошел в ОГПУ и сказал, что ошибаются они. А ему ответили: «Вы что, сами туда захотели?» У него тоже была семья, и он больше не отважился защищать нас.

Везли нас в товарных вагонах без еды и питья. Эшелон шел в неизвестность. Я очень плакала (но никто не утешал меня) и думала: «Буду хорошо работать и докажу, что я человек».

Остановился эшелон против острова, на котором были бараки. Перебираться через быструю реку, которая бежала с горы, надо было по мостику без перил. Одна девочка упала в реку, ее спасли. Условий для жизни там, куда нас привезли, не было никаких. Не было крыши на бараке, а где была крыша — не были зашиты стены. Вот в таком бараке мы и жили. Пищу готовили на кострах, если было что варить. У нас не было ни денег, ни продуктов, ни хороших вещей. Мать писала в Торжок, в каком положении мы оказались. Я ходила по линии железной дороги учиться в школу в г. Сатку. Сестра не училась.

В Торжке дядя, брат матери, рабочий кожзавода «Красный кожевник», взял разрешение в горсовете, и тетя поехала за нами. Взяли меня и сестру в свою семью, семья была девять человек, стало — одиннадцать. Трудоспособных трое: дядя, его жена и сестра матери. Жили впроголодь, ели из одной миски все: и дети, и взрослые, и больные, и здоро-

вые. Хлеб и сахар давал дядя всем поровну. Тогда была карточная система: рабочая карточка — 800 граммов хлеба, а иждивенцам — 300 или 400 граммов. Держали корову, а сено и картошку покупали. Огород был маленький. Спали все дети на полу, на соломенных матрацах, без простыней, а бабушка на печке (у нас дома были простыни, хотя и из мешков).

Я окончила семь классов в 1932 году и пошла работать на обувную фабрику имени Леккерта. Правильно считать на счетах научилась за один вечер. Научили меня работать учетчицей по соцсоревнованию. Работала в штамповочном цехе. Вдруг одна женщина написала заявление, что мой отец выслан, и меня уволили с работы. Неделю я сидела дома и плакала день и ночь, глаза распухли от слез. Написала заявление директору: «Родителей нет, с работы уволили, что же нам делать?» Отдала в спецотдел. Меня восстановили на работе, но я пошла в другой цех подсобной рабочей из-за рабочей хлебной карточки. Никто не знал, что мне только 15 лет. Когда принимали, было 14 лет, но документ не спросили, записали: «16 лет».

Очень мне хотелось учиться, но на рабфак не принимали из-за отца, а лгать я боялась. Написала письмо в Москву, в Кремль, товарищу Сталину, и просила объяснить, за что выслали отца. Получила ответ: «За неуплату индивидуального налога».

Налоги всегда мать платила сама, аккуратно. Она взяла квитанции, написала заявление и поехала в Калинин к тов. Рабову. Какой он занимал пост — председателя облисполкома или секретаря обкома партии, не знаю. Мать сказала, что мы пострадали невинно, налог уплачен, вот квитанции об уплате. Рабов прочитал заявление, скомкал все и бросил в корзину, сказал: «У нас теперь бесклассовое общество, все дети будут учиться», и ее выпроводили из кабинета.

В 1936 году я поступила на рабфак. Появилось выражение: «Дети за родителей не отвечают».

И в другой раз моя мать Ковалева Александра Петровна обращалась за справедливостью, когда на Урале, на заводе «Магнезит», отцу выдали расчетную книжку на имя брата — Ковалева Алексея Сергеевича. Мать в 1933 году поехала в Москву, обратилась во ВЦИК, сказала: «Делайте со мной, что хотите, а я уехала из ссылки, там жить невозможно, и страдаем мы напрасно. Мой брат писал во ВЦИК заявление, и вся улица подписывалась, что мы не эксплуатировали чужую силу, а землю обрабатывали сами». Секретарь нашла разобранное ВЦИК заявление и на углу заявления ма-

тери написала: «Освобожденная Ковалева вернулась из ссылки без разрешения». И ее отправили в Бутырскую тюрьму, где она просидела месяц. После чего ее выпустили, дав справку-разрешение жить где угодно. Мать приехала домой в Торжок и пошла в ОГПУ. Там взяли справку, а ей сказали: «Мало ли что вас Москва освобождает, а мы высылаем на три года. Вот, выбирайте города». Выбрала она Воронеж и жила в Воронежской области три года, ездила в Воронеж каждый месяц отмечаться, работала в подсобном хозяйстве маслозавода. А мы жили по-прежнему в семье дяди, я работала, а сестра училась в средней школе только благодаря Н. К. Крупской (ей она письмо написала, иначе не принимали в школу).

Вспомнить это тяжелое время статья в газете заставила. Наказали невиновных родителей, выслали без суда и следствия. Прикладываю справку о том, что отец к уголовной ответственности не привлекался и не был судим. Какой тяжелой оказалась жизнь для нас, детей, для отца, пропавшего не знаем как и где, и для матери! Сколько еще людей пострадало безвинно! Не все вам напишут — умерли. За такое отношение к людям никакого памятника, не только золотого, Сталину не полагается.

А Родину я защищала, и в мыслях все еще находишься в рядах ее защитников. Так, наверное, будет до конца жизни. Написала письмо, эту горькую память о прошлом, и раздумываю: посылать или нет? Сейчас мне ничего не нужно, квартира у нас благоустроенная, получила в этом году как участник войны, и бояться мне нечего, одной ногой в могиле стою. Только вот память сердца обязывает, ведь у нее нет срока давности.

1 июня 1987 г.

М. А. Тощева, бывший секретарь редакции газеты «Челябинский рабочий», 70 лет, г. Челябинск

ПОМНЮ УГРОЖАЮЩИЕ ПЛАКАТЫ

Будто бы сейчас вижу расклеенные по городу угрожающие плакаты, на которых изображена рука в колючей ежовой рукавице. Эта протянутая рука с растопыренными пальцами, грозившая расправиться с «врагами народа», наводила ужас. Мне пришлось быть оче-

видицей такой расправы. Тогда мне было 20 лет. Я работала техническим секретарем в редакции «Челябинский рабочий». В одно из моих ночных дежурств в редакцию зашли двое вооруженных работников НКВД — и через несколько минут из кабинета в наручниках выводят редактора тов. Кортина. Последнее, что мне сказал редактор: «Отправьте гранки в типографию». И все. На следующий день был арестован заведующий промышленным отделом Пуриц. А через несколько дней мы узнаем — арестован секретарь обкома партии Рындин, и его семья выброшена из квартиры. Наше поколение помнит эти страшные годы культа личности Сталина. Об этом теперь говорят: «Это были его ошибки». Нет, это было преступление перед своим народом.

Преступления, совершенные Сталиным, долгие годы не были обнародованы и хранились втайне. Но гнев народа ничем не прикроешь. Золотой памятник совершившим преступления не ставят.

1 июня 1987 г.

Л. С. Козлов,
участник войны,
68 лет, г. Солнечногорск
Московской обл.

ПОД ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ХЛЕБНИКОВА

В 1937 году я находился под следствием как враг народа в составе группы сельской молодежи, уехавшей на свадьбу в другую деревню на колхозном коне РККА (содержались в колхозах в то время такие) с целью якобы извести этого коня и ослабить обороноспособность страны.

В 1944 году, будучи офицером штаба 1-го Прибалтийского фронта, кавалером четырех боевых орденов, я вновь чуть не был признан вражеским агентом, так как на моем рабочем столе уполномоченный СМЕРШ нашел нарисованного черта, а под ним случайно очутившуюся подпись: «И. В. Сталин». Сутки я просидел в подвале в ожидании трибунала и расстрела, пока не вмешался командующий артиллерией фронта Н. М. Хлебников, чтобы меня освободили под его поручительство...

2 июня 1987 г.

А. И. Гринько,
подполковник
в отставке, г. Воронеж

«ТАК ТРЕБОВАЛ СТАЛИН»

Не считаю свои суждения бесспорными и потому не надеюсь, что Вы обнародуете их. Я отношусь к так называемому «сталинскому поколению». За моими плечами разруха и голод 20-х годов, индустриализация и коллективизация, Халхин-Гол и Великая Отечественная. Все, что было со страной и народом, знаю не из книг и кино. Могу судить обо всем со знанием дела.

Я никогда не обожествлял Сталина, не всегда был сосласен со многим из того, что имело место в нашей жизни. В те годы необоснованно пострадал мой отец, некоторые из хорошо знакомых людей, товарищи по комсомольской работе. Воспринималось это как несправедливость, излишнее рвение некоторых чересчур бдительных служак. Но никто не винил лично Сталина. Да и мог ли он знать о моем отце — рядовом железнодорожнике, о преподавателе немецкого языка и обществоведения, о комсомольском активисте районного масштаба? Мы были уверены, что подлинные враги народа творят свое черное дело за спиной Сталина...

После осуждения культа и реабилитации невинно пострадавших мне довелось участвовать в работе парткомиссии, разбиравшей персональное дело одного бывшего прихвостня Ежова. Этот ретивый деятель в сентябре 1937 года «разоблачил» в г. Сталино (Донецке) 41 «врага народа» — от начальника шахты до председателя облисполкома. В трех толстых папках, рассматриваемых парткомиссией, были собраны протоколы допросов, которые ежовец вел недозволенным способом. Когда его спросили, почему он нарушал соцзаконность, последовал ответ: «Так требовал Сталин». Тут же выяснилось, что никаких указаний на этот счет не было. Горе-чекист злоупотреблял властью в карьеристских целях. Об этом свидетельствовала и его собственноручная докладная на имя начальства: «Прошу внести в мое личное дело следующих разоблаченных врагов народа...» Далее следовала 41 фамилия. 25 из них погибли, но во время разбирательства на парткомиссии 16 из невинно пострадавших еще были живы и подробно рассказали о том, что и как было.

В числе необоснованно репрессированных академик А. М. Самсонов назвал К. К. Рокоссовского. Однако не сказал, что Сталин даже фамилии не знал тогдашнего командира полка подполковника Рокоссовского [1]. Его и посадили и выпустили без ведома Сталина. Да, при Сталине были уничтожены многие крупные военачальники. И за это надо с него спросить, как, впрочем, и с других членов Политбюро, которые тоже давали санкции. Не следует все валить на одного и обелять других. Надо помнить, что пакостная бюрократия досталась нам по наследству от старого строя. Она была при Ленине, при Сталине и особенно вольготно жила и нахально действовала при Хрущеве и Брежневе. Есть она, к великому огорчению, и сегодня. Будем же объективны, чтобы правильно судить о том, кто и в чем виноват.

Пока все историки идут по проторенным тропам, боятся сделать шаг в сторону. От топтания толпой на одном месте случаются казусы: дело дошло до того, что битву под Москвой выиграл чуть ли не один А. П. Белобородов.

Партия правильно сделала, осудив культ Сталина, но не довела дело до конца, оставила возможность повторения старых ошибок. Появились явно дутые авторитеты. Брежнев не имел данных для столь высокого поста. Около него не оказалось толковых соратников. Подхалимаж, приписки, воровство достигли чудовищных размеров. Динамика обернулась застоем. Но как ни усердствовали угодники, навязать народу бутафорских вождей не удалось. Народ отличает таланты от видимости их, ценит руководителей не по словам, а по делам. Этим объясняется феномен М. С. Горбачева. Его дело совпадает с интересами масс, решительно поддерживается ими.

2 июня 1987 г.

---

[1] Рокоссовский К. К. с 1936 года командовал 5-м кавалерийским корпусом.

Воинское звание «подполковник» введено в Советской Армии с 1 сентября 1939 года; для высшего командного состава армии с 5 мая 1940 года введены генеральские звания: «генерал-майор», «генерал-лейтенант», «генерал-полковник», «генерал армии». В связи с тем, что К. К. Рокоссовский длительное время находился под'следствием, звание генерал-майора ему было присвоено в июне 1940 года.

М. М. Павлов, редактор городского радиовещания, член Союза журналистов СССР, г. Комсомольск-на-Амуре

Я БЫЛ «СТАЛИНИСТОМ»

Еще исследователи эпохи абсолютизма во Франции убедительно показали, что абсолютная власть, бесконтрольность, неподотчетность штампуют тиранов и диктаторов. Впрочем, то же самое утверждали еще древние историки. И только подлинная демократия может поставить прочный заслон на пути превращения ответственных руководителей в творителей произвола что, кстати, прекрасно объяснено в великолепной экономической (а на самом деле поистине философской, социальной, исторической) рецензии в журнале «Наука и жизнь» (1987, № 4) на роман А. Бека «Новое назначение». Административная система должна быть погребена, иначе наш путь к коммунизму рано или поздно, но неизбежно оборвется.

Я лично знаю двух-трех человек, которые утверждают, что стране сегодня необходим новый Сталин. Он бы навел порядок!.. Но все проявления «казарменного коммунизма» наше общество, вопреки убежденным или наивным, скрытым или явным сталинистам, должно выбросить на мусорную свалку истории. Другого выбора у нас просто нет. И тем, кто не понимает этого, необходимо открывать глаза вот такими принципиальными, честными публикациями, как статья академика Самсонова. Пора рассказать народу правду о том, в какой атмосфере, с какими дикими нарушениями юридических, процессуальных, наконец, просто нравственных норм проходил суд над бухаринцами. Я отнюдь не призываю к реабилитации всех членов осужденного тогда «блока», но, какова бы ни была их вина, суд над ними походил на элементарную расправу, какая может присниться только в дурном сне.

Сегодня вопрос об отношении к истории — один из самых актуальных и животрепещущих. Но уж слишком много оговорок выставлено на пути к исторической правде. Одна из них: не смаковать ошибки прошлого. Но ведь любой бюрократ любое движение к истине, правде всегда готов заклеймить словами «смакование» и «демагогия»...

В конце войны меня приняли в Казанское суворовское училище, как сына погибшего на фронте солдата. Я рос отъявленным «сталинистом». Но даже в те годы, даже в стенах училища до меня доходила часть правды о культе

личности. Из реплик моего ровесника-суворовца, которого я избил за неуважение к Сталину. Из осторожных замечаний инвалида войны, нашего помкомвзвода, о пропавшем философе, выхода книги которого ждали все интеллигентные люди... Позднее я узнал о трагической судьбе друга нашей семьи полковника Павла Яцынова, который в годы ленинградской блокады был редактором Ленвоениздата. Дядю Пашу репрессировали после войны, засадили в лагерь. Когда после смерти Сталина и амнистии он вернулся, это был человек, который прошел через круги ада. Ему возвратили ордена, а партбилет он сам выкопал из тайника.

«Любыми путями,— рассказал мне он,— от меня добивались признания, что я английский агент. Если бы я не выдержал, согласился с обвинением, то был бы расстрелян. В моем положении смерть была лучшим выходом, но она бы стала моим предательством перед партией, страной, моими родными и друзьями. И вот видишь — я живой». После освобождения этот прекрасный и отнюдь не старый еще по возрасту человек прожил совсем немного.

Я был законченным «сталинистом». Но я видел это явление и изучал его, как умел. И я много лет уже не нахожу для И. В. Сталина оправдания.

Покаяние, вера? Да. Но на фундаменте знания.

3 июня 1987 г.

Н. И. Карих, 56 лет, г. Сочи

МНЕ ДОРОГ КАЖДЫЙ ФРОНТОВИК

В сорок третьем мне было 12 лет. Многое из войны помню. Станица Крымская, 4 апреля 1943 года. Вспомнил живо, зримо, вот как будто это произошло только что. В этот дождливый, по-весеннему теплый день наши танки прорвались уже к железнодорожному вокзалу. Мы слышали «ура!». Убежали из Крымской немцы и румыны, бросив даже полевую кухню с готовой уже кашей, которую мы тут же «оприходовали».

Но к вечеру и немцы, и румыны стали возвращаться в Крымскую. А с передовой повели наших пленных. Худые, грязные, руки назад, а сзади подталкивающий прикладом немец. Бабушка плачет, причитая: «Сыночки мои!..» (Трое сыновей ее были на войне. Один погиб под Сталинградом,

второй — под Ленинградом. А третий, старший, в самом начале войны был посажен в тюрьму «за восхваление немецкой техники». Этот жив до сих пор.)

Немец, увидев плачущую бабушку — «у, русиш швайн!» — разразился бранью. Месяц еще мы ждали, пока освободят Крымскую. Раненые лежали на земле, везде. Крики были, мольбы подать воды: «Пить! Воды!» А давать нельзя: ранены в живот. Руки, ноги, кишки. «Пристрелите, не могу!» Газовая гангрена. Ужасы войны.

Все это я пацаном видел, потому и называю Вас дорогим. Каждому, ходившему в атаку, знающему, что такое бой, я готов поклониться. Каждый фронтовик для меня — дорогой человек. Это они, тогда еще мальчишки, отстояли и меня, и землю мою. Может быть, поэтому, когда говорят о каком-нибудь спортсмене: герой, меня это бесит. Люди забыли, что такое героизм и кто — герои.

Но речь пойдет о книгах. «Война» И. Стаднюка и «Блокада» А. Чаковского произвели на меня одинаково неприятное впечатление. Все хорошо сначала. Но затем начинаются сочувствия руководителям. Описания их страданий, их от бессонницы красных глаз, их изнуренной внешности (мешки под глазами, воспаленные глаза и т. д.). Это при том, что миллионы людей погибали в боях, умирали от голода! Тогда же по прочтении я продал эти книги. Больше я ни книг Стаднюка, ни книг Чаковского читать не буду. Война не такая.

3 июня 1987 г.

П. К. Грицак,
кандидат технических наук,
63 года, г. Харьков

ФОРМЫ БОРЬБЫ ДИКТОВАЛО ВРЕМЯ

Репрессии в нашей стране в 1937—1938 годах академик А. Самсонов рассматривает только как следствие культа личности И. В. Сталина. Почему этот вопрос не увязывается с теми историческими задачами, которые вынужден был решать наш рабочий класс в союзе с крестьянством в тот период? Почему бы историку не проанализировать данные о враждебных актах и судебных процессах того времени? В Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке до сего времени сохраняются памятники

погибшим от диверсионных действий в 1937—1939 годах на единственной там железной дороге. Мне, комсомольцу-колхознику, приходилось в то время охранять даже каменные трубы через железнодорожные насыпи, не говоря о вынужденной охране воинскими подразделениями любого малого железнодорожного моста. А сколько открытых судебных процессов того времени над укрывающимися враждебными элементами, которые поджигали производственные объекты, отравляли колхозный скот?.. Трудно отрицать необходимость жестокой борьбы и с идеологической формой диверсии: анекдотчиной и негласной поэзией, распространяемой в основном из среды интеллигенции.

А сколько бед досталось нашей стране в начальный период войны от враждебных и диверсионных актов, совершаемых еще оставшимися прихлебателями царизма?.. Никогда не забуду пойманного при моем участии в июне 1942 года на разъезде восточнее Мичуринска жителя, оказавшегося бывшим белогвардейцем. Из ракетницы ночью он подал сигнал фашистской авиации о большом скоплении наших важных военных эшелонов. Огромные жертвы и потери тогда я увидел. Это было мое первое боевое крещение.

Если бы наша партия, пусть даже и так жестоко, не решала задачу ликвидации в нашей стране вражеских элементов, то сохранение социализма трудно представить. При решении партией в целом такой сложной политической стратегической задачи, как ликвидация остатков прихлебателей капитализма, в условиях, когда не обходилось без проникновения вражеских элементов в некоторые органы партии и КГБ, естественно, не обошлось без ошибочных потерь. Где же обоснования (доказательства) историка, что эти потери необходимо исторически отнести только к руководителю партии? Пора историкам, писателям, журналистам подходить к таким вопросам не с позиции пострадавших, а с позиции успешного достижения исторических целей построения и развития социализма в одной стране, не шарахаясь в разные стороны. Если рассматривать односторонне, только с точки зрения потерь, то Сталина можно и обвинять. Если рассматривать исторически глобально, то, выходит, позиция Сталина глубоко правильная и мудрая.

Странная оценка в ответе Самсонова дана приговору военного трибунала, утвержденному тов. Сталиным, о расстреле Павлова и его некоторых штабных работников. Суровое осуждение штаба Павлова, в основном за безынициативность, имело существенное военно-дисциплинарное

влияние на все остальные штабы. Суровое осуждение — это большой урок для всех. На каких же принципах тогда основан призыв историка к реабилитации Павлова и его штаба и при чем здесь культ личности Сталина?..

Неплохо было бы, чтобы это письмо дошло бы хотя бы до одного из исторических факультетов университетов. А еще интереснее, если оно будет опубликовано с некоторой литературной (журналистской) коррекцией без изъятия главного.

3 июня 1987 г.

П. В. Мажов, пенсионер,
г. Волгоград

ПРОДОЛЖАЙТЕ БЛАГОРОДНУЮ РАБОТУ

В 1937—1938 годах я служил солдатом в Красной Армии. Поскольку я был солдат грамотный (тогда таких было мало), меня взяли писарем в штаб соединения. Я видел, как исчезали бесследно мои лучшие командиры высокого ранга. Перед войной Сталин обезглавил Красную Армию, а когда грянула война, то на полки и даже дивизии ставили вчерашних лейтенантов (предварительно и в срочном порядке присваивая им звания старших офицеров). А на фронты и направления (Западное, Юго-Западное, Северо-Западное) назначали командиров минувших исторических эпох (эпохи сабли и пики). Только этим можно объяснить ужасающие потери наших войск в первые 20 месяцев войны.

Естественно, Вы спросите, зачем я написал Вам это письмо. Конечно, я не тешил себя надеждой «открыть глаза» академику-историку на общеизвестные факты. Я уверен, что Вы во сто раз лучше все это знаете. Так зачем же? Я думаю, что после опубликования Вашей статьи Вы начнете получать письма-отклики. При этом в большинстве будут писать «сталинисты» (их еще много, и они активны, зло ведет себя более активно). Я опасаюсь, что под влиянием «сердитых» писем Вы засомневаетесь, может поколебаться Ваша решимость продолжать эту благородную работу. Так вот, пусть мое письмо послужит Вам стимулом, пусть оно хоть частично сбалансирует массу ненависти и злопыхательства «сталинистов», которую они обрушат на Вас. Я хочу,

чтобы Вы знали, что среди простых людей есть Ваши сторонники (а не только противники).

4 июня 1987 г.

А. А. Шальнов, участник войны, член КПСС с 1943 года, г. Ростов-на-Дону

ПРИНЯТЬ ЗАКОН ПРОТИВ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

Старшее поколение помнит то время, когда Сталин установил режим личной диктатуры. История показала, что культ личности хуже чумы, а люди, возрождающие его, представляют большую опасность для партии и народа. В связи с этим, я считаю, назрела необходимость принять закон о запрещении возрождать и пропагандировать культ личности. В этом же законе запретить переименовывать города в честь какой-либо личности, чтобы сохранить исторические черты и национальные особенности нашей Родины.

4 июня 1987 г.

С. А. Ладухин, г. Сургут Тюменской обл.

МЫСЛИ ПОСЛЕ «ПОКАЯНИЯ»

Посмотрел фильм «Покаяние», а потом прочитал ответ академика А. М. Самсонова водителю И. Е. Карасеву. С фильмом и ответом согласен. Если, говоря условно, поколение Варлама повинно в массовых арестах, а поколение Авеля—в умолчании, то понятна боль поколения Торнике, которое кончает жизнь самоубийством, и не так уж важно, в какой форме происходит это самоубийство: в алкоголизме, наркомании или проституции.

Заставить всех одинаково мыслить нельзя, но пора хотя бы через 50 лет назвать все своими именами без малейшего умолчания и искажения, без подобострастного описания истории в угоду каким-либо эмоциям или амбициям. Многие писатели осторожно касаются этого вопроса и так или иначе пытаются объяснить, что же происходило в 1937 году. Но фундаментального исследования до сих пор не было и нет. Неужели нельзя документально восстановить события

тех лет с именами всех пострадавших и с именами всех их палачей?

От ошибок никто не застрахован, но фразу «Ошибок не делает лишь тот, кто ничего не делает» в последнее время основательно передергивают. Сегодня ошибки «кормчих» даже отдельных кораблей или предприятий оплачиваются десятками и сотнями жизней. Ошибки Сталина оплачены кровью миллионов. Когда человек поднимается на такую высоту, то он теряет право на ошибку.

Возвращаясь к фильму «Покаяние», мы должны просить ученых (а может, и юристов), связанных с архивами, выкопать всех мертвецов — от Берии до убийц Тухачевского — и показать их лица, чтобы никогда больше не повторились те времена.

4 июня 1987 г.

Б. Н. Колеватов,
участник Сталинградской битвы,
полковник в отставке, г. Москва

СОРОКИН НЕ ПОГИБ!

Утверждение Александра Михайловича, что 126-я стрелковая дивизия (сибирская) легла костьми под Сталинградом во главе с комдивом В. Е. Сорокиным, не полностью соответствует действительности. Мне, участнику Сталинградской битвы, известно, что на оборону дивизии наступало пять немецких полков (два танковых). Ветераны дивизии И. Ф. Лысухин и С. Е. Кувовенко пишут: «25 дней и ночей мы надежно прикрывали подступы к Сталинграду, а 29 августа — в свой звездный час — мы не оставили занимаемый рубеж и спасли основные силы армии... И даже после этого 126-я стрелковая дивизия сохранила волю к сопротивлению». В короткие сроки восстановив свою боеспособность, дивизия успешно громила врага. В. Е. Сорокин, оправившись от тяжелого ранения, дожил до 1985 года. Захоронена его урна в районе Абганерова.

В 1943 году 126-я стрелковая дивизия вместе с нашей 217-й стрелковой дивизией с боями изгоняла фашистов из Донбасса. Обе дивизии отличились при освобождении Горловки, за что и получили почетное наименование «Горловские».

Потери 126-й стрелковой дивизии в августе 1942 года составили более 5 тысяч человек. Такова правда о 126-й

Горловской дважды Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени дивизии.

4 июня 1987 г.

В. Ф. Самсонов,
депутат местного Совета, 56 лет,
22 года возглавлял
парторганизацию шахты,
пос. Центральный Тульской обл.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Мы так научились манипулировать цифрами и подтасовывать их, что битых 30 лет умудрялись создавать видимость благополучия. На самом же деле или топтались на месте, или сползали вниз. Я помню, как «поднималась» производительность труда, чтобы не провалить авторитетных решений. Для этого просто-напросто выводили из штатов предприятий вспомогательные службы, еще более усугубляя положение. А производительность росла — на бумаге, конечно. А на деле? Если в былые времена каждый шахтер сыпал вручную по 20 тонн и более в смену, при этом сам крепил выработанное пространство, то в дальнейшем, когда шахты стали оснащаться механизированными крепями, стали сыпать в два раза меньше. Это результат реформаторства и уравниловки, когда не стало ни хороших, ни плохих, а все — на одно лицо.

Перед шахтерами две пятилетки назад ставилась задача: добыть 810 миллионов тонн угля в год, без учета условий и соответствующей базы. Но даже и сегодня мы не можем достигнуть рубежа 800 миллионов тонн. Так и в других отраслях. Даже на передовых предприятиях машиностроения, не говоря уже о местной промышленности, еще нередко встречаются станки «петровских времен». И все это мы сейчас скромно определяем как негативные явления.

Оказывается, все надо перестраивать. Но многие думают о перестройке формы, оставляя старое содержание. А ведь надо наоборот: старые формы наполнить достойным содержанием...

4 июня 1987 г.

Б. К. Кикнадзе, ветеран войны и Вооруженных Сил, полковник в отставке, г. Свердловск

РАБОТАЙ ПО СОВЕСТИ САМ

Несмотря на грузинскую фамилию, я — русскнй, родился в Саратове, на Кавказе никогда не был. Кстати, в 1938 году сам оказался жертвой культа личности.

Скажу, что во все времена, а особенно сейчас, модно кивать на «верха». Мол, «рыба гниет с головы». Очень удобная позиция недобросовестных людей — вынскивать ошибки у начальников н руководителей всех степеней, пряча за их спинами свои собственные. Счнтаю, что, кто бы ни был у власти, во главе партии н государства, каждый должен всегда честно и добросовестно выполнять свой служебный, партийный н гражданский долг на своем участке. Меньше всего нужно кивать на кого-то. Работай по совести сам, тогда и нашим партийным и государственным деятелям будет легче управлять страной.

5 июня 1987 г.

В. Г. Кантемиров, пенсионер, 66 лет, г. Челябинск

КРЕСТЬЯНСКИЕ БЕДЫ

В 30-х годах в нашей стране было кооперировано крестьянство. Была лн в этом необходимость?[1] Можно было бы просто лишить кулачество наемной рабочей силы — и пусть люди занимаются своим трудом, приносят пользу себе н государству... За эту землю они сражались на фронтах гражданской войны. Но земля стала фактически государственной собственностью, а крестьянин — сельскохозяйственным рабочим, который за работу на этой земле получал мизерную плату, и только в конце года. При наличии земли не больше 0,25 гектара он платил в год государству 40 килограммов мяса, 100 лнтров мо-

[1] К 1930 году, когда начался этап сплошной коллективнзацнн, кулачество как класс уже было лнквиднроваио благодаря запрету иа наемный (батрацкнй) труд н земельиую ареиду. Сплошиая коллектнвнзация, по миению миогнх исторнков, была связаиа с нскусствеиным обострением классовой борьбы в деревне, в ходе которой бывшнх кулаков поставили в безвыходное положение — нх не приннмали в колхозы н, таким образом, лншали надежды на будущее.

лока, 200 штук яиц, какое-то количество шерсти и шкур домашних животных. Кроме того, колхозник платил налог за каждое дерево (если он имел сад), за лозу винограда. Крестьяне уничтожали сады, виноградники. Колхозник в течение года должен был выработать минимум трудодней (примерно 120), а ведь не каждая работа в колхозе оценивалась в один трудодень: были работы, которые оценивались в десятых и сотых долях трудодня. Если колхозник в течение года не выработал положенное количество трудодней, он согласно Указу от 21 февраля 1948 года высылался на лесоразработки на Крайний Север сроком на семь лет, с правом возвращения только в том случае, если он там хорошо работал. Колхозник не имел права выйти из колхоза и перейти на работу на другое производство без разрешения правления колхоза и сельсовета. Рабочий на производстве тоже увольняться с работы не имел права по своему желанию, а только с разрешения администрации. Самовольный уход с работы, прогул, опоздание на 20 минут карались шестимесячным тюремным заключением, независимо от того, были или нет уважительные причины нарушения трудовой дисциплины.

Земли у нас на душу населения больше, чем в любой стране мира. Однако мы не можем себя обеспечить основным продуктом питания — зерном. А зерно — это хлеб, молоко, мясо. До первой мировой войны Россия была в числе первых стран мира по экспорту зерна на мировой рынок, а теперь наша страна в числе первых по импорту зерна с мирового рынка.

Полагаю, что Вы, коммунист, ученый-историк, должны в нашей прессе изложить свои рекомендации о развитии демократизации в нашей стране, о необратимости перестройки и недопущении культа личности.

5 июня 1987 г.

А. Ф. Кирилков, участник войны,
лектор, г. Первомайск
Николаевской обл.

ПРАВДА НУЖНА КАК ВОЗДУХ

Полностью с Вами согласен в определении роли Сталина в великих бедах, обрушившихся на нашу страну в первый период Великой Отечественной войны, да и не только тогда... Эта болезнь восхваления, шапкозакидательства и сегодня еще действует. И свиде-

тельство тому — паршивенький самолет, севший у Красной площади, у нашей святыни, что говорит о нашей «готовности», о том, что мы «хорошо» усвоили ошибки прошлого.

Надо, чтобы у Кремлевской стены были похоронены только люди, заслужившие это перед Отечеством, а не те, кто получал высочайшие звания от «гения», который в своем опьянении собственным культом привел богатейшее государство с огромным патриотичным населением и богатейшими ресурсами к такой затяжной войне и таким тяжелым потерям.

5 июня 1987 г.

А. Н. Чанышев,
доктор философских наук,
доцент МГУ, член КПСС
с 1960 года, 61 год

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ДИКТАТУРОЙ И ТИРАНИЕЙ

Следует различать понятия диктатуры и тирании. Тирания — явление не новое в истории общества. Древние греки называли тираном «правителя, пришедшего к власти незаконным путем, правящего в обстановке произвола и насилия и использующего свою власть в собственных эгоистических целях» [1]. Диктатором же римляне называли человека, официально назначенного и пользующегося единоличной властью в течение строго определенного времени для предотвращения опасности, угрожающей государству («Ганнибал у ворот!»). По истечении срока (обычно полугодового) диктатор был обязан сложить с себя полномочия и мог быть привлечен к судебной ответственности любым гражданином Рима за неоправданное превышение власти в личных целях.

В послереволюционных исторических условиях России диктатура была необходима. Это была диктатура прогрессивного класса — пролетариата. Диктатура пролетариата означала диктатуру партии пролетариата. Диктатура партии означала диктатуру вождя партии, человека, который взял бы на себя колоссальную, сверхчеловеческую историческую ответственность за принятие решений, от которых зависели судьбы миллионов людей.

Диктатура вождя была исторически неизбежна и оправданна. Не было бы Сталина — был бы другой. Однако

[1] *Фролов Э. Д.* Греческие тираны. Л., 1972, с. 3.

получилось так, что диктатура Сталина переросла в тиранию Сталина. Это произошло в силу личных особенностей Сталина, «расцветших» в силу отсутствия должного уровня демократии. Эти личные особенности увидел и о них предупредил Ленин в своем завещании. Ленин писал, что Сталин, как Генеральный секретарь ЦК партии (на эту должность Сталин был выдвинут не Лениным, как утверждалось в Кратком курсе истории ВКП(б), а Л. Б. Каменевым — такова «ирония истории», но первоначально эта должность была чисто административной), сконцентрировал в своих руках неимоверную власть. Ленин не высказывался против такой власти в принципе. Он говорил лишь о том, что Сталин не сможет этой властью разумно и хорошо пользоваться. Ленин выступил против Сталина как личности. Ленин увидел в диктаторе Сталине будущего тирана. Об этом Ленин прямо не сказал, но что означают такие личные качества, как нетерпимость, грубость, невнимание к товарищам по партии, отсутствие лояльности, капризность, как не черты потенциального тирана? Ленин требовал смещения Сталина с должности Генерального секретаря, но не упразднения самой должности. Однако Ленин, будучи человеком высокоинтеллигентным, это свое требование выразил в мягкой форме: он предложил лишь обдумать способ перемещения Сталина с должности Генсека и замены Сталина другим человеком, у которого бы не было вышеперечисленных отрицательных черт характера.

Однако известно, что Комиссия по приемке ленинских документов (Зиновьев, Каменев, Сталин) и XIII съезд партии не нашли в себе силы выполнить совет (завет) Ленина. Сталин же, когда произносил свою знаменитую речь о том, что завещал Ленин, «забыл» сказать, что Ленин завещал в числе прочего и снятие Сталина с поста Генсека.

Историки партии должны выяснить следующую триаду:
1) когда Сталин делал то, что надо, и так, как надо;
2) когда Сталин делал то, что надо, но не так, как надо;
3) и когда Сталин делал не то, что надо.

6 июня 1987 г.

А. В. Родосский, преподаватель Ленинградского университета

«ВЕРА В ЛОЖНОГО БОГА»?

В романе «Война», достоинство которого — в стремлении к максимальной документальности в изображении реальных исторических личностей,

И. Стаднюк приводит беседу И. В. Сталина с писателем Л. Фейхтвангером, состоявшуюся в 1937 году. На вопрос Фейхтвангера о причинах возникновения в СССР «не знающего меры» культа личности Сталина последовал ответ самого Сталина:

«Что поделаешь?.. У рабочих и крестьян такая натура: если любят, так до безграничности, если ненавидят, так идут на баррикады... Но должен также сказать, что, когда я вижу множество портретов Сталина, я при этом еще и вижу, что в мускулистых руках подняты те идеи, за которые борется по заветам Ленина Сталин, борется партия большевиков».

Обратимся теперь к самой животрепещущей проблеме — о незаконных репрессиях, с которыми обычно и ассоциируется культ личности. Насаждается некоторыми мнение о «злой воле» И. В. Сталина, о его «деспотической натуре», боязни потерять власть и т. п. Уважаемого академика можно упрекнуть за его слова о том, что Сталин и в мирное время посылал на расстрел под разными предлогами несогласных с ним людей. Остается непонятным, что же имел в виду А. Самсонов? Если борьбу с оппозицией в 30-е годы, то в той исторической обстановке революция должна была защищать себя. А злоупотребления и правонарушения, которые наверняка сопутствовали этой борьбе, объясняются, по-видимому, слабостью правозащитных органов и дефицитом квалифицированных кадров в них. Были ли ошибки и заблуждения у Сталина? Конечно, были — вспомним известный афоризм, что не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Но одно дело — ошибки, а другое — преступления. Здесь мы подходим к очень важному вопросу. Ведь именно в преступлениях, в злоумышлениях, а не в ошибках посмертно обвиняют И. В. Сталина. Между тем кому не ясно, что основным источником подобных измышлений является заокеанская пропаганда? В одной из газетных публикаций события того времени определены как «неназываемого века недоброй памяти дела — недавняя эпоха с ее антигуманностью и верой в ложного бога». И это — об эпохе неслыханного трудового энтузиазма, стахановского движения, успехов первых пятилеток, индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, победоносного завершения Великой Отечественной и еще двух войн, рекордно быстрого восстановления народного хозяйства в послевоенные годы!

Необходимо капитальное исследование о жизни и деятельности И. В. Сталина. В силу яркой, одаренной и слож-

ной натуры И. В. Сталина, а также в силу неоднозначного отношения к нему разных людей подобному исследованию должно предшествовать широкое и свободное обсуждение этого сложного вопроса с разных позиций, с разных точек зрения. Хочется верить, что это дело недалекого будущего.

6 июня 1987 г.

В. В. Барбашинов, учитель истории, рисования, черчения и трудового обучения, 68 лет, г. Пушкин Ленинградской обл.

ПОМНИТЬ О ГЕРОЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Я по образованию историк и художник. Меня и многих моих единомышленников волнует вопрос о трагической судьбе многих безупречных рыцарей Октябрьской революции, героев гражданской войны. Их почти заслонила история Великой Отечественной. Мы воздаем должное всем ветеранам Великой Отечественной, тем более ее героям. Но мы в большом долгу перед героями гражданской войны. Ведь еще есть потомки трагически погибших тов. Егорова, Тухачевского, Блюхера, Уборевича, Якира, Примакова, Дыбенко, Кожанова, Викторова, Раскольникова, Корка, Эйдемана, Гамарника и многих других. Им должно быть очень обидно за своих великих родственников. Почему у нас нигде нет парков имени героев гражданской войны? Почему в парках нет аллей с бюстами таких героев? Много построено в городах жилых комплексов, похожих друг на друга как близнецы. Почему Союз художников, Союз архитекторов не использует богатый исторический материал в оформлении этих комплексов?

Вообще, меня поражает как историка, как гражданина, как могла подняться рука на этих удивительных, преданных делу революции людей! К этим именам надо добавить имя Я. В. Смушкевича — героя Испании (псевдоним — генерал Дуглас) и Халхин-Гола. И разве не больно, что военные труды (два тома) маршала Тухачевского увидели свет только в 1964 году, а нужны были с начала Великой Отечественной?

Наша литература в большом долгу перед памятью этих героев. Книги, посвященные им, можно пересчитать по пальцам. Киноискусство и театр мало уделяют внимания этому

удивительному героическому времени. И в музыкальном, эстетическом воспитании подрастающего поколения этот пласт используется недостаточно.

6 июня 1987 г.

Т. Ф. Кучуков, журналист,
76 лет, г. Фрунзе

О ПОСЛЕДСТВИЯХ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

Мне 77-й год. Башкир. Родился, жил и работал в Башкирии. Незаслуженно, без всякой вины, был подвергнут репрессии. Три года был в Ухто-Печорских лагерях (без суда). В армии не служил — был болен туберкулезом легких. После лагеря долгие годы находился под надзором органов безопасности. Мне разрешалось жить только в сельской местности. В начале 1958 года был реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС.

Я считаю, что в утверждении культа личности не Сталин виноват, а виноваты его окружающие, его соратники и, наконец, мы сами. Причиной культа личности является угодничество, то есть стремление каждого чем-то угодить и заслужить какое-то внимание от ведущей личности.

Последствия культа личности имели место и после смерти Сталина, несмотря на то что Сталин был осужден партией. Долгое время продолжалось возвеличивание роли Н. С. Хрущева. Далее культ личности продолжал насаждаться и при деятельности Л. И. Брежнева. Победу в битве под Новороссийском приписывали ему, многие другие успехи внутри страны связывали с его именем. В течение трех-четырех лет, когда отмечались Дни Победы, на страницах печати больше всего говорилось о боях под Новороссийском, а такие главные районы битв, как под Москвой и Сталинградом, оставались как-то в тени. Книги Л. И. Брежнева так возвышали, что они вроде были лучшими произведениями современности, почти считались эталонами для прозаиков. Насаждение культа личности, угодничество, подхалимство, зажим критики, благодушие, отсутствие гласности явились причиной всех негативных явлений последних лет.

7 июня 1987 г.

Элеонора Белевская, художница,
член Союза журналистов СССР,
г. Москва

НЕ ТОЛЬКО ИСТОРИЯ...

Сталин — это не только история. И память о сталинских временах — не только достояние его современников, очевидцев. Она передается по наследству молодежи и будет еще долго передаваться, прокладывая непреодолимый водораздел между «сталинистами» и «антисталинистами». Память о сталинских репрессиях живет не только в умах, но и в генах. Семена страха, лицемерия, жестокости, посеянные Сталиным, дают всходы и сейчас.

Я не знала своего деда Ивана Ивановича Белевского, арестованного до моего рождения и погибшего в сталинских лагерях. Ему, человеку русскому по языку и культуре, воспитывавшему пятерых детей на любви к русской литературе, был пришит ярлык «нацдеповца» — белорусского националиста. Это был человек высшей пробы, кристальной честности, энтузиаст и труженик. Его обожали ученики, которым он преподавал физику и математику, а заодно учил выращивать помидоры и другие овощи, не культивировавшиеся в Белоруссии в то время. К нему приходили мужики потолковать о жизни, излить душу, нередко засиживались у печки до петухов. Причем эти разговоры никогда не сопровождались «возлияниями». Такой человек-правдолюбец, несомненно, был опасен в те времена.

Моя мать, некогда активная комсомолка, была исключена из его рядов «за неразоблачение врага народа», а когда поехала хлопотать за арестованного отца, ее исключили с режиссерского факультета ГИТИСа (правда, потом восстановили на театроведческом).

Я ничего не знала о том, что произошло с моим дедом и как это отразилось на судьбе моей матери и теток, до середины 50-х годов, когда он был посмертно реабилитирован. От меня скрывали правду по вполне понятным соображениям. Но события, предшествовавшие моему рождению, то состояние ужаса, в котором находилась моя мать, неся меня во чреве, безусловно, отразились на формировании моего характера, запечатлелись в генетической памяти. С детства я очень остро ощущала свою незащищенность, что порождало в свою очередь чувство отчужденности. Я цепенела перед жестокостью или несправедливостью. Мне было легче оправдываться с помощью лжи, нежели правды, по-

тому что жила во мне какая-то странная уверенность, что правде все равно не поверят. Мои ровесники помнят это время, когда среди школьников младших классов просто «честное слово» не котировалось, а доверием пользовалось «честное ленинское» и особенно «честное сталинское», ибо Сталин считался главнее. Все же, на мое счастье или несчастье, мать научила меня чтить просто «честное слово». Но интеллигентные родители в то время деградации культуры были тоже не в чести. В связи с этим я испытывала комплекс неполноценности, завидуя дремучим, горлопанистым мамашам своих сверстников. Ну а кто не помнит разгула антисемитизма в послевоенные годы, когда дети евреев стеснялись своих родителей и своих фамилий? Не породил ли он сейчас у многих обостренное стремление к утверждению своего поруганного национального достоинства?

Все это не только история. Это реальность, живущая в нас. И нам предстоит еще долго «по капле выдавливать из себя раба», как это делал Чехов. Посмотрел бы он на «небо в алмазах» в 30 — 40-е годы...

Трудно себе представить, что такой иезуитски хитрый человек, как Сталин, не допускал мысли о нападении фашистской Германии, что он поддался на удочку Гитлера, поверив, что Якир, Тухачевский, Блюхер, Уборевич и другие — предатели и агенты вражеской разведки. Трудно поверить, что он разгромил накануне войны армию, обезглавил ее из добрых побуждений. Из всех его действий напрашивается вывод, что он сознательно истреблял интеллектуальную верхушку и культурные слои армии, видя в них угрозу своему могуществу. Очутившись к началу войны уже «по уши» в крови, Сталин мог ожидать справедливого возмездия. Напуганный собственными злодеяниями, в глубине души осознавая свою «выдающуюся посредственность», он боялся всех, кто интеллектуально или нравственно возвышался над ним, над общей инертно-послушной массой. Он боялся, что военная интеллигенция повернет армию против него. Подтверждает это даже заздравный тост Сталина в мае 1945 года: «Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой...» Блестящее лицемерие!

Наш народ победил в войне не благодаря «мудрому руководству» Сталина, а несмотря на него, что удваивает героизм народа. Страшно подумать, скольких жертв можно было бы избежать. Что касается приказа № 227, который угрожает военным трибуналом за отступление, «хотя бы и в

безвыходном положении», то он вполне в духе Сталина, ибо апеллирует не к высшим, а к низшим чувствам в человеке, а именно к страху. И Самсонов напрасно приписывает этому приказу «большую положительную роль в моральном плане».

Думается, что настала пора сказать народу полную правду о Сталине и перенести его прах подальше от кремлевских стен... А на месте его могилы или где-нибудь поблизости поставить памятник жертвам сталинских репрессий. Пора привлечь к ответу и палачей — тех, кто еще остался жив.

8 июня 1987 г.

В. А. Корягин, инвалид войны, ветеран труда, 68 лет, г. Москва

И НА ЗАВОДЕ, И В ДЕРЕВНЕ

До войны я работал на знаменитом авиазаводе, где работали Чкалов (я его уже не застал) и прославленные впоследствии конструкторы Ильюшин и Петляков. Когда начались массовые репрессии, на заводе были арестованы самые лучшие люди: директор, начальники цехов, высококвалифицированные рабочие. А в центральных газетах печатали, что троцкистско-бухаринские враги свили на заводе гнездо. В маленькой деревне, где я жил, без следствия и суда исчезли трое самых лучших людей. Две семьи, которые своим трудом добились материального благополучия, были раскулачены. В деревне Барвихе Московской области также были раскулачены семьи тружеников, хотя они никого не эксплуатировали. И думаете, что многие тогда восторгались и слепо верили тому, что печатали в газетах? Страх и еще раз страх, без преувеличения, заставлял многих молчать и говорить вслух совсем не то, что надо.

До сего времени храню копию письма на имя И. В. Сталина, где просил пересмотра закона о пенсиях для инвалидов войны. От «гениального вождя» я ничего не добился, а вот от культа в 1951 году пострадал крепко. Бывшие фронтовики были недовольны и тем, что отменили — якобы по их просьбе — льготы для орденоносцев. Конечно, не все плохо было при Сталине, но то, что из-за его недальновидности погибло 20 миллионов людей, репрессированы сотни тысяч,

в том числе действительно гениальные полководцы, а также работники культуры, искусства и ученые,— этого никто не забыл. После его смерти мне пришлось встречаться со многими бывшими сотрудниками органов госбезопасности. До чего же это были тупые и ограниченные люди... И как же «гений» не видел, кто его окружает? В госпитале я лежал в одной палате с бывшим замнаркома НКВД, который рассказал мне то, что лишь при Н. С. Хрущеве стало известно миллионам людей.

Н. С. Хрущев много сделал для развития демократии, и все его выступления и решения были проникнуты заботой о простых людях. За это ему большое спасибо.

8 июня 1987 г.

Г. Г. Чернов, ведущий инженер по радиоэлектронике, 57 лет, г. Ростов-на-Дону

ГДЕ ТЫ, СТАЛИН?!

Среди моих родственников много было работников НКВД, честнейших людей, святых по отношению к своей Родине, и состояние дел в органах я знал еще при жизни Сталина. Газеты были заполнены отчетами о судах над вредителями, помещались подробные стенограммы судебных заседаний с речами судей, адвокатов, подзащитных, прокуроров, свидетелей и т. д. Выходили отдельные книги с подробными описаниями процессов над Зиновьевым, Рыковым, Бухариным. Моя мама работала в библиотеке и по моей просьбе приносила их домой. Мне очень нравились яркие речи прокурора А. Я. Вышинского на этих выдающихся процессах. Только о вредительской деятельности в армии по соображениям госбезопасности сообщалось очень мало. Книги о политических и уголовных процессах издавались и после войны. Но после XX съезда они куда-то исчезли.

После смерти Сталина преднамеренный развал контрольно-репрессивного аппарата привел к коррупции и безбоязненному грабежу общественной собственности партийно-государственной верхушкой (русской и национальной).

Где Ты, Сталин?!

Сталинская «надстройка» была преднамеренно разрушена, а без «надстройки» ОБХСС куплен весь!.. Покритиковал начальство (сдуру поверив в перестройку) — остался без премии или положенной тебе доплаты, «забыли» тебя включить в соответствующий приказ. Написал заявление — оно попало в руки к самому «обвиняемому» для принятия соответствующих мер к заявителю. Ты работаешь — и в это время работают все бытовые учреждения, ты кончил работать — и они кончили работать. Нужно тебе — уходи с работы за свой счет, и некому пожаловаться.

Можно только восхищаться сталинской гениальной прозорливостью: по мере продвижения к социализму классовая борьба обостряется. История подтвердила сталинское предвидение...

Сейчас нам жить тяжело и материально, и главным образом морально. Нет у нас теперь Великой Идеи, отобрал ее Хрущев.

Вы упоминаете кинофильм «Покаяние» — а при чем здесь Сталин? Там рассматривается случай с работником МВД национальной республики. Недавно мы узнали, что у некоторых современных раисов имелись даже собственные тюрьмы...

12 июня 1987 г.

Дм. Стахов, младший научный сотрудник ИСИ АН СССР, 33 года, г. Москва

РАССКАЗ МАМЫ

Я родился после смерти Сталина. Мое отношение к нему раз и навсегда определено тем, что мой дед, рабочий-политкаторжанин Станислав Андреевич Таукин, приговоренный в 1907 году к пожизненному заключению в Шлиссельбурге и освобожденный революцией, был безвинно осужден в 1938 году и погиб в лагере. Я попросил свою маму Викторию Станиславовну рассказать о том, как однажды в жизни она видела Сталина, и с ее слов записал следующий рассказ:

«Над нашей школой шефствовал Наркомат обороны, и в ней под руководством главного капельмейстера РККА был создан шумовой оркестр — забытое ныне, милое детище начала 30-х. Жизни оркестру было отведено немного: он только должен был вместе со школьным хором высту-

пить на вечере в Большом театре в честь Дня Красной Армии. Разучивались три песни: «С неба полуденного жара — не подступи! Конница Буденного раскинулась в степи...» — эта была основная, на ней делался главный акцент. Потом — «Шел под красным знаменем командир полка. Голова обвязана, кровь на рукаве...» и, наконец, «Распрягайте, хлопцы, коней...» — эта в качестве лирического десерта.

Я играла на мерлитоне. Этим звучным именем называлась деревянная трубка с мундштуком и прорезью, заклеенной папиросной бумагой. При дутье в мундштук получался тот же звук, который можно извлечь из обыкновенной расчески, обернутой той же папиросной бумагой. У главного капельмейстера дергалась нога — последствия контузии на гражданской. Он ставил ногу на футляр от баяна, ободряюще улыбался и, придерживая левой рукой ходившее ходуном колено, дирижировал правой. Репетировали каждый день допоздна, все нервничали. 23 февраля и хор, и оркестр освободили от занятий. И с утра — белый верх, черный низ — мы прели в спортзале, где повторяли небогатый наш репертуар бессчетное количество раз. Ближе к вечеру нас отправили домой переодеться и пообедать. Второй белой кофточки у меня не было, я вернулась в розовой.

Февраль тридцать четвертого запомнился мне морозным, снежным, безветренным. У школы меж высоких сугробов стояли автобусы — длинные, заграничные, красивые — желтый верх, красный низ. То, что я выделяюсь своей розовой кофточкой, выяснилось лишь в артистических уборных Большого. Капельмейстер куда-то умчался и вернулся с белой кофтой. Она была мне велика, ее подкололи булавками, и меня с моим мерлитоном задвинули в задний ряд. Нас построили на сцене. За занавесом чувствовался огромный бурлящий зал. А когда занавес разошелся, то первое, что я увидела,— Сталин, Ворошилов и Буденный сидят в самой близкой к сцене ложе, казалось, на расстоянии вытянутой руки. Не помню, как мы играли, дудела ли я в мерлитон или только раздувала щеки. Вместо капельмейстера дирижировала Нюрочка, дочка школьной уборщицы. У нее были русые куделечки и румянец как кумач. Сталин сидел бесстрастным бронзовым божком, Ворошилов улыбался, вертел головой и, кажется, шмыгал носом, Буденный крутил ус. Нам много хлопали. Из этой ложи сдержанно, из соседней прямо-таки неистово: там сидели Орджоникидзе и Киров, и Орджоникидзе, аплодируя, далеко перегибался через бархатный барьерчик.

После концерта в артистических уборных нас ждало шикарное по тем временам угощение: ситро, бутерброды с вареной колбасой и сыром, пирожное. У школы меня встречал отец. Мы прошли по Антипьевскому, перешли Волхонку, прошли по Ленивке и вошли в наш двор со стороны реки. Дома первым делом мама спросила: «Какой он, Сталин?» И я ответила: «Да ну, какой-то рыжий дядька...» В прихожую вышел гостивший у нас Загейм, друг отца еще по Шлиссельбургу. «Говоришь — рыжий?» — спросил он, пряча улыбку в вислых усах, но отец затолкал его обратно в комнату, и они вдруг начали кричать там друг на друга. Мама прикрыла дверь, увидела на мне необъятную белую кофту и прыснула. А из комнаты неслось: «Съезд победителей! А мы где были?» — «А помнишь у Асеева:

Как я стану твоим поэтом,
коммунизма племя,
если крашено —
рыжим цветом,
а не красным —
время?!
(Н. Асеев. Лирическое отступление)

Больше Сталина я не видела никогда. До тридцать восьмого я ощущала его как некое верховное существо, всеблагое и всемудрое, проникающее во все потаенные уголки, видящее то, чего не видят другие. После тридцать восьмого благо обернулось злом: ночные аресты, требования отречься от родителей на открытых комсомольских собраниях. Я не отреклась. Когда я слышу имя «Сталин», я словно вновь и вновь присутствую на тризне по умершему в лагере отцу, по его расстрелянным и замученным друзьям, по Загейму, читавшему стихи Асеева...»

...Я думаю о том времени — и, честно признаться, по спине пробегает холодок. Мне страшно. Вот соседняя со сталинской ложа, и люди в ней — Киров и Орджоникидзе. Вот мой дед и его друг. При всем различии масштабов этих людей уже пущен ход единой машины, которая так или иначе переломает кости и тем и другим, невзирая на то что одни — вожди государства, лидеры партии, а другие — бывшие эсеры-максималисты, скромные работники Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Как же так, как это произошло? Что их погубило — злонамеренная воля одного человека или неуправляемый «исторический» процесс, стихия, вышедшая из-под контроля?

16 июня 1987 г.

А. З. Рубинчик, авиаконструктор,
г. Москва

УРОКИ ИСТОРИИ

В начале 30-х годов я ехал в командировку в г. Запорожье. Под мерный стук колес хорошо спится. Поезд остановился на какой-то станции, и я проснулся от странного шума. Возле окна купе стояла девочка лет двенадцати и держала на руках братика годиков трех. Это были не дети, а скелеты, и произносили одно только слово: «Хлеба, хлеба, хлеба».

Я отдал все, что у меня было. Я видел, как люди рылись в помойках. Это было давно, но до сих пор вижу этих людей. В Москве магазины ломились от продуктов, а Украина голодала.

Секретарь ЦК КПУ Терехов обратился к Сталину с просьбой о помощи. Сталин не дослушал, оборвал и с насмешкой сказал: «Нам говорили, что вы, товарищ Терехов, хороший оратор. Но, оказывается, вы и хороший сказочник. Сочинили сказку о голоде, думали нас запугать — не выйдет! Не лучше ли вам оставить посты секретаря ЦК КПУ и Харьковского обкома и пойти в детские писатели? Будете сказки писать, а дураки их будут читать».

8 ноября 1932 года в своей комнате застрелилась Надежда Сергеевна Аллилуева — вторая жена Сталина. Уход из жизни молодой (год рождения 1901-й), здоровой женщины свидетельствовал о том, что в семье генсека не все в порядке. Как в таких условиях должен поступить коммунист? Уйти в отставку. Секретарь ЦК должен быть чист, как слеза ребенка. Сталин не ушел в отставку, а те, кто на этом должен был настоять — Молотов и Ворошилов,— выразили соболезнование.

Художник Серов написал картину «В. И. Ленин провозглашает Советскую власть». Кроме Ленина он нарисовал Сталина, Дзержинского и в конце — Свердлова. Миллионы людей не знали, был ли Сталин на II съезде Советов, но Сталин знал, что не был и в тот исторический момент не мог стоять рядом с Лениным. Вместо того чтобы вызвать художника и проучить лжеца как следует, он так не поступил. Когда спустя много лет художника вызвали в соответствующие органы и спросили, зачем он отошел от исторической правды, тот лепетал что-то несуразное. Картину переделал. В новом варианте изъял Сталина, Дзержинского и даже Свердлова, который был на съезде.

Другой художник — Финогенов — нарисовал картину

«Сталин на фронте под Москвой в 1942 г.», хотя хорошо знал, что Сталин на передовой не был. В траншее сидят солдаты и офицеры, защитники Родины, а Он один стоит в открытом поле с биноклем. Я стоял у картины и думал, чем руководствовался художник, создавая заведомую ложь?

В 1932 году в Московский авиационный институт, где я учился, пришел лектор и сказал: «В последние годы Ленин думал над одним вопросом: кто может возглавить партию? И после долгих, повторяю, долгих раздумий остановил свой выбор на товарище Сталине». Сегодня мы знаем, что этого не было. Не кто иной, как Ленин, ставил вопрос о перемещении Сталина с поста генсека.

С 26 января по 10 февраля 1934 года проходил XVII съезд ВКП(б). После съезда начались массовые репрессии, в первую очередь была устранена значительная часть делегатов съезда. Из 1961 делегата уничтожено 1108, из 139 членов и кандидатов в члены ЦК погибло 98[1]. Тяжелый, непоправимый удар был нанесен старой ленинской гвардии.

В декабре 1936 года Сталин заявил, что в стране построен социализм и тем самым уничтожена почва, на которой произрастают враждебные элементы. Кажется, хорошо, очень хорошо! Прошло два месяца. На февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК выступил Молотов, он заявил, что страна наводнена врагами и что борьбу с ними нельзя вести обычными средствами. Необходимо создать «тройки», или особые совещания. После пленума начался невиданный в цивилизованном мире разбой. Рабочий, колхозник, герой Октября, маршал или академик — никто не чувствовал себя в безопасности. Этот разгул продолжался долгие годы.

За 13 месяцев до войны Сталин стал получать тревожные радиограммы о планах фашистов. Первую радиограмму послала из Германии Ильза Штобе. Эта героическая женщина ходила по краю пропасти, но выполняла свой долг. Фашистские мерзавцы выследили ее, и она погибла. Ценнейшие данные сообщали наши разведчики из Токио. Сталин получил 76 тревожных сообщений о готовящейся войне и ни на одно не обратил внимания. В 1943 году в беседе с Черчиллем он сказал, что не нужно было никаких предупреждений, знал, что война начнется, но думал, что удастся выиграть месяцев шесть. У наших границ 5 миллионов вооруженных фашистов, а он «думает»! Вот что писали сами немцы: «В 3.30 22 июня вся наша артиллерия откры-

---

[1] См.: Октябрь, 1988, № 4, с. 181.

ла огонь — и затем случилось то, что показалось чудом: русская артиллерия не ответила». В первый день войны немцы уничтожили около 1200 наших самолетов на аэродромах и в неравных боях. Наши войска лишились авиационного прикрытия.

Летом 1941 года фашисты форсировали Днепр севернее и южнее Киева. Обе фашистские группировки спешили друг другу навстречу, чтобы окружить советские войска. Разгадать замысел врага — достаточно двух классов духовной семинарии... В создавшихся условиях было одно разумное решение — сохранить армию. Так поступил Кутузов в 1812 году. И такое же предложение внес Жуков, предлагая отвести войска за реку Псел. Сталин не разрешал отвод, а когда разрешил, было поздно. Немцы кричали, что захватили в плен 650 тысяч русских. Если эти данные уменьшить втрое, то и 216 тысяч — страшная потеря, 500 офицеров во главе с командующим Кирпоносом темной ночью хотели вырваться, но счастье им не улыбнулось. Они все погибли.

...Эту тему можно продолжать и продолжать. Но сердце не камень и требует отдыха. Мы судим убийцу одного человека, а как поступить с тем, по чьей вине погибли миллионы?

19 июня 1987 г.

Ю. И. Музыченко,
сын командующего 6-й армией
генерала И. Музыченко, г. Москва

ПРИШЛО ВРЕМЯ ПРАВДЫ

В 1938 году мой отец, комбриг, командир 4-й Донской казачьей дивизии (дивизию принял от Г. К. Жукова), неожиданно летом получил от доброжелателей по телефону предупреждение о том, что ночью его арестуют органы НКВД. По характеру решительный, он поднял этой же ночью всю семью: мать, сестру, меня. Вызвал «эмочку» — и не успели мы охнуть, как покатили на поезде в Москву. Переволновались так, что вспоминать тошно. В Наркомате обороны отец получил разъяснение: его обвиняют в том, что он скрывает свою национальность, что он не русский, а швед, еще какая-то чепуха. Надо же было кому-то злопыхателю и доносчику состряпать такое!

Ворошилов дал отцу отпуск, чтобы тот доказал, что он русский (а не наоборот — чтобы органы НКВД доказали, что он швед). Повезло отцу! Разыскал моего деда, а тот —

попа, который крестил отца. Он, поп, и выдал убедительные документы.

Угодил отец после этого в преподаватели оперативно-тактического искусства на Высших кавалерийских курсах в Новочеркасске. Обратно в дивизию его уже не послали. Они, командиры, называли это «ссылкой»...

Как Генеральный секретарь ВКП(б) и глава правительства, Сталин несет ответственность за все, что присходило в стране в тех нелегких условиях, но разделить с ним эту ответственность следует всем: и Политбюро, и ЦК партии, и правительству, и органам НКВД.

Меры к повышению боеготовности войск принимались, и немалые. Войска Юго-Западного фронта (заблаговременно созданного) сумели занять УРы (укрепленные районы). Мой отец, в ту пору командующий 6-й армией, разъяснял мне: чтобы быстро, по тревоге, занять УРы, войска должны быть обучены, действовать по минутам — и решительно! Историки в свое время отметят, что командующие 5, 6, 26-й армиями были соратниками Г. К. Жукова, и боевая готовность этих войск была на должном уровне.

Да, Евгений Аронович Долматовский, автор «Зеленой брамы», совершил гражданский подвиг, поведав суровую правду о гибели наших 6-й и 12-й армий в 1941 году под Уманью. Поведал с высоких позиций, не опустился до уровня обывателя.

За две недели до смерти отца у меня с ним был тяжелый разговор. Он сказал: «Я очень жалею, что правду о гибели 6-й армии народ наш никогда не узнает. Я, как командующий, никаких претензий к красноармейцам и командирам не имею — они дрались героически и свой долг выполнили до конца. Я хотел бы, чтобы память о них осталась в народе».

Я горячо доказывал отцу, что придет время, найдутся те, кто поведает правду. Е. Долматовский первым сказал эту правду, и жаль, что отец не дожил до этого дня.

После освобождения из плена и прохождения госпроверки приказом Сталина от 31 декабря 1945 года отцу и его боевым товарищам были восстановлены генеральские звания, годы плена засчитали как службу в Красной Армии, возвратили все ордена. Судьба же командующего 12-й армией генерала Понеделина оказалась после госпроверки трагической... [1]

22 июня 1987 г.

[1] См.: *Симонов К.* Уроки правды.— Наука и жизнь, 1988, № 4, с. 16—25.

А. Гланц, переводчик, 40 лет,
г. Горловка Донецкой обл.

ПОБЕДА НАД СТРАХОМ

Мы много говорим об ущербе, который принесли обществу сталинские репрессии. Называем цифры репрессированных, тысячи известных н миллионы неизвестных нмен. Но никакие цифры не передадут точного количества людей, не убитых, а контуженных ударной волной сталинизма, волной страха, отчуждения, трусости, растления человеческих душ. Эта ударная волна не только искалечила души современников Сталина. Она продолжает уродовать судьбы по сей день, подобно атомной бомбе Хиросимы, жертвы которой умирают уже в третьем-четвертом поколении.

И. Эренбург пишет в мемуарах о самоубийстве военного журналиста генерал-майора М. Р. Галактионова. Он был контужен «ударной волной ежовщины»; застрелился после пресс-конференции, на которой американские журналисты задали ему вопрос: «Может ли советский журналист потребовать отставки Сталина и замены его хотя бы Молотовым или Литвиновым?» Страшно было не только отвечать — страшно было слышать это...

Надежда Мандельштам вспоминает, как знакомые при встрече с ней и с опальным мужем перебегали на другую сторону улицы. Точно такой же случай запомнился и мне в детстве. В 1952 году мне было пять лет, и я помню, как из нашего дома исчез сосед-шофер дядя Володя. Впоследствии оказалось, что он, будучи за городом, попал в автокатастрофу, был несколько дней без сознания. Документов при нем не было, и личность его долго не могли установить, а когда установили, то не сразу сообщили семье о случившемся. За неделю или полторы, которые он отсутствовал, среди соседей пронесся слух, что его «забрали органы». И этого было достаточно, чтобы соседи подвергли остракизму его семью. При встрече с его женой соседи перебегали на другую сторону улицы. Соседка, ребенка которой спасла жена Володи во время сердечного приступа, захлопнула дверь перед ее носом. Соседские дети кидали камни в ее детей н обзывали «немцами». Я сначала не хотел этого делать, но сладкий яд безнаказанной травли сидит в каждом из нас. Я уже нагнулся за камнем, я уже кричал, но мать схватила меня за руку.

В 1971 году я приехал в гости к своему дяде, подполковнику медицинской службы, кандидату медицинских наук.

Черт меня дернул упомянуть за столом, что у меня с собой стихи, которые редакторы в моем городе не публикуют и которые я хочу показать редакторам в его городе. Но первым «редактором» стал дядя: «Я с тобой буду говорить об этих стихах по стандартам тридцать седьмого года. Вот этот стих — 10 лет, за этот — 15, а за этот — 25...» Я пытался объяснить, что неопубликованные стихи — не значит запрещенные. Но куда там!..

В 1978 году инструктор Горловского ГК КПУ вызвал секретаря общества книголюбов Людмилу Ильиничну Светлицу: «На вечере, посвященном футуристам, ваш подопечный Гланц читал антисоветских поэтов».— «Что вы, каких антисоветских? Он читал Маяковского и Пастернака!» — «Пастернак — антисоветский поэт».— «Но, позвольте, его ведь печатают!» Тогда инструктор торжествующе показал ей свой текстовой анализ вечера: оказывается, два стихотворения Пастернака — «Гамлет» и «Август», которые я читал на вечере, к 1978 году еще не были опубликованы (их напечатали в 1980-м).

Вернусь к эпизоду, с которого начал свое письмо. Когда Володя возвратился, самое страшное, на мой взгляд, заключалось в том, что ни он, ни жена на соседей нисколько не обиделись. Они восприняли их поведение как совершенно нормальное, само собой разумеющееся. Они бы, наверно, и сами так поступили, если б это случилось с кем-то другим.

Самое страшное в тоталитарных диктатурах — даже не убийство, а растление душ. Самое страшное — не тогда, когда за человеком приходят ночью и уводят в ночь. Самое страшное — когда при солнечном свете его друзья перебегают на другую сторону улицы.

Страшно, когда из библиотек изымают книги опальных авторов. Но еще страшнее, когда человек в собственной квартире тайком уничтожает эти книги. Помните слова Фадеева по поводу санкционированного им временного изъятия романа Эренбурга «Падение Парижа»? «Я проявил политическую перестраховку в **лучшем** смысле этого слова». Что же говорить о **худшем** смысле этого слова — «перестраховка», корень в котором все тот же «страх»?

Волна страха и ненависти могла бы и приутихнуть за 34 года, прошедшие после смерти Сталина. Но затухнуть ей не давали и те, кто заставлял писать покаянные «объяснительные», и те, кто их писал, черня друзей и выгораживая себя.

Сталинизм не победишь одним изъятием портретов и

переименованием городов. Сталинизм — это прежде всего страх. Страх перед начальством, перед неверными друзьями, перед самим собой. И когда умрет страх, умрет и сталинизм. Победа над страхом — самое важное в искоренении ошибок прошлого.

22 июня 1987 г.

А. П. Охрименко, журналист, 65 лет, г. Москва

ЧИСТЫЙ ПЕРЕУЛОК, ЧЕРНЫЕ РАССВЕТЫ

Рано утром меня разбудил резкий звук — у подъезда нашего дома затормозила машина. Из-за шкафа, где стояла моя постель, я услышал, как встал и подошел к окну отец. Тогда, в 1938 году, по нашему Чистому переулку, что идет от Кропоткинской улицы к Арбату, машины ходили редко, а если останавливались у какого-нибудь дома, значит, за кем-то приехали. И каждый раз, когда на рассвете машина оказывалась у нашего подъезда, отец подходил к окну...

Вот и сегодня он стоял у окна. Прошло несколько минут. О чем думал? Об этом я узнал от него позже, когда волна арестов пошла на убыль, году в сороковом.

Глядя в окно, отец слово в слово мысленно повторял записку В. И. Ленина, сыгравшую важнейшую роль в его жизни. Она была адресована «тт. Енукидзе, Л. Б. Каменеву, Е. Д. Стасовой»[1]. В записке после фамилий адресатов говорилось:

> «Очень прошу устроить помощь, одежду,
> *квартиру, продовольствие,* подателю,
> тов. *Петру Охрименко.*
> Если будут трудности того или иного
> рода при оказании помощи, очень
> прошу созвониться со мной.
>
> 12 XI.1919
>
> *В. Ульянов (Ленин)».*

Впоследствии в своих опубликованных воспоминаниях отец писал: «С этой запиской я обратился во ВЦИК, к А. С. Енукидзе. Встреча с ним в Кремле осталась в моей па-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 83—84.

мяти навсегда. Крупный, широкоплечий, большого роста, по виду суровый и неприступный, он оказался очень чутким человеком. С каким вниманием, можно сказать благоговением, читал он записку Ленина, с какой теплотой произносил имя вождя!»[1]

А. С. Енукидзе расспросил отца об истории получения этой записки. А история была непростая. Отец, секретарь исполкома Мелитопольского уездного Совета, летом 1919 года вместе с другими партийными и советскими работниками при наступлении частей Деникина, уже занявших подступы к Мелитополю, переправился на другой берег Днепра и спустя некоторое время оказался в голодной Москве. Приют он нашел в семье сестры жены, но чувствовал, что он в тягость — ведь у него не было работы, а значит, и пайка...

Отец хорошо знал английский язык — после революции 1905 года, в которой он участвовал, эмигрировал в Америку, где прожил несколько лет. И теперь решил попробовать свои силы в переводе с английского художественной литературы. Он перевел стихотворение Эдварда Карпентера «Англия, восстань!» и 6 ноября 1919 года принес его в «Правду». Там он встретил Марию Ильиничну Ульянову, секретаря редакции, которая, узнав о цели его прихода, привела отца к редакторам Н. Л. Мещерякову и А. А. Сольцу. После того как отец по их просьбе вслух прочел стихотворение, Мещеряков позвонил выпускающему и спросил, непоздно ли сдать в набор стихи для завтрашнего праздничного номера. Оказалось, что непоздно, хотя было уже около пяти часов вечера.

И на следующий день, 7 ноября, когда отмечалась вторая годовщина Октября, это стихотворение было напечатано в «Правде», рядом со статьей В. И. Ленина.

Теперь, в 1938 году, уже были арестованы и Енукидзе, и Каменев, в опале Сольц...

А еще отец вспоминал встречу в коридоре здания Коминтерна, где вскоре после ленинской записки стал работать переводчиком. Шедший ему навстречу человек в кожаной тужурке остановился, поздоровался и сказал:

— Петр Федорович, а что вы в партию не вступаете?

Отец ответил, что не считает себя достаточно подготовленным, так как много лет является последователем учения Льва Толстого и лишь не так давно занялся изучением марксизма, трудов В. И. Ленина.

[1] *Охрименко П.* Воспоминания о В. И. Ленине.— В. И. Ленин в воспоминаниях писателей. М., 1980, с. 198.

Собеседник рассмеялся:

— Все мы очень почитаем великого Льва Николаевича, хотя и не согласны с его теорией непротивления злу насилием. А марксизм доучите потом — впрочем, доучить его до конца невозможно,— у марксизма нет конца! Вступайте, вступайте, Петр Федорович, я вам рекомендацию дам.

Этим человеком, который быстрой походкой удалялся по коридору, был Николай Иванович Бухарин.

Легко понять, какая судьба ожидала отца, вступи он тогда в партию. Слишком уж подозрительно по тем временам было такое стечение обстоятельств. Жил в Америке... знаком с Енукидзе... «проник» в Коминтерн... а в партию его рекомендовал Бухарин. Яснее ясного — агент иностранной разведки, контрреволюционер, враг народа.

Вот о чем думал, стоя порой у ночного окна большой, в тридцать метров, комнаты с балконом в доме № 6 по Чистому переулку, он, член Союза писателей со дня его основания (членский билет был подписан А. М. Горьким), переводчик с английского, Петр Федорович Охрименко...

Стоял он до тех пор, пока из подъезда не вышли четыре человека. Отец узнал только одного, остальные ему, понятно, были незнакомы. А знакомым был наш сосед по лестничной площадке архитектор Никита Петрович Налетов. Его семья занимала две комнаты в общей квартире. В свое время их предложили отцу (для начала А. С. Енукидзе выдал ему ордер в общежитие ВЦИК на Воздвиженке). Отец сказал, что ему хватит и одной. А Никита Петрович с женой, больной пороком сердца, почти не встававшей с постели, поселился на той жилплощади, от которой отказался отец. Примерно через год после ареста Никиту Петровича освободили, но из тюрьмы он вернулся совсем больной, все время кашлял и вскоре умер.

И в нашей квартире был арест — увезли Яна Яновича Чукана, латыша, участника революции и гражданской войны. Ян Янович, добродушный и, несомненно, честнейший человек, коммунист, работал в Гознаке — ему было поручено, в частности, сжигать пришедшие в ветхость деньги. Жене, которая узнавала о судьбе мужа, сказали, что Ян Янович арестован за то, что часть этих денег присваивал. Тогда была и такая практика — выдуманный предлог для ареста. Яна Яновича мы больше не видели.

А этажом ниже жил зубной врач Шапиро — тот самый, что упоминается в романе А. Рыбакова «Дети Арбата». Помните эпизод, как к Сталину в Сочи приезжал зубной врач Липман? Ему Сталин как-то сказал: «У вас руки бо-

лее ласковые, чем у Шапиро». Семья Шапиро — единственная в нашем доме — занимала отдельную квартиру. Самого Шапиро — небольшого роста, кругленького, черненького — я не раз встречал на лестнице. Он почти всегда ходил пешком с небольшим докторским чемоданчиком. А иногда ему подавали машину — это означало, что он поехал лечить зубы кому-нибудь из очень высокого начальства. Никто не знал, что он врачевал самого Сталина.

Арестовали Шапиро в 1937 году — во всяком случае, до моего призыва в армию, а я ушел добровольцем в январе 1942-го,— он домой не вернулся.

Так было в доме — одном из многих московских домов, где исчезали люди. Не в таком, конечно, количестве как в трифоновском «Доме на набережной», но тоже немало... И то же самое было в школе. Появилось страшное слово «репрессии», которого мы, ребята, раньше и не слыхали. Узнавали: то у одного, то у другого нашего товарища по классу репрессирован отец, иногда мать, а часто и оба родителя. А в школе на уроках пения пели:

Границы Союза Советов
Закрыл ои от вороиов чериых,
Одел их бетоном и камием
И залил чугуииым литьем.
Споем же, товарищи, песию
О самом великом дозорном,
Который все видит и слышит,—
О Сталиие песию споем.
(Слова М. Исаковского)

Однажды вечером (по-моему, это было в 1939 году) к нам зашел младший брат отца Иван Федорович, в то время заместитель наркома заготовок. У братьев не было секретов друг от друга. (А в те мрачные годы нередко случалось наоборот.)

Едва войдя в комнату, Иван Федорович сказал полушепотом:

— Петя, вчера я был у товарища Сталина!

Волнуясь, он стал рассказывать. Нарком заготовок (не помню его фамилию) был в командировке, Иван Федорович оставался за него. Накануне, часов в двенадцать, ему позвонил Поскребышев и сказал, что к четырем часам он должен быть у товарища Сталина.

Когда Иван Федорович вошел в приемную, за столом сидел Поскребышев, а на одном из кресел, стоявших вдоль стены,— А. И. Микоян.

Прошел час. Из кабинета Сталина никто не выходил, но Поскребышев пригласил зайти Микояна. Минут через пять

Микоян вышел, попрощался и ушел. Спустя еще пять минут Ивана Федоровича пригласили в кабинет.

Когда Иван Федорович вошел к Сталину, тот, расхаживая по кабинету, курил трубку. Потом спросил:

— А как у нас в этом году с просом, товарищ Охрименко?

Замнаркома опешил. Он ожидал вопроса о более важных культурах — о ржи, пшенице, о заготовках мяса, молока... А о просе у него не было никаких сведений... Но разве скажешь об этом Сталину? И Иван Федорович, какую-то секунду помедлив, вымолвил:

— Урожай проса у нас в этом году будет выше, чем в прошлом, товарищ Сталин!

Сказал... и испугался. А если спросит, какой урожай был в прошлом и какой ожидается в этом? Но Сталин не спросил. Он раскурил потухшую трубку и сказал:

— Что ж, это хорошо. Вы свободны, товарищ Охрименко.

— Я так и не понял,— закончил свой рассказ Иван Федорович,— зачем он меня вызывал? По сути дела, я ему ничего не сказал. И почему он не спросил ни о чем другом? Ни о хлебе, ни о мясе? Почему просо?

Действительно, если вдуматься — может ли руководитель государства вызвать человека, заменяющего наркома, чтобы задать ему один-единственный второстепенный вопрос по работе отрасли? Допустим, может. Но ведь вождь удовлетворился ничего не значащим ответом... Очевидно, он привык играть роль «самого великого дозорного, который все видит и слышит», вплоть до того, как произрастает просо.

А потом в моей жизни были минуты, когда нашей брошенной под Ржев курсантской роте кричали командиры: «За Родину! За Сталина!» И мы поднимались в атаку... И были другие минуты, когда после ранения на подступах к Ржеву и окончания курсов младших лейтенантов Калининского фронта я принял взвод и сам не раз кричал эти же слова...

Война сместила многие понятия. Куда-то в глубины сознания перешли и фигура отца у рассветных окон Чистого переулка, и рассказ Ивана Федоровича, и страшное слово «репрессии». А остались ежедневно повторяемые славословия в газетах, в книгах, на политзанятиях. И этот крик перед атакой... Как все произошло? Подобные мысли не раз впоследствии приходили ко мне. Я понимал, сам видел, сколько горя принесли Сталин и его холопы народу, а ведь тоже кричал.

Так, уничтожая одних, запугивая других, сталинизм сделал еще одно, можно сказать, глобальное зло — раздвоил души большинства людей, которые думали одно, говорили другое, а делали третье. И это не кончилось со смертью Сталина, а прочно засело в обществе. Подтверждений тому было очень много — и в 50-е, и в 60-е годы, и позднее.

...Когда Сталин умер, я позвонил Михаилу Аркадьевичу Светлову, с которым был хорошо знаком, если не сказать — дружен. Я сказал: «Какая тяжелая потеря!» А Михаил Аркадьевич со свойственной ему иронией ответил: «Я еще не вполне оценил степень ее тяжести. Приезжайте, поговорим».

Мы долго разговаривали в тот вечер. Светлов рассказывал о годах репрессий, о потере друзей, в чьей преданности делу революции, честности и порядочности он был уверен. А я рассказал ему то, что написано выше.

— Об этом надо писать,— сказал Светлов.— Жаль, что нельзя,— и добавил: — Пока...

Жизнь показала: это «пока» оказалось пророческим.

23 июня 1987 г.

Н. М. Воронкин, ветеран партии, войны и труда, г. Одесса

О «БЕЛЫХ ПЯТНАХ» ИСТОРИИ

В Ваших публикациях я усматриваю начало большой работы по восстановлению исторической правды. Да, в нашей небольшой, но емкой истории Советского государства (всего 70 лет) очень много «белых пятен», и, чем быстрее мы их заполним на карте памяти, тем лучше.

Мы воспитывались в эпоху, когда все, что ни делалось партией и народом, приписывалось одному Сталину. Его обожествление дошло до абсурда. Сталин — гений по всем вопросам политики, экономики, философии, дипломатии, военного дела, истории, языкознания и т. д. Он не спал, а думал только о нас, «винтиках» социализма. Какие только ему при жизни не пели дифирамбы!..

Мне посчастливилось выжить, несмотря на участие в пяти военно-морских десантах в тыл врага, при которых, как правило, три четверти участников погибало. В первом, в районе Одессы осенью 1941 года, никто из матросов не кри-

чал «За Родину, за Сталина!», но зато, находясь под легким градусом от «наркомовской нормы», благим матом орали про бога, его мать пресвятую богородицу и всех божеият... А вот под Керчью и Новороссийском нет-нет да и были лозунги «За Родину! За Сталина!». Но кто и почему их кричал?

Перед высадкой приходил офицер из политотдела и собирал агитаторов, с каждого катера или мотобота по два человека, объяснял им обстановку, задачи десанта:

— Вам лично при подходе к берегу выброситься первыми с лозунгом «За Родину! За Сталина!» и увлечь за собой остальных...

Но и тут «бог» был рядом со Сталиным. Под Новороссийском мы уже строем подписывали клятву лично Великому Сталину, написанную и присланную сверху.

Стоит ли восстанавливать памятники Сталину? Давайте положим на весы истории великое и злое, совершенное им. Великое мы знаем, а злое?

Ликвидация оппозиций. Сколько расстреляно и репрессировано? «Белое пятно»! И все ли они были заядлые враги Советской власти? Не верю!

Перегибы коллективизации. Сколько погибло тогда крестьян? Черчилль называет миллионы. Но Черчилль наш ярый враг, я ему не верю, а наша научная статистика что дает? «Белое пятно». А сколько жертв унес голод в 1932—1933 годах? Тоже «белое пятно».

После убийства С. М. Кирова сколько репрессировано? «Белое пятно». В 1937 году самоубийство любимца партии Серго Орджоникидзе. «Белое пятно»...

Сталин лично ответствен за трагедию участников обороны Севастополя. Когда уже было ясно, что город не удержать, Военный совет Черноморского флота внес в Ставку предложение — все крупные и быстроходные корабли флота, от линкора «Парижская коммуна» до базового тральщика, бросить на эвакуацию участников обороны. Используя опыт эвакуации Одессы, вывезти в кавказские порты героических участников обороны Севастополя. Потери на переходе возможны, но основная часть личного состава достигнет портов Кавказа. Сталин не разрешил использовать для эвакуации флот, а вместо этого прислал послание, прославляющее участников обороны, и поставил их героизм в пример всей Красной Армии. Сколько их, настоящих героев, осталось там, на мысе Херсонес? «Белое пятно»... (Немцы, захлебываясь от восторга, сообщали: более ста тысяч!)

Сталин при его железном характере был человеком на-

строения. Когда в мае 1942 года рухнул Крымский фронт по вине Мехлиса, он его не расстрелял, как генерала Павлова, а, понизив в звании и должности, направил членом Военного совета фронта, где тот с успехом «съел» пару командующих армиями, в том числе прославленного полководца И. Е. Петрова, героя обороны Одессы, Севастополя, Новороссийска. Сохранив Крымский фронт, мы вышли бы к Перекопу и не оставили бы Севастополь...

Послевоенные годы. Борьба с «космополитами». Сколько ученых и деятелей искусства унесла эта борьба? Ленинградское дело. Расстреляны председатель Госплана Вознесенский, секретари Ленинградского обкома и горкома Кузнецов и Попков. А сколько репрессировано в связи с этим надуманным делом? «Белое пятно»!

А что было сделано с десятками и сотнями тысяч военнопленных, вышедших из окружения, и даже с частью партизан? Все они по возвращении на Родину обязаны были пройти проверку в сибирских лагерях... Сколько же пришлось морально пережить всем этим «врагам народа», их женам, детям, военнопленным, исключенным из комсомола, не принятым в институты, пока смерть «Хозяина» не сняла с них табу! Через 20 лет перед ними официально извинятся...

Сталин не мог знать поименно репрессированных секретарей райкомов, директоров заводов, командиров полков. Но маршалов Тухачевского, Блюхера, Егорова, командующих особыми округами Якира и Уборевича, государственных и политических деятелей Бубнова, Чубаря, Косиора, Постышева и сотни других он знал лично, назначал на должности, встречался с ними, они служили ему не за страх, а за совесть. И погибли — за что?

Кто смоет кровь безвинно погибших?

Сейчас опубликованы «Новое назначение» А. Бека, «Дети Арбата» А. Рыбакова. В этом я тоже усматриваю начало восстановления исторической правды.

Мне кажется, в личности Сталина соединились воедино великое и злое. Чего больше? Ответит История! Перед нами прошли эпохи Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева... И только к одному имени — Владимира Ильича Ленина — ничто не пристало, потому что он был действительно гениальным вождем и Человеком.

Так что, вы спросите, все годы, пока руководил партией и страной Сталин, были одни неудачи и все было плохо?

Категорически отвечаю: нет! Мы достигли больших успехов, от сохи шагнули в космос. Но послушайся партия

великого Ленина в 20-е годы — переместить Сталина с должности генсека,— мы бы имели гораздо большие успехи и уж конечно таких многомиллионных жертв от репрессий не понесли бы.

Ворошить прошлое — не очень благодарное дело. Но Вы подняли этот вопрос, а мне надоело молчать. Верю, что теперь, в условиях гласности, Вы опубликуете эти строки.

24 июня 1987 г.

В. Н. Юдин, рабочий завода имени Войтовича, г. Москва

КАК Я КОНФИСКОВАЛ ХУТОР

Мне 60 лет. Юнгой, добровольцем из блокадного Ленинграда начал свой путь на Балтике. В конце 1946 года я как «опытный воин» с большим флотским званием — старшина 1-й статьи (младенец по знанию жизни с 19-летним «огромным» опытом) — был направлен с боевых катеров на берег обучать новобранцев в качестве старшего инструктора. Отлично справлялся с этим делом. Если бы в то время я услышал что-либо плохое о Сталине, то шлепнул бы любого на месте.

В 1948 году осенью меня, моего друга, такого же старшину, и лейтенанта, начальника клуба части, вызвали к начальнику и сказали, что мы отправляемся на задание. Приказали взять личное оружие. Поздним вечером мы прибыли в офицерский клуб порта Лиепая, где было битком таких же, как мы, из разных частей флота. Перед нами выступил министр МГБ Латвии и сказал следующее: «Республика взяла обязательство перед товарищем Сталиным к 15 октября выполнить хлебопоставки, а кулаки и их волки-айсарги срывают их. Вы отправляетесь на места для оказания помощи партийным и советским органам в выполнении плана сдачи сельхозпродуктов. Заслушайте приказ командующего флотом и получите мандаты!»

Взревели моторы студебеккеров, и мы покатили в ночь. Нам достался Елгавский уезд — 128 хуторов. Наутро прибыли на место. «Советской властью» в волости оказался старый социал-демократ, бывший батрак, ничего не смысливший в политике. Опасаясь за нас, он предложил нам постой у «новоземельцев» (переселенцев). Куда там! «Кто самые богатые — ставь туда! Только в логово врага!» Как по-

том выяснилось, за неделю до этого на пороге магазина нахально, средь бела дня, «лесные братья», айсарги, застрелили единственного милиционера. Конфисковав себе пролетку, мы и вместе, и поодиночке носились по хуторам, выполняя приказ. Никто не сопротивлялся, хотя оружие было наготове. Самая большая трудность заключалась в том, что на весь обширный район был один-разъединственный паровой локомобиль, медный, с длинным приводным ремнем, питавшийся соломой. От хутора к хутору его доставляла упряжка из 12 лошадей. «Давай! Давай!» — погоняли мы. Все соседи по традиции съезжались на помощь. Порой закрадывались сомнения, как это я, идейный комсомолец, большевик, вкалываю у молотилки вместе с кулацкими дочками, но тут же я утешал себя, что и «новоземельцы» работают рядом, и вкалываем мы, стараясь выполнить задание.

Однажды вечером, просматривая квитанции о сдаче хлеба, предъявленные хозяевами, я с негодованием обнаружил, что один хутор, километрах в десяти, уже два года не выполняет поставок и много задолжал. Утром, кипя от гнева, я гнал коня на этот хутор. Плачущая старая женщина, одна лошадь и испуганный 17-летний парнишка несколько меня обескуражили. Осмотрев невозделанные поля, неухоженную и разоряющуюся усадьбу, я понял, что 5 тонн зерна, 8 тысяч денег (такова была норма), не говоря уже о молоке, яйцах и шерсти, здесь не возьмешь. Но... как поют в песне, «сомненья прочь, уходит в ночь отдельный десятый наш десантный батальон». Сомненья прочь. Тут же я конфисковал хутор, а старую женщину-кулачку и ее сына с каким-то тряпьем на ее лошади и единственной телеге отправил на станцию Елгава, где формировали из «сопротивляющихся» эшелон для «выполнения обязательств» уже в других местах.

Вечером в субботу я плясал «линду» в сельском Народном доме с крестьянами. Задание и обязательство по волости были выполнены точно и в срок. Повзрослев и вспоминая этот эпизод среди многих других, невольно задаешь себе вопросы: «А почему именно к 15 октября?» При одном-то молотильном локомобиле, да и железнодорожный перегруз... «А почему конфисковать и отправить?» Куда ей обработать такие поля с одним конем да малолетним парнишкой! И понимаешь. Чтобы отрапортовать карьеристам: «Товарищ Сталин, к празднику 7 ноября задание выполнено!»

Вы спросите, почему я «кипел от гнева»? Невыполнение указаний тов. Сталина я считал святотатством и всякое со-

противление подавлял безжалостно. Оценивая прошлое, в котором я принимал участие, жил, трудился, я теперь думаю так. Если взвесить на весах хорошее в деятельности и жизни И. В. Сталина на одном лотке и плохое — на другом, то черный, плохой лоток перетянет. И этот урок должны знать все строители будущего, идейные революционеры-коммунисты и весь советский народ. Сталин виновен и в тех жертвах, которые мы сейчас несем, и в перерожденцах, воспитанных его деятельностью.

25 июня 1987 г.

Следующие ниже письма связаны с публикацией в газете «Социалистическая индустрия» полемических заметок известного советского писателя Ивана Стаднюка в связи с моей перепиской с водителем И. Карасевым. Заметки вызвали приток новых писем в редакцию, их авторы выражают не только собственную точку зрения на конкретные проблемы, поднятые И. Стаднюком, но и затрагивают важную сегодня нравственную тему — о культуре дискуссий как неотъемлемой части процесса демократизации нашего общества.

Иван Стаднюк

ПРАВО НА ПОИСК ИСТИНЫ

В вашем ответе на письмо водителя И. Карасева вы утверждаете, что «суровая кара, нравственная справедливость расстрелов обосновывается у И. Стаднюка и в разговоре Сталина с Б. М. Шапошниковым», имея в виду мой роман «Война». Обвинение тяжкое, несправедливое, ничего общего не имеющее ни с тем, что пишется в моем романе, ни с моим личным отношением к трагической судьбе, постигшей командование Западного фронта во главе с генералом армии Д. Г. Павловым в июле 1941 года.

Я, как и вы, считаю, что не было необходимости прибегать к столь крайней мере наказания большой группы генералов и офицеров, которые бы, полагаю, во время войны, пусть даже пониженные в воинских званиях, могли принести немало пользы.

Присутствие в романе «Война» Д. Г. Павлова и его соратников, их трагическая судьба как раз и позволяют в

какой-то мере осмыслить читателю атмосферу того тяжкого для нашего государства времени. Что же касается самих событий, то в главном я ни в чем не отступил от представленных мне документов. Д. Г. Павлова действительно пытались обвинить в сговоре с врагом, он мужественно переносил допросы, доказывая абсурдность таких обвинений, но в то же время признавая, «что в преддверии войны он, как командующий округом, не сделал многого из того, что обязан был сделать», имея в виду, например, то, что перед самым началом вражеской агрессии вся зенитная артиллерия округа была собрана на полигоне восточнее Минска, наземная — в лагерях в районе Минска, несвоевременный сбор саперов, неподтянутость войск к местам дислокации и многое другое. И все-таки Д. Г. Павлова вынудили подписать обвинения даже куда более страшные, чем те, которые были предъявлены ему на судебном процессе, и допрашивавший его следователь, видимо сам не веря в них, сделал примечание к протоколу дознания: «Павлов подписал протокол допроса в невменяемом состоянии».

Как известно, Д. Г. Павлов и его соратники были преданы суду военного трибунала по предложению приехавшего в Касню 2 июля 1941 года Мехлиса и решению нового Военного совета Западного фронта. Получил ли такое поручение Мехлис от Сталина, не знаю. Арестован Д. Г. Павлов был 4 июля 1941 года в местечке Довск оперативной группой, которую возглавлял начальник управления контрразведки Красной Армии А. Н. Михеев, в составе группы были адъютант Мехлиса и капитан госбезопасности И. Г. Гойко (сейчас полковник запаса, живет в Одессе). У меня хранятся письменные свидетельства И. Г. Гойко (он составлял акт изъятия у Д. Г. Павлова документов, оружия, наград и пр. и записал реакцию Павлова на свой арест), первого члена Военного совета фронта генерал-лейтенанта А. Я. Фоминых, которого Мехлис изгнал с командного пункта фронта. Эти и другие документы в свое время я консультировал в разных компетентных инстанциях, в том числе и у главного военного прокурора Советской Армии генерал-полковника юстиции А. Г. Горного.

Но дело даже не в подробностях. Ведь надо уметь читать художественное произведение, надо помнить, что каждый писатель имеет право на поиск истины. Неужели вы, уважаемый товарищ академик, не поняли позицию автора романа «Война» по отношению к судьбе Д. Г. Павлова хотя бы из такого диалога Сталина и Шапошникова:

«...— Скажите, пожалуйста, почему в адресованной мне

телеграмме от седьмого июля об аресте и предании суду бывших руководителей Западного фронта рядом с подписями Симошенко, Мехлиса, Ворошилова и Буденного я не увидел вашей подписи? — спросил Сталин.

— Когда подобный документ подписывают коллективно, значит, каждый в отдельности в чем-то сомневается...— ответил Шапошников.

— А вы разве сомневаетесь в правильности этого шага? — спросил Сталин.

— Нет, я не сомневаюсь. Трагедия генералов Павлова, Климовских, Григорьева, Клыча, Коробкова... меркнет на фоне трагедии десятков и десятков тысяч людей, погибших или оказавшихся в плену у немцев.

— А потеря территории, а уничтожение нашей авиации, а захват фашистами наших складов?! — Сталин смотрел на маршала с холодным прищуром глаз».

И далее:

«— А нельзя ли вернуть в армию нескольких талантливых людей... репрессированных или отстраненных, как я убежден, по недоразумению? Они могли бы сейчас командовать армиями...» (Это слова Шапошникова.)

«— Назовите нам бывших военных, за которых вы можете поручиться...

— Я мог поручиться за тех и за таких, какими знал их до ареста,— с непроизвольной отчужденностью ответил Борис Михайлович».

Разве из этого диалога нельзя понять внутреннее состояние маршала Шапошникова, оказавшегося один на один со всеми членами Политбюро? Что же касается формулировки обвинения, предъявленного Д. Г. Павлову на следствии, то я точно процитировал его из документа и даже взял в кавычки.

Сам же я считаю, что генерал армии Д. Г. Павлов, будучи прекрасным командиром танкового соединения (это он доказал в Испании и в финскую войну), еще не был готов по глубине необходимых знаний возглавить крупнейший военный округ, а потом фронт и не справился с возложенными на него задачами.

Что же касается Мехлиса как политического деятеля, то он волен был в своих суждениях. Однозначно относиться к нему тоже будет несправедливо.

Я получил многие тысячи откликов на роман «Война», отмеченный в 1983 году Государственной премией СССР, много раз изданный у нас и за рубежом. Встречались среди этих откликов и критические замечания. Но такого обви-

нения, какое предъявили вы мне, товарищ академик, я еще не встречал. Более того, еще в 1962 году мной опубликована первая книга романа «Люди не ангелы», в которой я в меру своих сил, но с полной категоричностью осудил необоснованные репрессии, а также перегибы и ошибки, допущенные при коллективизации и раскулачивании. В написании романа я основывался на том, что в моем родном селе Кордышивка на Виннитчине был репрессирован каждый восьмой крестьянин, в том числе и немало моих родственников, за что я в 1938 году был изгнан из Краснодарского пехотного училища. Мне ли быть сторонником репрессий и расстрелов?.. Более того, в первой книге романа «Война» я написал главу, в которой попытался, опираясь на бытовавшую тогда версию, изобразить, как фашистская разведка, обнаружив у себя чешского агента, подсунула ему сфабрикованные документы о якобы существующем заговоре среди высшего командования Красной Армии. Документ через Прагу будто бы попал в Москву и явился поводом для арестов... При публикации книги (гранки ее у меня хранятся) глава была изъята, и мне дали объяснение: «Все это блеф». А после вашего, товарищ академик, выступления в «Социалистической индустрии» я уже не знаю, где правда, а где неправда. Сейчас, в наступившую пору гласности, надо бы, чтоб восторжествовала истина во всем, пора открыть архивы и дать возможность всем пишущим узнать, кто был кто, и понять взаимосвязи самых разных событий.

Далее замечу, что в своем ответе на письмо шофера И. Карасева именно вы стараетесь переиначивать историю и свои прежние верования. Для начала остановлюсь на ваших суждениях по поводу фронтового боевого клича «За Родину, за Сталина!». Хотите ли вы того или нет, но был такой клич — всю войну. В приграничных боях, а затем под Ярцево я, тогда младший политрук, тоже не один раз ходил в штыковые атаки именно с этим боевым лозунгом, конечно же не думая, что иду почти на верную смерть во имя только одного человека — Сталина. Родина, партия, народ, ленинские идеи, свобода родной земли — вот что звучало тогда в боевых возгласах советских воинов. Поднимите фронтовые, да и центральные газеты военной поры, и вы убедитесь в этом. И уж совсем «ненаучно» утверждать, как вы это делаете, что «широкому бытованию легенды о формуле «За Родину, за Сталина!» способствовали и письма командования вдовам погибших». Легенда о формуле?! Как это понять? Как воспринять такую нелепость народу, который еще не выплакал всех слез по своим тяжким утратам в

войне? Для меня лично в ваших словах звучит кощунство по отношению к миллионам павших в боях за Родину, и, уверен, не только для меня, тем более что в своей брошюре «У стен Сталинграда» (Воениздат, 1952) и вы писали, что борьбе на Волге (цитирую) «были подчинены все многообразные формы агитационно-пропагандистской работы... «Вперед, за Родину, за Сталина!» — эти лозунги были вывешены в блиндажах, печатались в листовках...» (с. 43).

В ответе водителю И. Карасеву вы пишете: «...все успехи, достигнутые партией и народом, неправильно связывать с именем Сталина, приписывая ему качества «гениального вождя народов», «великого полководца». По моему убеждению,— продолжаете вы,— Сталин не был ни гениальным вождем, ни великим полководцем».

Позвольте усомниться в ваших убеждениях. В упомянутой выше брошюре именно вы писали на с. 107: «В ходе этого сражения Советская Армия, возглавляемая гениальным полководцем и великим вождем И. В. Сталиным, проявила высокие политико-моральные и боевые качества».

В журнале «Вопросы истории» № 5 за 1950 год вы утверждали: «И. В. Сталин, возглавивший вооруженную борьбу советского народа против фашизма, своим мудрым и твердым руководством обеспечил разгром врага под Сталинградом». «В этой же битве,— утверждаете вы далее,— выявилась несокрушимая мощь Вооруженных Сил СССР, превосходство сталинской военной науки и военного искусства и полководческий гений И. В. Сталина». И далее: «В ходе этого сражения Советская Армия, возглавляемая гениальным полководцем и великим вождем И. В. Сталиным, проявила...» И т. д.

Таких и подобных утверждений полно во всех ваших «научных» трудах прошлого, вплоть до брошюры «Поражение вермахта под Москвой», изданной в 1981 году «Московским рабочим».

Как после всего этого можно именовать вашу «научную» деятельность и совместима ли она с высоким званием академика? И как нам в свете ваших сегодняшних оценок Сталина относиться к его военно-деловым и политическим качествам, проявленным в период Отечественной войны, о которых написано во многих книгах мемуарной литературы, в том числе Жукова, Василевского, Мерецкова, Штеменко, Кузнецова, Шахурина и многих других, а также и зарубежных деятелей, например У. Черчилля, Гарри Гопкинса, Гарримана...

Читая эти книги, я при этом не забываю об известных

решениях партии, справедливо осудившей культ личности Сталина, и руководствуюсь ими, но историю, подобно вам, не переиначиваю. Ведь история слагается из всей жизни народа, прежней и настоящей, и делать над ней насилие, поправлять ее или закрывать глаза на незабываемые ее страницы никому пользы не принесет.

Позволю себе закончить письмо выдержкой из романа «Война», которая выражала и выражает суть моей боли:

«Тяжкое это было время... К нему часто будут обращать взор летописцы, философы, златоусты всех континентов. Найдутся среди них и такие, которые позволят себе судить о событиях тех дней без должного понимания их сложной трагичности и рассматривать их с позиций некоего философско-исторического дальтонизма. А иные, стыдливо позабыв о бывших своих верованиях и публичных утверждениях, станут искать маятник «нового» времени и нередко скрип флюгера на чужой крыше принимать за голос истины. Эти люди при определенных гарантиях безопасности для себя, когда страх за свое благополучие не смущает их сердца, скоры на первое слово и на сомнительное дело. Они ревностно начнут высекать своими перьями искры из колеса истории и выдавать их за лучи правды...

Но, к великому счастью истории, неодолимы те силы, которые защищают истину».

Социалистическая индустрия,
1987, 14 июня

П. П. Лебедев, ветеран войны,
член Татарского республиканского
совета ветеранов, г. Казань

СОЗДАТЬ ХРОНИКУ ВОЙНЫ

И. Стаднюк — известный писатель, его книги о войне, о первых, самых трагических ее страницах привлекли внимание: ряд подробностей о том, что происходило в высших эшелонах государственной и военной власти, приводился впервые. Что же нового скажет писатель сейчас, когда так неожиданно вырос интерес к отечественной истории, когда мы пытаемся многое переосмыслить, понять заново, разобраться по-честному в своем прошлом? Оказалось, что нам предлагается «открытое письмо» писателя к академику А. М. Самсонову, который в ряде своих выступлений поднял проблему раскрытия полной, ничем не урезанной правды о войне.

Насколько я понял, Стаднюк не возражает против основных положений академика, хотя никак не высказывает и своего отношения к ним. Письмо посвящено некоторым частностям, которые, однако, глубоко затронули писателя, вызвали резкую, даже обидчивую реакцию. Конечно, каждый имеет право на собственное мнение и защиту его. Тем более сейчас, когда мы все постепенно привыкаем к дискуссии, полемике и, наоборот, отвыкаем видеть в каждом инакоподходящем к проблеме если не классового, то, во всяком случае, личного врага.

Письмо Стаднюка меня, откровенно скажу, разочаровало. И излишне возбужденным, неуважительным к оппоненту тоном, и весьма слабой логикой возражений. Писатель задает историку риторический вопрос: «Неужели вы, уважаемый товарищ академик, не поняли позицию автора романа «Война» по отношению к судьбе Д. Г. Павлова хотя бы из такого диалога Сталина и Шапошникова?..» Но что следует из приводимого диалога? Только то, что Шапошников то ли по искреннему убеждению (точнее, заблуждению), то ли из лукавства оправдывает расправу над командованием Западного фронта довольно странным доводом, что «трагедия генералов Павлова, Климовских, Григорьева, Клыча, Коробкова... меркнет на фоне трагедии десятков и десятков тысяч людей, погибших или оказавшихся в плену у немцев». Как следует из последующего разговора, Сталин с этими доводами вполне согласен. А Стаднюк? Где же его отношение к происходящему?

Впрочем, тут же следует новый риторический вопрос, не менее загадочный, чем первый: «Разве из этого диалога нельзя понять внутреннее состояние маршала Шапошникова, оказавшегося один на один со всеми членами Политбюро?» Почему же не понять. Не хватило человеку мужества противостоять «мудрости» вождя, как не хватало его и в других, еще более трагических ситуациях, связанных с судьбами не нескольких военачальников, а сотен тысяч людей.

О Шапошникове. У нас закрепился чуть ли не исполненный умиления образ этого действительно выдающегося военного деятеля, крупного теоретика. Но ведь он проявил полную несостоятельность на посту начальника Генштаба в самый критический период войны! И не потому, что не сознавал пагубности принимаемых Сталиным решений, а потому, что не обладал мужеством им противостоять. Так было в Киевском оборонительном сражении 1941 года. Сознавал, видел грозную беду, не верил в возможности Еременко, но послушно выполнял волю Сталина. Для человека

честного это была трагедия. Истоки ее коренились в очень близком для того времени прошлом, в уничтожении военного руководства в 1937 году.

Роковые последствия сталинских репрессий, столь неожиданно и внешне немотивированно обрушившихся на военное руководство, не только в том, что армия встретила войну фактически обезглавленной, но и в той обстановке страха, подозрительности, боязни всякой инициативы, которая установилась в Вооруженных Силах. Поразительно, что в приказах Сталина, его выступлениях во время войны нельзя найти даже упоминания о необходимости проявлять инициативу, разумную самостоятельность со стороны командного состава. Это, кстати, почувствовали еще авторы «плана Барбаросса», отмечавшие накануне войны, что слабость Красной Армии «заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, недостаточном для современных условий образовании, боязни ответственности...» (*Дашичев В.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. 2, с. 91).

Главный упор Сталин делал на дисциплину, строгое и точное выполнение приказов. Слов нет, и дисциплина, и исполнительность — необходимые условия успеха, но только в сочетании с творчеством, смелостью в принятии решений. Страх перед гневом «вождя» буквально парализовал волю Кирпоноса в самые критические дни. Трагическая судьба его соседа по фронту, Павлова, наверное, не раз вставала перед ним, хотя собственная судьба оказалась не менее страшной.

Если сегодняшний читатель не видел фронта, пусть прочитает правдивейшие повести писателей-фронтовиков, к примеру Кондратьева, Генатуллина... Отношение к Сталину было совсем не таким однозначным, как это представляется, например, водителю Карасеву. И одним лозунгом его, конечно, не охарактеризуешь. И при чем здесь «кощунство по отношению к миллионам павшим в боях за Родину»? Если уж о кощунстве, то оно — в неправде о великом испытании народа, какими бы соображениями эта неправда ни диктовалась. Но это, полагаю, все же не главное в полемике: где и кто провозглашал лозунг «За Сталина!»?

Гораздо сложнее проблема самого Сталина. К ней историки, как мне представляется, еще серьезно не подступились, отдавая информационное «поле боя» зарубежным исследователям. Трагический отсвет культа на судьбах армии, событиях войны еще ждет своего анализа — как научного, так и художественного. Но не это, похоже, волнует нашего

писателя. Его раздражает, казалось бы, весьма скромная фраза в статье Самсонова: «По моему убеждению, Сталин не был ни гениальным вождем, ни великим полководцем...» Очень мягко сказано. О какой там гениальности можно говорить, если практически ни в одной серьезной военной ситуации не подтвердились его стратегические прогнозы. К чему это приводило, хорошо известно и Стаднюку. Не допускаю мысли, что писатель, неплохо знающий историю войны, продолжает оставаться во власти давно отживших штампов. Но тогда к чему этот залп из фамилий столь разных мемуаристов? Да и могут ли одни мемуары, да еще с учетом тех условий, в которых они издавались, являться решающим доказательством? О том, как в действительности оценивал Сталина Жуков и насколько эта оценка не совпадает с приведенной в его же мемуарах, хорошо видно из недавно опубликованных заметок Е. Ржевской.

Но далее следует совсем уж сомнительный, даже с точки зрения этики, прием. Приведя стандартные для периода культа личности характеристики Сталина из старых работ историка, Стаднюк вопрошает: «Как после всего этого можно именовать вашу «научную» деятельность и совместима ли она с высоким званием академика?»

Совсем уж перебор получается. Выходит, научная без кавычек деятельность, звание академика совместимы не с творческим поиском, не с отказом от устаревших, неправильных концепций, а, наоборот, с упрямым следованием им наперекор здравому смыслу! Удивительная для нашего времени мысль.

Да, многое мы сейчас должны переосмысливать, искать новые подходы. Я полностью согласен с мыслями, высказанными в последних публикациях А. М. Самсонова. Особенно мне близки они в той части, которая относится к истории Великой Отечественной войны. Это великое событие, полное такого трагизма, пока не получило достойного отражения ни в историческом повествовании, ни в мемуарной литературе. Написано, конечно, много, а воспоминаний искренних, не скованных меняющимися тенденциями и конъюнктурными соображениями,— сколько их? Даже гражданская война (я беру публикации 20-х годов у нас и за рубежом) оказалась в этом отношении счастливее. Победно-героический тон, принятый в описании Великой Отечественной, считался единственно подходящим с точки зрения воспитательной. А эффект, увы, оказался противоположным. Потому что в конечном счете воспитывает не история, а правда об истории. Облегченное же, выпрямленное пред-

ставление о войне способствовало падению доверия, а то и откровенному историческому нигилизму у части молодежи.

Усилиями И. Стаднюка и ему подобных возник миф о Сталине как великом полководце, изрекающем истины в перерывах между затяжками трубки. Но в действительности Сталин часто настаивал на своих грубо ошибочных прогнозах, что порой приводило к роковым последствиям. Увы, у него не хватало мужества признать свою полководческую несостоятельность.

О приказе № 227. Этот документ действительно навсегда остался в памяти каждого фронтовика. Странно, что полный его текст не публиковался... В чем сила этого приказа? В том, что впервые была сказана правда о создавшемся положении, рассеивались иллюзии об «активной обороне», долженствующей привести к обескровливанию врага и конечной победе. Звучал приказ грозно и необычно откровенно. Но была в нем и другая сторона, на которую как-то не обращают внимания. В качестве причин неудач выдвигались малая стойкость в бою, низкая дисциплина, невыполнение приказа о запрете отхода. Отсюда и создание пресловутых заградотрядов с правом применения оружия к бегущим. Но ведь не недостаток мужества и стойкости был главной причиной неудач на юге во второе лето войны! Об истинных причинах, естественно, тогда говорить было нельзя. Но и сводить их к вине тех, кто сражался с врагом, расплачиваясь кровью и жизнью за допущенные просчеты, представляется нечестным, несправедливым. Да и разве не научил 1941 год, что безынициативное выполнение требования «ни шагу назад», без учета обстановки, приводило к неисчислимым, неоправданным жертвам в окружениях? К счастью, в большом масштабе таких бед в 1942 году удалось избежать, и прежде всего потому, что научились кое-чему за год войны. «Ни шагу назад» — не всегда благо. Не отразилась ли на приказе № 227 новая попытка Сталина перенести вину за неудачи, за грубый просчет — теперь уже на рядовых войны? Заградотряды, к счастью, не сыграли той роли, какая им предназначалась. Чаще всего потому, что это просто сделать было физически невозможно. Хотя наведению порядка в тылу они все же содействовали.

Что же делать? У меня сразу несколько предложений:

— создать и сохранить для потомков историю каждой дивизии действующей армии. Многое уже сделано, но есть и существенные пробелы;

— создать серию (библиотечку) книг, каждая из которых посвящена отдельному сражению, важному эпизоду войны. Главные требования — не избегать трудных страниц прошлого, максимальная, документальная достоверность, сочетаемая с яркостью изложения и объективным анализом; книжки должны быть богато иллюстрированы (фото), снабжены картами и схемами;

— издать оперативные документы войны с комментариями и схемами.

Уверен, что немало участников войны, в меру своих возможностей, на общественных началах помогут в этой работе. У некоторых имеется какой-то опыт работы над историями частей и соединений, взаимодействия с народными музеями. Было бы грешно не использовать эту возможность.

P. S. Уже после того, как было написано это письмо, произошел вот какой инцидент. У нас состоялся пленум республиканского (ТАССР) совета ветеранов войны и труда. В докладе председатель совета Н. И. Тимашева высказалась, что-де выступления академика Самсонова являются «вредными для военно-патриотического воспитания молодежи», поставив их, по сути дела, в один ряд с известным заявлением эмигрантов-диссидентов. Я при поддержке других ветеранов показал полную бездоказательность этого заявления и всю важность воспитания молодого поколения на правде истории. Мое выступление поддержало большинство присутствующих. В заключительном слове тов. Тимашева заявила, что сама она не воевала, историей войны не занималась и с выступлениями академика незнакома...

2 июля 1987 г.

А. Н. Мерцалов,
доктор исторических наук,
профессор, участник войны,
г. Москва

МИФ О ВЕЛИКОМ СТРАТЕГЕ

Предъявляя свое «право на поиск истины», И. Стаднюк отвергает основные положения ответа А. Самсонова на письмо водителя И. Карасева. К сожалению, писатель уходит от основного вопроса о роли

И. Сталина в войне. Но, не заявляя об этом прямо, фактически И. Стаднюк разделяет тезис о «великом полководце». Он приводит сведения, в том числе автобиографические, не имеющие прямого отношения к делу, прибегает к недопустимым личным нападкам, используя прием «сама какова?». Сопоставляя первые труды академика с новейшими, по существу, отказывает ему в праве изменить свои «прежние верования». Но ведь речь идет о развитии знания, в этом суть любой науки! Вне совершенствования взглядов невозможна и наука.

Как показал уже А. Самсонов, Сталин внес известный вклад в обеспечение Победы. Но апологетическая пропаганда военных лет при участии самого Сталина чрезмерно преувеличила этот вклад. Культивировалось мнение о «великом» знатоке в области политэкономии, философии, истории, языкознания, военного дела и пр. Это само по себе нелепо — время энциклопедистов давно прошло, неверно это и по существу. Таков и занявший большое место в «открытом письме» тезис «За Родину, за Сталина!», распространенный во всех официальных изданиях тех лет. Он выдержан в духе буржуазного, точнее, добуржуазного культа личности. Он родствен религиозному девизу «За веру, царя и отечество!», принятому в русской армии до 1917 года, и рассчитан на упрощенно мыслящих людей. Отождествление «Родины» и «Сталина» — наиболее слабый момент нашей пропаганды 1941—1945 годов. Можно спорить, насколько сильно эта мысль проникла не только в листовки, но и в души людей, но ее полная идейно-теоретическая несостоятельность бесспорна. Совершенно неправомерно применять этот факт ненаучной пропаганды в качестве доказательства «величия» Сталина.

Письмо И. Карасева не случайно. В 80-е годы в художественной литературе, кино и телевидении возникла тенденция к восстановлению суждений о Сталине, господствовавших до XX съезда партии. Сохраняется сильная устная традиция. Те современники Сталина, которым был выгоден культ, продолжают влиять на общественное мнение. Действует и способность человеческой памяти забывать все отрицательное, ностальгия ветеранов, чья юность совпала с войной. Большую ответственность несет та историческая литература о войне, в которой господствует парадный стиль. Здесь законная гордость победителей переродилась в опасное самодовольство недалеких пропагандистов. Оно сомкнулось с фальшивой идеализацией, которую осудил апрельский (1985 года) Пленум ЦК КПСС. Научные сотрудники

и мемуаристы в условиях недостаточной демократичности и гласности обходили молчанием многие острые проблемы истории войны. Часть историков не хочет перестройки знаний о войне. Сказываются их авторитарное мышление, низкая профессиональная подготовка, нежелание расстаться с легкой жизнью. Известно, что подлинно научное освещение войны требует тяжелого труда. Они с нескрываемой неприязнью встречают любые попытки советских газет и журналов восполнить пробелы в освещении прошлого, подорвать основы застойной методологии.

Наука на специальном уровне не занималась интересующим И. Карасева вопросом. В его освещении еще слишком много эмоционального. В этой связи я выскажу некоторые соображения.

Роль того или иного лица в борьбе за победу непозволительно отождествлять с самой победой. Ее святость не делает святым любого причастного к ней. Об этой роли нельзя судить, ограничиваясь Днем Победы или Парадом Победы в мае — июне 1945 года. Необходимо брать в целом всю войну и ее непосредственную предысторию. Все стороны победы (как и итогов войны) взаимосвязаны. Помня об этом, мы тем не менее должны особо изучить и отдельные ее стороны, в первую очередь значение победы, силы, обеспечившие победу, цену победы. Всемирно-историческое значение победы никто из честных исследователей, в том числе и зарубежных, не ставит под сомнение. Земной цивилизации угрожала страшная опасность в лице фашизма. Его разгром обеспечила коалиция государств и народов, но главная роль принадлежала советским людям. Им пришлось выдержать наиболее жестокие испытания. Борьбу один на один против фашистского блока в 1941—1944 годах руководимый коммунистами народ вел в условиях культа личности. В ходе войны его пагубное влияние несколько ослабло, в частности после крупных поражений 1941—1942 годов. Сталин стал в большей степени считаться с мнением специалистов. Однако до конца войны и после нее культ отнюдь не усиливал наши позиции. При этом я решительно отличаю культ от действительно необходимой в тех условиях централизации руководства. Народ и партия победили, несмотря на культ и вопреки ему. Это обстоятельство еще больше подчеркивает величие Победы, экономические, политические, духовные возможности нового строя, революционный энтузиазм трудящихся.

В Великой Отечественной войне Красная Армия победила, руководимая ее полководцами. Эту истину не пере-

черкнет тот факт, что исключительную роль в управлении играл Сталин. Эта роль не была однозначной. Почему его нельзя считать великим? Факты истории ставят под сомнение и его компетентность, и его нравственность. То и другое несовместимо с величием. Главным образом по его вине командным кадрам Красной Армии был нанесен огромный ущерб непосредственно перед войной. Враги, полагая, что Красная Армия стала «колоссом без головы», ускорили нападение на СССР. Характерно, что среди ведущих деятелей Красной Армии были репрессированы именно те, которые отстаивали прогрессивные взгляды, выступали за скорейшее оснащение армии, авиации и флота новейшей боевой техникой. Репрессии неизбежно усиливали среди командиров привычку «чутко прислушиваться к мнению начальства», сковывали инициативу, без которой немыслимы успешные военные действия. Армии в определенной степени удалось восполнить эти утраты. Они, однако, не могли не сказаться на ее боеспособности, особенно в первые месяцы войны.

В 1941—1945 годах сложилась новая славная полководческая школа, история которой еще не написана. Замечу вскользь, что на страницах ряда изданий в СССР, а также за рубежом от остальных советских полководцев резко отделяют Г. К. Жукова. «Мы в долгу перед Жуковым»,— пишет «Литературная газета», имея в виду отсутствие ему памятника. Почему же мы не «в долгу» перед остальными советскими маршалами?

Наряду с репрессиями другим роковым действием Сталина и его советников был грубый просчет в оценке намерений противника накануне 22 июня 1941 года. Многие действительные соображения Сталина или те, которые ему приписывают отдельные авторы, при более глубоком рассмотрении оказываются ошибочными. Надежда на обязательства Германии по пакту от 23 августа 1939 года была наивной. Уже в 1939—1941 годах фашисты многократно демонстрировали полное пренебрежение любыми правовыми и нравственными нормами. Напомню лишь о захвате Чехии вопреки Мюнхенскому соглашению, только что подписанному Германией. Сталин не хотел дать фашистам повод для нарушения пакта о ненападении. Но разве их до этого останавливало отсутствие повода? Разве они не фабриковали сами эти поводы при нападении на Польшу и другие страны? Старание «не дать повода» не помешало фашистам сочинить ложь об «упреждающем характере» нападения на СССР. С другой стороны, если была уверенность, что фа-

шисты в 1941 году нападут, то что могло бы изменить появление повода?

Сталина беспокоила неподготовленность Красной Армии. Но знает ли военная история хоть один случай, когда армия имела бы стопроцентную подготовку? Можно ли уповать на отличную подготовку в течение совершенно не гарантированных нескольких мирных лет и отказаться от немедленного приведения пограничных округов в состояние удовлетворительной готовности?

Напомню, что наша партия еще в начале века пришла к выводу, что войны империалистами не объявляются, а начинаются внезапно. Эта идея была отражена в наших армейских уставах, получила теоретическую разработку в трудах советских военных теоретиков уже на опыте агрессивных походов вермахта 1939—1941 годов. Не может быть принята в качестве извинительной и ссылка на возможную неблагоприятную реакцию западных держав в случае мобилизации наших приграничных округов. Допустим, что это вызвало бы очередную волну антисоветской пропаганды. Но верх очень скоро взяли бы долговременные интересы этих держав.

Безнравственно скрывать, что фактор внезапности возникает не только вследствие профессионализма и подлости агрессора, но и по вине обороняющегося. Войска Красной Армии не были приведены в боевую готовность. Нападение оказалось внезапным, что чрезвычайно усилило противника. Здесь кроется главная, если не единственная причина поражений в начале войны.

Распространенные доводы — «история отвела нам мало времени», «наша миролюбивая страна не могла приложить бóльшие усилия в интересах укрепления обороны» — не имеют реальной основы. В отведенное нам время мы могли сделать больше, если бы не допустили просчетов и самоуспокоенности, если бы следовали рекомендациям передовых ученых, а не заслуженных псевдопрофессионалов. И, главное, по всем основным характеристикам Красная Армия ни в чем существенно не уступала немецкой. Наоборот, она имела преимущества в идейно-политическом и нравственном отношениях, выгоды обороняющейся стороны. При перерастании войны в затяжную все долговременные факторы войны обращались в пользу СССР.

Ряд авторов сообщает о превосходстве вермахта в боевом опыте. Внешне это так. Но ложная трактовка действительно приобретенного опыта привела вермахт к грубой переоценке собственных сил и в конечном счете к краху. Те-

зис о том, что вермахт опирался на военно-экономический потенциал всех стран, захваченных Германией или зависимых от нее, также не является выводом из серьезного научного исследования. В действительности вермахт в июне 1941 года лишь в незначительной мере использовал некоторые ресурсы этих стран.

Однолинейность мышления не позволяла Сталину охватить все составляющие сложной военно-политической обстановки в тогдашнем мире. Он считал возможным лишь один вариант развития военных событий: Германия нападет на кого хотите, но не на СССР. При нарушении ленинского принципа коллективности руководства другие политические и военные руководители оказались не в состоянии направить события по правильному пути. Просчеты Сталина не ограничивались предвоенным периодом. Тяжелые последствия имела, например, его ошибочная оценка намерений противника летом 1942 года.

Нелепо утверждать, что якобы вообще не было нашей победы (Литературная газета, 1987, 6 мая), поскольку ее добились такой кровью, что виновников неоправданных потерь надо исторгнуть из истории. Прошлого не переделаешь и не отменишь, хотя цена победы и была неимоверной. Потери убитыми в армиях СССР и Германии соотносятся примерно как 3,5 : 1. Напомним, что немцы нападали, а наступающий обычно несет несравненно большие потери, чем обороняющийся. Объяснить такое соотношение можно только фактором внезапности, который Сталин и его советники отдали противнику. Девиз «нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим» красиво звучит в песне, но смысл его страшен. Многие принимают число 20 миллионов погибших как некую данность, не задумываясь над тем, был ли иной исход. Некоторые вообще категорически отвергают исторические альтернативы. Не исследован вопрос, какое влияние оказали эти потери на последующее развитие страны. А разве девизы «план любой ценой» и «победа любой ценой» не имеют общей методологической основы?

Другие следуют ущербному принципу «победителей не судят», возникшему в то время, когда не существовало и зачатков общечеловеческих морали и права, а люди еще не научились соотносить цели и средства, необходимые для их достижения.

В последние десятилетия советские писатели проявили готовность не просто художественно изображать прошлое, но и исследовать его. Первое действительно невозможно без второго, достаточно вспомнить опыт А. Пушкина или

Л. Толстого. Однако некоторые писатели, негативно относясь к тем или иным историкам, переносят это отношение на всю историографию, забывая, что вне науки нельзя изучить прошлое. Этот упрек я отношу и к И. Стаднюку. Он упустил возможность переосмыслить созданный им упрощенный образ Сталина, понять антисоциалистическую и антинаучную сущность его культа. В романе этот культ сводится к «гипнотической силе», «гигантскому авторитету» Сталина, недопустимо связывается с «натурой» революционных масс.

Для переосмысления образа Сталина КПСС дала нам теоретическую и политическую основу. Мы призваны раскрыть истоки современных механизмов торможения, полностью преодолеть любые проявления культа. Без этого невозможна демократизация общества.

3 июля 1987 г.

М. А. Гольдман,
участник войны,
пенсионер, г. Минск

ПРАВО КАЖДОГО

Сегодня для любого мало-мальски мыслящего советского человека ясно, что все те негативные явления, которые сейчас так болезненно ломает наш народ, связаны с деятельностью Сталина и его приспешников. Характерно, что в своем «Открытом письме» Стаднюк не анализирует истоки зла, нанесенного советскому народу Сталиным, не предлагает помянуть тех, кто безвинно погиб в застенках. Стаднюк думает лишь об одном: как бы побольнее ударить Самсонова.

Кто имеет право на поиск истины? Каждый. Вот и я ищу истину: кто конкретно доносил, арестовывал, пытал, вырывал признания у безвинных, расстреливал их? Где могилы расстрелянных? Как увековечить память мучеников? Сколько их — замученных, расстрелянных? Как наказаны убийцы? Вот что должны знать и хотят знать советские люди. Это нужно и потомкам. И главное, как возник культ личности, не повторится ли он в ближайшее время и каковы соответствующие гарантии, если наша политическая система остается пока без изменений?

3 июля 1987 г.

О. П. Тёмушкин,
доктор юридических наук,
заслуженный юрист РСФСР,
г. Москва

«ОДНА НЕПРАВДА НАМ В УБЫТОК»

Одна неправда нам в убыток
И только правда ко двору!

(А. Твардовский. По праву памяти)

Революционная перестройка, которую с энтузиазмом и трепетной надеждой поддержали все передовые слои советского общества, не имеет и не может иметь альтернативы — она жизненно необходима. Опыт, накопленный после XX съезда, показывает, что перестройка в сознании возможна лишь при условии полного преодоления идеологии и стереотипов, связанных с культом личности. И притом не с культом вообще, а именно Сталина как носителя самых уродливых и бесчеловечных его проявлений. Его культ связан не только с физическим уничтожением огромной массы людей, но и с внедрением в общественное сознание самых отрицательных качеств, не свойственных народу,— подозрительности, страха, чувства безысходности, а отсюда и равнодушия к делу, бездумного повиновения командному окрику, безынициативности, неуверенности в себе, то есть тех пороков, которые питают ныне механизм торможения. Изжитию этих пороков способен послужить лишь правдивый анализ прошлого. Как подчеркивалось в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», такой анализ «должен помочь нам решать сегодняшние наши проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма — словом, насущные проблемы перестройки».

Мне нередко приходится выступать перед различными коллективами по проблемам социалистической законности. По просьбе аудитории, как правило, приходится обращать взгляд в ретроспективу. Люди настойчиво требуют рассказать правду о массовых репрессиях времен Сталина. Заслуживает всяческой поддержки стремление нашей печати рассказать правду о временах беззакония, воздать должное его жертвам.

Но было бы наивным прекраснодушием полагать, что в стране не осталось людей, которые по-прежнему поклоняются своему идолу. Речь, конечно, отнюдь не только о тех, кто выставляет его изображение на ветровых стеклах авто-

машин. Это скорее смешно, чем опасно. Тревожат те, кто, обладая авторитетом, а иной раз властью и влиянием, всячески сопротивляется разоблачению культа личности Сталина, в том числе и выплескивая свои эмоции на этот счет на страницы печати. При этом они камуфлируют свою позицию утверждениями о том, что, разоблачая культ личности, мы якобы принижаем достижения народа, подрываем авторитет социализма. Неужели они не понимают, что беззакония во времена Сталина не только не свойственны социалистическому строю, но, более того, были преступлениями именно против социализма! Неужели не понимают, что, рассуждая так, невольно солидаризируются с нашими идейными противниками, пытающимися доказать недоказуемое: что культ личности и связанные с ним беззакония якобы неизбежны для социализма, свойственны ему.

А между тем иногда приходится встречать весьма нечеткие суждения по этому поводу. Особенно опасно, когда такие утверждения высказываются работниками идеологического цеха — писателями, журналистами. Вспомним тенденциозную статью Вячеслава Горбачева «Перестройка и подстройка» в журнале «Молодая гвардия» (1987, № 7) или спор, затеянный писателем И. Стаднюком на страницах «Социалистической индустрии».

Академик А. Самсонов упрекнул его за неправдивое, необъективное освещение в романе «Война» роли Сталина в Отечественной войне и за то, что он оценил уничтожение командования Западного фронта во главе с генералом Д. Г. Павловым как правомерную акцию. У людей несведущих может сложиться убеждение, что Д. Г. Павлов и его ближайшие помощники являются главными виновниками тяжелых поражений, постигших наши войска в первые дни войны.

Следуя уроку правды, преподанному XXVII съездом КПСС, необходимо, ссылаясь только на факты, рассказать об этом трагическом эпизоде — хотя бы во имя того, чтобы восстановить добрые имена генерала Д. Г. Павлова и его соратников, генералов В. Е. Климовских — начальника штаба фронта, А. Т. Григорьева — начальника связи фронта, Н. А. Клыча — начальника артиллерии фронта, А. А. Коробкова — командующего 4-й армией.

И. Стаднюка крайне удивил упрек А. Самсонова в необъективности. «Такого обвинения, какое предъявили вы мне, товарищ академик, я еще не встречал»,— пишет он. И. Стаднюк, видимо, забыл, что еще более уничижительную оценку его произведению он уже слышал ранее от своих

коллег по перу. «Один известный прозаик в кабинете первого секретаря Московской писательской организации, в присутствии нескольких секретарей, сардонически изрек, обращаясь ко мне, что скоро придет время, когда мои книги о войне будут преданы анафеме, а сам я буду стыдиться их» (стенограмма выступления И. Стаднюка на пленуме правления Союза писателей СССР.— Литературная газета, 1987, 6 мая).

Что бы сейчас И. Стаднюк ни пытался объяснить, но по прочтении его романа следует вполне однозначный вывод: командование Белорусского фронта во главе с генералом Павловым прямо и непосредственно повинно в постигшей страну трагедии. И за все это по заслугам предано суду и по справедливости наказано смертной казнью. Ни в какой степени не опровергает, а, напротив, лишь подтверждает такой вывод приведенная в статье И. Стаднюка выдержка из его романа: диалог Сталина и маршала Шапошникова. Из этого диалога следует лишь, что трагедия генерала Павлова и его соратников меркнет по сравнению с той страшной бедой, которая обрушилась на страну.

Я считаю неправомерным, более того, аморальным рассуждать на тему о том, как следует соотносить такие ценности, как жизнь и честь группы лиц по сравнению с судьбой сотен тысяч их сограждан. Ведь тысячи состоят из единиц, и судьба каждого человека не может быть безразличной, в том числе и в пору великих народных бедствий.

По Стаднюку, виновник произвола — Мехлис, Сталин же — жертва обмана и недобросовестного доклада, злобного навета. Так, Стаднюк пишет: «Как известно, Д. Г. Павлов и его соратники были преданы суду военного трибунала по предложению приехавшего в Касню 2 июля 1941 г. Мехлиса... и получил ли такое поручение Мехлис от Сталина, не знаю». Неужели наивность И. Стаднюка зашла настолько далеко, что он считает Сталина таким простаком и всерьез полагает, что без Сталина возможно было решение такого вопроса, как физическое уничтожение группы видных генералов в момент острой военной опасности, когда каждый боец, не говоря уже о военачальниках, был на особом счету?

С мнением о том, что и в массовых репрессиях, и в беззакониях, допущенных в отношении виднейших политических и военных деятелей, выдающихся ученых, писателей, конструкторов оборонной техники, виновны Ежов и Берия, Мехлис и Лысенко, Каганович и Шкирятов — словом, кто угодно, только не лично Сталин, мне приходилось и прихо-

дится встречаться часто. Но как же Сталин мог допустить, чтобы политический, оборонный и моральный потенциалы страны в канун предстоящей схватки с фашизмом понесли такой страшный урон? И не только не воспрепятствовать этому, но даже ничего об этом, оказывается, «не знать»...

В том, почему Сталин расправился с Павловым, загадки нет: это присущий ему стиль, метод его руководства страной, четко отработанный и безотказно действовавший на протяжении десятилетий его правления. Допуская промахи, которые очень дорого обходились народу и государству, акты прямых беззаконий и произвола, Сталин со свойственным ему коварством умело искал и находил вину других лиц, сваливал все на них, а затем жестоко их карал, сам оставаясь в глазах народа в ореоле непогрешимости.

При проведении в стране коллективизации было допущено отступление от ленинской политики по отношению к крестьянству. Это повлекло, в частности, необоснованное раскулачивание крестьян, которые кулаками никогда не были, последовали репрессии, что принесло неисчислимые беды массе людей, серьезно подорвало экономику страны. Когда все уже было совершено, и именно так, как замыслил Сталин, он выступил со статьей «Головокружение от успехов» и свалил всю вину за беззакония на излишне ретивых исполнителей. Кстати, автор романа «Люди не ангелы» И. Стаднюк все это в свое время художественно убедительно и показал...

Массовые репрессии 30-х годов осуществлялись по указанию и под неусыпным контролем Сталина, на базе выдвинутой им же антимарксистской идеи о неизбежности обострения классовой борьбы по мере того, как будет укрепляться социалистический строй.

В нужный момент ответственность за все беззакония была последовательно свалена на исполнителей злой сталинской воли, сначала на Ягоду, а затем на Ежова. Они были расстреляны, а Сталин опять чист, да к тому же в образе высшего, справедливого судьи.

Как никто лучше сказал об этом А. Твардовский:

Да, он умел без оговорок,
Внезапно — как уж припечет —
Любой своих просчетов ворох
Перенести на чей-то счет;
На чье-то вражье искаженье
Того, что возвещал завет,
На чье-то головокруженье
От им предсказанных побед.
(«По праву памяти»)

Что касается трагедии Д. Г. Павлова и других погибших с ним генералов, то здесь сработала та же схема.

Сталин считал, что Гитлер не начнет войну летом 1941 года, пока не развяжет себе руки в войне с Англией, чтобы не вести ее на два фронта. К этому времени Сталин настолько уверовал в абсолютную непогрешимость своих суждений и оценок, что отвергал любую иную версию, которая им противоречила. И именно поэтому, вопреки данным разведки, другим объективным данным, из которых следовало, что фашисты готовят нападение на СССР в июне 1941 года, отвергал предлагаемые военным командованием предупредительные меры, которые должны были свести на нет эффект от внезапного нападения. Гитлер, как известно, не посчитался с расчетами Сталина и решил дело по-своему, напал на Советский Союз, обеспечив себе эффект внезапности.

Как дорого этот сталинский просчет обошелся стране, общеизвестно. За это надо отвечать — но не Сталину же, а кому-то другому. Нашли. В данном случае генерала Д. Г. Павлова и его штаб. С успехом могли подобрать и другую жертву. К этому времени уже была богатая практика на этот счет. Теперь доподлинно известно, что такая же участь была уготована и генералу И. С. Коневу, командующему Западным фронтом в октябре 1941 года, и только авторитет Г. К. Жукова спас от расправы этого талантливейшего военачальника, закончившего войну Маршалом Советского Союза, командующим фронтом, бравшим Берлин. Скажем прямо, неблагодарную миссию взял на себя Стаднюк, который решил оправдать акт произвола и беззакония с помощью художественного произведения, которое, подчеркнем это особо, вышло в свет уже тогда, когда подлинная роль каждого из персонажей трагедии четко определилась. Что касается Д. Г. Павлова и его соратников, то приговор по их делу определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 года был отменен, дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Таким образом, все они посмертно реабилитированы.

И очень важно сейчас показать, кто был действительным виновником этой трагедии, и восстановить, в том числе и средствами искусства, попранную честь и доброе имя невинно пострадавших людей, ставших жертвами непомерных сталинских амбиций и просчетов.

Но во имя сталинистской концепции «вождь всегда прав» И. Стаднюк этого не сделал.

Заслужил ли Д. Г. Павлов упрек за неумелое командование войсками фронта? Думаю, что в этом не вина, а беда Павлова. Он принял округ, ставший вскоре фронтом, да к тому же одним из ответственнейших, незадолго до начала войны. Опыта командования крупными войсковыми соединениями не имел. В Испании, а затем во время финской кампании командовал танковым корпусом, за проявленный героизм был удостоен звания Героя Советского Союза. Но для руководства фронтом он еще явно не созрел. Симптоматичны найденные мною в следственном деле объяснения Павлова суду: «Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне».

Возникает вопрос: как Павлов оказался на таком ответственном посту при отсутствии для этого достаточных данных? Ответ однозначен: «В 1937—1938 гг., а также и в последующее время в результате необоснованных массовых репрессий погиб цвет командного и политического состава Красной Армии,— говорится в книге «Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история».— Как «агенты иностранных разведок» и «враги народа» были осуждены и уничтожены три Маршала Советского Союза (из пяти имевшихся в то время)... погибли все командующие войсками военных округов... Из армии были устранены все командиры корпусов, почти все командиры дивизий, командиры бригад; около половины командиров полков... Всего за 1937—1938 гг. репрессиям подверглась одна пятая часть офицерских кадров».

Избиение военных кадров продолжалось вплоть до начала войны. Жертвами незаконных репрессий пали генералы Рычагов П. В.— командующий ВВС Красной Армии, Штерн Г. М.— командующий противовоздушной обороной страны, Смушкевич Я. В.— главный инспектор ВВС, дважды Герой Советского Союза; заместитель наркома обороны, командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник авиации А. Г. Локтионов, начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант авиации Ф. К. Аржинухин.

Были репрессированы, но затем освобождены Мерецков К. А.— начальник Генерального штаба Красной Армии, Ванников Б. Л.— нарком вооружения.

К чему привели массовые репрессии, видно, в частности, из следующего. Выступая на заседании Высшего военного совета в ноябре 1937 года, командующий Закавказским во-

енным округом Н. В. Куйбышев (вскоре также необоснованно репрессированный) признал боевую подготовку войск неудовлетворительной. «Основная причина этого в том,— сказал он,— что округ в кадровом отношении сильно ослаблен». Последовала реплика наркома: «Не больше, чем у других».— «На сегодня,— продолжал командующий,— у нас тремя дивизиями командуют капитаны как старшие по званию...»

Как бы в оправдание своей неосведомленности по поводу всех этих событий И. Стаднюк сетует: откуда мне это знать, если архивы закрыты. «Не знаешь — не пиши!» — сказал бы я. Но архивы в данном случае ни при чем. Ведь об этом после XX съезда КПСС писалось в открытой партийной печати, говорилось в исторических исследованиях, наконец, в художественных произведениях. Достаточно сослаться хотя бы на прозу и публицистику К. Симонова.

В непосредственной связи с обсуждаемым вопросом находится и характеристика поведения Сталина в последующий период Отечественной войны. Ряд авторов, в том числе мемуаристы и военные историки, оценивают его роль в этот период положительно. Отмечают проявленную им политическую волю, целеустремленность и настойчивость, умение организовать и дисциплинировать людей.

Я коснусь этой проблемы лишь в части, относящейся к области, близкой мне как юристу. Действительно, в период войны актов массовых репрессий, произвола и беззаконий, характерных для сталинского стиля руководства страной, заметно поубавилось. Более того, был освобожден из заключения и возвращен в строй ряд крупных командиров. В том числе генералы К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, А. В. Горбатов, комкор Л. Г. Петровский, героически погибший в 1941 году, и многие другие. Они вскоре же возглавили крупные воинские соединения.

Какие еще нужны доказательства в подтверждение того, что репрессиям в свое время подверглись заведомо невинные лица?

Логичен и такой вывод. Когда судьба самого Сталина напрямую оказалась зависимой от того, быть или не быть социалистической державе, он резко изменил свою тактику по отношению к людям.

Но стоило отгреметь последним залпам войны, как Сталин, как бы беря реванш, возвратился к испытанным методам «правления». Необоснованные репрессии возобновились с прежней силой. Жертвами их стали: командующий ВВС страны Главный маршал авиации А. А. Новиков, замести-

тель министра обороны маршал артиллерии Н. Д. Яковлев; крупнейшие флотоводцы — министр Военно-Морского Флота СССР адмирал флота Н. Г. Кузнецов; его заместитель адмирал флота Л. М. Галлер, начальники Главного Военно-Морского штаба адмиралы В. А. Алафузов и Г. А. Степанов, командир механизированного корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. В. Крюков и его жена Л. Русланова, любимая и популярнейшая певица, исполнительница русских народных песен. Был фактически отставлен Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, репрессирован маршал авиации С. А. Худяков. О нем расскажу несколько подробнее.

Худяков С. А. был арестован 14 декабря 1945 года без санкции прокурора и при отсутствии каких-либо данных о его преступной деятельности. Лишь 22 августа 1947 года ему было предъявлено обвинение в том, что он в 1918 году, то есть в возрасте 16 лет, находясь на военной службе в составе красногвардейского отряда в г. Баку, был завербован английским офицером для шпионской деятельности. Нелепость и смехотворность обвинения очевидны. Данными о какой-либо конкретной враждебной деятельности Худякова никто не располагал. Было другое: Худяков 25 лет безупречно прослужил в Советской Армии, прошел путь от рядового бойца до маршала авиации, за большие заслуги был награжден семью орденами. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 18 августа 1954 года по заключению Генерального прокурора СССР дело Худякова С. А. прекращено за отсутствием состава преступления в его действиях, а сам он реабилитирован посмертно.

Подверглись незаконным репрессиям и были уничтожены такие видные государственные деятели, как Вознесенский Н. А.— член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Госплана СССР, выдающийся ученый-экономист, Кузнецов А. А.— секретарь ЦК ВКП(б), в период блокады Ленинграда возглавлявший областную и городскую партийные организации, Родионов М. И.— Председатель Совета Министров РСФСР, Попков П. С.— секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, один из организаторов обороны Ленинграда, и многие, многие другие.

Было сфабриковано провокационное «дело врачей», якобы покушавшихся на жизнь руководящих советских и партийных работников.

И. Стаднюк предъявил претензии академику А. Самсонову в непоследовательности. Он, видите ли, ранее давал иную, то есть положительную, оценку Сталину. Упрек вро-

де бы серьезный. Но объективность требует учитывать, что ошибочные суждения А. Самсонова имели место до XX съезда КПСС, когда многое еще было неясно. И речь-то сейчас идет не о том, последователен или нет в своих выступлениях А. Самсонов. Речь идет о сегодняшнем отношении к одному из драматических эпизодов нашей недавней истории.

И. Стаднюк, к сожалению, не внял мудрому совету старших собратьев по перу и, издав свой роман в 70-е годы, когда о Сталине уже все было известно, совершил, не побоюсь этого слова, бесчестный поступок. Вот почему, я думаю, глубоко прав тот «известный прозаик», который сказал, что скоро придет время, когда сам И. Стаднюк будет стыдиться своего романа.

Уверен, что это время — время перестройки, очищения и покаяния — наступило.

3 ноября 1987 г.

А. Г. Латышев,
кандидат исторических наук,
руководитель кафедры
международного коммунистического
движения Московской высшей
партийной школы

ЗА ПОИСК ИСТИНЫ... НО БЕЗ «ПРОРАБОТОК»

История — удивительная наука. Ничто в ней не становится постулатом сразу, не обретает в короткий срок черт законченности. Много лет спустя историки вновь возвращаются к уже забытым, казалось бы, именам и с высоты своего знания дают событиям и людям оценки гораздо более справедливые и объективные, чем, возможно, было прежде.

Именно такой период переживаем мы сегодня, по велению времени восстанавливая в истории социалистического государства имена советских, партийных и государственных деятелей, ученых, работников культуры, павших жертвами инспирированных Сталиным политических процессов 30-х годов. Акция справедливости — именно так можно расценить процесс, переживаемый сегодня нашей историей.

Но работа исследователей, писателей, публицистов, ученых по заполнению «белых пятен» истории сейчас, в 80-е годы XX столетия,— работа, имеющая огромный нравст-

венный и политический заряд,— уже не может позволить себе субъективизма, истерического надрыва, огульного отрицания всего, что сделал советский народ за 70 лет героического пути. Ее, эту работу, конечно же следует вести строго на основании архивных документов, воспоминаний очевидцев событий тех лет, скрупулезно анализируя все спорные моменты исторического бытия.

«Открытое письмо» писателя И. Стаднюка академику А. Самсонову глубоко затронуло мои чувства. Попытаюсь высказать ряд соображений, не поддаваясь чувствам. Прежде всего абсолютно не согласен с тоном обвинений Ивана Стаднюка в адрес А. Самсонова в том, что тот в брошюре «У стен Сталинграда» (Воениздат, 1952 г.) и в журнале «Вопросы истории» в 1950 году называл И. Сталина «гениальным полководцем» и «великим вождем», а впоследствии, мол, изменил свои оценки.

И писатели, и историки писали в конце 40 — начале 50-х годов в условиях ужасных репрессий. Вспомним хотя бы «ленинградское дело», так называемую «борьбу против космополитизма», аресты врачей, преследования генетиков. Все это я помню смутно — тогда был школьником. Но, может быть, товарищ Стаднюк — участник событий того времени — назовет фамилию хотя бы одного историка, который, описывая вчерашнюю войну, не называл тогда Сталина гениальным полководцем? Этично ли теперь, спустя почти 40 лет, в столь резкой форме напоминать людям, что они писали о Сталине при жизни Сталина? Тем более что сам А. Самсонов справедливо пишет о «смягчающих обстоятельствах» у историков:

«Слишком долго нас заставляли писать не то, что было, а то, что нужно к соответствующему событию жизни. И слишком суровые кары обрушивались на тех, кто отступал от шаблона в исторических работах, пытался высказывать в них свое мнение, активно и деятельно стремился показать подлинную историческую правду».

Полезно поднять центральные газеты периода конца 40 — начала 50-х годов, обратить внимание хотя бы на многочисленные статьи наших крупнейших писателей. Вот выдержки из концовки одной из них:

«Кто вернее всех и лучше всех знает мысли рабочего? Сталин. Кто чувствует все помыслы крестьянина, борющегося за урожай? Сталин. Кто лучше всех понимает мысли и думы народные? Сталин... Если ты, встретив трудности в борьбе или работе, вдруг усомнился в своих силах — подумай о нем, о Сталине, и ты обретешь нужную уверен-

ность. Если ты почувствовал усталость в час, когда ее не должно быть,— подумай о нем, о Сталине,— и усталость уйдет от тебя. Если ты замыслил нечто большое, нужное народу дело,— подумай о нем, о Сталине,— и работа пойдет споро. Если ты ищешь верное решение — подумай о нем, о Сталине,— и ты найдешь это решение...»

Обожествление личности Сталина достигало тогда такой степени, что никого не удивляли предложения другого крупнейшего писателя связать день рождения Сталина — 21 декабря 1879 года — с датой начала нового летосчисления: «День Благодарности... и положат внуки в основу завтрашнего летосчисления, чтобы окончательно закрепить новый стиль общественного устройства. В этот День Благодарности,— напишет летописец,— труженики всех стран воздали приветствия великому вождю».

И я не согласен с Вами, Иван Фотиевич, в том, что подобные публикации должны обязательно выражать «непоколебимые убеждения» их авторов на последующие годы, не говоря уже о том, что спустя десятки лет автор не имеет якобы права отойти от позиции, выраженной в публикациях начала 50-х годов.

На моей памяти — как учили мы в школе наизусть стихи Константина Симонова, восхвалявшие Сталина. Но в то же время не вызывают у меня никакого сомнения в искренности мысли К. Симонова относительно тоста, который произнес Сталин в мае 1945 года («За здоровье русского народа»): «Сталин своим тостом отнюдь не призывал других людей, в том числе историков, к правдивым и критическим оценкам хода войны. Наоборот, сам, как высший судия, оценив этот этап истории, в том числе и свои отношения с русским народом, так, как он их понимал, он как бы ставил точку на самой возможности существования каких бы то ни было критических оценок в дальнейшем. Слова этого тоста как будто призывали людей говорить о прошлом суровую правду, а на деле за этими словами стояло твердое намерение раз и навсегда подвести черту под прошлым, не допуская его дальнейшего анализа. И нетрудно себе представить, какая судьба ждала бы при жизни Сталина человека, который, вооружившись цитатами из этого знаменитого тоста, попробовал бы на конкретном историческом материале развивать слова Сталина о том, что у правительства было немало ошибок, или как свидетель и участник войны проиллюстрировал бы эти слова личными воспоминаниями» (*Симонов К.* Уроки истории и долг писателя.— Наука и жизнь, 1987, № 6).

Лично я не знаю ни одного историка, на каких бы позициях он ни стоял в оценке культа личности Сталина, который хоть в какой-то мере согласился бы с утверждением И. Стаднюка, будто «глубинный смысл необоснованных репрессий тридцать седьмого и последующих годов заключался во вздорных обвинениях, состряпанных затаившимися врагами Октябрьской революции, которые мечтали о возврате старых порядков и обретении утерянных богатств». Глубинный смысл репрессий в другом, он раскрыт в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается». В борьбе за единоличную власть Сталин механически перенес методы, диктуемые периодом борьбы с враждебным сопротивлением эксплуататорских классов, на период мирного социалистического строительства, когда условия изменились кардинальным образом.

Целиком и полностью разделяю с И. Стаднюком заключительную мысль из его «Открытого письма»: «Но, к великому счастью истории, неодолимы те силы, которые защищают истину».

Моя позиция предельно проста — сохранить за академиком Самсоновым право выражать сегодня собственное мнение, даже если оно не совпадает с мнением Стаднюка или Черчилля, Гарри Гопкинса или Гарримана.

4 ноября 1987 г.

Думаю, что читателю небезынтересны будут и несколько небольших материалов, начало которым положило письмо известного советского писателя Виктора Астафьева. Эти материалы объединены общей идеей с этой книгой и дают новую пищу для размышлений о роли ученых и писателей в освещении нашей истории.

«ИСТОВО» И «НЕИСТОВО»

Уважаемая редакция!

Прочитавши в № 13 «Московских новостей» полемику «историков» Василия Морозова и Александра Самсонова, хотел бы сказать, что советские историки в большинстве своем, а редакторы и сочинители «Истории Отечественной войны» в частности, давно потеряли право прикасаться к святому слову «правда», ибо от прикосновения нечистых рук, грязных помыслов и крюч-

котворного пера оно — и без того изрядно у нас выпачканное и искривленное — пачкается и искажается еще больше.

Вся 12-томная «история» создана, с позволения сказать, «учеными» для того, чтобы исказить историю войны, спрятать «концы в воду», держать и далее наш народ в неведении относительно наших потерь и хода всей войны, особенно начального ее периода. И премию составители «истории» получили «за ловкость рук», за приспособленчество, за лжесвидетельство, словом, за то, что особенно высоко ценилось да и сейчас еще ценится теми, кто кормился и кормится ложью.

Творцы «истории» сделали большое упущение — не догадались исправить карты военных лет и достаточно взглянуть на них, как сразу же видно сделается разительное расхождение между картами и текстом, «объясняющим», что за картой следует.

Из 12 томов «истории», из хитромудро состряпанных книг наш народ так и не узнает, что стоит за словами «более двадцати миллионов», как и не узнает и того, что произошло под Харьковом, где гитлеровцы обещали нам устроить «второй Сталинград»; что кроется за словами «крымский позор», и как весной 1944-го два фронта «доблестно» били и не добили 1-ю танковую армию противника — это не для наших «историков», это для тех, кто за морем пишет о войне все, что знает и что бог на душу положит. Таким образом, существуют две «правды» о прошлой войне: одна «ихняя» и одна «наша». Но все эти «правды» очень далеки от истины, и полемики, подобные той, какую затеяли ловкачи Морозов и Самсонов, споры по частностям, мелочам и ложно многозначительным, амбициозным претензиям друг другу — еще одна плохо замаскированная попытка крючкотворов увести в сторону, в словесный бурьян от горьких истин и вопросов нашего и без того замороченного читателя, наш не единожды обманутый, недоумевающий народ.

Не удивлюсь, если «историкам» В. Морозову и А. Самсонову присудят еще одну какую-нибудь премию при помощи тайного голосования.

Если единожды солгавший не может не врать, то каково-то становится творцам аж 12 томов ловко замаскированной кривды!

Виктор Астафьев, писатель,
инвалид Великой Отечественной войны

Такое вот письмо... Попробуем снова перечитать его, стараясь не поддаваться естественному чувству неловкости, которое возникает, когда в разговор вдруг ворвется брань.

Сделать это нелегко, но во имя важности затронутого в письме вопроса нужно.

Да, согласимся мы в таком случае с Виктором Астафьевым, история Великой Отечественной войны испещрена «белыми пятнами». Предстоит возвратиться к ее изучению, осмыслению, начиная, пожалуй, с самого начала — исследования причин прихода фашистов к власти в Германии и факторов, способствовавших этому. Что касается собственно военных операций, то к перечню, приведенному в письме, можно добавить и Киевскую оборонительную операцию 1941 года. Тогда, вопреки настойчивым предупреждениям Жукова о необходимости своевременно отвести наши войска на левый берег Днепра, Сталин и смертельно боявшийся его Шапошников запретили такой отход, что привело к окружению и гибели нескольких наших армий... Именно эта ошибка Сталина вскоре поставила Москву перед смертельной опасностью.

Безусловно, нуждается в уточнении и расшифровке цифра наших потерь — 20 миллионов человек. Какова была методика расчетов? Сколько бойцов и командиров погибло на фронте, умерло от ран в госпиталях, погибло в плену? Каковы были жертвы среди гражданского населения? Народ имеет право знать это.

Чем полнее будет правда о войне, тем ярче и убедительнее предстанет перед миром и потомками подвиг советского народа, который, несмотря на неимоверные трудности, лишения, несмотря на граничившие с преступлениями ошибки Сталина, ценой огромных жертв спас человечество от фашизма.

Вот, пожалуй, если отвлечься от формы, позитивный смысл письма Виктора Астафьева.

Однако мне думается, что просто-напросто «отвлечься от формы» как раз и нельзя. Ведь не из учебников знаем, сама жизнь показала, во что превращаются благие намерения и высокие цели, если к ним выбран негодный путь.

Может, лучше припомним, как был разгромлен возглавлявшийся академиком А. М. Панкратовой журнал «Вопросы истории», на страницах которого после XX съезда партии начала прорываться к народу правда. И если уж речь зашла об академике А. Самсонове, стоит припомнить, как

нелегко ему пришлось, когда он попытался приоткрыть завесу над трагедией 22 июня 1941 года.

Разные были и есть у нас историки, как, впрочем, и писатели, и журналисты... Все мы очень разные, и наверное, хорошо, что разные. Ведь одна из причин нашей общей болезни — десятилетиями насаждавшееся искусственное «единомыслие».

Всем нам пришлось лечиться. Лекарство — правда. Лекарство — гласность. Лекарство — возможность свободно высказать свое убеждение. И обязанность не криком, а аргументами, фактами отстаивать свою правоту.

Есть в русском языке слова «истово» и «неистово». Оба содержат корневую частичку от «истины». Пройдя через века, оба слова утратили этот смысловой заряд, слились в понятиях «страстно», «яростно», «с великим усердием».

Да, нам нужны споры. Но такие, в которых рождается истина, а не умирают люди, как умерла академик Анна Михайловна Панкратова после заседания комиссии, «разбиравшей» работу ее журнала.

Усердия и ярости нам не занимать. Чего только не натворили, борясь «истово» и «неистово». Теперь наступает время трезвого взгляда, точного анализа, честных и потому мучительных раздумий. Время мысли.

Тимур Гайдар

Московские новости, 1988, № 19, 8 мая

ДИСКУССИИ НЕ ДОЛЖНЫ РАЗОБЩАТЬ

Уважаемая редакция!

В № 19 «Московских новостей» (1988, 8 мая) опубликовано открытое письмо писателя Виктора Астафьева, а текст его выступления на конференции историков, писателей и литературоведов изложен на страницах газет «Советская культура», «Литературная газета».

В условиях гласности и демократии все критические выступления можно лишь приветствовать, если за ними стоят честные намерения. Однако именно это ценное качество отсутствует в высказываниях Виктора Астафьева. Он явно переступил ту грань, которая отделяет дискуссию от безответственных домыслов.

Взявшись судить о творчестве и нравственном облике большинства советских историков, он изрек, что они «давно потеряли право прикасаться к святому слову «правда»,

ибо от прикосновения нечистых рук, грязных помыслов и крючкотворного пера, оно — и без того изрядно у нас выпачканное и покривленное — пачкается и искажается еще больше» («МН»).

В выступлении на конференции тот же приговор: «Они лишили себя этого права — своей жизнью, своими деяниями, своей кривдой, криводушием» (Советская культура, 1988, 5 мая).

Чем же аргументировано столь тяжкое обвинение в духе политических процессов 30-х годов? Оказывается, 12-томной «Историей второй мировой войны». Но, позвольте, о минувшей войне создана и художественная литература, в ней тоже есть недостатки и пороки, сходные с недостатками и пороками исторической науки. Надо ли и писателей, деятелей искусства предавать анафеме, унижать и оскорблять их представителей навешиванием ярлыков? Или же достойнее осмысленно разобраться в конкретных проявлениях лакировки событий, образовании «белых пятен» в изучении прошлого нашего общества, изжить культ личности Сталина? Показать не только проявления неправды в нашей исторической и художественной литературе, но и истоки этого?

Вернусь к 12-томной «Истории второй мировой войны». В течение долгого времени этот труд очень высоко оценивался всей советской печатью. И тогда Виктор Астафьев молчал. Когда же появилась возможность говорить о недостатках, то историки о них и заговорили. Далеко не все, впрочем. Новое в выступлении Виктора Астафьева, помимо непристойной формы, это — указание на конкретных виновников неправды. Кто же они? Логично было бы начать с Главной редакционной комиссии, определявшей основную концепцию и содержание труда, утверждавшей к печати каждый том. Тогда надо было бы назвать Маршалов Советского Союза Гречко, Устинова (председатели), начальника Института военной истории МО СССР, члена-корреспондента АН СССР, генерал-лейтенанта П. А. Жилина, вице-президента АН СССР академика П. Н. Федосеева (заместитель председателя), всех членов Главной редакционной комиссии.

Нет, никто из них не назван. Гнев обрушился на историков (это слово ядовито взято в кавычки) Морозова и Самсонова, которые «затеяли споры по частностям, мелочам», и это «еще одна плохо замаскированная попытка крючкотворов увести в сторону, в словесный бурьян от горьких истин».

К чему же и эта неправда? Полемика двух историков шла (Московские новости, № 13) о причинах поражений Красной Армии весной и летом 1942 года. И в этой полемике один отстаивал ошибочные оценки 5-го тома истории войны, другой — доказывал их несостоятельность.

На меня возлагается ответственность за недостатки труда, в котором нет ни одной моей строчки. А чтобы унизить, мне же приписываются и премии, которых я никогда не получал. И умалчивается, что после XX съезда КПСС, вопреки конъюнктурным поветриям, в моих книгах и статьях нет возвеличивания культа Сталина, исторических личностей Хрущева, Брежнева. Конечно, и в этих работах нет данных о наших потерях в войне, судьбе окруженных войск и многого другого. Но все историки были лишены возможности исследовать эти вопросы.

Историческая наука, как и в целом духовная жизнь советского общества, десятилетия несла на себе печать культа личности Сталина, а затем длительного периода «застоя». Но и в это время создавалось немало позитивного, ставшего неотъемлемой частью отечественной и мировой науки, культуры. Перечеркивать это никому не позволительно.

И последнее. Дискуссии должны способствовать консолидации сил историков и писателей, а не разобщать их. Писатель Виктор Астафьев нарушил этот принцип.

Александр Самсонов,
ветеран войны и труда

Московские новости,
1988, № 23, 5 июня

Размышления о читательских письмах. Две точки зрения

Читатели всегда разные. Одни любят книгу прочитать с первой до последней страницы. Другие открывают ее чуть ли не с середины. При знакомстве с этой, в чем-то необычной, книгой (в ней сотни авторов, столько же самостоятельных суждений) главное внимание следует уделить все же письмам.

Я отобрал для книги около 200 писем, иными словами — каждое 12-е, полученное в течение 1987 года. Отбор был не простым, хотелось сохранить как можно больше. При неизбежном сокращении отказывался от повторов, прописных истин, от высказываний, содержащих частные вопросы.

Собранные вместе, письма представляют своеобразную краткую энциклопедию народных взглядов на узловые моменты нашей советской истории. И возможно, что кто-то по прочтении книги прибавит в знаниях, пересмотрит свои взгляды на те или иные исторические факты и явления, станет более терпим к чужому суждению, захочет углубить познания, потянется к иным книгам и документам, чтобы перепроверить, переоценить собственную позицию или, наоборот, еще больше утвердиться в ней.

У кого-то возникнет желание и дополнительно поговорить или поспорить, что также отразит живой интерес читателей, широких слоев народа к собственной истории, далекой и близкой. Конечно, одной книгой, как и множеством других публикаций, не решить всех разногласий по обсуждаемым проблемам. И все же можно лучше понять друг друга, сопоставляя взгляды на минувшие дела Отечества. Такие публикации отражают общественную мысль в условиях гласности и демократизации.

ПЕРЕСТРОЙКА И МЫ

За разностью позиций, высказанных авторами писем, усматриваю первостепенное: всех волнует судьба страны на современном, очень непростом

этапе перестройки. Устремленностью всех в будущее, желанием, чтобы завтрашний день был лучше нынешнего, объясняю феномен тысяч людей, взявшихся за перо. В каждом втором письме проходит это слово: перестройка. Да и там, где его нет, слышится волнение, переживание за наше прошлое и настоящее. И разве это не тот же самый мотив, тревога за будущее, а значит, и за судьбу перестройки?

Перестройку поддерживают все. Атмосфера общепартийной дискуссии на XIX Всесоюзной партконференции, за которой следила вся страна по газетам, радио- и телепередачам, была остра, принципиальна и нелицеприятна. Гласность торжествовала. Люди говорили горячо, искренне, говорили о том, о чем думают, за что переживают. Отличием конференции от недавних партийных форумов стала необычайная открытость. Так проявился ее демократизм.

Еще раньше я ощутил стремление людей к открытости, гласности, демократии, читая столь разные письма, поступающие на мое имя. Посмотрите, какими оттенками, настроениями наполнены строки, где говорится о перестройке. Каким убеждением, радостью, верой звучат они в письмах Р. Дж. Джумакулыева («Верю в необходимость перестройки»), Н. А. Пахомова («Наступило сегодняшнее время, когда особенно хочется жить, работать и радоваться всем изменениям, которые происходят в нашей стране»), А. С. Ашрафова («Наконец-то справедливость восторжествовала!»), И. М. Базулева («Я чувствую по настроению людей, что они испытывают большую радость и великую гордость, живя в историческую эпоху перестройки нашего общества, гласности и демократизации»)...

Впрочем, немало и таких писем, где желание перемен перемежается с сомнением в их возможности. «...Я для себя определил несколько основных показателей, по которым намерен судить о перестройке — не очередная ли это кампания?» (Г. Р. Клейнер, г. Одесса). «Многие думают: а вдруг все вернется?.. Бытует и такая «теория»: сейчас всем дадут высказаться, а потом опять «гайки закрутят»! (А. Солоухин, г. Москва). «Нынешние перемены стали возможны лишь потому, что возмужало поколение, чья юность пришлась на 50-е годы, время XX съезда. Но как потом последовали годы застоя, так на смену этому поколению придет поколение людей, воспитанных в «брежневский период». Что же потом?» (Н. П. Потапенков, г. Тбилиси).

Есть (совсем немного) письма, авторы которых признаются, что не верят в перемены, происходящие в стране:

«Гласность, перестройка. Вам хорошо говорить! А мне иногда кажется, все это там — в Москве, в Кремле. А за сто метров — и ничего нет.» (Н. К. Субботин, пос. Пристень Курской обл.).

Что ответить моим корреспондентам на эти вопросы? Я разделяю мнение П. А. Носырева, который спрашивает: «Будут ли новые ошибки?» И сам отвечает: «Вероятно, будут». От ошибок не застрахован никто, тем более общество, взявшее на себя груз поиска новых путей к своему экономическому, политическому, нравственному совершенствованию. В каких-то звеньях этого поиска могут возникнуть пробуксовки, тупиковые ситуации. Значит, надо уметь, как учил Ленин, делать шаг назад в поисках лучшего решения, чтобы потом сделать два шага вперед, наверстать упущенное.

И как корабль перед дальним плаванием нуждается в самой тщательной проверке на прочность, надежность всех агрегатов, так и обществу на переломном этапе развития следует оглянуться назад, критически изучить накопленный опыт, облегчить наш «корабль» за счет преодоления ошибок, просчетов, близоруких решений, которые мешали прежде и которым не должно быть места в настоящем и будущем. Как не согласиться с одним из авторов: «Перед тем как строить (или даже перестраивать), нужно все-таки ломать психологию страха».

Думается, подавляющее большинство сегодня разделяет мнение: чтобы лечить или предупредить заболевание, надо изучить саму болезнь, понять причины, ее вызывающие. В нашем случае речь идет о социальной болезни, имя которой — механизм торможения перестройки. Читатели не отрицают наличия этой болезни. Правда, одни из них сводят причины ее к негативным последствиям руководства Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева: «Сейчас нам жить тяжело... главным образом, морально. Нет у нас теперь Великой Идеи» (Г. Г. Чернов); «...Хрущевские ошибки породили жажду купеческой наживы, казнокрадства, такие масштабы взяточничества и хищений социалистической собственности, каких мы при Сталине не знали» (М. Ф. Иващенко).

Другие читатели, на мой взгляд, судят иначе, глубже. По их мнению, причины сегодняшнего механизма торможения уходят корнями в 30—40-е годы — к годам культа Сталина, когда происходили отступления от ленинских принципов строительства социализма, когда институты социалистической демократии деформировались и часто бездействовали, когда насаждались административно-команд-

ные методы управления и целые поколения советских людей воспитывались в духе послушных исполнителей — «винтиков». Перечитаем несколько высказываний.

«Память о сталинских репрессиях живет не только в умах, но и в генах. Семена страха, лицемерия, жестокости, посеянные Сталиным, дают всходы и сейчас» (Э. Белевская); «Эта структура была сформирована специально для командно-административных методов, они ей свойственны от природы — как же можно ждать от нее чего-то другого?» (Ю. Карабчиевский); «Культ личности подготовил почву для длительного застоя в последующем, а самое главное — воспитал неверие, обман, ложь» (В. С. Девятов); «Поколение, которое сейчас живет, во многом уже искалечено. Поэтому медленнее, чем хотелось бы, идет перестройка» (И. Оболенская); «Сталин в 1939 году заменил идею самоуправления общества, участия народа в управлении развитием административно-государственных институтов власти в угоду себе. От этого пошли корни стяжательства, карьеризма, воровства на посту» (В. А. Андреев); «А продовольственная проблема — разве это не следствие коллективизации «по Сталину»? А 1941 год? А насажденная Сталиным политика подбора кадров?.. Эти принципы подбора кадров настолько прижились, что сегодня, когда нам дали возможность самим выбирать руководителей, мы не знаем, как это делать» (Г. Р. Клейнер).

Трудно не согласиться с этими доводами. Хотя, допускаю, что найдутся люди, которые и не согласятся. И тем не менее нельзя не заметить общее для всех пишущих: читатели единодушно признают наличие механизма торможения перестройки, все считают, что темпы нашего продвижения вперед зависят от того, как решительно общество сломает его. «Нужно оказать достойную оппозицию не тем, кто творит перестройку, а тем, кто ею умело прикрывается» (Ю. Дротьев), «Быстрей проводить перестройку, сметать со своего пути всю нечисть, всю сталинскую бюрократию» (Н. Д. Гузненко)...

В перестройке, охватившей все сферы нашей жизни, ряд читателей выделяют неотложные проблемы экономики. Отсутствие в магазинах разнообразных и добротных товаров, наличие дефицита, спекуляция — вот чем оборачивается неповоротливость экономики, забвение интересов покупателей, ориентация преимущественно на валовые, количественные показатели. А. П. Новоселов убежден, что мы топчемся на месте в росте производительности труда, и в доказательство приводит таблицу за 40 лет, из которой ясно, что на

протяжении последнего десятилетия мы «застыли», догоняя США по росту производительности.

Да, недостатков в развитии нашей экономики предостаточно. Но нельзя оспаривать те поистине титанические усилия партии и правительства, которые предпринимаются на протяжении последних лет. В стране разработан и последовательно реализуется целый комплекс мер по развитию самостоятельности предприятий, упрощению структуры управления экономикой, сокращению административно-хозяйственного аппарата и т. д. Широкие возможности перед трудовыми коллективами открывает Закон о государственном предприятии.

Нынешняя перестройка, как утверждает Э. В. Новиков из г. Коврова Владимирской области, «делается по приказу сверху, а не потому, что ее потребовал народ». Это далеко не так. Делается она на основе тщательного изучения прошлого опыта, анализа ошибок и упущенных возможностей, главное же — во имя народа, его интересов и чаяний, выраженных им самим через широчайшую трибуну собраний и митингов, через прессу, через многие миллионы писем в ЦК КПСС, государственные и советские органы.

Приведу несколько строк из письма Б. К. Кикнадзе из г. Свердловска: «Во все времена, и особенно сейчас, модно кивать на «верха»... Очень удобная позиция недобросовестных людей — выискивать ошибки у начальников и руководителей всех степеней, пряча за их спины свои собственные... Работай по совести сам, тогда нашим партийным и государственным деятелям будет легче управлять страной». Большой народный смысл такой позиции в том, что мы должны быть честными перед совестью и страной, и для этого у каждого из нас есть одна возможность — делать доверенное лично нам дело профессионально, творчески, с осознанием его государственной важности. В этом и будет наш личный вклад в перестройку.

И все-таки большинство писем обращено к уму и сердцу человека. Мучительно размышляя о судьбе страны за последние 70 лет, многие авторы приходят к выводу: без очищения нравственного нам перестройку не осилить. Перестройка сознания. Вот что поняли, вот о чем говорят и к чему стремятся сегодня многие. И если, как говорит Л. Яковлев из Москвы, Сталин «вдавливал» в нас по капле раба, то пришло время этого раба из себя «выдавить». Сумеем ли? Да разве можно сомневаться, если уж в полный голос заговорили о том, о чем раньше молчали, если всенародно ищем пути, как полностью освободиться от мораль-

ной тяжести той части иаследня прошлого, в котором господствовали ие свет и мужество свершенний (главиого в нашей истории), а боль н мрак деформацнн социализма. И мы понимаем, что перестройка без свободы мыслн, творчества, действия просто иевозможиа.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Каждая переломиая эпоха повышает общественный нитерес к нстории. Обостряется потребность углублеииого осмысления прошлого для целеиаправлеииого воздействия иа настоящее н будущее.

Имеино поэтому таким огромным вниманием пользуются ныне, например, труды русскнх историков — Карамзиил, Соловьева, Ключевского. Но больше всего людей интересует история советского общества. И это понятно: виутрн страны идет революцноииая перестройка общества, в междуиародных отношеинях впервые достигнуто соглашеиие о ликвидации двух классов ядерного оружия, нсторнческой реалией становнтся новое мышленне.

Партия поставнла перед историками задачу подлнино научиого освещення всех пернодов и всех проблем развития советского общества, не только его побед н достиженнй, ио и горьких, драматнческнх страниц минувшего. История должна быть правдивой.

Эта прннципиальная позиция находнт подтвержденне и в читательскнх пнсьмах. Вот миенне М. Татарннова из Москвы: «Мы многого ждем от наших историков, которые ныне получили благопрнятные возможностн для исследований». Та же мысль в пнсьме М. М. Павлова из Комсомольска-на-Амуре: «Сегодня вопрос об отношеннн к нсторнн — один нз самых актуальных н животрепещущих». А. Г. Латышев: «Много лет спустя нсторнки вновь возвращаются к уже забытым, казалось бы, нменам н с высоты своего зиания дают событиям и людям оценкн гораздо более справедлнвые н объективные, чем, возможио, было прежде». А. Е. Дорошенко: «...надо выводы, все «за» н «протнв» рассматривать в едннстве, с глубокнм аиализом, а не одиосторонне и тенденцнозно».

Как н во всех других отраслях обществоведення, необходимо преодолеть искаження нсторин, появнвшиеся под влнянием культа лнчностн Сталина, насаждавшиеся десятнлетнями субъектнвнзма и догматнзма. Это важно не

только для объективного понимания прошлого, но и восстановления справедливости по отношению к тем, кто делал нашу советскую историю. Без истины о прошлом мы не сможем двигаться вперед в своих научных прогнозах, не сможем вооружить современное поколение советских людей необходимыми уроками исторической правды. К тому же без знания и глубокого осмысления этих уроков невозможны и кардинальные изменения сознания и деятельности общества в целом. Как не согласиться, к примеру, с суждениями читателя Н. В. Огарева: «История — мост в будущее. Без ее познания можно снова попасть в такое же положение, в каком мы оказались 22 июня 1941 года». Как не порадоваться доброму пожеланию И. Г. Колмакова из Ульяновска успехов в исследовании истории! Эта тема повторяется в сотнях писем. «Историки в результате подлинно научного анализа должны создавать общественное мнение,— пишет ветеран войны А. Б. Бровер из Одессы.— И народ — творец Победы — не должен быть показан как безликая, инертная масса».

Читатель прав: то, что делалось в нашей исторической науке с 30-х годов и до недавнего времени, объективно служило воспитанию социального квиетизма, бессилия, подчинения какой-то руководящей воле, воплощенной в безличном, непреложном историческом законе, который высится над людьми и превращает их в безликие песчинки, «винтики», статистические единицы. Такая дегуманизированная история безнравственна.

Настало время нам, историкам, полнее и глубже исследовать такие проблемы, как роль масс в строительстве социализма, причины и содержание идейной, внутрипартийной борьбы в 20—30-е годы, механизм возникновения культа и столь длительного его существования. Такие исследования будут иметь не только научное, но также политическое и нравственное значение. В докладе о 70-летии Великого Октября М. С. Горбачев сформулировал важный тезис о том, что «характер идейной борьбы в значительной мере осложнялся и личным соперничеством в руководстве партии» [1]. В борьбе за власть в 30-е годы и после нарушалась законность, совершались преступления. Это тоже наше прошлое, его мрачные страницы, существовавшие вопреки глобальному пути развития страны с ее историческими победами, энтузиазмом масс, торжеством ленинских идей по-

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 15.

строения социализма. Исторический опыт необходимо знать во всем его сложном и противоречивом многообразии. В собранной здесь «копилке» мнений представлены две диаметрально противоположные точки зрения о путях развития страны. Одни (их, судя по количеству писем, заметно больше) доказывают: наши успехи в деле строительства социализма были бы, по их мнению, весомее, не будь нарушений ленинских принципов руководства, не столь огромны были бы масштабы народной трагедии в годы Великой Отечественной войны, иными — неизмеримо меньшими — наши потери, если бы не перегибы в политике, массовые репрессии 30-х годов, ошибки и просчеты Сталина в руководстве страной и армией. Выразители другой точки зрения отстаивают методы руководства И. В. Сталина, признают безупречной его деятельность в годы Великой Отечественной войны и однозначно положительно решают вопрос, был ли Сталин великим полководцем.

Короче, столкнулись противоположные точки зрения — за и против возвеличивания исторической роли Сталина. И важно то, что авторы писем не просто констатируют собственную позицию, какой-то факт — они аргументируют свой взгляд на вещи, размышляют, вникают в суть происходившего и происходящего, спорят с незримым оппонентом.

Не остается в стороне и вопрос о том, почему уже не в первый раз мы возвращаемся к личности И. В. Сталина. «Говорим мы и будем говорить, пока живы, о Сталине потому, что человеку свойственно вспоминать о миновавшей смертельной болезни. Надо помнить все ее симптомы и синдромы, все рецидивы, чтобы второй раз не умереть окончательно» (В. М. Галкин, г. Москва). «...Культ Сталина создавался и старательно внедрялся в сознание народа десятками лет... Разоблачение культа личности в свое время не было доведено до конца» (М. Т. Синигин, г. Воскресенск Московской обл.). «Хрущев, конечно, молодец, что разоблачил Сталина, дал советским людям возможность с четверенек, на коих они, сами того не замечая, стояли при сталинском режиме, подняться на ноги» (С. О. Парсамов, г. Саратов).

Есть и такие высказывания: «...Люди, пораженные сталинской «радиацией». Это те, кто и сегодня делает все, чтобы скрыть истину...» (П. Я. Герценштейн, г. Москва). «Чем быстрее и полнее будут раскрыты все страницы нашей истории, тем быстрее оздоровится наше общество от тяжелых наслоений прошлого и недугов настоящего» (А. Э. Земс, г. Алма-Ата).

Тема: культ, причины его возникновения, пути преодоления — особенно остро волнует читателей.

Характерно мнение читателя В. Синиговского (г. Днепропетровск):

«Узловым вопросом начавшейся перестройки является правильное понимание личности И. В. Сталина. А здесь-то и необходима огромная работа историка и любого честного человека, ибо, не перестроившись внутренне, невозможно перестроить все сферы нашей жизни».

Сталин не является каким-то самодовлеющим, спонтанно возникшим феноменом. Для его возникновения имелись исторические причины. Кстати, и сама живучесть ореола вокруг Сталина говорит об этом. Историзм в оценке этапов утверждения культа ожидается общественностью как раз от нас, профессиональных историков.

К октябрю 1917 года в народе нашем не сложились демократические традиции. Культ царя-самодержца воспитывался на протяжении по меньшей мере трех веков. Всего за 56 лет до Октябрьской революции было отменено крепостное право. В. И. Ленин считал поэтому, что одной из задач большевиков после завоевания власти является воспитание демократических навыков. Но гражданская война с ее жесточайшей централизацией не позволила сделать это, а затем всего два-три года деятельности Ильича были слишком коротки, чтобы вытеснить царистские предрассудки. Не исключено, что часть руководителей партии была тоже в плену идеи сильной личности. Ведь создание культа шло сверху, в нем принимали участие даже такие светлые головы, как С. М. Киров. Отчасти и поэтому немало людей испытывают ностальгию по «сильной личности» и продолжают считать Сталина «великим вождем народов», «великим полководцем».

Читатель Б. П. Огарков из г. Могилева пишет: «Это наше счастье, что И. Сталин был с нами».

Р. Я. Петров: «Имя Сталина помогало жить, бороться и побеждать. Оно живет в народе как символ наших побед».

В. О. Лехнович (Нахабино Московской обл.): «Десятки лет имя Сталина вытравлялось из Памяти и Истории в стремлении свалить на него все «грехи» и очиститься от них. Но очищения не получилось».

Вместе с тем миф о Сталине как гениальной исторической личности длительное время распространялся в художественной и исторической литературе, в искусстве. Описывая деятельность русских царей Ивана Грозного и Петра Великого, нашего современника полунамеками подводили к

мысли о том, что социальный прогресс оправдывает потоки пролитой народной крови.

Но вот что писал Илья Эренбург о Сталине:

«Мы так и не узнали, почему XIII съезд партии, несмотря на предостережение Ленина, обладавшего огромным авторитетом, переизбрал Сталина Генеральным секретарем. Я не знаю, как могло случиться, что Сталин, договариваясь с одной группой Политбюро, чернил, а потом уничтожал другую группу, чтобы два или три года спустя унизить и убить своих вчерашних союзников. Каким образом «Коба» революционного подполья, известный только тысяче-другой партийных работников, десять лет спустя превратился в «отца народов»? Почему партия, показавшая подлинное мужество в отражении вражеских диверсий, в индустриализации отсталой страны, в обороне Родины от слывшего непобедимым рейхсвера, не воспротивилась культу Сталина, шедшему вразрез и с марксизмом, и с демократическим духом Ленина? Мне казалось, да и теперь кажется, что куда важнее разгадать не характер Сталина, а то, что позволило превращению грубого, по словам Ленина, и малоизвестного человека в «вождя», «кормчего», «полководца», которого ежедневно восхваляли члены Политбюро и лишенцы, маститые академики и ученики первого класса...» [1]

Итак, почему партия не воспротивилась культу Сталина? Дело в том, что вместе с новой властью стала формироваться новая бюрократия. Подминая всякие попытки народного самоуправления, она рвалась к ключевым постам. Выразителем интересов этой бюрократии стал Сталин, а чисто административный при жизни Ленина пост генсека постепенно превратился в ключевой пост.

Тогда Ленин стал обдумывать широкую политическую реформу. Его охватило серьезное беспокойство о судьбах партии и народа. После второго приступа болезни он почувствовал себя на краю могилы. 23 декабря 1922 года Ленин попросил у врачей разрешение поработать со стенографисткой в течение пяти минут, так как,— сказал он,— его волнует один вопрос, и он боится, что не заснет.

Получив разрешение, Ленин вызвал стенографистку М. А. Володичеву и продиктовал ей первую, а позднее и другую часть «Письма к съезду», которое вошло в историю как ленинское завещание. Оно начиналось словами: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен

[1] *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь.— Огонек, 1987, № 23, с. 23.

в нашем политическом строе». Ленин предложил увеличить число членов ЦК, привлечь к работе рядовых представителей рабочего класса. Обдумать способ перемещения Сталина с поста генсека и назначить на это место другого человека, способного сохранить единство партии.

К сожалению, идеи и предложения Ленина после его смерти не были осуществлены. Как свидетельствуют некоторые исследователи этого периода, «были, однако, товарищи, которые считали, что завещание Ленина должно быть, безусловно, выполнено. Было имя, которое называлось как имя человека, способного сменить Сталина на посту генсека, имя Михаила Васильевича Фрунзе» [1].

Но М. В. Фрунзе умер в октябре 1925 года.

Принципиально важным является вопрос о причинах и условиях возникновения культа личности Сталина. Ответ на этот вопрос содержался в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий», где отмечены как объективные условия, так и субъективные факторы возникновения и распространения культа личности. Наиболее глубокая трактовка этого вопроса дана в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

«Совершенно очевидно,— говорил М. С. Горбачев,— что именно отсутствие должного уровня демократизации советского общества сделало возможными и культ личности, и нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов. Прямо говоря — настоящие преступления на почве злоупотребления властью. Массовым репрессиям подверглись многие тысячи членов партии и беспартийных. Такова, товарищи, горькая правда» [2].

Наши идейные противники утверждают, что культ личности коренится в природе социализма, что он, так сказать, неизбежное явление нового общественного строя. (Эта точка зрения, кстати, прослеживается и в некоторых письмах моих читателей.) Устами М. С. Горбачева партия четко сказала, что культ личности «чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополагающих принципов и, таким образом, не имеет никакого оправдания» [3].

Утверждают: Сталина из истории не вычеркнешь. Он

---

[1] *Драбкина Е.* Зимний перевал. М., 1988, с. 247.

[2] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается, с. 21.

[3] Там же.

внес вклад в борьбу за социализм, в защиту завоеваний социализма, особенно в годы Великой Отечественной войны. Конечно, не вычеркнешь! Но нужна научная, марксистско-ленинская оценка его деятельности. Нельзя отрицать, что именно Сталин несет главную ответственность за деформацию социализма, неудачи и поражения первого периода войны, за что страна заплатила страшную цену. Позднее, правда, он проявил политическую волю, целеустремленность и настойчивость, организуя и дисциплинируя людей для достижения Победы. Однако лишь смолкли залпы войны, возникли «ленинградское дело», «дело врачей». Как и прежние процессы, они были организованы им самим.

Сказать, что личность Сталина крайне противоречива в свете сегодняшних знаний, означает не сказать главного. Политбюро ЦК партии создало Комиссию по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30—40-х и начале 50-х годов, чтобы восстановить историческую справедливость во всем объеме, со всей возможной полнотой. Уже публикуются результаты работы комиссии. Как историк и как гражданин считаю, что Сталин нанес огромный вред делу социализма и Родине.

Культ личности Сталина имел свою историю. Он создавался в течение трех десятилетий его руководящей деятельности путем фальсификации истории партии и истории гражданской войны. В 1935 году вышла в свет книга Л. П. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», в которой материал, свидетельствующий о революционной работе И. В. Сталина в дооктябрьский период, рассматривался с извращенных позиций, в результате чего роль Сталина в революционном движении была непомерно раздута. Еще раньше это же проделал К. Е. Ворошилов в статье «Сталин и Красная Армия» (1929 год), опубликованной к 50-летию И. В. Сталина. Сталин был необоснованно возведен в герои обороны Царицына (и сам Царицын переименован в Сталинград).

Вскоре после смерти Сталина началось переосмысление его роли в истории. В июле 1953 года Пленум ЦК партии одобрил решительные меры по ликвидации преступной деятельности Берии — одного из ближайших к Сталину лиц. (Активными участниками изменнической группы заговорщиков являлись связанные с Берией в течение многих лет совместной преступной деятельностью в органах НКВД — МВД Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский и др.)

Уже в 1954—1955 годах начали пересматриваться дела незаконно осужденных по «ленинградскому делу», а также репрессированных в 1937—1938 годах.

XX съезд КПСС открыл новый период в истории страны. Во всех сферах жизни проходил процесс демократизации. Положительную роль в этом процессе история отвела Н. С. Хрущеву, Первому секретарю ЦК партии. Допускал он и ошибки, были серьезные издержки в поисках новых путей руководства экономикой и культурой, но определяющими для того времени являлись тенденции обновления общества. XX съезд осудил культ личности Сталина. Продолжалась реабилитация невинно осужденных. Критика культа шла не только сверху, но и снизу. На XXII съезде партии (1961 год) сказано было о «преступных действиях» и «позорных методах руководства» в годы культа личности.

Во второй половине 60-х годов, при Л. И. Брежневе, критика культа личности Сталина стала заглушаться. Сверху насаждалась установка на моральную и политическую реабилитацию Сталина. Приостановился и процесс демократизации общества. Последовательно возрождались администрирование, бюрократический стиль руководства. За фасадом парадного благополучия царил застой, вызревали коррупция, хищения, злоупотребления властью. «Микрокульт Брежнева» сопровождался реставрацией культа Сталина, конечно, в смягченных формах. «Вся эта идеологическая передвижка происходила исподволь и без большого шума,— пишет литературный критик Ю. Буртин,— но и ее «малые приметы» не ускользали от внимательного взгляда современника, говорили ему о многом. И то, как с возрастающей быстротой стала опадать волна критики «культа», постепенно съеживаясь до одной-единственной ритуальной фразы, произносимой по большим праздникам в руководящем докладе, год от году все более невнятной. И то, как в статьях и книгах о посмертно реабилитированных «борцах за великое дело» стали однотипно усекаться печальные финалы их биографий, оставляя читателя в неведении, что же стало с героем потом и не здравствует ли он благополучно по сию пору. А потом и сами их имена, чтобы не будить дурных воспоминаний, вновь начали мало-помалу исчезать с печатных страниц...» [1]

В наступивший ныне в СССР период гласности и демократизма в критике культа личности Сталина зазвучали и

[1] *Буртин Ю.* «Вам, из другого поколенья...» — Октябрь, 1987, № 8, с. 196.

качественно новые моменты. Так, на страницах журнала «Коммунист» поставлен вопрос: «Можно ли в современных условиях признать достаточным и исчерпывающим постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»?.. И не слишком ли поспешно мы объявили его преодоленным? Авторы двух писем предлагают: переиздать те стенографические отчеты партийных съездов и конференций, которые стали библиографической редкостью, и обнародовать не издававшиеся вовсе; предоставить массовому читателю возможность ознакомиться с воспоминаниями соратников В. И. Ленина, публиковавшимися в 20-е и 30-е годы. И комментируют свои предложения: «Без основательного расчета с прошлым нельзя надеяться на честное будущее» [1].

Многое о культе личности уже известно. К его предпосылкам относились былая экономическая и культурная отсталость страны, наличие многочисленной мелкой буржуазии. Строительство социализма не опиралось на какой-либо мировой опыт и проходило в условиях враждебного капиталистического окружения. 20-е и 30-е годы отличались острым политическим и идеологическим противоборством и внутри страны. Это вызывало политические дискуссии, отражавшие поиски форм и методов строительства социализма. Высказывались при этом и теоретически ошибочные мысли, предложения, которые опровергались с позиций ленинизма и самой жизнью. Занимая пост Генерального секретаря ЦК партии, Сталин возглавил борьбу против троцкистов, лидеров правого уклона, буржуазных националистов. Однако насаждавшиеся им методы и формы борьбы не имели ничего общего с ленинскими демократическими традициями, принципами социализма, политическими идеями. Расправа с инакомыслящими использовалась им для утверждения личной власти. Постепенно создавался культ личности Сталина, ему приписывались качества гениального вождя. Сосредоточив в своих руках необъятную власть, он грубо нарушал принципы коллегиального руководства в партии и государстве.

В управлении насаждались сверхцентрализация, бюрократизм, вытеснявшие инициативу, творчество, порождавшие перестраховщиков, аллилуйщиков, приспособленцев, доносителей. Сталинский политический и экономический волюнтаризм нанес вред делу строительства социализма. Одним из проявлений этого было извращение ленинского

[1] Коммунист, 1987, № 7, с. 120.

кооперативного плана, свирепое «раскулачивание» середняка в деревне.

Расправившись с ленинской гвардией, многими участниками Октябрьской революции 1917 года, Сталин окончательно утвердил свое единовластие. Пленумы ЦК и съезды партии проводились нерегулярно. Установив личный контроль над органами государственной безопасности, Сталин стал над правом и законом. Выяснение причин и условий возникновения культа личности не может служить оправданием чудовищной роли Сталина в попрании законов социализма, идей гуманизма, общечеловеческих принципов и норм нравственности.

Немало читателей, которые считают, что неверно преуменьшать масштабы исторической личности Сталина. Он обладал большим умом, выдающимися организаторскими способностями. Но ради какой цели использовались эти качества? Достигнув неограниченной, бесконтрольной власти, встав во главе партии и страны, он занимался многими вопросами, но никогда не признавался в допущенных ошибках и просчетах, а их было немало. Ошибки и просчеты спустя десятилетия можно как-то объяснить, даже оправдать сложностью времени. Невозможно забыть истребление Сталиным лучших людей общества, его природную холодную жестокость, питавшуюся властолюбием, мстительностью, маниакальной подозрительностью.

В октябре 1941 года, когда немцы стояли у стен Москвы, были ликвидированы многие из тех, кто еще находился в тюрьмах, и среди них Герой Советского Союза П. В. Рычагов, заместитель наркома обороны СССР; дважды Герой Советского Союза Я. В. Смушкевич, помощник начальника Генштаба по авиации; Герой Советского Союза Г. М. Штерн, начальник управления ПВО Наркомата обороны СССР... Впрочем, позволю себе привести здесь документ, о котором первым рассказал в «Литературной газете» (1988, 20 апреля) Аркадий Ваксберг: «Акт. Куйбышев. 1941 год, октябрь 28 дня, мы, нижеподписавшиеся, согласно предписанию народного комиссара внутренних дел СССР, генерального комиссара государственной безопасности тов. Берия Л. П. от 18 октября 1941 г. за № 2756/Б, привели в исполнение приговор о ВМН[1] — расстрел в отношении следующих 20 человек осужденных: Штерн Григорий Михайлович, Локтионов Александр Дмитриевич, Смушкевич Яков Владимирович, Савченко Георгий Косьмич, Рычагов

[1] ВМН — высшая мера наказания.

Павел Васильевич, Сакриер Иван Филимонович, Засосов Иван Иванович, Володин Павел Семенович, Проскуров Иван Иосифович, Склизков Степан Осипович, Арженухин Федор Константинович, Каюров Матвей Максимович, Соборнов Михаил Николаевич, Таубин Яков Григорьевич, Розов Давид Аронович, Розова-Егорова Зинаида Петровна, Голощекин Филипп Исаевич, Булатов Дмитрий Александрович, Нестеренко Мария Петровна, Фибих Александра Ивановна. Подписали: старший майор госбезопасности Баштаков, майор госбезопасности Родос, старший лейтенант госбезопасности Семенихин».

В июле 1942 года, снова расценивая положение как отчаянное, он (Сталин) позвонил и приказал Берии подготовить еще один список...

Читатель Р. Г. Сафаров (г. Казань) пишет: «Вы уже сказали, что он (Сталин) не был ни гением, ни выдающимся стратегом-полководцем, но надо говорить и о его лицемерии:

— «кадры решают все» — и уничтожение самых талантливых кадров, настоящих ленинцев, партийцев, настоящих революционеров;

— «самый ценный капитал для нас — люди» — и беспощадное истребление этих «винтиков»;

— «жить стало лучше, жить стало веселее» — и миллионы пухнувших от голода;

— «сын за отца не отвечает» — и ссылка в Сибирь всей семьей, в том числе «кулаков», имевших двух лошадей».

Историческая литература длительное время лишь в самой общей форме упоминала о нарушениях законности в период культа личности Сталина, оставляя вне границ исследований множество безвинно погубленных человеческих жизней, изломанных судеб, нравственную травму общества. В книгах почти не назывались имена жертв репрессий, и среди них имена выдающихся военачальников, известных ученых, деятелей культуры и искусства, организаторов народного хозяйства. Таких исследований почти нет.

Остается вне рамок исследований и проблема ответственности за репрессии конкретных носителей зла, а также доносчиков и клеветников. В интервью писателя Д. Гранина сказано: «Историческая психология этого социального зла еще не изучена как следует. У нас ведь не было открытых процессов над виновниками репрессий, допустим, 1937 года или «ленинградского дела». Не судили тех, кто применял незаконные средства, сажал заведомо

безвинных. Тех процессов, когда могла бы предстать личина подлинных преступников, зло их души»[1].

Некоторые читатели смягченно называют преступления Сталина всего лишь ошибками и остаются почитателями культа, предлагая поставить в Волгограде памятник Сталину, а городу вернуть прежнее наименование. Есть и такие, кто кощунственно оправдывает репрессии и жестокую расправу над невинными людьми. К ним относится, например, М. З. Коханенко: «Не всех тогда расстреляли, и не все дожили до смерти в лагерях, наши враги... Эти лагеря нам нужны были и потому, что добровольно нам строили укрепления на границах и даже такие сооружения, как, например, Беломорско-Балтийский канал».

Подавляющее большинство читателей верно оценивает «черные пятна» истории. Приведу высказывание учителя, ветерана труда, офицера в отставке П. М. Чаплина (г. Мытищи Московской обл.): «Тот, кто защищает, восхваляет и тем более прославляет культ личности, тот обесценивает и унижает себя как человека и как гражданина. Обесценивает и унижает свое общество, Советскую Родину, родину Октября. Культ личности чужд и противен всему, что мы связываем с именем Ленина, с нашим днем, с перестройкой».

Сталин оставил мрачный след в истории. Но отождествлять с культом личности Сталина целый большой период истории советского общества, конечно, нельзя. Страницы и этого периода заполнялись многообразной деятельностью народов Советского Союза, Коммунистической партии, победами и неудачами, поисками и свершениями. Что было главным в жизни страны?

Ленинские идеи победили в октябре 1917 года, на всех последующих этапах развития Советского государства. После империалистической и гражданской войн страна была разорена, она только что вышла из полупатриархальной отсталости ниспровергнутого самодержавного строя. Но уже за 20-е и 30-е годы стала социалистической державой. Победой завершилась Отечественная война против фашистской агрессии. Труднейшие и сложнейшие задачи решались и в послевоенные десятилетия. 70-летие Великого Октября страна под руководством Коммунистической партии встретила революционной перестройкой всех сфер жизни общества, реабилитацией многих исторических имен.

В докладе М. С. Горбачева на совместном торжествен-

[1] Литературная газета, 1987, 27 мая.

ном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, впервые за полвека, минувшие после печально памятного «процесса антисоветского правотроцкистского блока» (2—13 марта 1938 года), сказано о важной роли Н. И. Бухарина в идейном разгроме троцкизма. В 1988 году были опубликованы его работы «Памяти Ильича» (Правда, 12 февраля) и «Политическое завещание Ленина» (Коммунист, № 2), изданы «Избранные произведения». А еще раньше был опубликован документ огромной нравственной силы — письмо Н. И. Бухарина к «будущему поколению руководителей партии»[1]:

«Ухожу из жизни. Опускаю голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно. Нет Дзержинского. Постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жестокость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, особый почет, авторитет и уважение...

...Любого члена ЦК, любого члена партии... могут стереть в порошок, превратить в предателя, террориста, диверсанта, шпиона. И если бы Сталин усомнился в самом себе — подтверждение последовало бы мгновенно.

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невиновных. Ведь нужно же создать организацию, бухаринскую организацию, в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласия с партией, но не существовавшую тогда, в годы правой оппозиции. О тайных организациях Рютина, Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым, Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием «Правда» печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября,

[1] Научной экспертизе это письмо не подлежит, но в его подлинности усомниться едва ли возможно.

реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость, это ложь, адекватной которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: «Обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции».

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще не проторенным путем. Другое было время, другие нравы. В «Правде» печатался «дискуссионный листок», все спорили, искали пути, ссорились и мирились, и шли дальше вперед и вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, которые в эти страшные дни становятся все грандиознее, разгораются как пламя и душат партию. Ко всем членам партии обращаюсь. В эти, быть может, последние дни своей жизни я уверен, что фильтр истории рано или поздно неизбежно смоет грязь с моей головы. Никогда я не был предателем. За жизнь Ленина без колебания заплатил бы собственной. Любил Кирова и ничего не затевал против Сталина. Прошу новое молодое поколение руководителей партии зачитать мое письмо на пленуме, оправдать и восстановить меня в партии.

Знайте, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови.

Н. Бухарин»[1].

Пленум Верховного суда СССР 4 февраля 1988 года отменил приговор (вынесенный в марте 1938 года) в отношении осужденных Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. П. Розенгольца, М. А. Чернова, П. П. Буланова, Л. Г. Левина, И. Н. Казакова, В. А. Максимова-Диковского, П. П. Крючкова и Х. Г. Раковского за отсутствием в их действиях состава преступления.

Еще ранее по тем же мотивам были полностью реабилитированы Н. Н. Крестинский, Г. Ф. Гринько, И. А. Зеленский, В. И. Иванов, С. А. Бессонов, А. Икрамов, Ф. Ходжаев, В. Ф. Шарангович, П. Т. Зубарев и Д. Д. Плетнев.

Комиссия Политбюро ЦК КПСС продолжает свою работу.

---

[1] Московские новости, 1987, № 49, 6 декабря.

В письмах, опубликованных в этой книге, высказываются разные точки зрения по всем периодам советской истории. В них нетрудно обнаружить и некомпетентность некоторых авторов, и излишнюю горячность в защите своей позиции, и все же, собранные вместе, они высвечивают самые болевые точки нашей истории, сосредоточивают внимание на ранее запретных темах, несут массу полезных наблюдений и мнений.

Читатели единодушно выступают за то, чтобы усилить роль истории в духовной жизни общества, поднять ее престиж в массах. Ибо каждый человек испытывает потребность не только овладеть суммой конкретных исторических знаний, но и глубоко осознать незримую связь поколений, их судеб.

В. А. Курова, Ю. И. Музыченко, А. Н. Грошева, да и многих других волнуют вопросы: какова же роль истории в начатом процессе обновления нашего общества? Как используется ныне ленинское идейное наследие, практика Октябрьской революции? Что делают советские историки для преодоления механизма торможения, в помощь перестройке?

По читательским письмам чувствуется, как изменилась — возмужала, стала более зрелой в суждениях и оценках — читательская аудитория. Именно здесь — причина возросших требований к исторической науке и усилившейся критики по ее адресу. По письмам, вопросам, выдвинутым в них, ясно, чего ждут от историков самые широкие массы: они хотят воссоздать в полном объеме правду исторического процесса, они хотят сами, вместе с учеными непосредственно участвовать в этом процессе.

Сейчас для историков «самая работа, а они молчат. Ждут, когда за них кто-то скажет «а», а они тогда скажут «б»,— с иронией пишет читатель из Пензы шофер И. Е. Карасев, тот самый, чье письмо в газету «Социалистическая индустрия» вызвало целую дискуссию.

С этим мнением читателя нельзя не согласиться. Современное состояние исторической науки вызывает неудовлетворенность. Перестройка работы историков протекает медленно. Некоторые из них чего-то выжидают, проявляют робость, непоследовательность. Есть и историки, психологически неспособные к перестройке. Однако новое прокладывает себе путь и в этой сфере духовной жизни. Проявлениями этого стали печатные и устные выступления по вопросам наиболее трудным и сложным в изучении прошлого, переоценка его явлений. В центральных газетах и периодиче-

ских издаииях все чаще появляются подготовлеииые историками публикации о событиях Октябрьской революции, гражданской войны, периода 20—30-х годов, Великой Отечественной войны. Готовятся иовые исследоваиия.

Авторы писем просят ликвидировать «белые пятиа» в истории иашего 70-летиего развития, иазывают сами упущеиия, пробелы в освещении практически всех этапов советского общества — от Великого Октября и гражданской войиы до иаших дней, точнее, до времеии, иазваииого застойиым.

Необходимо прежде всего правильное поиимаиие самой проблемы, иаличие которой бесспорно.

Что такое «белые пятна» истории?

Это и обезличеииая история, и целые пропущениые в ней страиицы, и страиицы приукрашенные, и миогое другое. «Белые пятна» должны быть устранеиы, исторические труды должны стать такими, как этого требует марксистско-ленинская методология. Иными словами, история должиа быть правдивой, она должиа раскрываться во всей ее противоречивости, сложиости, подчас трагичиости тех событий, которые в ией происходили.

Проблема «белых пятеи» рождена ие историками, если говорить точнее — ие только историками, ио и политиками.

Сегодия историки свободны во всей полноте освещать ход событий минувшего. Но подчас исследователю и поиыне иедоступио главное для работы — докумеиты, архивиые материалы. Речь идет ие о любых докумеитах и материалах, а только о тех, которые иужиы для подлииио иаучиого освещеиия «белых пятеи». В этом плане сделаио обиадеживающее: в библиотеках передано иемало кииг специальиого иазначения в общие залы, облегчено пользование архивами. Так, только в Цеитральном партийиом архиве расширеио пользоваиие 24 фоидами, вновь открыты 11 фоидов. Но это лишь первые шаги. Для плодотвориой работы исследователей требуется шире распахнуть двери спецхраиилищ! Рассекретить миогие докумеиты. Приведу примеры.

Проблема, которой я больше всего заиимаюсь,— Великая Отечественная и вторая мировая войиа. До сих пор историкам ие удалось опубликовать полиостью текст постановлеиия Государствеииого Комитета Обороиы от 15 октября 1941 года. Это решение об эвакуации из Москвы. Объективиый аиализ этого докумеита многое объясиил бы в поиимании обстановки, сложившейся в Москве 16—18 октября 1941 года.

О содержании этого постановления ГКО до сих пор из-

вестию лишь в переложении, к тому же неполном [1]. Между тем в документе есть такие детали, которые рисуют всю сложность и драматическую напряженность ситуации, сложившейся в столице.

Или, скажем, приказ наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 года. Он зачитывался перед всеми войсками Действующей армии, но в исторической литературе до самого последнего времени известен был в извлечениях. Или другой приказ — № 270 от 16 августа 1941 года (выдержки из него публикуются в данной книге, в письме А. А. Каменцева) [2]. Да мало ли документов, рассказать о которых наступило время, чтобы история предстала во всей своей сложности — и с кризисными явлениями и с трагизмом, и героизмом Вооруженных Сил, доказавших свою непобедимость перед лицом самых трудных испытаний. Преодоленные трагедии, недуги, кризисы — это не только наша боль, но и гордость за народ, который сумел сделать, казалось бы, невозможное.

Объективность историка — проблема не только научная, но и нравственная. В ее решении слишком долго существовали непреодолимые преграды, воздвигнутые еще в 30-е годы, сохранившиеся и после. Решения XXVII съезда партии открыли перед историками новые горизонты. Гласность, демократизация приходят и к исторической науке, хотя ее потенциал раскрывается не без помех — субъективных и объективных.

Почему Институт истории СССР Академии наук СССР вот уже свыше 20 лет не может завершить издание 12-томной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», остановившись на пороге последнего тома? Почему так мало клубов исторических, клубов любителей исторической книги? Почему у нас нет Общества историков, объединяющего не только по профессии, но и всех интересующихся историей своего города, края, Родины? Почему нет доступного интересного учебника истории советского общества? Почему не переиздается Советская историческая энциклопедия, нет сборников биографий деятелей Октября? Все это непраздные вопросы, они выдвинуты жизнью, они звучат и в предложенных вам читательских письмах (см. письма Нургалиева, В. Ф. Тихоступа, В. Н. Лебедева и др.).

Советская историческая наука должна выйти на новый уровень развития, отвечающего требованиям революционной перестройки общества.

---

[1] Полный текст документа см. на с. 341—342.

[2] См. примечания на с. 57, 85.

БЫЛИ ЛИ МЫ ГОТОВЫ К ВОЙНЕ?

Революционные идеи Октября, овладевшие миллионами советских людей, были могучим источником народного героизма в годы гражданской войны, восстановления разрушенного народного хозяйства, строительства социалистического общества. В 20—30-е годы — за невиданно короткие исторические сроки — решались задачи индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, укрепления многонационального Советского государства, утверждения международных позиций СССР. К концу 30-х годов Советский Союз по производству промышленной продукции вышел на первое место в Европе и на второе место в мире.

Находясь во враждебном капиталистическом окружении, наша страна укрепляла свою оборону. С начала 1933 года, когда к власти в Германии пришли нацисты, угроза империалистической агрессии нарастала. Политическое и военное руководство СССР видело это, ощущал военную опасность и весь советский народ.

Проблемы обороны занимали все большее место в развитии промышленности, науки, техники. Ускоренными темпами готовились военные, партийные, хозяйственные кадры. Советские люди воспитывались в духе патриотизма, любви к Родине, готовились к защите ее свободы и независимости.

И все же, были ли мы готовы к войне? Многие читатели, следуя трактовке этого вопроса в литературе периода застоя, объясняют неполную готовность СССР к схватке с фашизмом тем, что история отвела нам слишком ограниченное время для реорганизации и перевооружения Красной Армии. А военный потенциал фашистской Германии, уровень ее промышленности, общая подготовленность к войне были выше военного потенциала и общей подготовленности к войне Советского Союза. Так объясняла события историческая литература. Из этого делался вывод, что наши поражения в первый период войны закономерны. Настало время пересмотреть этот «пораженческий» тезис.

Исторические реалии говорят о другом. Советская страна накануне войны обладала объективными предпосылками для того, чтобы дать отпор любому агрессору. Именно этим объясняется то, что победа над фашистской Германией была завоевана советским народом. Трагедии поражений и неудач 1941—1942 годов не являлись фатально не-

избежными. Причины их надо видеть не в слабости СССР, обусловленной уровнем социально-экономического развития, а в негативных явлениях 30-х годов, просчетах предвоенного и военного времени.

Несомненно, что СССР длительное время готовился к обороне. Промышленность наращивала выпуск большого количества оружия и боевой техники для Красной Армии и Военно-Морского Флота. Все это создавалось напряженным трудом советских людей. Накопленных военных ресурсов было достаточно для отражения первых ударов агрессора и перестройки экономики на военный лад. Существовали, конечно, и трудности, недостатки — объективные и субъективные. Не хватало и времени для реализации всех планов. Неоправданно задерживалось серийное производство некоторых новейших типов вооружения: танков КВ и Т-34, усовершенствованных самолетов, артиллерийских орудий и пр. Но почему так происходило?

Одной из причин этого были бюрократические методы руководства народным хозяйством. Без одобрения Сталина не утверждался к производству ни один из образцов новейшего вооружения. Руководство Наркомата обороны (до 1940 года его возглавлял К. Е. Ворошилов) проявляло некомпетентность в вопросах военной техники, даже в оценках танков КВ и Т-34. Заместитель наркома обороны Г. И. Кулик считал, например, автоматы «полицейским оружием, непригодным для армии».

Пагубно повлияли на обороноспособность страны репрессии против наиболее одаренных и ценных для общества людей. В морально-психологическом отношении это породило атмосферу неуверенности, страха, боязни самостоятельных решений, проявления инициативы. Высший командный состав и офицерский корпус Красной Армии в значительной мере были истреблены или находились в лагерях. Например, из 837 человек, первыми получивших персональные воинские звания в ноябре 1935 года (от полковника до Маршала Советского Союза), 720 было репрессировано. Речь шла о лучших по профессиональной компетентности и моральным качествам. Это сыграло роковую роль в судьбах народа.

Несмотря на все это, Советский Союз обладал таким материальным и духовным потенциалом, что мог оказать отпор фашистской агрессии при умелом использовании имеющихся сил и ресурсов. Однако просчеты и ошибки политического и военного руководства страны привели к наихудшему варианту первого периода войны.

Читатели уделяют большое внимание вопросам подготовки страны к обороне, роли Сталина в руководстве этой подготовкой. Инженер В. В. Тарунтаев (г. Москва) считает, что Сталин заблуждался в отношении истинных намерений Гитлера, и эта ошибка дорого обошлась нашей стране. Другой москвич, А. З. Рубинчик, вспоминает:

«Осенью 1939 года граница отодвинулась на запад на 250 километров. На прежней линии обороны вооружение демонтировали[1], а на новой установить его не успели. В районе Киева оборонительный пояс также был демонтирован.

За 13 месяцев до войны Сталин стал получать тревожные радиограммы о планах фашистов... Ценнейшие данные сообщали наши разведчики из Токио. Сталин получил 76 тревожных сообщений о готовящейся войне и ни на одно не обратил внимания».

Г. Я. Сотонин (г. Пермь) считает, что из-за некомпетентности Сталина и других лиц из его окружения не было сделано все необходимое для подготовки к грядущей войне и прежде всего не было своевременно налажено серийное производство новейших типов танков, самолетов, артиллерийского оружия. «Тут много было демагогии — споров, согласований, в результате потеряли время, пришлось все наверстывать в тяжелейших условиях в первые годы войны».

Об этом прямо говорил Г. К. Жуков, вспоминая о военных месяцах и откровенно признавал: «...на нас, военных, лежит ответственность за то, что мы недостаточно требовали приведения армии в боевую готовность и скорейшего принятия ряда необходимых на случай войны мер». Г. К. Жуков не скрывал главную причину такого поведения: «Конечно, надо реально себе представить, что значило тогда идти наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех на памяти еще были недавно минувшие годы; и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, могло тогда означать то, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берии»[2] (то есть будешь репрессирован).

В результате репрессий 1937—1938 годов уровень боевой подготовки наших войск сильно упал. Глубоко занимавшийся изучением этого периода К. М. Симонов писал: «Мало того, что армия, начиная с полков, была в значи-

[1] Речь, видимо, идет об укрепленных районах вдоль прежней границы.

[2] Огонек, 1986, № 51, с. 28.

тельной мере обезглавлена, она была еще и разложена этими событиями. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок»[1].

Война с Финляндией показала слабые стороны Красной Армии. Это было видно как Гитлеру, так и Сталину. Однако первый из них раньше сделал для себя практические выводы.

После советско-финляндской войны, 8 мая 1940 года, К. Е. Ворошилова на посту наркома обороны сменил С. К. Тимошенко. В связи с этим была назначена комиссия ЦК ВКП(б) для проверки деятельности наркомата. Она заключила: «Наркомат отстает в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне. Твердо установившихся взглядов на использование танков, авиации и авиадесантов нет... Удельный вес механизированных войск является низким». Комиссия констатировала также падение дисциплины, случаи неповиновения командирам и дезертирства, общее ухудшение уровня профессиональной компетентности командного состава всех степеней[2].

Наркомату обороны удалось добиться у Сталина разрешения на частичный призыв в кадры армии полумиллиона запасных и на переброску в западные округа еще четырех армий. Однако Сталин категорически отказался дать согласие на приведение в боевую готовность войск приграничных округов. В таком сугубо ответственном деле ограничились полумерами. Подобное же произошло и с мобилизационным планом развертывания промышленности в военное время. К началу войны он так и не был утвержден. Особенно тяжелое положение сложилось с боеприпасами.

Мысленно продолжая разговор с авторами писем, хочу привести следующее высказывание маршала Г. К. Жукова:

«Говоря о предвоенном периоде и о том, что определило наши неудачи в начале войны, нельзя сводить все только к персональным ошибкам Сталина или в какой-то мере к персональным ошибкам Тимошенко и Жукова.

Все это так. Ошибки были.

Но надо помнить и некоторые объективные данные. Надо подумать и подсчитать, что представляли тогда собой мы и наша армия и Германия и ее армия. Насколько выше

[1] *Симонов К.* К биографии Г. К. Жукова.— Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988, с. 98.

[2] См.: *Анфилов В. А.* От отступления к победе.— Литературная газета, 1987, 17 июня.

был ее военный потенциал, уровень промышленности, уровень промышленной культуры, уровеиь общей подготовленности к войне...

Словом, иельзя забывать, что мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношеиии страной по сравнению с Германией...

Наконец, надо добавить, что Гитлер со дия своего прихода к власти абсолютно все подчинил интересам будущей войны, все строилось в расчете иа победу в этой войне, все делалось для этого, и только для этого. А мы такой позиции не заняли, остаиовились на полумерах. Сталкивались друг с другом интересы ведомств, шла бескоиечная торговля по каждому вопросу, связанному с вооружением армии и подготовкой к войие. Все это тоже надо класть на чашу весов, объясняя причины наших поражений и неудач первого года войны»[1].

При всем высочайшем авторитете маршала Г. К. Жукова ие могу считать все положения этого высказываиия полностью бесспорными.

События советско-германской войны показали, что СССР в экономическом, морально-политическом и военном отношениях обладал такой мощью, которая позволила ему даже в кризисных фронтовых ситуациях выдержать натиск, а затем и сокрушить агрессора. Мобилизация наших сил проходила в экстремальных условиях потери огромной территории, 70 миллионов человек, неисчислимых экономических ресурсов, в условиях трагических потрясений 1941—1942 годов.

Мы имели на подготовку к войне 20 лет, а Гитлер — девять. Экономика Германии оставалась капиталистической, поставить ее полностью в подчинение государству не удалось даже Гитлеру. И если бы подготовка нашей армии и страны к войне шла в соответствии с разработанной к середине 30-х годов под руководством М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других программой, то и события первого периода войны не получили бы такого драматического развития, как это произошло в действительности.

Таковы горькие страницы минувшего — и наступило время прочесть их не приукрашивая.

---

[1] *Симонов К.* К биографии Г. К. Жукова, с. 102—103.

ГОД 1941-й: ФРАГМЕНТЫ ИСТИНЫ

Тот страшный год во многом еще не освещен в исторических исследованиях. Выше я отметил общие причины драматического для нашей страны начального периода войны с фашистской Германией. Для размышлений о 1941-м я отобрал лишь ряд фрагментов из писем, авторы которых характеризуют причины трагического развития событий на первом этапе войны и меру ответственности в этом И. В. Сталина, затрагивают проблему народа, армии, полководцев, касаются и более частных вопросов: о судьбе первого состава командования войсками Западного фронта, возникновении призыва «За Родину, за Сталина!».

Итак, 22 июня 1941 года. Во-первых, запоздалые директивы о приведении войск западных приграничных округов в полную боевую готовность. Отсюда для них — оперативная и тактическая внезапность. Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствуют и участники событий с немецко-фашистской стороны, которых в данном случае никак не заподозришь в фальсификации. Так, командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Ганс Гудериан вспоминает: «...20 и 21 июня находился в передовых частях моих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками...

Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку?..»[1]

Во-вторых, роковые последствия имело то, что вражеская разведка (это при нашей-то сверхбдительности!) досконально вскрыла систему дислокации наших сил и средств, как и инфраструктуру их обеспечения, коммуникаций, связи и т. п., в приграничной зоне примерно на глубину 300 километров. Приведу лишь один пример. Советские ВВС в первый день войны потеряли около 1200 самолетов, главным образом новых конструкций, преимущественно на

---

[1] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 1954, с. 146—147.

аэродромах. Только Западный фронт лишился 738 самолетов [1].

В-третьих, ослабленне нашего сопротивления первым ударам врага повлек за собой и массовый отрыв от своих частей на учебные сборы артнллерийских, в том числе зенитных, средств.

В-четвертых, организацию прочной обороны затруднило совершенно недостаточное оперативное обустройство территории, вновь вошедшей в состав страны, где развернулись первые сражения.

В-пятых, существовал просчет И. В. Сталина в определении вероятного направления главного удара агрессора, чем была вызвана относительная слабость Западного фронта по сравнению с Юго-Западным.

Читатель В. Горбунов (г. Белгород) напоминает некоторые конкретные факты. 22 июня 1941 года в 00 часов 30 минут директива № 1 нз Москвы предупреждала командующих западными округамн о возможности внезапного нападения, но тут же указывала: «Нападение немцев может начаться с провокационных действий». Директнва № 2, переданная в 7 часов 15 мннут, когда противннк уже совершил вторжение, предписывала всеми силами обрушиться на врага. И опять оговорка: впредь до особого распоряження наземными войсками граннцу не переходнть, а удары авиацни наносить на глубину германской террнтории до 100—150 кнлометров [2].

В. Горбунов продолжает: «Сталин повинен в трагическнх неудачах 1941—1942 годов. Он сосредоточнл всю полноту власти в своих руках, ни к чьим мненням не прислушивался и допускал одну ошибку за другой. Отдельные примеры:

Сентябрь 1941 года. Сражение за Киев. Сталнн отклонил предложение об отводе войск ЮЗФ на подготовленный рубеж по р. Псёл. Результат: около 600 тысяч наших войск окружены.

Май 1942 года. Неудачное наступление на Харьков. Генерал А. М. Василевский дважды предлагал остановнть наступление. Сталин и Тнмошенко не согласились. Результат: окружение наших войск в Барвенковском выступе. В Харьковской наступательной операцин войска ЮЗФ и ЮФ поте-

---

[1] См.: Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия, с. 147.

[2] Прнводя фрагменты из пнсем, с которыми я в основном согласен, хочу отметить, что в них имеются некоторые фактические неточности.

ряли 229 тысяч человек, 5060 орудий и минометов, 775 танков»[1].

Справедливость требует сказать, что печальный итог Харьковской операции был обусловлен более глубокими причинами. Главная из них в том, что гитлеровское командование готовилось на юге к операции стратегического характера и стягивало сюда соответствующие резервы, в то время как наши войска Юго-Западного и Южного фронтов были готовы лишь к ограниченной операции оперативного масштаба.

Стоит напомнить, что не кто другой, как сам И. В. Сталин, вынужден был признать в своей речи сразу после окончания войны: «У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство...»[2]

Был ли Сталин великим полководцем? На этот вопрос поступило чрезвычайно много откликов. Читатель И. В. Горобец (г. Новочеркасск Ростовской обл.), отвергая мое мнение («великим полководцем я его не считаю»), пишет:

«А вот маршал А. М. Василевский написал свои воспоминания о войне уже в 1973 году, то есть после XX съезда КПСС. У него была большая возможность написать о Сталине и были, и небылицы, однако он написал: «И. В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, так как он был мастером политической стратегии, но и в оперативном искусстве... Полагаю, что И. В. Сталина, несомненно, можно отнести к разряду выдающихся полководцев»[3].

Б. А. Мараханов (г. Горький) в подтверждение аналогичной мысли также приводит высказывания маршала А. М. Василевского и пишет: «Не согласен я с Вами, Александр Михайлович, что война может быть выиграна без талантливых военачальников и полководцев». Читатель И. Т. Каплун (г. Брянск) не только оспаривает мой ответ, но и идет дальше: «Как может давать такую оценку ученый или историк от себя лично, который не управлял ни госу-

[1] В нашей открытой печати этих цифр я не нашел. По немецким, не вполне достоверным, источникам было взято в плен 240 тысяч человек, 2026 орудий и 1249 танков.— См.: *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956, с. 232.

[2] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947, с. 196—197.

[3] См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973, с. 127—128.

дарством, ни партней, ни войной, нн нндустрнализацней, ни коллективнзацией, нн дипломатней н т. д.».

По логнке этого высказываиия самостоятельные суждения об исторических лицах н событнях может нметь лншь руководитель самого высокого раига. Согласиться с этнм нельзя. Свободно выражать мыслн — неотъемлемое право каждого человека, даже если ои высказывает спорные суждеиия. В том чнсле н в оценке полководческих качеств Сталина.

И. Т. Каплун не одннок в этом заблужденнн. Об этом же заявляет группа ветераиов войиы и труда нз г. Фрязнно Московской области. Авторы пнсьма подробно прнводят высказывання о Сталие маршала Г. К. Жукова, цнтнруют некоторые документы, обосиовывая свое убежденне в том, что Сталин был великнм полководцем.

Но есть н другие высказываиия. А. П. Новоселов (г. Томск): «Сталии ие был великим полководцем. Я считаю, что из 20 миллиоиов, погибших в этой войие, 10 миллионов — по вине Сталииа»; В. В. Тарунтаев (г. Москва): «Надо прямо сказать, что всю войну он (Стални.— *А. С.*) путался под ногами воеиных и мешал».

Что хотелось бы ответить на это? Прежде всего виестн ясность в мое поимание ролн полководцев. Военная нстория всех времеи и народов достаточно убеднтельио говорит об их зиаченнн. Имена Алексаидра Македоиского, Наполеоиа, Суворова, Кутузова, другнх крупнейших полководцев, а также и меиее прославлениых внесеиы в летопись всемириой истории. Между тем ни Иваи Грозный, нн Петр Первый ие считаются великими полководцами, хотя, в отличие от Сталииа, прнннмали иепосредствениое участие в сраженнях.

В иитервью корреспонденту И. Лариной я лишь подчеркиул, что не отдельные выдающиеся деятели играют решающую роль в истории, а массы. Истнннымн творцамн нстории являются иароды. Победу в Великой Отечественной войие завоевалн мнллиоиы советских людей под руководством Коммуиистической партии. Напомннание об этом отнюдь не означает приннжения роли полководцев. Вообще ие следует противопоставлять эти понятия — народ н полководцы. Особеиио когда последиие самн вышлн из народа, приидлежат ему, служат его ннтересам.

Нельзя не сказать и о том, что мон оппоненты почему-то не различают гранн неоднозначных понятий: полководец, выдающийся полководец, велнкий полководец. Полководцев во второй мнровой войне было много, выдающнхся

гораздо меньше, великим я назвал только маршала Г. К. Жукова. Именно ему в Москве будет воздвигнут памятник.

В своих воспоминаниях маршалы Г. К. Жуков и А. М. Василевский положительно оценивают роль Сталина как Верховного Главнокомандующего. Однако при внимательном чтении их мемуаров находишь немало критических высказываний в отношении уровня сталинского руководства. Оба маршала пишут о просчетах и ошибках, допущенных Сталиным в канун войны и до осени 1942 года, прямо связывая их с нашими неудачами на фронтах [1].

Наиболее полно маршал Г. К. Жуков высказал свои взгляды на деятельность Сталина как Верховного Главнокомандующего в беседах с писателем К. М. Симоновым. Тогда маршал не был в такой мере связан с цензурными ограничениями. Приведу некоторые из этих высказываний.

«В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере — политике, и, чем в более прямое взаимодействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них» [2].

Думаю, Г. К. Жуков все же слишком сближает стратегию политическую со стратегией военной, которая, бесспорно, имеет ряд специфических особенностей. Отнюдь не случайно В. И. Ленин высоко ценил и внимательно изучал Клаузевица. К тому же спорен вопрос и о том, что Сталии был корифеем политической стратегии.

Что касается военно-стратегической деятельности Сталина, то можно напомнить его политические и военные просчеты в начале войны, потерю управления Ставкой осенью 1941 года на московском и ленинградском направлениях. Перед этим — просмотр поворота главного удара на юг; расформирование Центрального фронта, именно того, в полосе которого Гудериан прорвался к Киеву; уже упомянутая в письме В. Горбунова непоправимая ошибка на заключительном этапе сражения за Киев. Позже — просчет в определении направления главного удара врага летом

---

[1] См., например: *Жуков Г. К.* Воспомнианния н размышлеиния, т. 1, с. 320.

Чнтателям мемуаров нашнх прославленных маршалов хотелось бы напомннть о том, что самн Г. К. Жуков н А. М. Васнлевскнй в иемалой степенн былн воспнтаны обстановкой, созданной Сталиным. Они не знали практнчески иных методов руководства на высшем уровне, кроме культнвируемых Сталнным.

[2] Цнт. по: *Симонов К.* К биографии Г. К. Жукова, с. 118.

1942 года, обусловивший отход наших войск к Сталинграду. В ходе Сталинградской битвы — бессмысленная растрата отборных сил при безрезультатных попытках воссоединить фланги Сталинградского и Юго-Восточного фронтов, вместо того чтобы искать решение проблемы в ударе по румынским войскам на флангах сталинградской группировки врага.

Имелись просчеты стратегического масштаба и в некоторых последующих битвах. Все они были выиграны большой кровью и зачастую принесли отнюдь не такие потери врагу, о которых указывали сводки Информбюро.

В этой связи важно напомнить, что при В. И. Ленине, который далеко превосходил Сталина в области политической и военной стратегии, главное командование войсками Красной Армии поручалось крупным военным специалистам, какими, несомненно, были И. И. Вацетис и С. С. Каменев.

Однако продолжим характеристику, которую давал Сталину Г. К. Жуков.

«В вопросах оперативного искусства в начале войны он разбирался плохо. Ощущение, что он владеет оперативными вопросами, у меня лично начало складываться в последний период Сталинградской битвы, а ко времени Курской дуги уже можно было без преувеличения сказать, что он и в этих вопросах чувствует себя вполне уверенно.

Что касается вопросов тактики, строго говоря, он не разбирался в них до самого конца» [1].

«В начале войны — говоря так, я в этом смысле отмечаю как рубеж Сталинградскую битву — случалось, что, выслушивая доклады, он иногда делал замечания, свидетельствующие об элементарном непонимании обстановки и недостаточном знании военного дела» [2].

«Профессиональные военные знания у Сталина были недостаточными не только в начале войны, но и до самого ее конца. Однако в большинстве случаев ему нельзя было отказать ни в уме, ни в здравом смысле, ни в понимании обстановки. Анализируя историю войны, надо в каждом конкретном случае по справедливости разобраться в том, как это было. На его совести есть такие приказания и настояния, упорные, не взирая ни на какие возражения, которые плохо и вредно сказывались на деле. Но большинство его

---

[1] Цит. по: *Симонов К.* К биографии Г. К. Жукова, с. 118—119.
[2] Там же, с. 120.

приказаний и распоряжений были правильными и справедливыми»[1].

«В конце войны в нем как отрицательная черта заметна стала некоторая ревность. Стало чаще и яснее чувствоваться, что ему хочется, чтобы все победы и успехи были связаны с ним, и что он ревнует к высоким оценкам тех или иных действий тех или иных командующих. Я, например, остро почувствовал это на Параде Победы, когда меня приветствовали и кричали «Ура!». Ему это не понравилось: я видел, как у него ходят желваки»[2].

Вскоре маршал Г. К. Жуков был снят с должности заместителя министра и направлен командовать округом.

Высокие нравственные качества были чужды Сталину. После войны широкие репрессии вновь стали порочным методом его руководства. Великим человеком эпохи социализма он не был.

Острую реакцию читателей вызвало мое высказывание о лозунге военных лет «За Родину, за Сталина!». Типичен отклик В. И. Ищенко (г. Запорожье), ветерана войны: «Будучи политработником, а затем комбатом десантного батальона, я десятки раз с этим призывом поднимал людей в атаку навстречу смерти. Сто раз с этими словами мог быть убит».

Сомневаться в искренности этих слов нельзя. Однако, отвечая шоферу И. Е. Карасеву[3], я сказал, что на фронте не все и тогда обожествляли Сталина, многое здесь шло от пропаганды. Это тоже правда. Вот мнение читателя В. Е. Полещука (г. Ленинград): «Ваши оппоненты пишут, что в бой шли с именем Сталина. Мне довелось видеть атаки нашей пехоты. Кроме крика «Ура!» других слов не слыхал и сам не кричал. Не исключаю, что кое-где они имели место. Но эти возгласы сначала «отрабатывались» на учениях и тактических занятиях. Боевой клич с древности придавал смелость воинам и внушал страх врагу. Но, повторяю, в атаках обычно кричали «Ура!». А затем в обязательных политдонесениях по установленному шаблону «ура» отсутствовало. Его заменяли красивые слова о Родине и Сталине». «В момент атаки красивых слов не произносили и даже мать родную вспоминали лишь тогда, когда пуля или осколок обжигали тело...»

---

[1] *Симонов К.* К биографии Г. К. Жукова, с. 122.

[2] Институт истории СССР АН СССР. Документы и материалы. *Жуков Г. К.* Коротко о Сталине, л. 1—4. Рукопись передана из семьи маршала Г. К. Жукова. Подпись на ней отсутствует, но имеется правка рукой автора, что подтверждает ее подлинность.

[3] См. настоящее издание, с. 24—30.

Лучше всего от имени поэтов-фронтовиков сказал об этом Константин Симонов:

Но нам иа плечн взвалено,
На всех нас, без нзъятья,
— За Роднну, за Сталниа! —
Разъять иа два поиятья,

Измернть все, что пройдеио,
И нмя то открыто
Взять отодрать от Родниы
Везде, где зря прншито.

И этот труд ужасный
Проделает народ,
С душой прямой и ясной,
Сквозь все идя вперед! [1]

Непререкаемой остается истина: в трудные годы войны советские воины сражались и умирали за свободу и независимость Родины, за великое дело социализма. Что касается культа Сталина, то менялось отношение к нему, а не к народному подвигу тех лет. Мы горды нашим прошлым, а не его негативным опытом. После XX съезда КПСС каждый стал нравственно свободен пересмотреть свое отношение к культу личности и его внешним проявлениям. Для тех, кто совершил эту сложную перестройку, перестают быть духовными реликвиями и тысячи сочетаний имени Сталина с историей нашего народа. Включая н те из них, которые бытовали на фронте.

...Особого разговора заслуживает судьба первого состава командования Западного фронта.

История знает случаи, когда не без влияния пропагандистской конъюнктуры человека подчас осуждают и оправдывают неоднократно. Так происходило, например, с известным революционером-ленинцем, героем Октября Ф. Ф. Раскольниковым. В 1939 году он был объявлен изменником, предателем, посмертно реабилитирован 10 июля 1963 года решением пленума Верховного суда СССР. Однако 5 сентября 1965 года ответственный работник аппарата ЦК КПСС С. П. Трапезников, выступая на совещании заведующих кафедрами общественных наук московских вузов, вновь объявил Ф. Ф. Раскольникова предателем, троцкистом. Его имя стало запретным. Клевета вторично опровергнута совсем недавно.

Схожая судьба оказалась у Героя Советского Союза Д. Г. Павлова и другнх генералов первого состава командования Западного фронта. Широкий читатель знает о них лишь из отрывочных упоминаний в мемуарах военачальни-

[1] Дружба иародов, 1987, № 11, с. 169.

ков и в столь же глухих и неполных отдельных исторических работах.

Впервые относительно подробно о Д. Г. Павлове рассказал писатель И. Стаднюк в романе «Война». Но он устами персонажей романа сделал попытку обосновать версию о виновности Д. Г. Павлова и его соратников.

Свое несогласие с такой оценкой я высказал в двух статьях[1]. Последняя из них вызвала острую реакцию читателей. Писатель И. Стаднюк выступил с «Открытым письмом» на мое имя[2]. К сожалению, он уклонился от полемики по существу, отдавшись эмоциям уязвленного самолюбия. При этом ввел читателей в заблуждение, заявив, что в моей книге «Поражение вермахта под Москвой», выпущенной в 1981 году издательством «Московский рабочий», якобы содержится восхваление личности Сталина. Ничего подобного там нет, как и во всех моих публикациях после XX съезда КПСС.

В понимании судьбы Павлова есть две взаимоисключающие версии:

1) Павлов как командующий Западным фронтом в силу проявленной им безответственности и трусости был виновен в прорыве противником нашей обороны и возникновении трагической обстановки на фронте;

2) неполная боевая готовность войск Западного и других фронтов и, как следствие этого, неспособность их дать отпор агрессору уже в самом начале войны явились результатом главным образом ошибок и просчетов политического и военного руководства страны, прежде всего Сталина.

Нельзя забывать также о том, что Сталин допустил грубый просчет в определении направления главного удара агрессора. Он считал, что такой удар будет нанесен на Юго-Западном направлении. Только 27 июня, когда Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников проанализировал захваченные нашими войсками трофейные документы, свидетельствующие, что именно на Западном направлении действуют две из четырех танковых групп, ему удалось убедить Сталина в ошибочности его расчета[3].

[1] См.: История СССР, 1986, № 6, с. 67—70; см. настоящее издание, с. 24—30.

[2] См.: Социалистическая индустрия, 1987, 14 июня; настоящая книга, с. 259—264.

Свой ответ писателю И. Стаднюку на его «Открытое письмо» я направил в редакцию газеты «Социалистическая индустрия» 1 июля 1987 года, но он не был опубликован.

[3] См.: *Баграмян И. Х.* Великого народа сыновья. М., 1984, с. 177—178.

Из-за этого военно-стратегического просчета Сталина Западный фронт уступал по весьма важным позициям Юго-Западному и Южному фронтам, в частности по укомплектованности техникой танковых корпусов.

Рассуждения капитана В. Корнеева и полковника В. Филатова в газете «Красная звезда» (1987, 27 июня) об ответственности командира вообще и о том, что Павлов в условиях начавшегося вторжения должен был проявить «решительность и инициативу» (В. Филатов), откровенно антиисторичны. Они полностью игнорируют общую обстановку, в которой началась война. Изменить ее в первые же дни войны было невозможно не только для генерала Д. Г. Павлова, командования других фронтов, но и для страны в целом.

Потребовалось гораздо больше времени для нейтрализации последствий ошибок и просчетов Сталина, его ближайшего окружения, что было достигнуто ценой миллионов человеческих жизней. Что касается утраты командованием Западного фронта связи с войсками, то она была нарушена действиями противника. О реальном положении войск на фронте какое-то время не знали и в Ставке, и в Генеральном штабе Красной Армии.

На восьмой день войны Д. Г. Павлов был снят с поста командующего Западным фронтом. 4 июля он был арестован. Арестовали и генералов В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева, Н. А. Клыча, А. А. Коробкова. Все они были преданы суду. В процессе предварительного следствия Д. Г. Павлов и В. Е. Климовских обвинялись по статьям 81 — I «б» и 58 — II УК РСФСР, то есть в том, что являлись участниками антисоветского заговора, предали интересы Родины, нарушили присягу и нанесли ущерб боевой мощи Красной Армии.

На первых допросах Д. Г. Павлов (7 июля) и В. Е. Климовских (19 июля) виновными себя не признали и показали, что поражение войск фронта произошло по независящим от них причинам, злого умысла в их действиях не было. Так, на вопрос: «В чем ваша персональная вина в прорыве фронта?» — Павлов ответил: «Я предпринял все меры для того, чтобы предотвратить прорыв немецких войск. Виновным в создавшемся на фронте положении себя не считаю. Основной причиной всех бед считаю огромное превосходство танков противника, его новой материальной части и огромное превосходство авиации противника».

На последних допросах (9, 11 и 21 июля) Д. Г. Павлов признал, что он с 1937 года являлся участником военного

заговора и, мстя за разгром этого заговора, открыл фронт врагу.

22 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело Д. Г. Павлова и других генералов без участия прокурора, защиты и вызова свидетелей. На суде Д. Г. Павлов виновным в заговоре себя не признал и сказал, что его показания на последних допросах даны вынужденно, в невменяемом состоянии.

В последнем слове он заявил: «Прошу исключить из моих показаний вражескую деятельность, так как таковой я не занимался. Причиной поражения частей Западного фронта явилось то, что записано в моих показаниях от 7 июля».

Генерал В. Е. Климовских на суде признал себя виновным лишь в допущении ошибок в служебной деятельности, совершенных без злого умысла. И заявил, что участником заговора не был.

Генерал А. Т. Григорьев признал себя виновным в том, что после разрушения противником ряда узлов связи не сумел их восстановить, так как в его распоряжении не было частей. Последние не были своевременно отмобилизованы.

Генерал А. А. Коробков сказал, что не мог точно определить начало военных действий, а поражение его войск было обусловлено огромным превосходством противника в авиации и танках.

Военная коллегия на основании статей 193 — 17, пункт «б», и 193 — 20, пункт «б», приговорила к расстрелу с конфискацией имущества и лишением воинских званий: Героя Советского Союза генерала армии Павлова Дмитрия Григорьевича; начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских Владимира Ефимовича; начальника войск связи генерал-майора Григорьева Андрея Терентьевича; командующего 4-й армией генерал-майора Коробкова Александра Андреевича[1]. В приговоре говорилось: «Признаны виновными в том, что в начальный период военных действий проявили трусость, бездействие, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями фронта, чем дезорганизовали оборону страны и создали противнику возможность прорвать фронт Красной Армии на одном из главных направлений».

---

[1] Генерал-лейтенант артиллерии Н. А. Клыч также был приговорен к расстрелу, но затем был сослан на Колыму; умер в 1957 году.

Семьи осужденных были репрессированы. Любопытно, что среди читательских писем ко мне есть письмо Н. Даниловой из Москвы, переводчицы с киностудии «Мосфильм». Встретив упоминание имени генерал-майора В. Е. Климовских, она пишет: «Вместе с его женой Юлией Ипполитовной Климовских я была в саратовской тюрьме и затем в Карлаге. Оба их сына также были репрессированы и сосланы в ИТЛ. Хотелось бы узнать о дальнейшей судьбе Юлии Ипполитовны. Быть может, Вы что-либо знаете о ней? Я была свидетельницей ее страданий за судьбу мужа и сыновей. В Москве оставалась только ее старенькая мать, которая героически слала им посылки в лагеря».

Судьбе генерала Павлова посвящено также обширное письмо краеведа Г. В. Родченко из г. Слуцка Белорусской ССР, где он, в частности, пишет: «В Минске и сегодня живет дочь генерала Павлова — Ада. Окольным путем мне стало известно, что она недовольна неполной реабилитацией ее отца. Я ее полностью поддерживаю и хочу ей сказать: да, Ваш отец был храбрым генералом, но плохая ему досталась доля...»

Хочется привести и письмо вдовы генерала — Александры Федоровны Павловой, много сделавшей для посмертной реабилитации мужа. Оно датировано 20 апреля 1956 года и направлено в ЦК КПСС, на имя тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, «по вопросу о реабилитации кандидата в члены ЦК КПСС (с XVIII партсъезда) Павлова Д. Г.»:

«Я, Павлова Александра Федоровна, прошу разобрать дело моего мужа Павлова Дмитрия Григорьевича, 1897 г. рождения, из дер. Зонюх Кологривского района Костромской обл., члена КПСС с 1919 г., кандидата в члены ЦК КПСС (был избран XVIII партсъездом). Последнее место работы — Западный военный округ, должность — командующий, звание — генерал армии.

В самом начале Отечественной войны, 22 июля 1941 г., Павлов Д. Г. был осужден и расстрелян. Но я до сих пор глубоко верю в его невиновность. Основания к этому следующие:

С мужем, т. е. с Павловым Д. Г., я прожила 18 лет, и за этот период он ни разу себя ничем не скомпрометировал по работе, к которой относился с большой любовью и добросовестностью. Службу в рядах Советской Армии Павлов начал в 1919 г.

Вот его служебный путь (как помню):

1919 г.—	окончил пехотные курсы в Костроме. Служил в 8-й Червонной казачьей дивизии. Боролся против белополяков на Украинском фронте;
1922 г.—	боролся против банды белогвардейца Кайгородова. Окончил Высшую кавалерийскую школу в Омске;
1923—1925 гг.—	служил помкомполка в 6-й Алтайской кавалерийской бригаде. Боролся в Фергане по ликвидации банды Турдыбая, а на границе с Афганистаном — по ликвидации банды Ибрагим Бека;
1925—1928 гг.—	учился в Академии Генерального штаба им. Фрунзе в Москве;
1928—1930 гг.—	служил комполка в Читинской обл., участвовал в ликвидации конфликта на КВЖД. Награжден орденом Красного Знамени и именным оружием (маузер);
1930—1931 гг.—	учился на АКТУСе при Технической академии в Ленинграде;
1931—1934 гг.—	командовал 6-м мехполком. Награжден именными золотыми часами и пистолетом системы Коровина;
1936—1937 гг.—	находился на фронте в Испании. Присвоены звания Героя Советского Союза и комкора;
1937—1938 гг.—	зам. начальника Автобронетанкового управления в Москве;
1938—1940 гг.—	начальник Автобронетанкового управления. Участвовал в войне с Финляндией. Присвоено звание генерал-полковника танковых войск;
с 1940 г.—	назначен командующим войсками Западного округа (г. Минск). В 1941 г. присвоено звание генерала армии.

Таким образом, за время службы в рядах Советской Армии Павлов Д. Г. был награжден двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Ленина, медалями «Золотая Звезда» и «XX лет РККА» и вырос от курсанта пехотного училища до генерала армии.

Мог ли Павлов Д. Г., сын крестьянина-бедняка, прошедший такой большой путь, выполнявший не раз, рискуя жизнью, задания партии и правительства, совершить преступление, достойное расстрела? Не могло этого быть. В отсутствии ясности по делу Павлова Д. Г. меня убеждает тот факт, что мотивировка приговора менялась в зависимости от времени.

Например, в начале войны Павлов был объявлен врагом народа. Семью репрессировали — сослали в Красноярский край по статье 58 — I как иждивенцев изменника родины. Приходившие в тыл с фронтов раненые бойцы рассказывали, что по войскам были объявлены имена изменников родины, в том числе и Павлова Д. Г.

В 1952 г. дочь, окончившая институт, едет в Москву с надеждой что-то выяснить и добиться реабилитации семьи. На этот раз высказывания о Павлове ей встретились противоречивые. В юридической консультации юрист от официальной консультации (по вопросу о семье) отказался, но в неофициальной беседе сказал, что Павлов был осужден не как изменник, а потому, что так сложилась обстановка, а семье-де лучше обратиться к военному министру.

В приемной военного министра дочери Павловой А. Д. ответили: «Ваш отец осужден как враг народа. Так каким же образом можно ставить вопрос о реабилитации вашей матери? Все в рамках законности». Ну а в порядке сочувствия предложили обратиться в Верховный Совет СССР.

В Верховный Совет СССР я обратилась с письмом в 1954 г., то есть после разоблачения банды Берии. Главная военная прокуратура ответила, что Павлов Д. Г. был осужден в июле 1941 г. за совершение тяжких должностных и воинских преступлений, а не как враг народа. Ответ от 8 мая 1954 г.

9 ноября 1954 г. военный прокурор Московского военного округа ответил, что Павлов был осужден не как враг народа, а за служебные преступления, совершенные во время войны. (Семья признана невиновной и осужденной незаконно.) Так изменилась мотивировка приговора (хотя бы гласная), но все же Павлов обвинен как преступник.

Я считаю, что в обвинении Павлова и его уничтожении был кое-кто заинтересован. Возможно, Берия, и вот почему: Павлов Д. Г. выступал против арестов 1937—1938 гг.

В 1938 г. летом Павлов Д. Г., Аллилуев Павел Сергеевич (комиссар Автобронетанкового управления) и Кулик Г. И. (начальник арт. управления) подавали лично товарищу Сталину петицию с просьбой прекратить массовые аресты старых кадровых командиров. Из этих трех человек — не знаю, жив ли Кулик Г. И., а что касается Аллилуева, то он скоропостижно скончался в том же году, на другой день после приезда с курорта. Но о факте подачи петиции лично Сталину, вероятно, известно К. Е. Ворошилову. Я предполагаю это потому, что перед тем, как пойти к тов. Сталину, Аллилуев и Павлов ездили на дачу к К. Е. Ворошилову (лето 1938 г.).

Второй факт: в 1938 г., по словам мужа, товарищу Мерецкову угрожала неприятность. Тов. Сталин спрашивал мнение Павлова о Мерецкове. Павлов сказал, что очень хорошо его знает как смелого и преданного человека, особенно по войне в Испании.

То, что убрали Павлова Д. Г. в начале войны, было отрадно для врагов. Об этом свидетельствует следующий факт: когда семья была сослана в Красноярский край и проживала в поселке Тея Енисейского района, к нам пришла высланная туда же гражданка Постникова А. И. (1944 г.). Она очень удивилась, почему мы здесь (семья Павлова — и в таком же положении, как они). Постникова рассказала следующее: она — жительница г. Боровска, в период оккупации у них на квартире стояли немецкие офицеры. Так один из них похвалился, что русские никого не могут противопоставить генералу Гудериану. Был, дескать, у них генерал Павлов, да и этого убрали. Представьте, как тяжело было это слышать![1] Первое, что приходило на ум,— лучше бы Павлов погиб тогда, в начале войны, когда была сброшена на штаб округа бомба, наверняка предназначенная для него, пробившая воронку, которую я видела своими глазами, рядом с кабинетом Павлова в зале заседаний!

И наконец, как обстояло дело. Перед самой войной Павлову сообщили, что немцы готовятся к маневрам, и Павлов получил приказ тоже проводить маневры. Начало войны, состояние и соотношение сил известно Вам больше, чем мне. Павлову Верховное Командование не разрешило выезжать

[1] Очень вероятно, что немецкие офицеры могли знать Павлова по боям в Испании.

на линию фронта, а послали маршала Кулика Г. И., который попал в окружение.

2 июля Павлов был вызван в Москву. Был на приеме у Молотова В. М. Вернувшись с приема, муж сказал мне, что давал В. М. Молотову объяснение причин отступления после боя на Березине: сдерживать было нечем, подкрепления не предвиделось, оставаться — означало погубить всех людей и остатки техники. Затем муж сказал мне, что его направляют командовать танковыми войсками к Тимошенко С. К., а вопрос об отступлении разберут на бюро.

3 июля, собираясь на фронт, муж сказал: «Поеду бить Гудериана, он мне знаком по Испании». А на мой вопрос: «Положить ли тебе парадную форму?» — ответил: «Победим, приедешь в Берлин и привезешь!»

Всякий раз, до самой смерти, не могу без волнения вспоминать эти последние слова мужа.

На фронт Павлов Д. Г. выехал 3 июля в 9 часов утра в сопровождении полковника для поручений Яновицкого А. В. и шофера Науменко Н. по автостраде Москва — Минск, в сторону Смоленска. Больше от мужа я ничего не получала, никаких известий. Единственные вести-слухи дошли до меня, что якобы вслед за мужем была послана машина, чтобы его арестовать, а арестовывал кто-то из заместителей Берии (выходит, до Смоленска он не доехал). Кроме слухов меня тогда удивил еще факт: сопровождавший Павлова на фронт полковник Яновицкий написал мне открытку с просьбой ответить в Тамбов, до востребования. Это был тыл — и не госпиталь, а время — конец июля 1941 г. Вот и все.

15 лет прошло, как нет в живых Павлова. У меня осталась последняя надежда: смыть посмертно грязное пятно с имени честного человека и убрать тень с семьи. Еще раз прошу ЦК КПСС разобрать вопрос о реабилитации Павлова Д. Г.» [1].

Жалоба А. Ф. Павловой была рассмотрена. Каких-либо доказательств, подтверждающих преступления, за которые были осуждены Д. Г. Павлов, В. Е. Климовских, А. Т. Гри-

---

[1] Возможно, не все факты, изложенные в письме, точны. Так, И. Стаднюк утверждает, что Д. Г. Павлов вернулся на Западный фронт и был арестован там. Может быть, прав Стаднюк, ибо, по данным А. И. Еременко, принимавшего 30 июня 1941 года Западный фронт у Д. Г. Павлова, последний в тот же день уехал в Москву. По данным Главного управления кадров Министерства обороны СССР, Павлов был арестован 4 июля 1941 года. Это значит, что он мог вернуться в Смоленск и быть арестованным там.

горьев и А. А. Коробков, добыто не было. По заключению Генерального прокурора СССР 31 июля 1957 года приговор в отношении Д. Г. Павлова и других Военная коллегия Верховного суда отменила и дело прекратила за отсутствием состава преступления.

Хочу привести здесь выдержку из посмертно опубликованной статьи К. М. Симонова, где сказано следующее:

«Последним трагическим аккордом того отношения к кадрам, которое сложилось у Сталина до войны, были обвинения в измене и предательстве, выдвинутые им летом против командования Западным фронтом — Павлова, Климовских и ряда других генералов, среди которых, как потом выяснилось, были и люди, погибшие в первых боях, и люди, до конца непримиримо державшие себя в плену.

Труднее сказать, что двигало Сталиным, когда он объявлял этих людей изменниками и предателями: расчет отвести от себя и обрушить на их головы гнев и недоумение народа, не ожидавшего такого начала войны? Или действительные подозрения? Думается, и то и другое — и расчет, и подозрение, ибо ему уже давно было свойственно искать объяснения тех или иных неудач не в ошибках своих и чужих, а в измене, вредительстве и тому подобном» [1].

В народе говорят: время рассудит. Почти полвека прошло со дня гибели генерала Д. Г. Павлова. Правда и ложь, легенды и слухи, рассказы очевидцев и крупицы научных исследований — через все это проходим мы сегодня к истинному пониманию его личности. И понимание это дал в своем письме краевед Г. В. Родченко из г. Слуцка Белорусской ССР: «Д. Г. Павлов был храбрым генералом. Просчет его в том, что ошибся в направлении главного удара немцев: сильно укрепил барановичское направление и оголил левый фланг фронта... [2] Танкисты Павлова сражались отчаянно... Надо бы улицу в Москве назвать именем Павлова». От себя добавлю: не вина его — беда состояла в том, что из-за массовых репрессий среди высшего командного состава Красной Армии перед самой войной на их должности были назначены люди без достаточного военного опыта и знаний.

[1] *Симонов К.* Уроки истории и долг писателя.— Наука и жизнь, 1987, № 6, с. 46.

[2] Автор письма в данном случае противоречит сам себе, ибо брестско-барановичское направление как раз и находилось на левом (южном) фланге. При этом его укрепление было вполне оправдано, ибо здесь враг имел четырехкратное превосходство. Крайний правый (северный) фланг был действительно слаб (одна дивизия на 40 километров фронта), но обеспечение стыка было поручено соседу — 11-й армии Северо-Западного фронта.

К их числу принадлежал и генерал Павлов — человек исключительного личного мужества, храбрости, ответственности, но не подготовленный всем предыдущим опытом к командованию фронтом, тем более таким, каким стал в 1941 году Западный фронт.

Клевета в отношении Героя Советского Союза Д. Г. Павлова и других несправедливо осужденных генералов первого командования Западного фронта не должна распространяться ни прямо, ни косвенно. В том числе и в печати.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Анализируя события Великой Отечественной, читатели справедливо напоминают о том, с каким грозным и опасным врагом мы единоборствовали в минувшей войне. Они, бесспорно, правы. Фашистская Германия действительно обладала огромным военным потенциалом, а ее вермахт являлся самой мощной армией капиталистического мира.

Развязав вторую мировую войну, нацисты оккупировали Польшу, Бельгию, Голландию, Люксембург, вынудили капитулировать такую великую державу, как Франция. Фашистские самолеты обрушили безжалостные бомбовые удары на Лондон, Ливерпуль, Ковентри, другие английские города, угрожали вторжением своих войск на Британские острова через Ла-Манш. Почти вся континентальная Западная Европа оказалась под пятой агрессора.

Готовя агрессию против СССР, Гитлер на одном из совещаний с генералами вермахта заявил: «Нам недостаточно просто разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву, Кавказ. Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ».

22 июня 1941 года три мощные оперативно-стратегические группировки вермахта вторглись на территорию Советского Союза и развили наступление в северо-восточном, восточном и юго-восточном направлениях. К концу первой декады июля они продвинулись в глубь советской территории на 350—600 километров.

Конечно, эти дни не были сплошным триумфом врага. Советский народ по призыву Коммунистической партии поднялся на защиту своей свободы и независимости. К 1 июля в Красную Армию было призвано 5,3 миллиона человек. Войска в тяжелейших условиях самоотверженно со-

противлялись врагу. Упорные бои шли в Перемышльском и Рава-Русском укрепленных районах, под Владимиром-Волынским, Луцком, Бродами, Дубно, Ровно, Минском, Могилевом и на других рубежах. Брестская крепость в течение месяца оставалась непобежденной.

В летопись всемирной истории навсегда вошла героическая защита Киева, Одессы, Севастополя, Ленинграда. В тылу перестраивалась вся жизнь для обеспечения нужд фронта. Под руководством ЦК партии и Государственного Комитета Обороны проходила мобилизация сил и средств.

Однако 1941 год для судеб нашей Родины был годом безмерной трагедии. Наши войска отходили на восток. Многие дивизии, корпуса и армии попали в окружение, не всем удалось пробиться через линию фронта на соединение со своими. Тысячи воинов в тылу врага переходили к партизанским действиям. Сотни тысяч оказались в плену. На территории, захваченной противником летом и осенью 1941 года, до войны проживало около 42 процентов населения СССР. Неисчислимы были материальные потери.

Читатель В. А. Леонтьев (г. Химки Московской обл.), возражая против моего понимания объективных и субъективных причин развития событий, пишет: «К началу войны Германия в 2—3 раза превосходила нас как в экономической, так и в военной мощи. Это превосходство, помноженное на двухлетний опыт ведения войны с достаточно мощными Францией и Англией, было решающим в первый период войны». По мнению В. А. Леонтьева, мы были слабее противника и экономически, и в военном отношении, хотя в предвоенные годы народ воспитывался на доктрине «ответим на удар тройным ударом». Где же истина?

Далее В. А. Леонтьев пишет: «Если же говорить в целом о значении экономической мощи страны во время войны, то будет огромной несправедливостью замалчивать и не анализировать тот факт, что, несмотря на потерю ряда экономически важных районов, мы уже к 1943 году производили вооружений в 1,5—2 раза больше, чем Германия. Наша экономическая мощь была заложена в предвоенные 10—12 лет. Это доказывает превосходство нашей системы. Вот о чем надо говорить и писать! Вот в чем правда истории! И никто не сможет отрицать и замалчивать роли И. В. Сталина в этом! Вы же помните, что почти все операции, начиная со Сталинградской, проводились только тогда, когда было обе-

спечено полуторно-двойное превосходство в людях, боевой технике, боеприпасах... Всего этого у нас не было в 1941 году. Это тоже правда, и этой правде тоже надо смотреть прямо в глаза».

Со всем этим нельзя не согласиться. Но вдумчивый исследователь не может ограничиться констатацией этого очевидного факта. Он, видимо, задаст себе вопрос: почему всего этого у нас не было в 1941 году, а может, в какой-то степени что-то и было? А как оно использовалось: разумно ли, в соответствии ли с требованиями военной стратегии и оперативного искусства или, может быть, с недостаточной компетентностью?

Ведь вот, например, тоже общеизвестно, что мы имели по меньшей мере 10—15 лет, чтобы в мирной обстановке планомерно готовиться к отражению агрессии, так как справедливо считали, что она неизбежна. Правильно ли мы готовились? Достаточно ли целеустремленно происходило это в разные периоды?

И вот при анализе фактов мы убеждаемся, что действительно, до 1937 года подготовка в основном протекала в правильном русле. Мы первыми поняли необходимость массирования танков и первыми создали их крупные объединения в виде корпусов. Мы первыми занялись проблемой воздушного десантирования войск и достигли в этом ощутимых успехов. Наши ученые С. П. Королев, В. П. Глушко и их коллеги были пионерами в разработке реактивного оружия. Мы первыми создали воздушные армии и неплохие образцы боевых самолетов. Наша ствольная артиллерия была непревзойденной. Наши советские военные теоретики В. К. Триандафиллов, М. Н. Тухачевский и другие разработали теорию глубокой операции с использованием всех видов современной боевой техники.

Но я опять вынужден вернуться к 1937 году. Что же произошло тогда? Первый заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский был объявлен врагом народа, равно как семеро его соратников. Вот как о них писали: «Наймиты одного иностранного государства, подлейшие изменники родины, они имели задание от своих хозяев: всеми доступными способами подорвать мощь Рабоче-Крестьянской Красной Армии — любимого детища народов СССР, подорвать обороноспособность первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков, Путна — вот трижды презренные, ненавистные имена участни-

ков этого, ныне разгромленного, шпионского ядра фашистских разведчиков»[1].

Все, что Михаил Николаевич Тухачевский, этот гениальный человек, не побоюсь этого слова, задумал и со своими соратниками воплощал в жизнь, было объявлено вредительством. Танковые корпуса были расформированы. Из-за пустых споров некомпетентных людей, не желавших покинуть милое их сердцу кавалерийское седло, задерживались разработки и пуск в серию нашей первоклассной танковой техники (КВ и Т-34). Воздушно-десантное дело заглохло; один из его главных энтузиастов и теоретиков, П. И. Гроховский, был направлен на хозяйственную работу в Осоавиахим.

Конструкторы реактивной техники С. П. Королев и В. П. Глушко оказались на Колыме. Многие их коллеги погибли. Знатоки теории и практики боевого применения военно-воздушных сил Я. И. Алкснис и Я. В. Смушкевич были также репрессированы.

В результате этого всю отлаженную машину подготовки страны к обороне начало лихорадить.

После XX съезда КПСС мы, историки, занялись всей этой проблематикой. Но затем наступили годы застоя, механизм торможения научной мысли был включен, что называется, на полную мощь. С целью выведения из-под справедливой критики Сталина и его ближайшего окружения в тот период пошли на то, что фактически признали фашизм более эффективной системой руководства экономикой, чем социализм! В самом деле, гитлеровская клика за семь лет (с 1933 по 1939 год) сумела всесторонне подготовиться к войне, а нашей социалистической стране этого срока оказалось недостаточно, и это при тех колоссальных жертвах, которые принес наш народ, чтобы создать современную индустрию! Если наша экономика и наша система позволили стране в невероятно трудных условиях первых полутора лет войны организовать военное производство и превзойти в нем преуспевающего противника к 1943 году, то разве в предвоенные годы, когда уже гремели залпы второй мировой, целенаправленная мобилизация нашей экономики в интересах обороны не создала бы необходимого превосходства в силах и средствах над агрессором?

Вот почему я считаю, что трагедия 1941 года уходит корнями в трагедию 1937 года. Потеря бдительности перед лицом зримой агрессии — и преступное недоверие к своему народу...

---

[1] Передовая статья «Правды» за 11 июня 1937 года.

Конечно, недостаточно сформулировать все, что я сказал выше. Надо всесторонне обосновать это, опираясь на документы и объективный анализ. Но здесь вновь подчас вступает в действие механизм торможения. Он не полностью преодолен и сейчас. Лица, в той или иной степени наделенные властью, и ныне не допускают до конца правдивого освещения фактов истории, исходя из того, что история — касается ли это художественных произведений или научных исследований — способна воспитывать народ только на положительных фактах и явлениях.

Во всеобъемлющем масштабе история как раз и дает нам все то, что требуется для воспитания поколений на героическом прошлом. В смертельной схватке социализма и фашизма, несмотря на наши ошибки и просчеты, победу одержал советский народ. Это и раскрыто в нашей научной и художественной литературе. Но когда мы говорим не всю правду, о чем-то важном умалчиваем, недоговариваем, это подрывает веру в правдивость исторической науки, в правдивость художественных произведений. И получается в итоге совершенно обратный результат от установки на то, чтобы воспитывать людей только на положительных фактах... Воспитывает не просто история. Воспитывает **правда** истории.

Началась работа над десятитомной историей Великой Отечественной войны советского народа. Прекрасная возможность для того, чтобы, исходя из ленинского понимания правды истории, раскрыть все полностью, опираясь на документы. Есть ли полная уверенность, что это будет сделано? Откровенно говоря, пока такой уверенности нет. Все еще не опубликованы полностью те документы, которые необходимы исследователям. В данной книге у меня появилась возможность напечатать некоторые из них.

...К осени 1941 года единоборство СССР и фашистского рейха достигло критической точки. В начале октября, окружив наши армии в районе Вязьмы, гитлеровцы прорвались к советской столице. Началась великая битва под Москвой. 15 октября 1941 года ГКО принял решение об эвакуации столицы. Оно никогда не публиковалось полностью, привожу его:

«Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии, Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев...

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Со-

вета, также правительство во главе с заместителем Председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).

3. Немедленно эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в г. Арзамас.

4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить... произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)» [1].

До крайних мер (взрыва предприятий) дело не дошло. В Москве остались и Сталин, и оперативная группа Генштаба. К концу ноября — началу декабря героическим сопротивлением советских войск противник был остановлен в непосредственной близости от столицы. В жестоких боях в значительной мере была подорвана его мощь.

5—6 декабря 1941 года войска, защищавшие Москву, перешли в контрнаступление, переросшее затем в общее наступление. 38 дивизий врага были разгромлены. В битве под Москвой фашистская Германия потерпела первое крупное поражение во второй мировой войне.

Трудный путь к Победе только начинался. Тыл страны продолжал преодолевать суровые испытания. С марта 1942 года обозначился подъем уровня производства. Фронт получал больше различных видов вооружения, боеприпасов. Коммунистическая партия, опираясь на всемерную поддержку народа, мобилизовывала силы и средства для продолжения борьбы. Однако военно-политическое положение СССР оставалось сложным. Несмотря на создание антигитлеровской коалиции, Советский Союз вел вооруженную борьбу против фашистской Германии один на один. Советско-германский фронт оставался главным фронтом второй мировой войны. Под гнетом фашистской оккупации находились Прибалтийские республики, Белоруссия, Украина, ряд областей РСФСР, Ленинград оставался в тисках блокады. Многие тысячи ленинградцев гибли от голода, налетов вражеской авиации, артиллерийского обстрела. Немецко-фашистские войска находились в 150 километрах от Москвы.

Ранней весной 1942 года на фронте возникло относительное затишье. Обе стороны готовились к продолжению борьбы.

---

[1] Институт истории СССР АН СССР. Документы и материалы. Инв. № 91, л. 77.

После первой зимней кампании Генеральный штаб Красной Армии предложил на летнюю кампанию 1942 года план глубокой обороны, чтобы обескровить на ее рубежах врага, только после этого перейти к активным действиям. Сталин думал иначе. Он решил опередить Гитлера и развернуть наступательные операции под Ленинградом, на Украине, в Крыму. Это ошибочное решение, не учитывавшее недостаток резервов, усугубилось просчетом в определении направления главного удара противника. Ставка решила, что он будет нанесен на Западном направлении, то есть на Москву. Соответственно были дислоцированы и резервы.

Все это обернулось трагедией 2-й ударной армии в болотах под Новгородом, гибелью войск в Крыму, прорывом нашего фронта в районе Харькова. Главный удар противник нанес на юго-западе, в сотнях километров от советской столицы. Допущенные ошибки имели особенно тяжелые последствия для войск Юго-Западного и Южного фронтов. 7 июля они начали отступать. Часть из них попала в окружение.

Крупные группировки немецко-фашистских войск наступали на Кавказ и Сталинград. Страна вновь теряла обширные территории, людские ресурсы, материальные и культурные ценности. Численность населения на неоккупированной территории к концу 1942 года составляла 130 миллионов человек (против 194,1 миллиона в 1940 году).

17 июля началась Сталинградская битва. 24 июля пал Ростов — ворота Кавказа.

Сталинградская битва развертывалась в невероятно трудных и сложных условиях. В большой излучине Дона ряд дивизий оказался в окружении, тысячи солдат попали в плен. Но в стране мало кто знал, насколько велика опасность — строки официальных сообщений были скупы. А народ ждал правды. И она была сказана.

В приказе народного комиссара обороны Союза ССР № 227 от 28 июля 1942 года говорилось:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-

на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения, и что хлеба у нас всегда будет в избытке, этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам...

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории. Стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв...

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам, они напрягают последние силы; выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев,— это значит обеспечить за нами победу...

Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции, нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление

других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: ни шагу назад без приказа высшего командования. Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины. Таков призыв нашей Родины...

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины...

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный Комиссар Обороны Союза ССР И. Сталин».

Приказ до крайности суровый, но объяснимый в ту тяжелую пору. Крайнюю необходимость, а не жестокость увидели в нем войска действующей армии.

Теперь скажу подробнее о Сталинградской битве. Среди полученных мною писем есть и такие, в которых участники ее рассказывают о боях в большой излучине Дона в июле — августе 1942 года. М. И. Ржавский, гвардии капитан в отставке, описывает бои в окружении частей 33-й гвар-

дейской стрелковой дивизии. «Главные силы 84-го и 88-го гвардейских полков (более 3 тысяч человек) под общим командованием командира 84-го полка гвардии подполковника Барладяна Г. П., войдя в группу полковника Журавлева, с помощью 13-го танкового корпуса сумели с боями пробиться к Дону». В 84-м полку оставалось 700 человек, а в 88-м — 420.

Сталинградская битва — одна из крупнейших во второй мировой войне — закончилась 2 февраля 1943 года. В ходе ее были разгромлены пять армий фашистской Германии и ее союзников: две немецкие (6-я и 4-я танковая), две румынские (3-я и 4-я) и одна итальянская (8-я). За 200 дней в междуречье Волги и Дона противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 миллиона человек. Он лишился и огромного количества боевой техники. Сталинградская битва внесла решающий вклад в достижение коренного перелома в ходе Великой Отечественной и второй мировой войн. Красная Армия прочно овладела стратегической инициативой. Двигаясь от волжского рубежа на запад, советские войска уже не знали поражений.

В ходе победоносных сражений 1943—1945 годов из фашистского рабства были вызволены миллионы советских людей. Известия с фронтов сообщали о грандиозной Курской битве, завершившей коренной перелом в войне, о форсировании Днепра, о разгроме гитлеровских войск при освобождении Украины, Белоруссии, Молдавии, Советской Прибалтики. Продолжая наступление, Красная Армия оказала решающую помощь народам Европы в восстановлении их суверенитета и национальной независимости.

9 мая 1945 года в пригороде Берлина Карлсхорсте поверженный враг подписал акт о полной и безоговорочной капитуляции. Война в Европе закончилась великой Победой. Гитлеровский вермахт был полностью разгромлен. «Третий рейх» прекратил свое преступное существование.

Опыт минувшего многогранен. Изучая исторический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, исследователь обязан помнить, что ему предстоит раскрыть не только позитивное, но и негативное содержание событий.

Уровень советской военной науки и военного искусства на разных этапах, в разные периоды войны не мог быть однозначен. Высокой ценой нам пришлось заплатить за накопленный опыт.

Точны ли находящиеся ныне в обиходе цифры наших по-

терь в войне? Каковы они были в каждом сражении, битве? По данным официальных сводок немецкого командования, только в крупных «котлах» 1941 года в плен попало более 2 миллионов советских бойцов и офицеров. Логично предположить, что в пропагандистских целях эти цифры завышались. Но пока советские историки молчат по этому поводу, западным исследователям остается полагаться на немецкие данные. Восстановить правду надо и тут.

Неудачи и поражения первого периода войны действительно привели к массовому пленению советских воинов. Миллионы из них погибли в гитлеровских концлагерях. В советской печати, например, опубликована цифра: 3,9 миллиона советских военнопленных было уничтожено только на оккупированной советской территории[1]. На территории Польши, по уточненным данным, погибло 1,8 миллиона наших военнопленных[2]. Но ведь наши пленные погибали также в лагерях на территории самой Германии и оккупированных ею европейских стран. Немало советских воинов, выдержав все испытания фашистского плена, осталось в живых. Сколько же их было всего? Это предстоит выяснить.

А теперь — о судьбе выживших советских военнопленных. Все они, за небольшим исключением, по возвращении на Родину оказались под подозрением в измене, предательстве и т. п. Это явное следствие той атмосферы недоверия и подозрительности, которая царила в годы культа личности Сталина.

В самом деле, вот читатель бывший комбат А. А. Каменцев (г. Стрый Львовской обл.) прислал мне запавшие в его память фрагменты приказа НКО № 270 от 16 августа 1941 года. Среди них такие:

«1. Командиров и политработников... сдающихся в плен врагу — считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... 2. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи»[3].

Клеймо подозрений лежит и на пропавших без вести.

А ведь подавляющее большинство оказавшихся в окружении сдались в плен отнюдь не добровольно. В плену советские воины в своем подавляющем большинстве вели себя достойно, в нечеловеческих условиях оставаясь патриотами своей Родины. Безнравственно мнение, что каждый из миллионов военнопленных в безвыходной обстановке обязан был лишить себя жизни.

---

[1] См.: *Руденко Р.* Забвению не подлежит.— Правда, 1969, 24 марта.
[2] Московские новости, 1988, 17 апреля, № 16.
[3] См. сноску на с. 85.

В истории не было войн без убитых, изувеченных, военнопленных. Существует и международное право, охраняющее интересы военнопленных. И нам ли, самому гуманному государству в мире, даже десятилетия спустя после войны не признать прав человека, гражданина, ветерана, если он даже побывал в плену? Презумпция невиновности должна строго соблюдаться и в данном случае. А коль скоро речь идет о тех, кто, находясь в плену, пошел в услужение к фашистам, лишь суд может установить вину и покарать виновных.

Я считаю, что пропавшие без вести и бывшие военнопленные (разумеется, не сдавшиеся добровольно) должны быть восстановлены в правах участников войны. Живые и мертвые.

Ветеран 2-й ударной армии писатель Г. И. Геродник (г. Валга Эстонской ССР) рассказывает о Любанской операции под Новгородом, в ходе которой армия попала в окружение. «Но вот в июне 1942 года мы, оставшиеся в живых, с тяжелыми боями и огромными потерями вырвались из окружения. Дистрофики, израненные, обмороженные, с распухшими от длительного пребывания в болотах суставами... И начинается новая полоса испытаний. Нас именуют «окруженцами» и «власовцами». Таскают по допросам. Мы заполняем длинные анкеты. Мы попадаем в некую касту фронтовых париев. Незавидна участь и павших в боях наших однополчан, которых мы своими руками хоронили в братских могилах. Военкоматы и отделы собеса не распространяют на их семьи право пользоваться льготами, которые по закону полагаются вдовам, сиротам и родителям павших бойцов и офицеров Красной Армии».

Ветераны пишут о многих «белых пятнах» в истории войны: о белостокском «котле», окружении войск Юго-Западного фронта под Киевом в 1941 году, вяземском «котле», харьковском окружении 1942 года, о других драматических страницах истории. Свидетельства ветеранов помогают по крупицам раскрывать малоизученные события первого периода. Долг историков — тщательно изучить эти свидетельства.

Рассмотрим подробнее и вопрос о потерях. Прошли десятилетия после войны. Время, казалось бы, достаточное для объективного осмысления событий.

Широкое распространение имеет утверждение о том, что в 1941—1945 годах наши прямые потери составили не менее 20 миллионов человек. Это спорный вопрос. Есть основания полагать, что потери советского народа в войне были бо́льшими.

Эта проблема требует дальнейшего изучения. Ведь если в 1940 году население СССР составляло 194,1 миллиона человек, то к началу 1946 года — всего 167 миллионов. Получается, что при среднегодовом довоенном приросте к 1946 году у нас могло быть 213 миллионов человек. Следовательно, война обошлась для страны в 46 миллионов человеческих жизней [1].

Читатель Р. С. Гаухман, ветеран войны, почетный связист СССР, высказывает такие заслуживающие внимания соображения о наших и немецких потерях в войне: «Злодеяния фашистов на временно оккупированной территории СССР не ограничивались прямым убийством приблизительно 7 миллионов советских людей. Помимо естественной убыли, не менее 3 миллионов умерли из-за нарушения нормальных условий жизни: голода, холода, болезней при отсутствии медицинской помощи... Из 13,6 миллиона жизней советских людей воинов — 4,2 — это раненые, скончавшиеся в госпиталях (полевых, эвакуационных), это не менее 5 миллионов павших в боях, причем не менее 1 миллиона погибло на поле боя или умерло от ран в последний период войны, это свыше 4 миллионов загубленных в плену и пропавших без вести (в том числе умерших на поле боя из-за невозможности эвакуации)».

О вражеских потерях (вермахт, флот, авиация, войска СС) читатель пишет: «...потеряв безвозвратно одну треть из общего числа призванных в Германии 13,6 миллиона, гитлеровское командование уже не могло противопоставить войскам советских фронтов ничего, что могло бы предотвратить за четыре месяца 1945 года ускорение краха гитлеровской государственной и военной машины. А ведь к 4 миллионам погибших добавилось и 2 миллиона умерших в госпиталях».

Этим же вопросам посвящено письмо историка Р. А. Медведева (г. Москва): «У нас в исторической науке до сих пор нет исследований, посвященных понесенным страной потерям в людях. Когда-то давно была названа общая цифра в 20 миллионов человек, но не вполне ясно, из каких составных частей сложилась эта цифра. Сколько, например, убитых, раненых, пропавших без вести, оказавшихся в плену было у нас по годам — в 1941, 1942, 1943, 1944, 1945 годах?.. Нет точных данных и о числе советских людей, умерших на немецкой каторге. Неизвестно, сколько осталось в Европе

[1] См.: *Кузнецов Ф., Поляков Ю.* Минувшее: полная правда.— Литературная газета, 1987, 30 сентября.

«перемещенных лиц». А ведь это тоже для нас людские потери. Сколько погибло от немецких репрессий на оккупированных территориях, сколько умерло от голода, включая умерших в Ленинграде? Знать эту цену победы важно и для историков, и для всего народа. Эти данные лишний раз показывают и тяжесть войны, и героизм народа и армии, оказавшихся способными на столь большие жертвы».

Думается, что сегодня наша историческая наука еще не располагает данными, чтобы дать ответы на все эти справедливые вопросы. Вместе с тем ясно, что настало время для вдумчивого и всестороннего исследования вопроса о потерях в минувшей войне. Это, вне всякого сомнения, потребует доступа ученых к соответствующим архивным фондам.

Бесспорно, будут еще созданы многочисленные труды о Великой Отечественной войне, изданы сборники документов. Особенно недостает их по таким темам минувшей войны, как стратегическое руководство Вооруженными Силами (директивы Ставки и ГКО), оперативные решения командования фронтов, данные о наших потерях (раздельно по крупнейшим битвам), о количестве окруженных войск и т. д.

Сейчас по ряду проблем, как это ни парадоксально, наши знания о действиях немецко-фашистской стороны подчас более обширны, чем о своих собственных. О побежденном противнике мы знаем больше, чем о победителе. В уникальном двухтомнике В. Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма», вышедшем в 1973 году под моей редакцией, приведены почти все многочисленные документальные источники по стратегии германского империализма, включая, конечно, и цифры потерь вермахта в войне. К глубокому сожалению, пока нет подобного свода документов советской стороны, а сведения о наших потерях далеко не во всех случаях можно признать исчерпывающими. Эта приблизительность не приличествует победителям.

В ОСНОВЕ ПРАВДЫ — ЗНАНИЕ

Многие читатели, высказывая несогласие с моей критикой культа личности Сталина, утверждением, что Сталин не был великим полководцем, в обоснование своих суждений часто ссылаются на авторов военных мемуаров, в особенности на высказывания маршалов Г. К. Жукова и А. М. Василевского.

В связи с этим хочу пояснить, какую роль в исторической науке играют мемуары, какое место они занимают в изучении исторических событий.

Вот что пишет, например, читатель В. А. Леонтьев (г. Химки Московской области): «В 60—70-е годы были опубликованы воспоминания виднейших полководцев и государственных деятелей — Жукова, Василевского, Штеменко, Кузнецова, Яковлева, Воронова, Шахурина и других, в которых дан достаточно объективный, справедливый (и действительно правдивый) анализ всей государственной, военной, политической и дипломатической деятельности т. Сталина во время войны. Были отмечены заслуги т. Сталина, не обойдены молчанием его ошибки и просчеты. Их выводы были действительно правдивыми и документально достоверными. Вы же любите ссылаться на воспоминания этих людей, односторонне вырывая отдельные цитаты из их книг, и делаете противоположные выводы!»

Не буду опровергать это надуманное обвинение. Скажу прежде всего о главном: мемуары советских военачальников являются выдающимся вкладом в историографию войны. Огромна и их популярность в народе. Особой известностью пользуются мемуары Жукова и Василевского. В них немало сказано о И. В. Сталине, его авторитете политического руководителя СССР, председателя ГКО, Верховного Главнокомандующего и пр. Маршалы высоко оценивали Сталина как военного руководителя, но подчеркивали, что это произошло лишь после того, когда он изменил свой стиль единоличного управления вооруженной борьбой и стал прислушиваться к коллективному мнению.

Надо отметить и другое. Мемуарам как жанру исторической книги присуще личностное, субъективное, а нередко, в силу ограниченности опыта мемуариста, и одностороннее восприятие явлений и фактов прошлого. Изучать историю только по мемуарам нельзя. Это понимает, например, читатель Е. П. Шамонин. «Наша военная история,— пишет он,— смотрит в прошедшее через очки полководцев, а это, на мой взгляд, равносильно тому, если бы историю русской литературы написали по превосходным мемуарам Панаевой, Никитенко и т. д., не более того».

События прошлого воссоздаются на основе критического изучения различных источников: документов, свидетельств современников и пр. Историческая литература, включая и мемуары, является неотъемлемой частью ду-

ховного наследия поколений. Ее содержание неотрывно от конкретно-исторических условий существования общества, различных политических, идеологических и других факторов. Отсюда неоднозначность и сложность ее формирования, наличие в ней крупных достижений и серьезных недостатков. Это полностью относится и к мемуарам о Великой Отечественной войне. В послевоенное время (1964—1975 годы) я имел творческие контакты со многими ее авторами — маршалами Г. К. Жуковым, А. М. Василевским, И. Х. Баграмяном, А. И. Еременко, И. С. Коневым, К. К. Рокоссовским, адмиралом Н. Г. Кузнецовым, другими полководцами и флотоводцами, возглавляя академическую серию «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах».

О трудностях издания серии помню до сих пор. Так, сборник воспоминаний и документов «900 героических дней», посвященный обороне Ленинграда, длительное время задерживался и наконец был издан со значительными изъятиями. Воспоминания трижды Героя Социалистического Труда Б. Л. Ванникова «Записки наркома» были уже набраны в типографии, но так и не увидели свет. И лишь теперь, спустя два десятилетия, они опубликованы в журнале «Знамя». Всего же в серии издано около 40 мемуарных книг.

Встречи с выдающимися военачальниками позволяли услышать много нового о событиях кануна и начала войны. Такие встречи проходили и в Институте истории АН СССР с выступлениями маршалов Г. К. Жукова, С. К. Тимошенко, И. С. Конева, А. И. Еременко, Ф. И. Голикова, Главного маршала авиации А. А. Новикова и других.

6 мая 1969 года, например, на Ученом совете выступал Главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, который прошел войну с первого ее дня до последнего. Он говорил о причинах наших неудач. «Я — командир 5-й танковой дивизии, которая стояла на первой линии. И разве можно было так делать, зачем так близко около границы нужно было держать танковые дивизии, если мы не хотели наступать на противника? Ведь если мы хотели обороняться, то их надо было держать подальше от границы».

«Было пять округов, пять командующих. А что произошло? Все пять были сняты, все до одного! Это что — просчет? Или как это понять? Я понимаю, если один-два, а то все пять. Попов был снят, Кузнецов был снят, Павлов был предан суду и расстрелян, Кирпонос погиб, Черевн-

ченко, начав войну командующим округом, закончил войну командиром корпуса. Как это понять?

Вот, друзья мои, это история. Я не буду разбирать, почему так произошло, но это — факт.

Затем явились новые люди, с другой хваткой, с другим пониманием, которые знали, какая это война»[1].

Мемуары, как и в целом историческая литература, отражают время своего появления. Это относится и к самым выдающимся произведениям. Всемирно известные мемуары маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» отличаются глубиной анализа, богатством исторического содержания, документальностью, суровой правдивостью. Маршал рассказал о многом, но мог сказать больше. Когда появилось первое издание его книги, сверху уже направленно реанимировался культ личности Сталина, насаждался догматизм, приглушалась критика негативных явлений прошлого, возвеличивалась личность Л. И. Брежнева, чувствовались застойные явления во всех сферах жизни. В этот процесс вносили свою лепту историки, боязливые издательские редакторы, необъективные рецензенты, различных рангов консультанты. Мемуары, изданные в 1956—1964 годах, заметно отличались от мемуаров второй половины 60 — начала 80-х годов.

Положение Г. К. Жукова после войны было сложным. Завистники его полководческой славы под руководством Берии готовили над ним расправу. Он был направлен командующим военным округом в Одессу, затем Свердловск. Проводились аресты близких к нему офицеров. В 1953 году Г. К. Жуков возвратился в Москву, был назначен первым заместителем министра обороны, а в начале 1955 года — министром обороны. Но пробыл на этом посту недолго. Уже в октябре 1957 года его сняли с этой должности. И снова опала, обвинение в «бонапартизме». Так продолжалось почти десятилетие. Только 8 мая 1965 года имя Г. К. Жукова прозвучало на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов, а сам он под гром аплодисментов появился в президиуме. Но и после этого тень опалы продолжала висеть над ним. В 1967 году он тяжело заболел, силы его были надорваны. Такова обстановка, в которой маршал Г. К. Жуков создал свой замечательный труд. Неудивительно, что механизм морального и административного торможения заставлял его обходить молчани-

[1] Институт истории СССР АН СССР. Документы и материалы. Стенограмма заседания Ученого совета 6 мая 1969 года.

ем предвоенные и послевоенные репрессии среди командного состава Красной Армии, жестокие последствия приказа № 270 от 16 августа 1941 года, другие трудные вопросы. Не в полный голос мог он сказать об ошибках и просчетах И. В. Сталина.

Писатель В. В. Карпов, беседуя с журналистом В. М. Песковым о мемуарах Г. К. Жукова, отметил, что они «несут на себе печать времени, в котором они писались и издавались. Жуков был человеком прямым и честным. Но существовали редакторы, правщики, консультанты. Во всех мемуарах они свой след оставляли. Иногда это был след мужества, а иногда трусости» [1].

Вот один из примеров. В «Воспоминаниях и размышлениях» автор сдержанно пишет относительно ошибочного решения Ставки Верховного Главнокомандования от 5 января 1942 года о переходе наших войск в общее наступление на всех главных направлениях [2]. Между тем этот же вопрос в коллективном труде, вышедшем в 1966 году под моей редакцией, рассматривается им развернуто и бескомпромиссно:

«Фактическое развитие событий доказало ошибочность решения Верховного на переход в январе в наступление всеми фронтами. Было бы целесообразнее собрать больше сил на фронтах Западного направления (Северо-Западный, Калининский, Западный, Брянский фронты) и нанести сокрушительный удар по группе армий «Центр», разгромить ее и продвинуться на линию Старая Русса, Великие Луки, Витебск, Смоленск, Брянск, после чего можно было бы прочно закрепиться и готовить войска к летней кампании 1942 года.

Если бы девять армий резерва Ставки Верховного Главнокомандования не были разбросаны по всем фронтам, а были бы введены в дело на фронтах Западного направления, центральная группировка гитлеровских войск была бы разгромлена, что, несомненно, повлияло бы на дальнейший ход войны» [3].

Характерны и отдельные детали. В книге мемуаров описывается эпизод, когда Г. К. Жуков 18 апреля 1943 года прибыл на Северо-Кавказский фронт в расположение 18-й армии генерала К. Н. Леселидзе. Дальше сказано: «Мы хотели посоветоваться с начальником политотдела

[1] Комсомольская правда, 1986, 30 ноября.

[2] См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т. 2, с. 47—49.

[3] *Жуков Г. К.* Первое стратегическое поражение вермахта.— Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966, с. 54—55.

18-й армии Л. И. Брежневым, но он как раз находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои»[1]. Спорность этого эпизода очевидна, и придумал его не мемуарист.

Еще пример. Во втором издании воспоминаний автор сообщал о жертвах блокадного Ленинграда: «В страшную блокадную зиму 1941/42 года детально подсчитать умерших от голода было некому. Первой объявленной цифрой погибших было 632 тысячи человек. Но впоследствии советские историки уточнили эту цифру, что и нашло отражение в пятом томе «Очерков истории Ленинграда».

Вот что написано в этом авторитетном труде: «От налетов авиации и артиллерийских обстрелов погибло 16 467 ленинградцев и 33 782 человека получили ранения. Не менее *800 тысяч ленинградцев* (курсив мой.— *Г. Ж.*), погибших от голода и лишений,— таков итог вражеской блокады»[2].

В последующих изданиях, вышедших уже после смерти автора, это уточнение выпало. И цифры потерь стали называться прежние.

Советую также авторам писем обратиться к уникальной посмертной публикации писателя К. М. Симонова «К биографии Г. К. Жукова», которая была заказана ему Политиздатом и которая полностью включена в книгу «Маршал Жуков. Каким мы его помним» (книга вышла в 1988 году). Публикация Симонова позволяет полнее представить облик великого полководца и его понимание событий минувшей войны.

В научном архиве Института истории СССР АН СССР хранится машинописная рукопись маршала Г. К. Жукова, озаглавленная «Коротко о Сталине». Приведу из нее некоторые извлечения:

«Я старательно пытался досконально изучить Сталина. Но было очень трудно понять его. Он очень мало говорил и коротко формулировал свои мысли.

Мне казалось, что Сталин, будучи органически не связанным с народом и с его трудовой деятельностью, с его жизненными условиями, с думами и переживаниями, познавал жизнь народа по докладам членов Политбюро и Секретариата. Ну а так как Сталину обычно докладывались вопросы в несколько приукрашенном виде, естественно, он не знал истинного положения в стране, в глубинах жизни народа».

---

[1] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления, т. 2, с. 150.
[2] Там же, с. 430.

«В разгар войны, чувствуя свою слабость в организации операций, а также под влиянием крупных неудач на юге страны в 1942 г., Сталин предложил мне пост заместителя Верховного Главнокомандующего...

И надо сказать, что с этого момента Сталин почти не принимал решений по вопросам организации операций, не посоветовавшись со мной.

Почти всю войну я пользовался его расположением и доверием, и это помогало мне успешно осуществлять мероприятия по организации и проведению операций.

Под конец войны и даже после битвы на Курской дуге Сталин неплохо разбирался в военных вопросах.

Однако здесь я должен подчеркнуть то, что Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приемам: когда становилось известно о ходе начатой операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий и добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленными Генштабом, расспрашивал их о ходе операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный Главнокомандующий зорко стоит на своем посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией.

О таких звонках Верховного мы с А. М. Василевским узнавали только от командования фронтов, так как он действовал через нашу голову. А когда враг был изгнан из пределов нашей Родины и операции были перенесены на территории Польши, Восточной Пруссии, Чехословакии и Бессарабии, Сталин ликвидировал институт представителей Ставки Верховного Главнокомандования, которые в это время координировали действия группы фронтов, и приказал переключить управление всеми фронтами непосредственно в Ставку.

...Расчет был ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, т. е. повторить то, что сделал в 1813 году Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя Верховное командование, с тем чтобы прогарцевать на коне при въезде в Париж во главе доблестных войск, разгромивших армию Наполеона»[1].

[1] Институт истории СССР АН СССР. Документы и материалы. *Жуков Г. К.* Коротко о Сталине, л. 1—4.

О мемуарах маршала А. М. Василевского «Дело всей жизни». Этот замечательный труд обращен не только к широкому читателю, но важен и для научного изучения истории войны. Однако и в нем можно проследить «смягченный» анализ ошибок и просчетов, их пагубных последствий. Это видно, в частности, из освещения причин неполной готовности страны к обороне. О просчете в оценке времени фашистской агрессии автором сказано всего лишь несколько слов [1]. Позднее, отвечая на письма читателей, маршал уже прямо говорит о вине Сталина, не уловившего того предела, дальше которого его политика оттягивания сроков войны стала не только ненужной, но и опасной [2].

Думаю, что мемуары о Великой Отечественной войне станут объектом серьезных историографических исследований. Состоятся и научно выверенные переиздания мемуаров прославленных полководцев, что будет способствовать их долгой жизни в отечественной и мировой литературе. Неоспорим и их ценный вклад в изучение минувшего.

СОЦИАЛИЗМ И НРАВСТВЕННОСТЬ

Перестройка, набирающая темп во всех сферах нашей жизни, немыслима без борьбы за воспитание в каждом человеке высокой принципиальности, идейности, гражданской смелости — всего того, что мы включаем в понятие «социалистическая нравственность». Духовный потенциал советского народа, его нравственные истоки питали все революционные преобразования в нашей стране, особенно на крутых поворотах истории.

Ленинская теория и практика строительства социализма основывались и на нравственной основе, которая во многом была разрушена системой и беззакониями культа личности, волюнтаризмом и застойными явлениями периода 60—70-х годов. Этой системе, этим негативным явлениям партия объявила решительную борьбу.

Демократизация и гласность, гарантирующие необратимость происходящих сегодня процессов, делают людей раскованными, обнажают подлинное состояние общественной мысли, гражданских чувств. Впервые, наверное, за целые десятилетия так смело зазвучала мысль: «Все прогрессы

[1] *Василевский А. М.* Дело всей жизни, кн. 1, с. 114.
[2] См. там же. М., 1988, кн. 2, с. 292—296.

реакционны, если рушится человек»[1]. Сотни «почему», «как», «зачем», выдвинутые в адресованных мне письмах, задаются с гражданских позиций. Читатель выступает за правду не только ради чистого знания, желания докопаться до сути. Им движет и жажда справедливости, стремление к обновлению жизни. Только через поиск истины в настоящем и прошлом мы придем к действенности таких нравственных понятий, как совесть поколения, память народа, ответственность за будущее, тех понятий, которые многие годы затушевывались, размывались оторванными от жизни декларативными заявлениями, разрывом слова и дела.

В полный голос мы вновь заговорили о порядочности и честности, милосердии и жестокости, чувстве вины и терпении... Заговорили и в личном, самокритическом плане, и в общественном, глобальном масштабе. И это сочетание личного и общественного при рассмотрении нашей действительности — свидетельство нашего нравственного здоровья.

Почта, поступающая в мой адрес, показывает: многие, очень многие вопросы, волнующие людей, задаются на стыке проблем научных и нравственных. Вдумайтесь хотя бы в эти строки из писем читателей Г. Котовщикова, А. Маслова, А. Веденеева: «Почему замалчиваются имена Зиновьева, Каменева, Пятакова, Рыкова? За какие конкретно действия калмыки, чеченцы, ингуши и др. в годы Великой Отечественной войны были лишены автономии? Как случилось, что в 30-е годы и позже писали доносы друг на друга?»

Строки эти можно прочитать и услышать по-разному, на заданные вопросы можно и ответить по-разному. Можно расценить их как вопросы исторические, как частность, позволяющую понять общее. Но нравственная нагрузка этих вопросов не перевешивает ли познавательную? И ученые, в чьем поле зрения находятся сегодня эти проблемы, не могут решать их как чисто исторические: необходимо отыскивать и те истоки безнравственности, жестокости, равнодушия, которые породили все это. Без знания истоков трудно делать правильные выводы, трудно быть и в дальнейшем застрахованными от безнравственности, жестокости, равнодушия.

Но толчком к изучению любого явления должно быть стремление самого народа понять его. Вот почему письма читателей с многочисленными вопросительными знаками я расцениваю и как выражение накопившейся боли, сомнений, и как социальный заказ нам, ученым, помочь расшиф-

[1] Строки эти из поэмы А. Вознесенского «Оза» приводит в своем письме литератор Марк Ляндо.

ровать загадки минувшего. Самое худшее состояние общества — молчание. И в моей почте есть (пусть совсем немного) письма, в которых проходит и эта мысль. Авторы их, рассказывая, например, о массовых репрессиях, нарушениях законности в 30-е годы, пишут: «Мы, живущие... своим молчанием допустили эту трагедию» (Котина), «Все коммунисты моего поколения вместе со Сталиным повинны в этом» (Домбровский).

Сами авторы, не подозревая того, как бы ведут полемику между собой вокруг темы: нравственно или безнравственно даже лишь мысленное возвращение к прошлому, особенно к самым трудным его периодам? Вот как думает Г. В. Матвеец: не надо ворошить прошлое, русский народ не злопамятен. Показательно, что таких мнений совсем немного. Г. В. Матвеецу дружно отвечают десятки читателей: «Прошлое забывать нельзя. Да и забыть его невозможно. Как невозможно забыть отца и мать. Прошлое в нас самих. И от него никуда не уйдешь» (Воронов), «Зачем пишу?.. память сердца обязывает, ведь у нее нет срока давности» (В. А. Заворина)... А М. Т. Синигин как бы подводит итог этому спору: «Гуманный лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» должен касаться и этой скорбной стороны нашей истории». Неоспорим его аргумент: никто не должен быть забыт из громадной армии борцов и строителей советского общества.

Невозможно, конечно, даже бегло остановиться на всех письмах читателей, подымающих вопросы нравственности, ждущих ответа на них. Расскажу о некоторых.

Вот выдержки из трех разных писем:

«Все, что связано с именами Егорова, Тухачевского, Уборевича, Гая, Азина, было уничтожено и каленым железом выжжено из памяти людской» (Г. М. Коржавина, г. Тында Амурской обл.).

«Тимошенко и Жуков непродолжительное время занимали руководящие посты в Наркомате обороны, однако им ставится в вину наша неподготовленность к войне. А вот Ворошилов, занимавший пост наркома обороны 15 лет, никакой ответственности и вины не понес» (В. Ф. Гончаров, г. Уральск).

«Кто у нас знает о многолетней подготовке освоения целинных земель в Казахстане? А знают так: сначала все делал якобы по волшебной палочке Хрущев, а затем все приписали Брежневу. Между тем газета «Известия» за 19 октября 1941 года в числе других материалов сообщала: «В Москве введено осадное положение... Комиссия Академии наук СССР выехала в Казахстан для изучения

вопросов по освоению целинных и залежных земель» (П. А. Носырев).

Три автора затрагивают три разных периода нашей истории, говорят о разных людях, сыгравших определенную роль в жизни советского общества. Что же объединяет эти письма? Общая мысль, общая боль, единая нравственная линия. Да, наши ученые, историки часто бывали необъективны, тенденциозны, действовали в угоду сиюминутным интересам и целям. Часто не могли действовать иначе, не были к тому и готовы. Так было и во времена культа, так было и в годы застоя. В тени оставались десятки, сотни славных имен, неоправданно замалчивались заслуги одних героев, раздувались успехи других, по словам Лебедева, шло «забвение одних событий в угоду другим».

Процесс очищения коснулся, конечно, и этих сторон нашей действительности. С особой остротой встал вопрос об ответственности историков перед обществом. Надо полагать, что должны появиться новые — глубокие и правдивые, научные и художественные — издания об Уборевиче и Егорове, Тухачевском и Гае, будет исследована мера ответственности Ворошилова, вплоть до 1940 года занимавшего пост наркома обороны, Молотова, Маленкова, Кагановича, Берии, Ежова и других государственных и партийных деятелей предвоенного периода за просчеты и ошибки в подготовке страны к отпору агрессору. На основе научных исследований будет освещена многотрудная и многолетняя история освоения целинных и залежных земель. По-новому прочтем мы многие другие страницы жизни старших поколений. В готовящихся сегодня исторических трудах, документальных изданиях, газетных и журнальных публикациях читатель уже в недалеком будущем должен получить ответы на свои вопросы — и об оценке деятельности Хрущева и Брежнева, и о причинах, породивших годы застоя, вызвавших к жизни разного рода «микрокульты», безыдейность, коррупцию, стяжательство, хищения социалистической собственности, падение производственной и общественной дисциплины, другие негативные явления.

Уже сегодня можно утвердительно сказать читателю Гладкову: имена невинно репрессированных будут восстановлены, этим вплотную занимается партийная комиссия, созданная по решению Центрального Комитета партии. Будет решена проблема возвращения доброго имени тем, кто был угнан в Германию в годы Великой Отечественной вой-

ны, а по возвращении на Родину долгое время подвергался проверкам и перепроверкам, находился на подозрении. Эту тему подымает, в частности, читательница Р. Костюк. Другой мой корреспондент П. Г. Арьков пишет: «Нельзя было наводить открыто подозрение на всех» военнопленных. Да, историкам еще предстоит изучить и описать эту страницу Великой Отечественной войны.

Попутно напомню: в восемнадцатом году В. И. Ленин подписал постановление СНК, в котором говорилось, что главной задачей Русского Красного Креста является помощь военнопленным. А V Всероссийский съезд Советов, обращаясь к томящимся на чужбине военнопленным, заявил, что с нетерпением ждет их возвращения. В гражданскую войну красноармейцы, захваченные белыми в плен, после освобождения или побега тут же становились в строй. «Таким было ленинское понимание превратностей войны и солдатской чести». «Читатели считают, что, кроме памятника Неизвестному солдату, должен быть памятник без вести пропавшим и замученным в фашистской неволе, который хорошо бы воздвигнуть на народные деньги» [1].

Многие читатели вносят конкретные предложения или рассказывают о таких эпизодах своей жизни, которые вроде бы не имеют непосредственного отношения к моим публикациям 1987 года. Но это только на первый взгляд. Ибо как не согласиться с Дублинским, который предлагает «создать фонд «Наш долг» для захоронения солдат, павших в Карелии». Изучить такое предложение — прямой долг Всесоюзной организации ветеранов войны и труда.

Острую проблему ставит небольшое письмо Р. И. Рысухиной. Она рассказывает, что по злому навету была осуждена как враг народа. Человек, оклеветавший ее, до сих пор живет по соседству. «Должны ли быть наказаны клеветники? Как сделать, чтобы односельчане узнали правду?» — спрашивает Р. И. Рысухина. Конечно, и клеветники должны быть наказаны, и правда должна быть обнародована. Для этого и действуют органы правозащиты, Советы народных депутатов, партийные комитеты, пресса. Значит, надо обратиться в эти инстанции, рассказать о себе, привлечь к ответу клеветника.

О связи прошлого и настоящего пишет П. П. Лихачевский: «О вдовах практически забыли... Хотя бы раз, в День Победы, через военкоматы вспомнили о них — прислали хо-

---

[1] Белое и черное. Еще раз о культуре полемики.— Известия, 1988, 4 февраля.

тя бы по ситцевой косынке». Как ни горько, но это тоже наша действительность. Даже на переломном этапе перестройки, когда мы вслух высказываем и обсуждаем многое из вчерашней и сегодняшней жизни, мы еще часто действуем в отрыве от окружающего, конкретного. Иначе многое бы уже решили, в том числе и заботу о вдовах, вынесших и выстрадавших так много, и не только в военное лихолетье. И ведь спешить пора, не то и эта проблема с годами разрешится сама собой: просто не о ком будет заботиться. Останется лишь чувство вины на совести поколения, которое не выполнило свой долг перед вдовами погибших на войне.

Хочу выделить еще два письма, где затрагивается проблема «нравственность и молодежь». «Заграничные ярлыки на тряпках заняли ум подростков, лающая музыка. Не стало героических песен о делах нашей Родины... Сейчас и в 20 лет молодые не хотят служить в армии»,— пишет А. Д. Винникова. Другая женщина, О. Хашагульгова, делится своими наблюдениями: «Ведомо ли взрослым, как тяжело сказываются на формировании личности молодого человека не только их ошибки, сколько трусость и подлость?» Они разные, эти письма,— по тональности, по ви́дению проблемы. Если Винникова видит панацею от бед молодого поколения все в том же кнуте, к которому приучали, но так и не приучили народ за десятилетия («Эх, проснулся бы Сталин или воскрес как бог!»), то Хашагульгова пытается размышлять над этой проблемой. Она как бы нащупывает причины нравственного уродства некоторой части современной молодежи. У нее нет рецепта исцелений, но в поиске своем она на верном пути. С помощью широкой общественности, ученых, педагогов, психологов надо активнее вырабатывать противоядие от бездуховности, озлобленности, равнодушия. Рекомендации, конечно, полезны. Но главное все же в другом. Социальные недуги излечиваются обществом, если в его основе лежат интересы человека труда. Это в полной мере относится к советскому строю. Активное участие в творческой деятельности народа не оставит места для бездуховности.

Среди присланных мне писем есть и такие, авторы которых допускают оскорбления, развязность тона в разговоре о принципиально важных вопросах.

Читая подобные письма, невольно думаю: откуда эта нетерпимость, нежелание выслушать человека, думающего иначе, постараться понять его, еще и еще раз пересмотреть собственную аргументацию. Наверное, причин этому много. И одна из них, как представляется, названа читателем

В. В. Варгасом: «Сталин приучил всех к тому, что мы теперь не умеем воспринимать иное мнение и тем более иметь к нему элементарное уважение». Есть рациональное зерно и в суждениях И. М. Базулева: «Культуры нам ох как не хватает! И это тоже издержки культа... Слово «интеллигент» считалось оскорбительным...»

Один из читателей делает обобщение: «Сейчас, в период революционного обновления общества, в период демократизации, гласности, преодоления инертности и застоя, нельзя жить прежними мерками сглаживания и лакировки, замалчивания и искажения фактов. Отныне и навсегда должна торжествовать Правда». Как много в этих словах оптимизма и веры, столь нужных нам сегодня. И от нас зависит, чтобы так и было, чтобы всегда торжествовала Правда. И она будет торжествовать, если понятия чести, совести, долга займут подобающее место в духовной жизни общества, если ими будет руководствоваться каждый, кто искренне работает на перестройку.

Предстоящая эпоха, по меньшей мере ее обозримый период, должна, по нашему мнению, стать временем высокой нравственности и культуры, прежде всего гуманитарной, в том числе политической. Если этого не произойдет, то человечество вообще потеряет будущее. Технический прогресс без роста человеческой духовности уничтожит не только природу, но душу самого человека.

Мы должны наполнить подлинным смыслом знаменитые слова «Человек — это звучит гордо». Мы — это советское общество. Каждый из нас еще больше, чем когда-либо в прошлом, обязан поставить в центр внимания проблемы нравственности. Вновь подчеркну: идущий колоссальными темпами научно-технический прогресс без высоких моральных начал у людей губителен и самоубийствен.

Наша собственная история учит этому лучше и полнее всего другого. Все то, что написано в этой книге, все эти письма представляют собой документы эпохи. Они написаны кровью и слезами, но и с верой в будущее нашей Родины. Они свидетельствуют, что именно происходит, когда нарушается социалистическая нравственность. Такие нарушения означают попрание общечеловеческих законов и норм морали. Мы сейчас извлекаем из этого громадной важности уроки на будущее.

Наша философия нового мышления аккумулировала весь доселе накопленный опыт политики и морали. И вместе с тем учитывает те новые закономерности, которые вызваны развитием современной технологии, особенно средств

войны. Если она разразится, то человечество погибнет. Это сегодня предельно ясно. Но такая же судьба подстерегает человечество в том случае, если деградирует духовное начало, окажется погребенным под натиском безверия. Спасти нас может лишь вера в высшие ценности человечества, ценности социализма. И нужны активные усилия по их воплощению в жизнь.

Разговор с читателями о социализме и нравственности не рассматривает здесь проблему в целом. Этот разговор ограничен вопросами деформации социализма, негативными процессами, обнажает все, что мешает развитию нашего общества. «Великие победы и горькие неудачи принадлежат всем нам»[1].

Перед советским народом Коммунистическая партия поставила новую грандиозную цель. «Мы хотим превратить нашу страну в образец высокоразвитого государства, в общество самой передовой экономики, самой широкой демократии, самой гуманной и высокой нравственности, где трудящийся человек чувствовал бы себя полноправным хозяином, мог пользоваться всеми благами материальной и духовной культуры, где надежно будущее его детей, где он располагал бы всем, что нужно для полнокровной, содержательной жизни»[2].

Этими словами и хочется закончить книгу.

Март 1987 г.— май 1988 г.

---

[1] История и нравственность. Для чего мы обращаемся к прошлому.— Правда, 1988, 28 января.

[2] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1987, т. 4, с. 354.

СОДЕРЖАНИЕ